

Доктор химических наук Лев Александрович Федоров — автор более 300 научных работ. После окончания Костромского военно-химического училища (1956) служил в войсках, в том числе ракетных. После окончания химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1964) работал в Академии наук СССР/России. В 1992 г. как соавтор статьи «Отравленная политика», опубликованной в «Московских новостях», оказался одним из фигурантов шумного дела против «разгласителей государственной тайны», закрытого из-за отсутствия состава преступления. Создатель (1993) и бессменный президент Союза «За химическую безопасность», который занимается экологическими последствиями загрязнения природной среды пестицидами, диоксинами, соединениями тяжелых металлов, другими химическими агентами, а также последствиями разработки и создания химического, ракетного и биологического оружия.

Л.А. Федоров — автор монографий «Диоксины как экологическая опасность: ретроспектива и перспективы» (1993), «Химическое оружие в России: история, экология и политика» (1994), «Необъявленная химическая война в России: политика против экологии» (1995), «Пестициды — токсический удар по биосфере и человеку» (1999, соавт. А.В. Яблоков), «Советское биологическое оружие: история, экология, политика» (2006) и популярных книг среди которых календарь-справочник «Ни дня без химии» (1999), «Тропой сталкера (военно-химический детектив)» (2001), «Москва-Кузьминки (военно-химическая оперетта)» (2002), «Где в России искать закопанное химическое оружие? (химическое разоружение по-русски)» (2002).

Л.А.ФЕДОРОВ | ХИМИЧЕСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ — ВОЙНА С СОБСТВЕННЫМ НАРОДОМ | II

Л.А.ФЕДОРОВ

ХИМИЧЕСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ — ВОЙНА С СОБСТВЕННЫМ НАРОДОМ

ТРАГИЧЕСКИЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

ТОМ II

Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»
Союз «За химическую безопасность»

Л.А. ФЕДОРОВ

ХИМИЧЕСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ — ВОЙНА С СОБСТВЕННЫМ НАРОДОМ

(ТРАГИЧЕСКИЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

В трёх томах

Том II

ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ

МОСКВА
2009

УДК 623.459
ББК 35
Ф33

Рецензенты: проф. Булатов В.И., доктор географических наук (Югорский государственный университет),
доц. Комогорцева Л.К., кандидат химических наук (Брянская областная Дума).

Ф33 **Федоров Л.А.**
Химическое вооружение — война с собственным народом (трагический российский опыт). Том 2. Военно-химический архипелаг. — М.: Лесная страна, 2009. — 240 с.

ISBN 978-5-91505-014-2 (т. 2)
ISBN 978-5-91505-012-8

В книге на основе архивных данных впервые обобщены материалы о создании в Советском Союзе химического оружия против людей, растительности и животных и об истории масштабной и тайной подготовки Советского Союза к наступательной химической войне против неизвестного противника. Описаны трагические моменты истории образовавшегося в стране могучего военно-химического комплекса.

Книга предназначена для специалистов и руководителей в сферах химической, медицинской, военной и биологической безопасности, разоружения, экологических активистов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории России и химической безопасности.

Книга печатается в авторской редакции
Таблиц — 46, рисунков — 8, библиография — 1057 названий.

УДК 623.459
ББК 35

ISBN 978-5-91505-014-2 (т. 2)
ISBN 978-5-91505-012-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ, ВВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. ДОЛГИЙ ПУТЬ К ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ................................ ТОМ I.

ГЛАВА 1. ХИМИЯ КАК ОРУЖИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

Первая мировая. Химическое наследие Российской империи. После большевистского переворота 1917 года. Красной отравой — по врагам советской власти. Военная химия страны советов и кухарок. Начиналось с великого химика Ипатьева. Военная химия в контексте первых пятилеток. Дом, который построил Фишман.

ГЛАВА 2. ЗАРУБЕЖНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Советские разведчики за работой. Большая германская химия. Боевая дружба с предшественниками Гитлера. Попытка военной дружбы с Муссолини. Другие страны.

ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ ИНДУСТРИИ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Становление промышленности азота и хлора. Серная независимость. Битва за мышьяк. Общая инфраструктура химической войны. Предвоенная советская индустрия отравы. Цена химизации страны.

ГЛАВА 4. ПОРТРЕТ БОЕВОЙ ОТРАВЫ

Отрава — это так соблазнительно. Несмертельные ОВ начинались с Уборевича. Снотворное для врагов советской власти. Токсины стартовали с ботулизма. Отрава против вражеских растений. Первое поколение смертельных нестойких ОВ . Первое поколение смертельных стойких ОВ. Второе поколение смертельных ОВ (ФОВ). ОВ и XX век.

ГЛАВА 5. ПРЕДВОЕННОЕ СОВЕТСКОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Системы химической войны. Артиллеристы, Сталин дал приказ. Химический портрет сухопутных войск. Никому не ведомые химические войска. Химия пошла на взлет.

ГЛАВА 6. БОЛЬШАЯ ВОЙНА

К бою с империалистами готовы. Зимняя война и другие события 1938–1940 гг. Великая Отечественная. Военно-химические достижения. Будни индустрии химического нападения. Химические трофеи большой войны.

ГЛАВА 7. БОЕВАЯ ХИМИЯ ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ
Холодная война с химическим уклоном. От зарина до зомана. Химическая война против растений и животных. К тотальной химической войне. Торжество военно-химического комплекса. Неизбежная агония.

ГЛАВА 8. ЗАКАТ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
Сколько наготовили отравы. Боеприпасы. Советское — значит отличное. Жизнь в стеклянном доме (А где безопасность?). Интриги вместо химического разоружения. Трудное начало ликвидации отравы.

ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ .... ТОМ II. 1

СОДЕРЖАНИЕ 3

РАЗДЕЛ II. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ 7

ГЛАВА 9. «НАУКА» ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 10
9.1. Академик Ипатьев и его эпоха 11
9.2. «Фосген» от Шустова 14
9.3. Цивильный флагман ГСНИИОХТ 17
9.4. Зарин от Академии наук 20
9.5. Прикладники военно-химического пошиба 23

ГЛАВА 10. ИНДУСТРИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 28
10.1. Расцвет промышленности отравы 28
10.2. Чапаевск на Моче 31
10.3. Дзержинск на Оке 35
10.4. Сталинград на Волге 42
10.5. Серебряный век Сталинграда (ФОВ) 45
10.6. Новочебоксарск на Волге (ФОВ) 49
10.7. ГСНИИОХТ. Продолжение 52
10.8. Москва, Подмосковье, далее везде 55

ГЛАВА 11. ХИМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ 63
11.1. Военная составляющая ВХК 63
11.2. Искатели отравы 64
11.3. ИХО — флагман химической войны 65
11.4. Военные лагеря 69
11.5. Транспорт 79

ГЛАВА 12. ИСПЫТАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ 83
12.1. Полигоны 83
12.2. Военно-химический полигон «Кузьминки» 85

12.3. Военно-химический полигон «Шиханы» ... 96
12.4. Военно-химический полигон «Фролищи» ... 103
12.5. Другие испытательные полигоны ... 105
12.6. Большие авиахимические испытания ... 110
12.7. Внеполигонные испытания ... 113

ГЛАВА 13. ХРАНЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ... 116
13.1. Складская система ... 116
13.2. Головной химический склад Москва-Очаково ... 122
13.3. Другие специальные химические склады ... 127
13.4. Будни складской жизни ... 133
13.5. Безопасность ... 142

ГЛАВА 14. СЕКРЕТНАЯ МЕДИЦИНА ... 148
14.1. Медицина и власть ... 148
14.2. Безопасность: проекты, производства, граждане ... 152
14.3. Муки рождения гигиенических стандартов ... 158
14.4. Тайная медицинская палата № 13 ... 163
14.5. Малые дозы большой отравы ... 168

ГЛАВА 15. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЛЮДИ (МЕНГЕЛЕ ОТДЫХАЕТ) ... 173
15.1. Советский «гуманизм» — вид сверху ... 173
15.2. Люди-нюхачи ОВ ... 184
15.3. Иприт и люди ... 191
15.4. Опыты на людях после их «запрета» ... 195
15.5. Война и после ... 201
15.6. Чекисты на «химии» ... 205

ГЛАВА 16. ХИМИЧЕСКАЯ ЗОНА ... 207
16.1. Великая тайна ... 207
16.2. Большая Зона ... 219
16.3. Их вырастил Сталин на верность... ... 230
16.4. Широкая советская «общественность» ... 236

РАЗДЕЛ III. ЭКОЛОГИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ... ТОМ III

ГЛАВА 17. ЭКОЛОГИЯ ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
Государственный химический терроризм. Беззащитные рабочие (любовь к Родине без взаимности). Химическая каторга в Чапаевске. На «химии» в Дзержинске. Сталинградская «битва». Отрава в Москве и на других заводах. Мясорубка Чувашии. Боевые гербициды в Уфе. Мертвые и живые.

ГЛАВА 18. ИНДУСТРИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА
Судьба ОВ в природе. Индустрия травит жителей. Атмосфера. Пожар «Чувашия-1974». Воды и почвы: от Москвы до самых до окраин. Химические заводы Дзержинска: воды и почвы. Химический завод в Сталинграде: воды и почвы. Чапаевск и Новочебоксарск: воды и почвы. Дети: от чапаевского синдрома до чувашского. Диоксиновый фронт в Уфе и в стране.

ГЛАВА 19. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ
Существовала ли в армии химическая защита? Военные институты, лаборатории, полигоны. Склады. Отравления в войсках. Отрава на путях-дорогах. Армия стреляет по своим. Масштабы беды (лагеря, полигоны, стрельбища). Чекисты-террористы.

ГЛАВА 20. РЕЦИДИВ ГОСХИМТЕРРОРИЗМА (ДУБРОВКА-2002)
Химическим терроризмом — по террористам. За успешное отравление невинных — звание Героя. Несмертельный убийца. Юридическое послевкусие.

ГЛАВА 21. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1937-ОЙ
Не ждали? Кузьминки-1937: между трагедией и фарсом. Ренессанс после спектакля Кузьминки-1937. Окончание спектакля

ГЛАВА 22. ОПЫТ УНИЧТОЖЕНИЯ НЕНУЖНОЙ ОТРАВЫ
Когда химическое оружие ликвидировали. Советские правила расставания с отравой. Поиски решения. Сжигание. Упрятывание на суше. Затопление на море

ГЛАВА 23. ПРОКЛЯТОЕ СОВЕТСКОЕ ХИМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Несовместимость ВПК и экологии. Химический следопыт Ворошилов. Удобно закопать там, где хранишь. Лагеря и полигоны — на закапывании химоружия. Клим Ворошилов не справился. Мы принимаем бой. Поддержит ли Гаага?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».
В.И. Тредиаковский, «Тилемахида», кн.XVIII, ст.514.

II. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ АРХИПЕЛАГ

Известно, что генерал Дуайт Эйзенхауэр, покидая пост президента США, в прощальном послании к нации (это случилось 17 января 1969 г.) сильно изумил своих сограждан, известив об опасности «для самой структуры нашего общества» влияния всемогущего ВПК (военно-промышленного комплекса), который фактически проник во все поры страны.

Постараемся рассмотреть эту сторону жизни современного индустриального государства, только применительно не к США, а к стране «победившего социализма», руководство которой никогда не стремилось рассказывать своим гражданам, как под видом строительства и защиты развитого социализма шло откровенное растаскивание национальных богатств на подготовку к абсолютно ненужным войнам. После того как Советский Союз рассыпался, оказалось, что оставшаяся территория покрыта многочисленными военными комплексами, скрытыми не только и не столько от вражеского глаза, сколько от общества, взрастившего их и ими же обкраденного. При советской власти комплексы эти практически необратимо деформировали экономику и всю жизнь страны. Да и в наши дни их никак не удается приспособить к ее нуждам.

Особенно известен ***военно-ядерный комплекс.*** *Обсуждая его, необходимо не только не забывать о его экстерриториальности и ястребином нраве его шефов — от Л.П.Берии до всех последующих. Важно также иметь в виду, что даже атомные электростанции — «мирные» отходы военно-ядерного комплекса, созданные будто бы исключительно для нужд простого советского человека, — нормальными и безопасными не были никогда. И будут ли?*

Существовало и немало других «комплексов», меньше всего заботившихся о нуждах граждан своей страны. Необходимо помнить, что это ***военно-авиационный комплекс*** *виновен в том, что наша страна и поныне имеет проблемы с качественной гражданской авиацией и не располагает парком абсолютно надежных самолетов нового тысячелетия гражданского назначения. А* ***военно-судостроительный комплекс*** *так перестарался на ниве дорогостоящих надводных и подводных крейсеров и прочих не всегда нужных судов, что страна до сих пор не имеет нормального гражданского судостроения. Да и* ***военно-радиокомплекс*** *под аккомпанемент разговоров о выпуске телевизоров и видеомагнитофонов для народа занимался исключительно электроникой для обеспечения военной техники и законсервировал отставание страны в электронике на десятки лет, если не навсегда. Не будет лишним напомнить, что именно из-за более известного* ***военно-космического комплекса*** *жители некоторых регионов страны боялись, что на них рухнет обломок пролетающей не очень мирной ракеты. И не будем забывать, что майор Ю.А.Гагарин вернулся из космоса первым космонавтом планеты, тогда как старший лейтенант Ю.А.Гагарин готовился туда для проверки возможности десантирования на территорию вероятного противника из космоса с помощью парашютной системы.*

Был у нас и советский ***военно-биологический комплекс*** *(ВБК), создавший свой собственный архипелаг. Именно этот комплекс при создании все новых и новых образцов биологического оружия загубил жизни немалого числа людей, а заодно так деформировал медицинскую индустрию Страны Советов, что она и после кончины ВБК по-прежнему вынуждена импортировать наиболее качественные лекарства, антибиотики и витамины*[54].

Обратимся, однако, к комплексу с химическим уклоном — одному из самых древних и наименее известных обществу[1,12,44]*. Начиная с 20-х гг., всеми работами по созданию, испытанию, производству, накоплению и использованию химору-*

жия занималась устойчивая, замкнутая и чрезвычайно скрытая от общества система организаций, сложившаяся в секретный ***военно-химический комплекс*** *(ВХК). Не известный нашему обществу ВХК объединял три мощнейшие силы. Во-первых, это Красная/Советская Армия, которая управляла созданием всех видов химоружия и размещала заказы на него. Во-вторых, это спецпромышленность, лидировавшая в разработке технологий производства химоружия и исполнявшая заказы армии на его выпуск. И, наконец, это спецмедицина, за которой всегда было обеспечение интересов власти в ущерб здоровью работников производств химоружия, разумеется, в целях экономии бюджетных средств (на средствах безопасности).*

Выше мы неоднократно упоминали о невообразимом могуществе советского ВХК. Только этим можно объяснить, что при формировании картины советской подготовки к наступательной химической войне, мы были вынуждены оперировать примерно 40 инициированными ВХК специальными постановлениями верховного властного тандема страны — ЦК КПСС и СМ СССР (имеется в виду период, когда высшие решения принимались именно таким образом, то есть, начиная с 1951 г. и кончая последними днями всего процесса в 1989 г.). На каждый год приходилось в среднем два таких «химизированных» документа. Причем перерывы случались редко. Не удалось найти документы, относящиеся к 1953 и 1965 гг., когда происходила смена власти, однако смерть Л.И. Брежнева, похоже, ВХК просто не заметил. Разумеется, это была лишь часть документов. Тем не менее в отношении неизбежных экологических проблем, сопровождавших необузданное химическое вооружение, удалось найти для этого периода лишь одно постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 марта 1972 г., которым обсуждались меры «по предотвращению загрязнений бассейнов рек Волги и Урал неочищенными сточными водами». Однако сами меры, предпринятые ВХК, найти так и не удалось.

Приглядимся к тайному военно-химическому чудищу, которое соорудило в Советском Союзе собственный гигантский архипелаг, более внимательнее.

«Не давайте интеллигентам играть с огнем»
Ж. Превер

ГЛАВА 9. «НАУКА» ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В сентябре 1959 г. первую лекцию на химическом факультете МГУ первокурснику — автору настоящей книги — читал академик В.И. Спицын. А в утро 12 апреля 1961 г., когда в космос поднялся первый космонавт Ю.А. Гагарин, лекцию по органической химии читал сам президент АН СССР А.Н. Несмеянов, и мы мешали ему своими вопросами, как могли. Кстати, основным учебником по органической химии во время учебы в МГУ был для автора двухтомник академика А.Е. Чичибабина. Трудно было предполагать в те давние годы, что в будущем автор найдет в военном архиве запись об опытах, которые в стародавние времена доцент В.И. Спицын проводил по дегазации телеграфной и радиоаппаратуры, зараженной ОВ. Не ожидал автор найти в архивах и записи о разной роли академиков-химиков А.Н. Несмеянова и А.Е. Чичибабина на ниве химии ОВ. И многих других химиков, которые стали известными деятелями Академии наук СССР и сферы высшего образования.

Действительно, в создании научных основ химической войны советская власть, как и во всех иных делах, поначалу использовала доставшуюся ей в наследство недобитую интеллигенцию. Было три крупных этапа, когда ВХК был вынужден привлекать к своему секретному делу серьезную (академическую) науку — ведомственная «наука» не была способна решать принципиальные задачи. Первый этап включал получение и организацию выпуска ОВ первого поколения в первые годы после Гражданской войны[148-150]*. Второй раз серьезная наука понадобилась в конце Второй мировой войны и в первые годы после нее в связи с необходимостью создания серии ОВ второго поколения, то есть ФОВ нервно-паралитического действия*[176,202]*. Третий раз ВХК был вынужден привлекать к своим делам фундаментальную науку в начале 60-х гг. для решения задачи получения мощных ОВ несмертельного типа (инкапаситантов)*[117,118,732]*.*

Разработка технологий производств ОВ и соответствующих химических боеприпасов связана с деятельностью сети организаций специальной химии — производственных, проектных и испытательных институтов армии и химической промышленности. Они гордо называли себя прикладной наукой, бесконтрольно потребляли немалую часть государственного бюджета, действовали в обстановке глубочайшей тайны и с обязательным участием НКВД и тому подобных ведомств. Помимо промышленности и армии, в разные годы обеспечением работ по созданию химоружия и вообще по подготовке к наступательной химической войне занимались также организации ряда других министерств и ведомств — Минсельхоза СССР, Минздрава СССР, Гидрометеослужбы и других.

Существовала и специальная система подготовки кадров для индустрии химической войны. Специалистов готовили несколько институтов — спецкафедра Московского химико-технологического института (МХТИ) им.Д.И. Менделеева, ряд кафедр Военной академии химической защиты (ВАХЗ) Красной/Советской Армии и ряд других.

9.1. АКАДЕМИК ИПАТЬЕВ И ЕГО ЭПОХА

Академическая наука в целом была не частью ВХК, а скорее, «подносчиком патронов». Эпохи, однако, бывали разные, так что начать следует прямо с 20-х гг.

Исторически сложилось так, что у истоков военно-химического дела в Советском Союзе стояла дореволюционная научно-техническая интеллигенция, а ее безусловным лидером был великий химик академик В.Н. Ипатьев[59]. Именно интеллект этого гражданского слоя общества был использован Красной Армией на первых порах для формулирования основных задач и поисков первых и самых трудных решений, что сама она сделать не могла — не позволяло происхождение.

Началось с того, что в начале 20-х гг. было создано множество химических, токсикологических и иных лабораторий, размещенных по Москве, за исключением тех, что приютились в Петрограде. Постепенно многие из них были собраны в специализированные учреждения — военно-химический институт ИХО-НИХИ и гражданский институт химической промышленности ГСНИИОХТ.

Форумом, где поначалу происходило формулирование задач химического вооружения и где принимались первые решения, был военный орган — созданный В.Н. Ипатьевым Межсовхим-Химком[148-150]. А умонастроения цивильной науки первых лет этой работы достаточно характеризуют решения этого форума за 1923–1925 гг., пока не было создано чисто военное образование ВОХИМУ РККА, а интеллигенция не была отодвинута в сторону за ненадобностью.

Одно из первых обсуждений по вопросам химической войны состоялось на втором заседании «Постоянного совещания по химическим средствам борьбы» 11 декабря 1922 г. В тот день академик В.Н. Ипатьев доложил о переговорах «по привлечению петроградских ученых к работам по ОВ (университетская, технологического института, проф. Хлопина, ГОНТИ, проф. Лихачева)». Было решено, кроме ряда московских лабораторий (из химического института, Института экспериментальной ветеринарии и др.), привлечь к работам также петроградские лаборатории. Инициатива получила развитие, и на заседании, состоявшемся 13 января 1923 г., академик Н.С. Курнаков (1860–1941) был утвержден руководителем всех работ по ОВ, проводившихся в Петрограде. Было решено сосредоточить активность лабораторий Петрограда на конкретных направлениях: университет (проф. А.Е. Фаворский) — получение и изучение люизита, технологический институт (проф. А.А. Яковкин) — дифосгена, ГОНТИ (проф. В.С. Садиков) — бромбензилцианида и т.д.[148]

20 февраля 1923 г. «Совещание по химическим средствам борьбы» обсудило работы химических лабораторий Петрограда по созданию ОВ, ранее в стране не известных. Было доложено, что проф.А.А. Яковкин (1860–1936) — будущий чл.-корр. АН СССР — разработал пути получения полупродуктов, необходимых для изготовления дифосгена, и планирует вскоре получить сам дифосген, и что проф. А.Е. Фаворский (1860–1945) — будущий академик АН СССР — ведет подготовку к синтезу ОВ группы арсинов. В двух других лабораториях — у проф. В.С. Садикова и проф. А.А. Солонина — велась активная подготовка исходных веществ для синтеза бромбензилцианида и хлорацетофенона. Проф. А.А. Лихачев (1866–1942) в рамках проведения токсикологических работ пока изучал совместное действие хлора и фосгена, а также готовился к изучению синильной кислоты (для опытов им было дополнительно закуплено 25 кошек к уже имевшимся в его виварии). А проф. П.Я. Сольдау уже привел в порядок взрывную камеру для осу-

ществления полигонных испытаний на Главном артиллерийском полигоне, ему доставлена серия химических снарядов марок Х, Ю и АЖО (так шифровались рецептуры ОВ на основе синильной кислоты, фосгена и хлорпикрина)[148].

На «Совещании» 10 марта 1923 г. были рассмотрены работы по ОВ в московском Химическом институте им. В.Я. Карпова (будущем Физико-химическом институте — ФХИ), директором которого тогда был А.Н. Бах (1857–1946) — будущий академик АН СССР. В тот день заведующий лабораторией этого института А.В. Аксенов доложил о синтезе для передачи в токсикологические лаборатории Петрограда и Москвы четырех ОВ — 30 г фенилдихлорарсина, 50 г дифенилхлорарсина, 50 г метилдихлорарсина и 30 г иприта. А по докладу проф. А.А. Дзержковича было решено изучить токсичность ряда смесевых ОВ, которые предполагались к снаряжению в артиллерийских снарядах, в частности фосгена с хлорпикрином, дифосгена с хлорпикрином и т.д.[149]

Чуть позже, 21 марта на заседании обсуждалась просьба проф. Г.В. Хлопина (1890–1950) — будущего академика АН СССР — о передаче ему для опытов по 200 г иприта, люизита и синильной кислоты. В тот день академик Н.С. Курнаков доложил об осуществленном в Петрограде синтезе бромбензилцианида и о результатах эксперимента по подрыву старого трофейного артснаряда с синильной кислотой. Детали сообщил проф. П.Я. Сольдау: токсичность ОВ сохранилась полностью — кошки погибли[148]. А на заседании 14 апреля уже под новым названием — «Междуведомственное совещание по химическим средствам борьбы» (Межсовхим) — совещание обсуждало новые достижения ученых Петрограда — об изготовлении в лаборатории проф. А.А. Яковкина первых 150 г дифосгена и об опытах проф. А.А. Лихачева по изучению токсичности дифосгена и хлорацетофенона[148].

24 апреля Межсовхим уже обсуждал результаты работ московских лабораторий — о синтезе этилдихлорарсина (Химический институт им. В.Я. Карпова) и о действии хлора на белых и серых крыс, а также кроликов (фармакологическая лаборатория проф. Н.А. Сошественского в Московском ветеринарном институте). Были утверждены также сметы расходов гражданских лабораторий Москвы и Петрограда на работы по химоружию[150]. Подчеркнем, что Н.А. Сошественский (1876–1941) стал основоположником советской ветеринарной фармакологии и токсикологии и создателем новой науки — токсикологии и патологии ОВ, автором теории действия боевых ОВ. Им были написаны такие книги, как «Патология и терапия отравлений животных боевыми отравляющими веществами» (Москва, 1928 г., 252 стр.), «Токсикология боевых отравляющих веществ» (Москва, 1933 г., 354 стр.) и ряд других.

Несколько позже, 10 мая 1923 г., Межсовхим вновь обсудил состояние работ по химоружию в Петрограде и Москве. Ученые Петрограда доложили об успехах их лабораторий за последние недели. У проф. А.Е. Фаворского было получено 148 г люизита, у проф. А.А. Яковкина — 400 г дифосгена, в лаборатории проф. В.А. Садикова — 400 г бромбензилцианида. У проф. А.А. Лихачева в опытах на кошках была исследована токсичность дифосгена (он оказался вдвое токсичнее синильной кислоты) и хлорацетофенона. А проф. П.А.Сольдау на Главном артиллерийском полигоне выполнил новые опыты по подрыву старых артхимснарядов калибра 76 мм в снаряжении синильной кислотой[150].

5 июня 1923 г. Межсовхиму было доложено об изготовлении в Химическом институте им. В.Я. Карпова 90 г иприта по французскому способу[149].

А на следующем заседании Межсовхима, состоявшемся 9 июня 1923 г., после доклада лабораторий Петрограда и Москвы о работах, выполненных с января, состоялось принципиальное событие. Действительными членами этого военно-

химического органа была избрана большая группа профессоров различных специальностей. Новыми членами Межсовхима стали А.Н. Бах, А.Е. Фаворский, Н.Д. Зелинский (1861–1953), Н.А. Сошественский, Г.В. Хлопин, А.А. Лихачев, А.А. Яковкин, П.Я. Сольдау, В.А. Садиков, Н.А. Шилов (1872–1930), В.Н. Кравец, П.Я. Солонин, М.Н. Соболев, Н.П. Данилов, Г.А. Забудский и т.д.[150]

Одновременно с обсуждением данных лабораторных работ по получению ОВ и изучению их токсических свойств Межсовхим начал активно прорабатывать пути организации их промышленного производства в Советском Союзе.

Так, уже на втором заседании, состоявшемся 11 декабря 1922 г., проф. А.А. Дзержковичу было поручено подготовить доклад о создании опытного военно-химического завода, причем было «признано желательным устроить такой завод в Москве»[148]. И уже через неделю А.А. Дзержкович доложил об обследовании бывших «химических заводов с целью подыскания подходящего для опытного военно-химического завода». Было рекомендовано начать с Ольгинского завода в Москве (бывш. завода Беккеля). Поручение это получил инж. Г.Ф. Курагин[369]. Однако, поскольку исполнитель был вскоре арестован и встал вопрос об его использовании по линии первых «шарашек»[149], лишь на заседании 22 мая 1923 г. представитель Химического института им. В.Я. Карпова А.В. Аксенов рассказал о результатах осмотра Ольгинского завода и технологических подходах к опытному производству на нем арсинов и иприта (в случае выделения ассигнований предполагалось достичь мощности по иприту — 10 пудов в сутки)[369].А на заседании 12 июня 1923 г. академик В.Н. Ипатьев сообщил о начале работ по проектированию двух первых установок по производству СОВ и НОВ. В Москве на Ольгинском заводе было намечено сооружение опытной установки по выпуску иприта, а в Петрограде, в Институте прикладной химии на Ватном острове, — установки по выпуску дифосгена (руководитель проф. А.А. Яковкин). Тогда же представитель института им. В.Я. Карпова А.В. Аксенов доложил известные способы получения иприта[149]. И уже через месяц работы этого института по изучению способов синтеза иприта — немецкого, английского, французского — были обсуждены особенно подробно[149]. А еще через месяц Межсовхим вновь вернулся к организации выпуска ОВ. Обсуждалось состояние разработки методов производства ОВ кожно-нарывного действия: иприта в институте им. В.Я. Карпова, люизита — в Петроградском университете (проф. А.Е. Фаворский)[150]. И, наконец, в сентябре 1923 г. — после появления возможности поступления денег — было принято окончательное решение, с каких ОВ начать опытный выпуск: с иприта в Москве и дифосгена в Петрограде[150].

А через год (13 сентября 1924 г.) и уже под новым названием (Химком) организация В.Н. Ипатьева приняла решение просить проф. Н.Д. Зелинского — чл.-корр. АН СССР с 6 декабря 1924 г. и академика с 1929 г. — приступить к исследованию способа получения ОВ раздражающего действия бромбензилцианида. Тогда же было решено просить член-корреспондента АН СССР А.Е. Фаворского (академика с 1929 г.) изготовить по 100 г карбонилов никеля и железа для проверки их в качестве ОВ, способных «пробивать» вражеский противогаз[150]. И той же осенью 1924 г. В.Н. Ипатьев смог констатировать, что опытное производство дифосгена готово к пуску (производительность — 6 пудов в сутки)[371].

В конце все того же 1924 г. трудами Химкома начала вставать на путь практической реализации идеология создания серии опытно-промышленных установок по получению малых количеств ОВ. Докладывал по этому вопросу К.И. Шпитальский. На 1925 г. планировался выпуск не только иприта, но и малых количеств хлорацетофенона и дифенилхлорарсина[370].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Помощнику начальника III отдела товарищу Швембергеру
С получением сего предлагаю Вам отправиться в 1-й Государственный Московский университет для переговоров с проф. Зелинским Н.Д. об изготовлении хлорацетофенона.
Начальник ВОХИМУ Хаскин, 26 января 1926 г.»

Пожалуй, не совсем вписалось в общую струю взаимодействия армии и научной профессуры обсуждение, которое состоялось в Межсовхиме 16 мая 1924 г.[179] Речь зашла о заявлении проф. А.Е. Чичибабина, русского химика-органика, одного из ярчайших организаторов отечественной химико-фармацевтической промышленности, которому «было предложено принять участие в работах Совещания по изысканию усыпляющих средств» для военных целей. Форма оплаты за работу предполагалась сдельной, и А.Е. Чичибабин не согласился на участие — в столь трудной поисковой работе, по его мнению, было невозможно говорить о сроках выполнения.

Было ли это лишь предлогом, сказать сейчас трудно. Однако с 1930 г. А.Е. Чичибабин (академик АН СССР с 1928 г.) жил за границей, а в 1936 г. он был лишен звания академика. Что до инкапаситантов — одном из мощнейших ОВ несмертельного типа,- создать которые руководство Красной Армии предложило проф. А.Е. Чичибабину в 20-х гг., то история этого дела на том эпизоде не остановилась. Впоследствии случилось много событий, и в них участвовала уже наука 60–70-х гг. И этот вид химоружия появился в Советском Союзе и был поставлен на вооружение в разных ведомствах в 70–80-х гг.. И проверен на собственных гражданах во время «контртеррористической операции» осенью 2002 г.[710]. И не снят с вооружения до наших дней.

Ниже мы еще вернемся к Академии наук, а пока обратимся к рождению прикладных наук химической войны.

9.2. «ФОСГЕН» ОТ ШУСТОВА

В начале 30-х гг. дела по научно-конструкторскому обеспечению химической войны приобрели более системный характер. Так, постановлением СТО СССР от 14 октября 1931 г. были приняты решения по нескольким направлениям. Был дан, в частности, толчок развитию исследовательских лабораторий и конструкторских бюро (КБ) не только по ОВ и химоружию, но и по военно-химической технике. Было решено создать лабораторию по разработке технологий производства ОВ, выпуску опытных партий, созданию новых ОВ. И она была создана, даже две (обе в Москве — ЦНОЛ на Триумфальной площади и лаборатория на заводе № 1 на шоссе Энтузиастов)[71].

Особенностью этого решения был фактический отказ армии от монополии на технологические направления работы, которые она не способна была вести в принципе. В результате при многочисленных заводах разных профилей были созданы специализированные конструкторские подразделения, которые начали выполнять текущие задания армии.

Обратимся, далее, к «научным» организациям, кои перехватили эстафету наступательной химической войны у первых советских интеллигентов.

Это были НИОПИК и ГСНИИОХТ.

* * *

В 20-х гг. скульптуры В.В. Маяковского на Триумфальной площади Москвы еще не было (а сам пролетарский поэт читал стихи в Политехническом музее), а вот завод «Фосген» уже существовал.

Одним из институтов-заводов Москвы — разработчиков химоружия — был НИИ полупродуктов и красителей (НИОПИК), располагающийся до наших дней в одном из больших дворов на Триумфальной площади (одно время — площади Маяковского) по нечетной стороне улицы Б.Садовой, дом 5 (бывал у него и адрес Б.Садовая, 11). Именно там в предреволюционные годы обитал завод братьев Шустовых, славный своими коньяками. Находился он как раз напротив, через площадь, от «нехорошей квартиры» М.А. Булгакова (Б.Садовая, 10). И был этот респектабельный завод-институт, в отличие от той квартиры, абсолютной реальностью, причем в три исторических периода он занимался химоружием.

В годы Первой мировой войны под наименованием «Фосген-1» завод разрабатывал и выпускал то, что было обозначено в названии, — ОВ удушающего действия, известное среди химиков как фосген **(XIII)**. При советской власти в начале 20-х гг. здесь был налажен выпуск иприта (лучшего места в Москве, чем Триумфальная площадь, для размещения производства иприта — короля военной отравы и героя Первой мировой войны — у власти не нашлось) и организована исследовательская работа по созданию технологий выпуска многих других ОВ.

Начало советского периода полупромышленного производства химоружия неотделимо не только от Триумфальной площади, но и от имени профессора Е.И. Шпитальского. Именно он решением Межсовхима от 29 сентября 1923 г. был определен техническим руководителем выпуска первой партии иприта в полузаводском масштабе[370]. Через несколько недель — 13 октября 1923 г. — там же обсуждалась более прозаичная проблема. По докладу Е.И. Шпитальского было решено местом размещения производства иприта определить завод «Фосген-1», на котором в годы Первой мировой войны действовало производство фосгена для военных нужд[370]. Вообще-то мест размещения опытной установки обсуждалось два — у Шустовых, в центре Москвы, или же у П. Беккеля, на окраине города на Владимирском тракте (будущем шоссе Энтузиастов). Решили, что окраинный завод пока слишком разорен и остановились на хорошо сохранившемся заводе «Фосген-1» Шустовых. И в мае 1924 г. проф. Е.И. Шпитальский доложил Межсовхиму, что им создан метод получения полупродукта при выпуске иприта — чистого этилена (98–99%) из этилового спирта[370]. Дело шло к финишу.

Именно на заводе на Триумфальной площади, который получил новое название — Экспериментальный завод Анилтреста, было подготовлено первое, еще опытное, советское производство иприта **(XX)**. И на заседании Межсовхима, состоявшемся 23 августа 1924 г., проф. Шпитальский доложил, что задержка лишь за поставкой сырья — этилового спирта (на тот момент его имелось 11 ведер, а для обеспечения безостановочной работы этиленовой установки нужно было много больше)[370]. Начался выпуск иприта через неделю — 30 августа 1924 г.[370]. Продолжался он до конца 1926 г. внутри того квартала, который ныне включает гостиницу «Пекин». Практически ипритная эпопея началась 8 ноября 1923 г., когда ГАУ РККА заключило с Анилтрестом договор № 170675 о полузаводском изготовлении партии иприта в количестве 60 пудов. За выполнение заказа Анилтресту было уплачено 40 тыс. руб. золотом. Тем же договором

предусматривалось, что Экспериментальный завод также разольет иприт по артиллерийским снарядам (1200 снарядов калибра 76 мм).

Первая партия — 18 пудов — иприта (по документам тех лет — вещества «Н») была выпущена 30 августа-3 сентября 1924 г. на опытной установке УС в 4 приема при расходе времени на каждую загрузку 22 часа[42,370]. Полученное ОВ было разлито в артиллерийские химические снаряды для последующих стрельб на полигоне в Кузьминках. Изготовление всей партии иприта Левинштейна (60 пудов) было закончено к 8 августа 1925 г., после чего выпуск был продолжен. Уже к марту 1926 г. завод произвел 857,3 пуда иприта. Разлив иприта по боеприпасам производился и в других местах — на Богородском снаряжательном заводе № 12 (Электросталь, Московская обл.) и на специально сооруженном производстве на военно-химическом складе № 136 (Москва, Очаково).

Параллельно с ипритом на Экспериментальном заводе налаживался также опытный выпуск других ОВ.

В 1925 г. Экспериментальный и Ольгинский заводы были из Анилтреста переданы в ГУВП с объединением их в единый военно-химический завод Эксольхим (Объединенный Экспериментальный и Ольгинский завод)[395]. Однако промышленный выпуск иприта был впоследствии организован на Ольгинском заводе на Владимирском тракте, а завод «Фосген» на Садовой утратил свое значение и был возвращен в Анилтрест.

И после перебазирования в конце 20-х гг. массового выпуска ОВ в Москве с Триумфальной площади на шоссе Энтузиастов, на завод № 1 (№ 51) Экспериментальный завод продолжил разработку технологий выпуска ряда ОВ, в том числе мышьяксодержащих, а также изготовление опытных партий ОВ. В частности, в 1925 г. завод занимался созданием способов производства хлорацетофенона **(II)**, адамсита **(III)**, дифенилхлорарсина **(IV)**. В 1930 г. шла активная переписка о вывозе с Триумфальной площади партии этилдихлорарсина (дика), который производился на опытной установке в том же учреждении, но под новым названием ЦНОЛ (Центральная научно-опытная лаборатория), а также об организации полузаводской установки по выпуску метилдихлорарсина. В 1930/1931 учебном армейском году здесь осуществлялся опытный выпуск партий мышьяксодержащих ОВ — этилдихлорарсина, метилдихлорарсина, фенилдифторарсина, фениларсиноксида и фенилдихлорарсина (от 0,1 до 1,5 т каждая) для армейских опытов. В 1934 г. армия обсуждала достоинства разработанного в НИОПИКе метода получения фенарсазиноксида и сравнивала его раздражающее действие с адамситом. Так продолжалось до самой войны. Во всяком случае и в 1940 г. в НИОПИКе продолжали дорабатывать технологию выпуска фенарсазиноксида[395].

После Второй мировой войны НИОПИК активно занимался разработкой технологий производства нового вида химоружия — того, что армия нацелила на поражение растительности «вероятного противника». Этот эпизод относится уже к 1950–1960 гг., и следы той деятельности и сейчас можно найти в Рубежном (Луганская обл., Украина) и Уфе (Башкирия, Россия), где был налажен и опытный, и промышленный выпуск ОВ этого типа[13].

В целом на переход в другую жизнь ушло очень много лет, после чего бывший завод Шустовых зажил другой — «красильной» — жизнью.

Ныне о своем происхождении от Шустовых в НИОПИКе не забывают, однако про выпуск фосгена, иприта, дифенилхлорарсина и вообще о работах с химоружием первого поколения[370,395] стараются не вспоминать. Так же как о своем участии в разработке и организации выпуска химоружия против растительности

«противника»[13]. Он стал вполне респектабельным учреждением — головным институтом промышленности органических красителей — НИОПИК.

9.3. ЦИВИЛЬНЫЙ ФЛАГМАН ГСНИИОХТ

Гражданский флагман наступательной химической войны — головной прикладной институт-завод ГСНИИОХТ — был детищем советской власти. Его начало в качестве института было положено в начале 1930 г., когда на заседании НТС особого назначения при Всехимпроме было решено собрать под одной крышей «проектное управление № 2 б. Химстроя, специальную лабораторию института им. В.Я. Карпова и государственный экспериментальный химический завод № 1 ВСНХ СССР в единую организацию с передачей ей функций этих трех организаций по работам в области ОВ». На заседании присутствовал и директор Химического института им. В.Я. Карпова А.Н. Бах, который был только что избран академиком по специальности «биохимия». Было решено, что для таких научных работ будет достроен специальный корпус на территории химзавода[389].

После соединения со спецотделом ОВ из Химического института им. В.Я. Карпова фронт исследовательских работ на заводе резко расширился. В 1934 г. здесь уже велись прикладные работы по организации выпуска таких ОВ, как азотистый иприт, иприт Мейера, незамерзающий и вязкий иприты, смесевые ОВ (синильная кислота-фосген, хлорциан-фосген, синильная кислота-фтористый водород и т.д.), ОВ наркотического действия, ОВ, способные «пробивать» противогаз вероятного противника и т.д.[392] **Опытный сектор** химзавода № 1 (его только что переименовали в № 51) на Владимирском тракте начал работать 15 февраля 1931 г. То был новый шаг в преобразовании завода по промышленному выпуску ОВ (с ЦНИЛ и опытным производством) в нынешний институт-гигант. К 1932 г. в опытном секторе работало уже 23 опытных установки, в том числе по выпуску бромбензилцинида **(VI)**, синильной кислоты **(XV)**, хлорциана **(XVI)**[392]. Производились и разнообразные мышьяксодержащие ОВ — люизит (мощность на 1 июня 1937 г. — 210 т/год), дифенилхлорарсин, дифенилцианарсин **(V)**...

Головным прикладным «институтом» под названием НИИ-42 (ГСНИИ-42) Главоргхима химзавод № 51 стал в 1938 г. Впрочем, это название было для посвященных — для народных масс еще с 20-х гг. это был так называемый п/я 702. На самом деле организация продолжала оставаться также и опытным заводом по производству ОВ. В ней сохранялись в мобилизационной готовности мощности по выпуску очень многих рецептур ОВ. В 1938 г. НИИ-42 выдал армии на проведение полевых испытаний много всяких ОВ — бромбензилцианид, смесь HCN+HF, метиловый эфир фторсульфоновой кислоты, этиловый эфир циaнугольной кислоты и т.д.[206] Среди других предвоенных заданий укажем на поручение, которое получил институт в августе 1938 г. по снаряжению опытных химических боеприпасов, а также по выпуску большой номенклатуры вновь созданных рецептур ОВ для проведения масштабных авиационных испытаний на полигоне в Шиханах в сезоны с осени 1938 г. по лето 1939 г.

К временам войны относится пожар на складе мобилизационного запаса ГСНИИ-42. Этот пожар, случившийся 31 мая 1942 г., не был единственным. В феврале 1980 г. в результате пожара в ГСНИИОХТ «исчезло» несколько сот граммов высокотоксичного ОВ — советского V-газа **(XXV)**.

После начала войны в приказе наркома НКХП СССР М.Ф. Денисова был уточнен порядок финансирования отделения НКВД СССР, которое работало при НИИ-42 (химическая «шарашка»), — ученые-заключенные тоже участвовали в создании химоружия. Институту было велено выделить для НКВД помещения, оборудование, материалы, обслуживающий персонал. А вот распоряжался выделенными из бюджета НКХП средствами сам начальник «шарашки»[192].

В послевоенные годы в химической промышленности институт оставался головным учреждением по очень многим вопросам химической войны.

Соответственно, отдельные направления вели известные специалисты в чрезвычайно узких кругах военно-химического подполья. В 1948 г. это были С.Л. Варшавский (лаборатория № 14), Л.З. Соборовский (№ 17, фосфин и т.п. проблематика), В.С. Зайков (№ 19, иприт и т.п. СОВ), А.Я. Якубович (№ 2, трифторнитрозометан и т.п. соединения) и т.д. В дальнейшем на этом фронте происходили многочисленные изменения. В частности, появилась лаборатория автоматизации технологических процессов получения ОВ (№ 16), лаборатория усовершенствования действующих технологических процессов (№ 6) и т.д. В 1954 г. лаборатория спецтехнологий фтор- и фосфорорганических соединений (№ 14) была поделена на две — отдельно по фосфорорганическим соединениям (№ 24, С.Л. Варшавский) и отдельно по фторорганическим (№ 14, С.Н. Косолапов)[158].

Укажем на несколько послевоенных «научных достижений» ГСНИИОХТа.

Здесь был организован опытный выпуск трифторнитрозометана **(XIX)**[158,200]. Еще одна работа была связана с реализацией постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 17 апреля 1957 г. об использовании фосфористого водорода PH_3 **(XVIII)** в качестве химоружия. Исполнителем стал естественный тандем — сам институт (его называли тогда ГСНИИ-403) и химический завод № 91 (Сталинград)[158,197]. Работы были прекращены лишь в 1959 г.[158,197] Не прошли мимо института и многие иные ОВ, попавшие на стремнину военно-химического «прогресса». В 1960 г., например, начались и продолжались несколько десятилетий работы по созданию психотропных веществ самого широкого спектра действия, и это позволило обеспечить их промышленный выпуск[159].

Однако, пожалуй, самая важная работа началось с того, что 10 мая 1945 г. из Дихернфурта-на-Одере была отгружена в Москву опытная установка по выпуску ОВ второго поколения — зарина **(XXIII)**. Специалисты Германии не успели закончить ее монтаж, так что оптимисты полагали, что уж в головном-то советском институте трофейная установка заработает без помех[428]. Впрочем, в немецком обличье она так и не заработала, так что пришлось долго делать советское. Сама же тема технологического обеспечения производств ФОВ (зарина, зомана и советского V-газа) силами ГСНИИ-403 (ГСНИИОХТ) была основной в те годы.

Соответственно, и она, и сходные темы стали предметом многочисленных совещаний, проходивших в МХП СССР[158,159].

Большая цепь событий связана с реализацией постановления СМ СССР от 21 января 1963 г., которым было решено создать две опытные установки для отработки технологического процесса выпуска советского V-газа **(XXV)** и наработки его опытных партий, одна из которых была размещена в Москве в ГСНИИОХТ, другая — в Сталинграде на заводе № 91[436]. И в этом случае возились очень долго, прежде чем что-то стало получаться. Опытная установка для получения одного из полупродуктов, которые используются при синтезе советского V-газа, а именно хлорэфира (изобутилового эфира метилхлорфосфиновой кислоты), начала действовать в ГСНИИОХТе еще в 1962 г. Поскольку для его получения тре-

буется фосген **(XIII)**, это стало причиной активных тайных перевозок фосгена по улицам Москвы в 1962–1965 гг.[585].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА (1961 Г.)

«ГСНИИ-403 является головным научно-исследовательским центром по поиску, синтезу и разработке технологии промышленного получения новых высокотоксичных отравляющих веществ.

За последние годы исследования института по изысканию новых отравляющих веществ развивались в следующих основных направлениях:

а) изыскание высокотоксичных ОВ, обладающих, наряду с ингаляционной, также высокой кожно-резорбтивной токсичностью,

б) изыскание веществ, преодолевающих шихту современного фильтрующего противогаза, а также веществ, способных зажигать шихту противогаза,

в) изыскание веществ, обладающих новыми видами токсического действия, в частности, психотоксических веществ...

Начиная с 1958 г., институтом совместно с ЦНИВТИ и ВАХЗ изучается новый класс высокотоксичных фосфорорганических ОВ (вещества типа «60»). Один из наиболее эффективных представителей этого класса — изобутило-бета-N-диэтиламиноэтантиоловый эфир метилфосфиновой кислоты, который по своей эффективности превышает «ордоваль-2» [это шифр зомана, — Л.Ф.] по кожно-резорбтивной аппликации в 300 раз, а по ингаляционной — в 20 раз...

Институтом найдены новые вещества, способные преодолевать шихту современного противогаза в ряду фторорганических соединений с функциональными группами: трифторнитрозометан, гексафторазометан и дифторметиламин. Трифторнитрозометан в 1955 г. был принят на вооружение Советской Армии... В связи с изменившимися условиями техники применения и возросшими требованиями к эффективности подобного рода веществ трифторнитрозометан в 1960 г. был снят с вооружения и дальнейшие работы по технологии указанных веществ были прекращены...

В 1960 г. начаты работы по изысканию веществ, действующих на психику человека. Синтезировано несколько соединений этого типа...

Развертываются работы по синтезу ОВ и технологии снаряжения химических боеприпасов в Сталинградском филиале ГСНИИ-403...

Заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по химии Д. Кутепов.» [159]

В те же дни, 14 февраля 1963 г., было издано постановление ЦК КПСС и СМ СССР об организации в ГСНИИОХТ выпуска психотропных веществ (инкапаситантов — веществ, временно выводящих «противника» из строя)[437]. Имелось в виду обеспечение нужд не только армии (первой мишенью были предполагаемые агрессоры из КНР), но и госбезопасности, по инициативе которой постановление от 14 февраля 1963 г. было принято[437]. Изготовителем определили опытное производство не в Москве, а в филиале № 4 ГСНИИОХТа, размещавшегося в районе Вольск-Шиханы (Саратовская обл.).

Решение о создании филиала № 4 ГСНИИОХТа состоялось еще 28 июня 1960 г., когда было издано постановление ЦК КПСС и СМ СССР. Его задачи —

промышленная отработка выпуска новых ОВ (не только зарина и зомана, но и других), снаряжение ими химбоеприпасов, выпуск опытных партий химоружия новейших типов. Новая организация была названа Шиханы-1 (Вольск-17, ныне это Государственный институт технологии органического синтеза — ГИТОС). С 1969 г. здесь же было решено иметь и опытную установку по производству советского V-газа[160]. Созданию филиала № 4 предшествовали попытки возведения объекта «И» в лесном массиве Владимирской обл. Впрочем, площадка в районе Шихан оказалась привлекательнее. Она обеспечивала сосредоточение в одном районе двух институтов химической войны — переводимого из Москвы военного ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ (испытания химоружия) и нового гражданского института (разработка и выпуск опытных партий ОВ)[160].

Опытный завод филиала выпускал опытные партии различных ОВ и их прекурсоров, в том числе ирритантов и психотропных ОВ (инкапаситантов). По прошествии некоторого времени тот филиал превратился в самостоятельный институт ГИТОС и даже был включен в объявленный закрытым г.Шиханы[1009]. По официальным данным конца 90-х гг., в ГИТОС велись работы с 21 сильно действующим ядовитым веществом. Системы мониторинга этих веществ в окружающей среде не существовало. В ГИТОС имелось не менее 70 источников выбросов вредных веществ в атмосферу, из которых лишь 12 были оснащены газоочистными устройствами. Мониторинг за состоянием подземных вод не проводился[4]. Весной 2004 г. в проекте очередной программы химического разоружения для этого института была запланирована ликвидация опытных производств ОВ[1010], а заодно его сняли и с бюджетного финансирования.

Еще один филиал ГСНИИОХТа был создан в Волгограде (впоследствии — самостоятельный научно-исследовательский центр химпромышленности)[161].

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 2 сентября 1968 г., которое дало толчок подготовке Советского Союза к тотальной химической войне, не обошло стороной и ГСНИИОХТ. Было принято решение его реконструировать. Следующим постановлением 1970 г. были установлены сроки — реконструкцию медико-биологического корпуса завершить в 1972 г., инженерно-бытового — в 1973 г., лабораторного — в 1974 г.[732]. Впрочем, даже в 1977 г. секретная медицина не смогла сходу согласиться с проектом реконструкции корпусов № 2 (модельные установки для наработки партий новых токсичных веществ) и № 3 (спецлаборатории для работы с новыми токсичными веществами), который был выполнен без соблюдения экологических правил. В частности, были предложены неэффективные решения по очистке воздуха и стоков из спецлабораторий, а на модельных установках предусматривалось использование женского труда[162].

Все годы подготовки к химической войне, особенно в послевоенные десятилетия, между ГСНИИОХТом и военными организациями существовал теснейший контакт. В пределах ВХК это был своего рода союз в союзе.

9.4. ЗАРИН ОТ АКАДЕМИИ НАУК

К услугам академической науки ВХК пришлось обращаться вновь. Конечно, речь идет не о его императорского величества Российской академии наук, а об Академии наук СССР, которая сформировалась на рубеже 20–30-х гг. Именно тогда в Советском Союзе был разорван естественный исторический союз между университетской и академической наукой, на который опирался академик

В.Н. Ипатьев в своей работе по воссозданию военно-химического дела в СССР[148-150]. И она (новая академическая наука) откликалась без особых раздумий.

Более или менее организованным образом АН СССР принимала активное участие в работах по ОВ, начиная с 30-х гг., когда у армии после разгрома «вредителей» настал голод на специалистов. Поначалу одним из моторов той активности был академик Н.Д. Зелинский, с чьим именем связана деятельность по ОВ в еще более ранние времена сначала химического факультета МГУ, а затем вновь созданного Института органической химии АН СССР (ИОХ). Его правой рукой в обеих организациях стал проф. А.Н. Несмеянов (член-корреспондент АН СССР с 1939 г., академик АН СССР — с 1943 г.). Именно А.Н. Несмеянов лидировал в исследовании «прикладных» свойств мышьяк- и сурьмаорганических соединений. Именно он с 1932 г. в МГУ, а с 1938 г. в ИОХ АН СССР изучал способы синтеза ОВ на основе сурьмы (химического аналога мышьяка) — фенилдихлорстибина, дифенилхлорстибина и трифенилстибина[195]. Те работы были секретными, а успехи — ощутимыми. Во всяком случае в 1940 г. трифенилстибин рассматривался в рамках системы химического вооружения[107].

С ИОХ АН СССР связана и деятельность академиков А.Н. Несмеянова и М.И. Кабачника по научному решению задачи поиска ОВ второго поколения в военные и в первые послевоенные годы[176,202].

Реальное решение этой задачи было полно драматизма.

Приоритет в синтезе **зарина (XXIII)** принадлежал ученым из Казани. А.Е. Арбузов, Г.Х. Камай и А.И. Разумов получили его в конце 1943 г. и немедленно не только известили об этом головную организацию (НИИ-42), но и сдали новое ОВ на токсикологические испытания. И лишь в декабре 1944 г. отчет о синтезе того же самого вещества (№ 106, «молит») появился у их гостя из Москвы — М.И. Кабачника. Известно, что в годы войны обе группы располагались в Казани в одном здании — общепризнанный мэтр (и создатель научной школы химии фосфорорганических соединений[725]) академик А.Е. Арбузов был хозяином этого здания, а эвакуированный на время из Москвы молодой и очень активный протеже члена академии А.Н. Несмеянова научный сотрудник М.И. Кабачник — гостем (как и весь московский ИОХ АН СССР во главе с А.Н. Несмеяновым). Распространение информации было неизбежно[202].

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

«... на совместном совещании группы работников Академии наук (присутствовали от Академии наук А.Н. Несмеянов и старший научный сотрудник М.И. Кабачник) и работники группы, руководимой мною (присутствовали академик А.Е. Арбузов, профессор Г.Х. Камай и доцент А.И. Разумов) мы осведомили друг друга о предполагаемых планах дальнейшей работы...

Академик А.Е. Арбузов»[202].

«... в письме акад. Арбузова в ГСНИИ-42 сообщается о совместном заседании, на котором, кроме акад. Арбузова, проф. Камая и доц. Разумова, присутствовали акад. Несмеянов и проф. Кабачник. На этом заседании после того, как первым был заслушан и принят план М.И. Кабачника, акад. А.Е. Арбузовым был выдвинут план изучения фторангидридов алкилфосфиновых кислот с разными радикалами у фосфора и кислорода. После чего

были распределены соответствующие области работы. В результате данного заседания в ГСНИИ-42 был представлен акад. А.Е. Арбузовым план работы по синтезу фторангидридов алкилфосфиновых кислот с разными радикалами... М.И. Кабачник нарушил как товарищеское соглашение, так и планы работ строго и четко разграниченных и утвержденных ГСНИИ-42 (с ведома ЦНИВТИ).

Директор КХТИ Козлов А.М.»[202].

О токсичности созданного ими нового ОВ академик А.Е. Арбузов и его коллеги извещены не были — Москва (НИИ-42 и армия) подыгрывала москвичам. В общем, по результатам работ, выполненных в Казани в годы войны под руководством академика А.Е. Арбузова, Сталинская премия I степени за создание новейшего и высокотоксичного ФОВ — **зарина** («молита») была присуждена... М.И. Кабачнику. И академик А.Н. Несмеянов, написавший личное и секретное представление М.И. Кабачника на премию (с ученым советом ИОХ АН СССР он советоваться не стал), указал в письме от 27 февраля 1945 г. на «достоинства» зарина-молита: при вдыхании воздуха с концентрацией 0,02 мг/л этого ОВ смерть наступает в течение 15 мин. А для прикрытия он рекомендовал указать в решении комитета по премиям нейтральную формулу «за исследования в области элементоорганических соединений»[202]. Что и было сделано.

Работы по химии ОВ продолжались в АН СССР и после войны. Неудивительно, что после смерти академика-физика С.И. Вавилова (1891–1951) пост президента АН СССР перешел в руки химического академика А.Н. Несмеянова (90-летний академик-химик Н.Д. Зелинский по возрасту не смог принять этот пост и рекомендовал на него своего ученика). А.Н. Несмеянов возглавлял АН СССР до 1961 г., после чего это президентство перешло в руки ракетно-ядерных академиков (М.В. Келдыш — в 1961–1975 гг., А.П. Александров — с 1975 г.).

Плотное участие АН СССР в делах создания и изучения ОВ продолжалось вплоть до 1958 г., когда армия, как ей тогда показалось, перестала нуждаться в фундаментальных химических знаниях (а пуск производства зарина был уже не за горами — он произошел в 1959 г.[158,726]). Впрочем, к этому времени во дворе ИОХ АН СССР уже был возведен Институт элементоорганических соединений АН СССР (ИНЭОС), который возглавил А.Н. Несмеянов и где имелись мощные лаборатории, занимавшиеся химией фтора, фосфора, серы, хлора, бора...

История распорядилась так, что в 60-х гг. в Советском Союзе остро встал вопрос о расширении работ по ОВ, в особенности по ОВ психотропного действия. И эти исследования вернулись в АН СССР. Были также расширены работы по этим ОВ в академиях наук союзных республик. Тогда, после решений 1967–1970 гг., были восстановлены и работы по ОВ в лаборатории академика М.И. Кабачника в ИНЭОС АН СССР (Москва), расширены в Институте органической химии АН СССР (Казань), Институте химии природных соединений АН СССР (Москва), Институте эволюционной физиологии АН СССР (Ленинград), Институте органической химии АН УССР (Киев), Институте химии растительных веществ АН Узбекской ССР (Ташкент), Институте органического синтеза АН Латвийской ССР (Рига)[117,118,732].

Серьезным толчком был ознаменован 1970 г. Это правозащитники еще вспоминают, что 19 марта 1970 г. академик А.Д. Сахаров направил советским властям письмо о демократизации общества как необходимом условии развития экономики, науки и культуры. У «химиков» были иные хлопоты. 14 сентября

1970 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР о развитии работ по созданию новых типов ОВ («веществ специального действия», ВСД), в том числе в АН СССР. Для развития исследований академика М.И. Кабачника в Москве в ИНЭОС АН СССР было решено построить филиал института в г.Черноголовка (Ногинский район, Московская обл.). В будущем вновь созданный на основе этого филиала Институт физиологически активных веществ АН СССР возглавил И.В. Мартынов — бывший директор ГСНИИОХТа (головного промышленного НИИ в области химоружия) и будущий член-корреспондент АН СССР[732].

Впрочем, обо всех этих секретных делах любители рассуждений о белых академических одеждах обычно предпочитают не упоминать. Только этим можно объяснить появление в газете («Новые известия», 20 апреля 2002 г.) такого пассажа со стороны академика новой генерации Ю.Н. Бубнова: «Как директор Института элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова со всей ответственностью заявляю, что в нашем Институте исследования в области особо токсичных химических веществ массового поражения (химического оружия) не ведутся и не велись никогда». Мы вынуждены огорчить Ю.Н. Бубнова и тех, кто давал ему советы по этой публикации. Еще в семилетнем плане СССР на 1959–1965 гг. в раздел «Изыскание новых, высокотоксичных ОВ» были включены важные боевые задания. Одно было сформулировано так: «Изучение зависимостей, связывающих химическое строение и токсическое действие фосфорорганических соединений». И второе задание не допускало разночтений: «Синтезы новых высокотоксичных веществ, действующих как через дыхательные пути, так и через кожные покровы, в ряду органических соединений фосфора, содержащих серу, азот, кремний, бор и другие элементы». Эти задания появились задолго до того, как было решено создать филиал ИНЭОС АН СССР в Черноголовке. И если Ю.Н. Бубнов не усматривает в этих записях творческого портрета бессменного заведующего лабораторией фосфорорганических соединений академика М.И. Кабачника, он может пройти в первый отдел своего института (это не так далеко от директорского кабинета) и поинтересоваться там. Во всяком случае Ленинская премия 1974 г. была присуждена именно ответственному сотруднику ИНЭОС АН СССР М.И.Кабачнику, разумеется, в числе иных лиц — тех, кто на самом деле обеспечил пуск производства советского V-газа **(XXV)** на химическом заводе в Чувашии в 1972 г.[717].

9.5. ПРИКЛАДНИКИ ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОГО ПОШИБА

Поначалу военные использовали любые возможности для решения своих задач. Во всяком случае еще в январе 1930 г. на совещании в ИХО с представителями Наркомзема (точнее, с представителями ИНЗАРа — Института защиты растений) шла речь о «разработке конструкции стандартного прибора, который мог бы быть применяем как в армии, так и в сельском хозяйстве» (для распыления пестицидов)[156]. Довольно скоро пути армии и Наркомзема разошлись, однако, ненадолго — после большой войны против людей армии понадобилось химоружие против растительности[13,177,210,729].

Отношения армии с метеорологической службой сложились более стабильно. Еще 13 января 1928 г. за подписью Я.Э. Рудзутака было принято специальное постановление РЗ СТО СССР «О милитаризации гражданской метеорологической службы и использовании ее для нужд обороны в мирное время»[174]. Об

исполнении этого и многих иных решений в последующие 60 лет современная служба погоды предпочитает помалкивать, потому что внутри нее сформировалось специальное («оборонное») направление применительно к решению задач химической войны[175,208]. **Секретная военно-метеорологическая наука** остается таковой и поныне.

Если обсуждать проблему отношения ученых из области «самой гуманной профессии» к ОВ, то вопрос этот не так прост, как могло бы показаться. К сожалению, в нашем научном сообществе случился сдвиг, последствия которого общество по достоинству не оценило и сегодня. Чтобы понять существо дела, достаточно заглянуть в бумагу, полученную наркомом К.Е. Ворошиловым от начальника ХИМУ 7 марта 1937 г.[544]. В ней испрашивалось разрешение на раздачу ОВ в гражданские исследовательские организации, которые работали по заданиям НКО СССР. Какие задачи собрались решать «ученые» из Центрального санитарно-химического института НКЗ РСФСР, Института экспериментальной ветеринарии (Москва), НИХФИ, Лаборатории санитарно-химической обороны (Киев), Санитарного института ПВО (Ленинград), Одесского мединститута Всеукраинского научно-исследовательского санитарного института имени К. Либкнехта (Харьков)? Всех их волновало одно — токсикология ОВ. И ни одна из этих и иных организаций не испрашивала ОВ для разработки методов лечения.

Таким образом, пожалуй, именно в 1920–1930-е гг. **токсикология** на долгие годы «ушла в тень» и **стала одной из секретных** («оборонных») **наук.** Остается таковой она и поныне.

Обращаясь к конкретным научным организациям, отметим, что начиная с 20-х гг., в работах в области ОВ и вообще наступательного применения химоружия участвовали многочисленные научные организации страны. Укажем те из них, которые занимались этим особенно много.

Как уже упоминалось, на первом этапе широкий фронт работ по синтезу ОВ и физико-химическим аспектам их применения в боевой практике развернул **Химический институт им. В.Я. Карпова** (впоследствии он стал известен как Физико-химический институт им. В.Я. Карпова — ФХИ, руководитель — неутомимый А.Н. Бах). В августе 1923 г. произошло событие, связанное с этим институтом. 11 августа на Межсовхиме обсуждался ход работ, проводимых в институте по синтезу различных ОВ, — иприта **(ХХ)**, ароматических арсинов, арсинов жирного ряда и т.д. И тогда же решением ВСНХ СССР институту была передана казарма Московского рафинадного завода (бывш. ВОГАУ)[149]. Летом 1925 г. институт им. В.Я. Карпова посетил Л.Д. Троцкий, знакомый с А.Н. Бахом еще с дореволюционных времен. Во второй половине 20-х г. для института построили специальный корпус для обеспечения работ по ОВ. Впрочем, часть из них (технологическая) вскоре была перенесена в иное место.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Научно-исследовательская работа по производству образцов химимущества, принятых на вооружение, осуществляется в Институте имени Карпова и в Анилтресте — по ОВ, в Вохимтресте — по противогазам, в Орудийно-Арсенальным тресте — по металлическим изделиям для ОВ, в Резинотресте — по резине...

Предложение усилить в Анилтресте исследовательскую работу по ОВ ВОХИМУ считает правильным, но вместе с тем не видит основания для

изъятия этой работы из Института имени Карпова, где для этой цели построено специальное здание и закуплено специальное оборудование. ВОХИМУ считает целесообразным сохранить за Институтом имени Карпова и ответственность за научную организацию производства ОВ».

Я.М. Фишман, из справки 22 ноября 1928 г.

В 1930 г. спецотдел ОВ был переведен из Химического института им. В.Я. Карпова на Ольгинский завод (завод № 1 ВСНХ), где для выходцев из этого института был построен специальный корпус и где они продолжили химико-технологические работы по ОВ и химоружию на флагмане наступательной химической войны — **заводе-институте ГСНИИОХТе** и вели их до конца XX века. Впрочем, об этом академик А.Н. Бах не говорил в своем программном выступлении на XVI съезде ВКП(б), состоявшемся летом 1930 г.

Работы по физической химии ОВ, в особенности по деталям механизма их распространения в природе, остались в самом институте. Для примера приведем образчик планов ИХО РККА тех лет, исполнение которых было немыслимо без лидерства «большой науки» об аэрозолях, разрабатывавшейся в Химическом институте им. В.Я. Карпова.

ПЛАНОВ ГРОМАДЬЕ

«План работ ИХО (март 1929 г.)...

По II отделу

Исследование аэрозолей

3. Аэрозоли как адсорбенты. Поглощение ОВ (газов и паров) дымами и туманами; адсорбционная способность мелких частиц в зависимости от их размеров.

4. Изучение взаимодействия двух аэрозолей и их взаимная коагуляция в связи с их электрическими свойствами, а также ускорение коагуляции дымов и туманов введением примесей. Применение к взаимному свертыванию в полевой установке.

5. Стабилизация туманов поверхностно-активными веществами. Кинетика укрупнения и седиментации глобул тумана с поверхностно-активными веществами и без них. Конструирование приборов ранцевых, возимых и стационарных.

6. Электрическое распыление жидкостей по Ауэрбаху, но облегченное поверхностно-активными веществами (получение маскирующих туманов). Выяснение оптимальных условий для наиболее ходовых ОВ. Заражение (искусственное) аэрозолей и его влияние на устойчивость. Получение ипритовых облаков...

8. Выработка методики... исследования аэрозолей в полевой обстановке. Определение концентрации туманов иприта при подрыве в бронеяме ипритных снарядов.

9. Изучение оптимальных условий сублимации и конденсации при получении дымов. Степень дисперсности и устойчивость при разных условиях возгонки.

10. Разработка интерферометрической методики для количественного определения газообразных продуктов разложения дымов ОВ при получении их возгонкой...»[156]

С тех пор **наука об аэрозолях стала секретной** («оборонной»). И поныне она, по существу, остается таковой.

Ленинградский государственный институт прикладной химии (**ГИПХ**, Ватный остров, 2) тоже занимался ОВ с времен Первой мировой войны. Между войнами эти исследования проводились здесь непрерывно. В 30-х гг. здесь была сосредоточена вся работа по производствам ОВ класса синильной кислоты (собственно синильная кислота, хлорциан, циангидрин, цианистые соли калия и натрия, циклон и др.), по ряду производных фтора, предназначавшихся, среди прочего, для преодоления противогаза противника. В 1940 г. именно здесь разрабатывался способ выпуска трифтортриэтиламина — фторного аналога азотистого иприта. Здесь же между мировыми войнами осуществлялся выпуск ОВ, требовавших сложной химической технологии. В годы Отечественной войны ГИПХ оставался в Ленинграде и был научным центром ПХО города[720].

Московский химико-фармацевтический институт (**НИХФИ**, Зубовская площадь) также работал по заданиям армии в течение нескольких десятилетий, причем в самых разных направлениях. В частности, в 1937 г. он исследовал состав иприта, а также разрабатывал ОВ, способные «пробивать» противогаз противника[544]. Не чужды этому институту были и проблемы токсикологии.

Проектированием цехов по выпуску химоружия занимались московский проектный институт **ГСПИ-3** (Государственный союзный проектный институт хлорной промышленности — ГипроХлор) и его филиалы — Дзержинский и Волгоградский (нынешний «Гипросинтез»).

Всемирно известный и респектабельный авиационный институт **ЦАГИ** занимался конструированием боевых приборов для ОВ[544], а также изучал вопросы их применения с использованием авиационных средств. Имел свою лабораторию на военно-химическом полигоне в Кузьминках (Москва)[84].

Не уклонился от дел химической войны и Реактивный НИИ (**РНИИ**). Когда потребовалось научное решение вопросов конструирования специальных пороховых зарядов для вновь создаваемых химических боеприпасов, оно было выполнено. А 14 декабря 1934 г. окончил работу «К вопросу о применении порохового заряда для распыливания отравляющих и дымообразующих веществ в авиабомбах» известный конструктор пороховых ракет и сотрудник РНИИ Г.Э. Лангемак. Потом И. Клейменов представил серьезные результаты испытаний ракетных химических мин ближнего действия[224]. Оба они тогда с энтузиазмом работали на Советскую Родину и еще не знали, что такое быть в положении з/к.

В заключение этого раздела полезно привести очень краткую систематику научных организаций химической войны. К сожалению, она далеко не полна.

Москва

Шоссе Энтузиастов. Химический завод № 1 и № 51 (бывший завод «Фосген-3», Ольгинский завод). НИИ-42 (ГСНИИ-42), ГСНИИ-403, п/я 702. Головной институт химической промышленности по разработке химоружия с опытным заводом ГСНИИОХТ. Производство химоружия. Работы с химоружием. Опытное хранение химоружия. Захоронение химоружия.

Богородский Вал. Военно-химический институт (ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ). Работы с химическим и биологическим оружием. Склад химоружия института и Богородский склад ОВ. Захоронение химоружия. Опыты с ОВ на людях.

Москва. Химический институт имени В.Я. Карпова. Работы с химоружием. Научная организация производств ОВ.

Ул. Вавилова. Институт химии природных соединений АН СССР. Разработка химоружия.

Ул. Вавилова. Институт элементоорганических соединений АН СССР. Работы по ОВ.

Бригадирский переулок. Военно-химическая академия имени К.Е. Ворошилова (с 1935 г.). Работы с химоружием.

МОСКОВСКАЯ ОБЛ.

Черноголовка (Ногинский район). Институт физиологически активных веществ АН СССР. Разработка химоружия.

С.-ПЕТЕРБУРГ И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ.

С.-Петербург. Институт эволюционной физиологии АН СССР. Разработка химоружия.

С.-Петербург. Государственный институт прикладной химии (ГИПХ) с опытным заводом по выпуску ОВ.

С.-Петербург. Институт токсикологии.

САРАТОВСКАЯ ОБЛ.

Шиханы. Военный институт химоружия 33 ЦНИИИ СА. Работы с химоружием. Испытания химоружия. Опыты с ОВ на людях. Захоронение химоружия.

Шиханы. Гражданский институт химоружия ГИТОС. Работы с химоружием. Разработка химоружия. Опытный выпуск ОВ.

ТАТАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Казань. Институт органической химии. Разработка ОВ.

ТУЛЬСКАЯ ОБЛ.

Тула. Тульский филиал ОКБА. Работы с химическим оружием.

ЛАТВИЯ

Рига. Институт органического синтеза АН Латвийской ССР. Разработка химоружия.

УЗБЕКИСТАН

Ташкент. Институт химии растительных веществ АН Узбекской ССР. Разработка химоружия.

УКРАИНА

Киев. Институт органической химии АН УССР. Разработка химоружия.

Одесса. Разработка химоружия психотропного типа.

* * *

Вот такой была научная обслуга ВХК советских лет — академическая и прикладная. Строго говоря, это был не самый почтенный вид добычи и приложения научных знаний. Однако и поныне лица, составлявшие руководство науки советских лет и их российские потомки, по существу, так и не поняли, что самый верный способ прихода к более эффективной науке — это здраво оценить те периоды ее жизни, где она (наука) была использована не на самые добрые дела.

«Если говорить откровенно, мы до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся».
Ю.В. Андропов, 1984 г.

ГЛАВА 10. ИНДУСТРИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Долгое время считалось, что промышленности химического нападения в Советском Союзе будто бы «никогда не было». Не смогли ее добротно описать и наиболее осведомленные разведки мира[34]. Между тем эта отрасль не только существовала, но и оставила на теле страны немало шрамов. Другими словами, все, что содержится в настоящей главе, для нашего общества является новой информацией. И было бы хорошо, чтобы она не прошла мимо нашей нынешней бюрократии. Ведь речь идет об индустрии абсолютно ненужного оружия.

К сожалению, при организации советской промышленности химической войны перед советской властью не стоял выбор между двумя мировыми тенденциями начала XX века — нормальной американской системой (заводы химоружия существуют индивидуально и, по возможности, отделены от гражданской химической промышленности) и системой мобилизационной экономики (заводы химоружия составляют сердцевину «мирной» химической промышленности). В Советском Союзе мобилизационный путь развития был избран под нажимом руководства Красной Армии еще на рубеже 20–30-х гг. и в дальнейшем не изменялся вплоть до его развала.

10.1. РАСЦВЕТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ОТРАВЫ

Как следует из данных разведок Запада[34], организационно советская индустрия химической войны начинала свой долгий трудовой путь с анилино-красочной промышленности. В реальной жизни все было много сложней.

16 октября 1921 г. приказом по ВСНХ СССР за подписью его председателя П.А. Богданова (1882–1939) было создано Объединенное управление государственных заводов анилино-красочной промышленности «Анилзаводы» (впоследствии «Анилтрест»)[368]. В него вошли заводы Москвы: Дербеневский, Бутырский, Центральная лаборатория, Экспериментальный (бывший завод «Фосген-1»), Владимирский (бывший завод «Фосген-3»), Дорогомиловский, Тригор, а также Кинешемский завод (г. Кинешма, Ивановская обл.). За исключением двух заводов (Тригор и Бутырского) вся эта система так или иначе много лет была задействована на подготовку к химической войне.

Потом были неизбежные реорганизации, в том числе под влиянием армии.

В конце 20-х гг. заводы, связанные с химоружием, входили в два треста Главного военно-промышленного управления (ГВПУ). В образованный осенью 1927 г. Военно-кислотный трест вошли химический завод № 1 (Москва, бывший Владимирский-Ольгинский завод) и химический завод № 2 (Самарская обл., г. Троцк, бывший завод «Берсол»). А в ранее созданном Военно-химическом тресте остались два снаряжательных завода — Богородский завод № 12 (ст. Электросталь, Московская обл.) и Сергиевский завод № 11 (бывший завод «Красная ракета» в г. Сергиев, Московская обл.; ныне — г. Сергиев Посад).

Заглядывая вперед, армия стремилась, однако, чтобы заводы химоружия не входили в военные промышленные объединения. И они, в конце концов, были переведены в общую промышленность ВСНХ, затем — в НКТП, после чего оказались в НКХП (МХП). И до самого конца XX века индустрия химической войны пряталась под крышей мирной промышленности, параллельно грабя и обескровливая ее.

Реальные реорганизации выглядели более сложно. Так, осенью 1930 г. после неизбежного разбирательства на фоне борьбы с вредителями[394] химзавод № 1 был подчинен ВСЕХИМПРОМу (Всесоюзному объединению химической промышленности) ВСНХ СССР — зародышу будущего химического главка НКТП, а потом и НКХП. Его возглавлял тогда Г.Л. Пятаков.

Потом было много других реорганизаций.

Одним из принципиальных шагов было постановление НКТП СССР от 3 августа 1932 г. об организации Всесоюзного треста органических производств (ВТОП)[392]. Лицо треста определяли поначалу три завода. Химзаводом № 1 назывался Ольгинский завод (Москва), который вскоре был переименован в завод № 51 (ныне — ГСНИИОХТ). Химзавод № 2 располагался в г. Чапаевске (Самарская обл.; бывший г. Троцк), и много лет он был занят не реализацией германо-советского проекта по производству иприта **(XX)** и фосгена **(XIII)** для нужд армии Германии, а решением внутренних «оборонных» задач страны. В связи с реорганизацией химзавод № 2 был вскоре выведен из состава комбината № 15, который до того объединял производства и ОВ, и ВВ. В дальнейшем этот завод получил наименование — химзавод № 102. Завод № 3 начал работать еще в 1929 г. в Сталинграде (Волгограде) и впоследствии был назван заводом № 91. Заводы, вошедшие в состав ВТОП, предназначались для промышленного выпуска боевых ОВ. Вскоре в составе уже ВХТОП начал работу еще один московский завод — химзавод № 4 (Угрешский), в дальнейшем переназванный в химзавод № 93, а потом долгие годы именовавшийся ГосНИИхлорпроектом (ныне — завод «Синтез»). В середине 30-х гг. уже в объединение ГОХП (Государственное объединение химических производств), помимо названных, входили и многие другие заводы химоружия — старые заводы Дербеневский (Москва), Кинешемский (Ивановская обл.) и Рубежанский (Луганская обл.), а также новый химический завод № 96, возводившийся в Дзержинске (Нижегородская обл.)[392].

Параллельно с ВТОП-ВХТОП-ГОХП существовало еще одно химическое объединение — ГХП. Туда входила другая группа химзаводов: новые заводы Сталиногорский (Тульская обл.) и Березниковский (Пермская обл.), старый завод — Чернореченский (ЧХЗ, Дзержинск, Нижегородскя обл.), а также другие заводы по выпуску боевых ОВ.

Во второй половине 30-х гг. большинство заводов химоружия вошли в состав двух наркоматов. Одна группа заводов вошла в состав Шестого Главного управления Наркомата оборонной промышленности (НКОП): Московские № 51 и № 93, Чапаевский № 102, Сталинградский № 91, Дзержинские № 96 и ЧХЗ, Сталиногорский. Туда же вошел вновь возведенный завод № 148 (Дзержинск). Именно Шестое управление руководило работами по спецхимии, включая разработку и выпуск химоружия. Другая группа заводов относилась к НКТП: Рубежанский химкомбинат, Кинешемский химзавод, Дербеневский химзавод (Москва), Воскресенский химкомбинат и Березниковский химзавод. На них цеха химоружия прятались среди цехов общей химии.

После выделения химической промышленности из НКОП и образования в 1939 г. Наркомхимпрома (НКХП) Шестое управление НКОП сначала осталось Шестым же управлением, а в конце 1940 г. было переименовано в Первое Главное

управление (ПГУ) НКХП (после войны — МХП СССР). В этой форме оно пережило войну и первые послевоенные годы, возглавляя работы по созданию химоружия на своих заводах и координируя производство ОВ и наполнение ими боеприпасов на тех заводах МХП СССР, которые не входили в этот главк.

ПГУ руководило работами по созданию химоружия и в годы совнархозов, когда МХП СССР было преобразовано в Государственный комитет СМ СССР по химии (ГХК), а затем — в ГХК при Госплане СССР.

Страна Советов жила своей жизнью. Чем памятен людям 1965 г. — первый год после замены Н.С. Хрущева на Л.И. Брежнева на посту руководителя страны? В августе 1965 г. «Пионерская правда» бросила призыв: «Ребята! Создавайте во дворах и школах футбольные команды». И тем родила движение, оформившееся в регулярные всесоюзные соревнования «Кожаный мяч». И до наших дней можно найти людей, которые все это помнят. Можно найти и людей, которые помнят, как в сентябре 1965 г. в СССР началась новая арестантская эпоха (А.Д. Синявского «взяли» 6 сентября 1965 г., Ю.М. Даниэля — 12 сентября). А кто-то помнит и о том, что речью А.Н. Косыгина, произнесенной 27 сентября 1965 г. на пленуме ЦК КПСС, был дан старт так называемой косыгинской реформе — последней серьезной попытке реформирования советской экономики. Было, впрочем, и еще одно событие: 5 декабря сын С. Есенина А.С. Есенин-Вольпин устроил на Пушкинской площади в Москве первую с 20-х гг. демонстрацию с плакатами: «Уважайте советскую конституцию!», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!»... Можно удивляться, но историческая правда оказалась именно за этими демонстрантами.

Однако вряд ли найдется кто-то, кто расскажет об обстоятельствах появления на свет ВО «Союзоргсинтез» МХП СССР. Между тем это был яркий фокус ВХК. В 1965 г. при воссоздании ранее распущенных министерств в МХП было создано заодно и это самое объединение «Союзоргсинтез» — трест современной химической войны. Пользуясь моментом, начальники освободили новое боевое образование от многих химических заводов прежних лет за ненадобностью, оставив себе задачу управления лишь новейшими заводами современного химоружия. Как раз это объединение и осуществляло разработку и выпуск химоружия новых поколений (**«веществ специального действия»** — ВСД). В число его предприятий входили переоснащенный заново завод «Химпром» в Волгограде (бывший завод № 91), вновь возведенный комбинат «Химпром» в Новочебоксарске (Чувашия), завод «Алтайхимпром» в Славгороде (Алтайский край), вновь возводившийся завод «Химпром» в Павлодаре (Казахстан). Здесь же трудился на будущую войну и «Кремнийполимер» из Запорожья (Украина).

Промышленный выпуск боевых ОВ последнего поколения продолжался в Советском Союзе — официально — вплоть до 1987 г.[11] Фактически, по крайней мере, опытные партии ОВ выпускались и позже.

Мы не ставим своей целью анализ технической политики, проводившейся в промышленности химоружия. Подчеркнем лишь, что в производствах ОВ изначально была взята линия на удешевление «продукции», причем абсолютно любой ценой. Ценой оказались люди и природа.

Ниже будет разобрано положение дел на отдельных заводах химоружия Советского Союза. И можно лишь удивляться тому, что перечень этих заводов (не упомянуты лишь немногие из реально действовавших) и отдаленно не напоминает то, что самодовольные западные разведки выдавали за результат своих разведывательных усилий в предвоенные, военные и послевоенные годы[34].

10.2. ЧАПАЕВСК НА МОЧЕ

Изданная в 1988 г. обширная книга о советском г. Чапаевске[719] имеет лишь отдаленное отношение к его реальной истории. Да и книга об экологии бассейна реки Чапаевки (бывшей реки Моча) — тоже не самый близкий путь к познанию реальности[1011]. Поэтому нам приходится оперировать совсем другой историей города химической войны Чапаевска — историей, основанной на документах.

Первое масштабное производство иприта **(XX)** и фосгена **(XIII)** было организовано на ст. Иващенково (с 1927 г. — г. Троцк, с 1929 г. — г. Чапаевск Самарской обл.). Поначалу — для армии Германии. Для реализации германо-советского проекта был избран основанный в 1908 г. завод Ушкова. В рамках проекта он назывался АО «Берсол»[668], затем, после прекращения сотрудничества с Германией, его именовали госхимзаводом № 2 ВТОП, потом многие годы — заводом № 102. Во второй половине XX века предприятие было более известно как Чапаевский завод химических удобрений, а потом как Средневолжский завод химикатов. Директора времен войны и активного выпуска ОВ: А.Н. Шушкин (1939–1942), Б.М. Барский (1942–1943), И.Г. Матвеев (1943–1947). Главные инженеры: Я.П. Чопоров (1934–1941), Г.Ф. Нехорошев (1942–1945).

В апреле 1930 г. при обсуждении в РВС СССР мобилизационной готовности страны по ОВ мощности на заводе в Чапаевске были таковы: иприт — 5 тыс. т/год (оборудование смонтировано в 1928 г., но не испытано); фосген — 3 тыс. т/год (цех был построен в 1925 г., но оборудование так и не было испытано). Решение РВС: «Признать мобготовность промышленности по производству ОВ чрезвычайно низкой». К 1 июля 1930 г. планировался конец строительства в Чапаевске установки по выпуску треххлористого мышьяка (сырья для люизита) на мощность 400 т/год[382].

Впрочем, заинтересованные лица в руководстве страны знали о прозаических событиях лета 1926 г., когда во время весеннего половодья территория завода была залита слоем воды толщиной в 2 м (тогда он еще пытался изготавливать иприт и фосген для дружественной армии Германии). Тем не менее «капитальных работ по устройству заградительного вала» никто делать не стал (от Волги завод всерьез отгородили лишь после Второй мировой войны, во времена строительства Куйбышевской ГЭС). А сам завод уже в 1927 г. произвел 600 т хлора. К 1931 г. будущий завод № 102 был выведен по иприту Левинштейна на мощность 5 тыс. т/год. Вскоре он был переоборудован на мощность 6 тыс. т/год, а в конце 30-х гг. она возросла до 11 тыс. т. Мощность по люизиту **(XXI)** составляла на 1 июня 1937 г. — 500 т/год. В январе 1940 г. должна была закончиться реконструкция, так что к 1941 г. мощность составила 4 тыс. т.

Битва за иприт была полна драматизма. Реальный выпуск иприта на заводе начался значительно позже прекращения работ для Германии. Пробные пуски ипритного производства осуществлялись несколько раз, они известны в 1930 и 1932 гг. В частности, в 1932 г. было произведено 73,8 т иприта и выпущено в снаряжении ипритом 16350 артснарядов калибра 122 мм и 17840 артснарядов калибра 107 мм. В том же году было произведено 56500 артснарядов в снаряжении фосгеном. В пропагандистской книге[719] указывалось, что в 1933 г. завод выполнил план на 192%. Действительно, в декабре 1933 г. с завода была отправлена на склад № 139 (Чита) партия 78 т иприта (в 16 вагонах).

Во II квартале 1934 г. «в рамках полной и всесторонней проверки подготовленности к эксплуатации» ипритных цехов страны «на случай войны» на заводе

была выпущена большая партия иприта[397,398]. Его было произведено 591,5 т и им было снаряжено 5889 артхимснарядов калибра 122 мм.

Следует иметь в виду, что процитированный текст — из парадного отчета. На самом деле из 400 т иприта, предназначенных для защиты рубежей Родины, в 1836 бочек и 3 цистерны попало лишь 360 т иприта. Большего до 18 мая, когда ударная работа была прекращена, сделать не смогли — надорвались. Выпуск иприта был начат 12 апреля одновременно на всех 4-х реакторах, однако они последовательно выходили из строя, так что реально работа велась на меньшем числе реакторов, чаще всего на двух (реактор № 1, например, выпустил лишь 4 партии иприта). Из 150 произведенных партий иприта содержимое 4-х пошло в брак. Как писал начальник завода в Москву 5 июня 1934 г., «конструкция реакторов не обеспечивает нормальную работу и должна быть безотлагательно изменена»[397] — то была расплата за арест проф. Е.И. Шпитальского и за истерию при массовом искоренении вредительства в 1929–1930 гг. (Кончилась она тем, что «вредительские» реакторы для производства иприта были просто сняты, а сделанные вместо них оказались «неудачными»[398]). В письме указывалось и об «ультимативной необходимости специальной арматуры для производства вещества № 6» — иприт вытекал отовсюду. А еще в те дни выявился явный перерасход сырья. Причина была тривиальной — «благодаря отсутствию контрольно-измерительных приборов… работы проводились вслепую». После той ударной работы ипритный цех № 4 надолго вышел из строя, потому что он был абсолютно не готов к ее выполнению. Тем не менее в будущем он участвовал в регулярных вахтах по расширению стратегических запасов страны по иприту.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ:

1934 г. — *«Огромным достижением завода является выполнение полностью и в срок задания по 4-му цеху, что потребовало от всего заводского коллектива исключительного напряжения сил».*

1937 г. — *«Вредительство в военно-химической промышленности проводилось как в планировании, так и в выполнении плана. В планировании — выбор точек строительства в местах, где нет воды. Началось крупнейшее расширение 102 завода, в то время как дебет реки Чапаевки может дать 2000 м^3 в сутки при потребности 9500 м^3 в сутки. Таким образом, предполагалось нанести колоссальный вред обороне. К счастью, это было обнаружено и теперь исправлено»*[413].

Выпуск люизита в предвоенные годы был незначителен. В 1935 г., в частности, его было произведено 106 т. В том же 1935 г. было произведено 329 т фосгена и 279,2 т треххлористого мышьяка.

Окончание во втором полугодии 1934 г. дооборудования разливочной станции позволило начать более масштабный разлив ОВ по боеприпасам. В частности, в 1935 г. был осуществлен большой выпуск химбоеприпасов в снаряжении двумя ОВ: 6540 снарядов калибра 122 мм, 3033 снарядов калибра 152 мм и 4050 мин калибра 107 мм в снаряжении фосгеном, 11444 авиабомб ХАБ-25, 1463 авиабомб ХАБ-200, 4070 снарядов калибра 152 мм, 650 снарядов калибра 122 мм и 4938 снарядов калибра 107 мм в снаряжении ипритом.

Впрочем, между мощностью на бумаге и реальным состоянием дел была огромная дистанция. Во всяком случае 19 ноября 1936 г. на партсобрании в цехе № 5 по

снаряжению химбоеприпасов СОВ (иприт и люизит) и НОВ (фосген и дифосген) начальник цеха сообщил: «мобилизационная готовность моего цеха равняется нулю». Дело в том, что фосген тогда снаряжали в боеприпасы вручную из мерников («в жаркие дни снаряжать нельзя»), а мощностей цеха просто никто не знал. И в 1937 г. на заводе была развернута очередная реконструкция[397,413].

Рис. 4 вполне демонстрирует качество тех сооружений, в которых в те тяжелые годы осуществлялось производство ОВ.



Рис.4. Один из цехов завода № 102 в Чапаевске. В таких цехах выпускалось химоружие в предвоенные и военные годы (снимок В.Т. Стрельникова 60-х гг.).

Последняя предвоенная оценка мобилизационной готовности завода (это было в июне 1940 г.) привела к следующим выводам: мощность ипритного цеха мобилизационного плана не обеспечивала, люизитный цех находился в стадии реконструкции и вообще не имел плана, были неясности и в отношении производства в фосгеновом цехе («Нет полной ясности протекающего химизма. Непомерно велика коррозия аппаратуры»)[421].

В пропагандистском издании 1988 г. указано, что «в 1941 г. здесь было освоено производство жидкого хлора, который стал основой для выпуска многих видов продукции»[719]. Действительно, все годы Великой Отечественной войны завод осуществлял масштабный и почти непрерывный выпуск иприта и люизита (без хлора это невозможно, так что его производство пришлось резко расширять), а также других ОВ (табл. 6.5). Иприт в 1941–1943 гг. производился в цехе № 4, после чего был прекращен из-за невозможности остановить отравления людей. Выпуск

люизита, который был связан с деятельностью цехов № 7 (выпуск собственно люизита) и № 26 (выпуск предшественника люизита — треххлористого мышьяка), осуществлялся всю войну. Смешение СОВ в различные иприт-люизитные смеси было организовано в цехе № 54. Снаряжение химбоеприпасов ипритом, люизитом и их смесями (авиахимбомб ХАБ-500, ХАБ-200 и ХАБ-25, снарядов ствольной и реактивной артиллерии АХС-76, АХС-122, АХС-152, МХ-13, химических мин М-82 и М-120) производилось в цехах № 52,53 и 55, в том числе за счет привозного сырья. Выпуск фосгена осуществлялся в цехе № 6.

Война потребовала превращения «бумажных» мощностей в реальные ОВ. Постановлением ГОКО от 12 августа 1941 г. заводу были установлены очень большие задания по выпуску важнейших СОВ — иприта и люизита. А нарком НКХП М.Ф. Денисов распорядился еще и резко нарастить мощности по их выпуску: мощность по выпуску иприта до 1 января 1942 г. расширить до 20 тыс. т/год, а люизита — до 6 тыс. т/год. Результаты были, однако, таковы, что вскоре этим заводом пришлось заниматься наркомату Госконтроля СССР. А 11 октября 1941 г. в приказе наркома М.Ф. Денисова разбирались итоги проверки. Было, в частности, указано на срыв заводом в сентябре задания по выпуску СОВ[423]. Не обошлось без констатации запущенности оборудования основных цехов, в том числе № 4 (в сентябре он был остановлен) и № 7 «из-за систематического нарушения технологического режима и несвоевременного и некачественного ремонта». 1 марта 1942 г. очередным постановлением ГОКО СССР, касающимся производства средств химического нападения в марте, заводу были установлены месячные объемы выпуска ОВ — 950 т иприта и 330 т люизита[425]. Это задание исполнено быть не могло. И в следующем году нажим на завод продолжался. В мае 1943 г. нарком НКХП М.Г. Первухин издал приказ о резком наращивании мощностей по производству СОВ и наполнению ими химбоеприпасов. Было велено довести мощности по производству иприта до 1120 т в месяц, а люизита — до 330 т в месяц. И все это к 1 августа. Столь же несбыточные задания были даны и в отношении мощностей по разливу СОВ по боеприпасам: артснаряды ствольной артиллерии АХС-76 — 83 тыс. шт. в месяц, АХС-122 — 100 тыс. шт., АХС-152 — 71 тыс. шт., снаряды реактивной артиллерии МХ-13 — 75 тыс. шт. И все это к 15 июля 1943 г.[426]. Вряд ли кто надеялся на реальное исполнение того приказа.

Фактические объемы выпуска иприта в годы Отечественной войны (при теоретической мощности — 11 тыс. т/год): 1941 г. — 3360 т, 1942 г. — 4480,7 т, 1943 г. — 2238 т. То есть за всю войну завод смог выпустить иприта меньше, чем мощность одного года. Фактические объемы по выпуску люизита в годы войны (при мощности — 4000 т/год): 1941 г. — 1197 т, 1942 г. — 1410 т, 1943 г. — 1656 т, 1944 г. — 96 т. То есть за всю войну было произведено 4359 т. Производство фосгена (мощность — 2000 т/год) продолжалось всю войну: 1941 г. — 126 т, 1942 г. — 290 т, 1943 г. — 564 т, 1944 г. — 450 т, 1945 г. — 103 т. В годы войны на заводе сохранялись мощности по выпуску дифосгена (850 т/год) — плод надежд первого начальника ВОХИМУ Я.М. Фишмана на его боевую эффективность. Фактически они не были реализованы. Выпуск таков: 1942 г. — 3 т, 1943 г. — 6 т.

Среднее число работников на заводе составляло: 1942 г. — 1840 человек, 1943 г. — 2420, 1944 г. — 2450. Сбежало с завода: 1942 г. — 308 человек, 1943 г. — 432, 1944 г. — 195.

31 декабря 1944 г. ГОКО СССР постановил законсервировать ряд цехов химоружия Чапаевского завода — №№ 4,7,26,52–54[424].

План развития промышленности химоружия на пятилетку 1946–1950 гг. в отношении завода в Чапаевске предусматривал немало заданий. Мощности по люизиту и фосгену было решено сохранить (соответственно, 4 тыс. т/год и 2,6 тыс. т/год). Цех по выпуску иприта было решено переделать на производство на основе дихлорида серы с выходом на мощность 13,5 тыс. т/год. Было решено механизировать технологические процессы с использованием трофейного оборудования, захваченного на химзаводе в г. Лекнитц (Германия). Было также решено, помимо немецкого оборудования, использовать и иное, в частности установить в цехах автоматические станки для налива ОВ. Впрочем, не везде. Цех № 54 (смешение СОВ в различные смеси) было решено просто ликвидировать («вследствие крайней его зараженности»), и вместо него к 1950 г. ввести новый корпус смешения[432]. Фактически в послевоенные годы, как и в предвоенные, завод занимался непрерывными модернизациями производств ОВ. В связи с этим, в частности, в 1949 г. даже встал вопрос о сокращении сброса хлора в атмосферу и направлении его на дело — выпуск СОВ[636]. В 1948 г. была попытка наладить на заводе производство $Ni(CO)_4$ по заданию МВД СССР[747]. Впрочем, послевоенные модернизационные сюжеты мало отличались от предвоенных.

14 июля 1950 г. на совещании у начальника ПГУ МХП С.Я. Файнштейна при обсуждении заданий на реконструкцию было решено реконструировать цех № 4 по выпуску иприта Левинштейна, а цех № 54 разрушить и возвести новый. В решении были упомянуты два соображения, навеянные тяжкими ипритно-люизитными буднями прошедшей войны, — «в цехах снаряжения предусмотреть максимум механизации всех операций и разгрузочно-погрузочных работ» и «улучшение условий труда и техники безопасности». А совещание у главного инженера ПГУ В.Н. Антонова, состоявшееся 14 сентября 1951 г., констатировало «невозможность создания необходимых условий труда» в помещении III фазы ипритного цеха[787]. В 1954 г. было утверждено задание на реконструкцию этого производства с переходом на выпуск иприта В.С. Зайкова (денег та работа требовала очень больших)[433]. Впрочем, из этого так ничего и не вышло, и цех иприта все-таки пришлось разрушить.

Не забывали и про люизит. К середине 50-х гг. мощность по его выпуску была поднята с 4000 до 4440 т/год. Была также сделана попытка возвести цех № 54 взамен разрушенного и организовать в нем производство вязкого люизита[751].

4 сентября 1954 г. было подписано постановление ЦК КПСС и СМ СССР, в соответствии с которым заводу № 102 было поручено развивать мощности по снаряжению артснарядов калибра 122 мм и 152 мм, реактивных снарядов МХ-13 и 82 мм мин[433]. Причем часть из них была переведена на новые чертежи. Необходимые средства на расшивку узких мест появились не сразу. Во всяком случае в документе января-февраля 1955 г. речь шла об установке в снаряжательных цехах №№ 52, 53 и 55 новых сушильных агрегатов, а вот асфальтирование территории между этими цехами (смысл — межцеховые транспортировки химических боеприпасов) было сочтено «излишним».

По постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г. цех № 52 было решено реконструировать, с тем чтобы иметь мощности по наполнению люизитом (жидким и вязким) артхимснарядов АХС-122 (478 тыс. шт./год), АХС-130 (85 тыс. шт./год) и АХС-152 (136 тыс. шт./год). Плановое задание было утверждено осенью 1959 г., сроком готовности реконструированного цеха к работе было определено 1 января 1962 г. В качестве станков для налива ОВ предусматривались полуавтоматы. Как водится, проектом не были учтены уроки войны и не была предусмотрена модернизация обезвреживания абгазов и

стоков. Лишь после вмешательства санитарных врачей (март 1961 г.) химикам пришлось обсуждать очередные предложения: об очистке воздуха вытяжной вентсистемы 2-й фазы цеха № 52, изоляции 2-й фазы от 1-й и 3-й, сооружении новой венттрубы, установке полуавтоматических станков налива и т.д.[434].

В 1958–1960 гг. была предпринята попытка восстановления на заводе производства фосгена мощностью 10 тыс. т/год. Как и в других послевоенных проектах, образование вокруг химзавода СЗЗ не предусматривалось[1012].

Многие годы на заводе № 102 существовал склад стойких ОВ.

10.3. ДЗЕРЖИНСК НА ОКЕ

В Дзержинске (Нижегородская обл.) производство ОВ и химических боеприпасов осуществлялось на трех химических заводах — «Заводстрое», «Рулоне» и ЧХЗ им. М.И. Калинина. Под этими житейскими именами тогда скрывались «оборонные» заводы № 96 («Заводстрой», нынешний «Капролактам»), № 148 («Рулон», нынешнее «Оргстекло») и старый Чернореченский химический завод (нынешний «Корунд»). Помимо этого, на заводе № 80 было налажено снаряжение химических боеприпасов. Сам же г. Дзержинск был создан в 1930 г. на основе нескольких поселков.

«Творческая» жизнь **завода № 96** началась 10 июля 1936 г., когда приказом наркома НКТП СССР Г.К.Орджоникидзе было предпринято резкое расширение промышленности химоружия[411]. Среди прочего был предусмотрен и толчок в развитии производств ОВ в Дзержинске (площадка завода была освоена еще в 1933 г.). На возводимом заводе № 96 к 1 января 1939 г. предстояло создать мощности по выпуску: иприта **(XX)** — 40 тыс. т/год, люизита **(XXI)**- 8 тыс. т/год, фосгена **(XIII)** — 3 тыс. т/год. Мощности по выпуску иприта Левинштейна, а также люизита были организованы по плану. Потом были выпуски отдельных партий. В частности, по постановлению КО при СНК СССР от 2 января 1940 г.[420] было решено выпустить в течение года 200 т иприта В.С. Зайкова в смеси с люизитом (1:1) и 107 т люизита (100 т для армии и 7 т для флота). Директор завода — Ю.А. Каганович (1937–1959). Главный инженер — М.В. Хрулев (1942–1962). Среднее число работников: 1942 г. — 4440, 1943 г. — 4900, 1944 г. — 4800 человек.

Производство иприта Левинштейна существовало в 1941–1942 гг. в цехе № 3 (выпущено, соответственно, 2933 и 480 т). Одновременно в те годы завод перешел на выпуск иприта В.С. Зайкова (этилен-пропиленового) с мощностью 26,5 тыс. т/год (фактический выпуск, соответственно, 803 и 14905 т). До конца войны было произведено иприта В.С. Зайкова: 1943 г. — 18630 т, 1944 г. — 10335 т, 1945 г. — 2730 т. Всего за годы войны было выпущено: иприта Левинштейна — 3413 т, иприта В.С. Зайкова — 47403 т. Выпуск люизита был организован в цехах № 14 и 15 (мощность 8 тыс. т/год, а с 1944 г. — 12 тыс. т/год). За годы войны было выпущено 15899 т люизита: 1941 г. — 1021 т, 1942 г. — 4729 т, 1943 г. — 6874 т, 1944 г. — 2782 т, 1945 г. — 492 т. Производство треххлористого мышьяка началось в 1942 г. во вновь организованном цехе № 13.

Корпуса, в которых осуществлялось снаряжение химавиабомб ипритом и иприт-люизитными смесями, начали функционировать в конце 1941 г. В следующем году после реконструкции производство разделилось на два цеха — № 16 (химбомбы ХАБ-100, ХАБ-200 и ХАБ-500) и № 19 (артхимснаряды АХС-76). Напряжение тех тяжелых дней характеризуется, например, изданным в мае

1943 г. приказом наркома НКХП М.Г. Первухина о резком наращивании мощностей по производству ОВ и наполнению ими химбоеприпасов. Планы по ОВ были внушительные — довести уже в июле мощности по выпуску иприта В.С. Зайкова до 2200 т в месяц, а люизита — до 1000 т в месяц. Мощности по снаряжению боеприпасов тоже должны были резко возрасти: авиахимбомб ХАБ-100 — до 10 тыс. шт. в месяц, ХАБ-200 — до 16,6 тыс. шт., ХАБ-500 — до 4 тыс. шт., артснарядов калибра 76 мм — до 125 тыс. шт. в месяц[426]. Вряд ли кто-то надеялся, что тот приказ мог быть исполнен.

Решением от 31 декабря 1944 г. ГОКО СССР законсервировал производства основных заводов химоружия в связи с сокращением его поставок армии[424]. Были законсервированы и цеха завода № 96: корпус № 6а ипритного цеха № 3, а также снаряжательные цеха №№ 16, 18, 19.

План развития индустрии химоружия на 1946–1950 гг. предусматривал переоборудование цеха производства незамерзающего иприта В.С. Зайкова на выпуск на основе дихлорида серы, что позволяло обеспечить его хранимость. Иприт было решено выпускать по непрерывной технологии. Заодно намечались, наконец, «работы, связанные с улучшением условий техники безопасности». Мощность по выпуску иприта В.С. Зайкова было предусмотрено увеличить с 29 тыс. до 36 тыс. т/год, а мощность по люизиту — сохранить (12 тыс. т/год). В цехах по снаряжению химбоеприпасов было решено провести механизацию работ, в том числе с помощью оборудования их автоматическими станками для налива ОВ. Заодно временное здание по снаряжению ХАБ-200 (цех № 18) и другие временные здания было предусмотрено заменить на капитальные[432].

В августе 1949 г. встал вопрос о прекращении сброса хлора в атмосферу и направлении его на дело — выпуск СОВ[636]. В 1950–1951 гг. прошли дискуссии и конкретные дела по организации выпуска долгохранимого зимнего иприта В.С. Зайкова непрерывным (колонным) способом. На том этапе речь шла о создании в корпусах № 306 и № 308а опытного агрегата (производительность: по дихлориду серы — 650 кг/час, по иприту — 1 т/час), причем попутно ставилась задача «по возможности полностью механизировать и автоматизировать процесс». Не забыли и о старых спорах: о необходимости перегонки приготовленного иприта (без этого долго хранить его не удавалось), о безусловной очистке абгазов, о герметизации гидролизеров, о наполнении цистерн ипритом не под давлением, а под вакуумом и вообще об отказе от «паллиативных решений»[451].

Реально эти работы начались в 1952 г. после издания соответствующего распоряжения правительства. 3 августа 1952 г. замминистра МХП СССР Д.П. Новиков утвердил проект опытно-промышленного агрегата, который должен был работать в цехе № 3 на основе чистого дихлорида серы (корпус № 306) и иметь производительность по иприту 1 т/час. Попутно шла речь о реконструкции станции очистки сточных вод (корпус № 311). Имелось в виду, что при исполнении проекта одновременно улучшатся и качество продукции, и условия труда и техники безопасности[749]. Впрочем, до реального дела тогда не дошло.

На рубеже 1952–1953 гг. были осуществлены первые попытки решить проблему снаряжения химбоеприпасов в автоматическом режиме. Однако проект размещения в корпусе № 305 агрегата АК-1, который предназначался для снаряжения СОВ артхимснарядов калибра 75 мм, не получил немедленного одобрения санслужбы — огрехи по части очистки отходов были очевидны[581].

Через 5 лет постановлением СМ СССР от 17 января 1957 г. заводу было поручено срочно изготовить для армии партию долгохранимого иприта. Срочно не по-

лучилось. Поэтому постановлением СМ СССР от 31 декабря 1957 г. было предписано произвести 2000 т долгохранимого иприта (300 т в марте, остальное — в двух следующих кварталах 1958 г.). Установка по получению дихлорида серы была пущена 27 сентября 1957 г. и вскоре остановлена на переоборудование. Вновь она заработала в январе, однако к марту выявилась очередная серия недостатков (чистый дихлорид серы так и не получался), так что от выпуска в 1958 г. такой большой партии, как 2000 т, пришлось отказаться. Пуск производства иприта в цехе № 3 (корпус № 308а) состоялся 10 мая 1958 г., и к началу 1959 г. было наработано 1400 т долгохранимого иприта. Однако работа шла не в нормальном режиме: качественный дихлорид серы не получался, а узел поглощения абгазного хлора работал плохо. Впрочем, и армия уже не настаивала на получении иприта именно по новой технологии[451].

Очередной всплеск ипритной активности был связан с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г., нацеленном на наращивание мощностей спецпроизводств[434]. В мае 1961 г. ПГУ ГХК утвердил проект создания второго колонного агрегата для получения иприта (мощность — 7–8 тыс. т/год). Общая мощность завода должна была быть доведена до 14–16 тыс. т/год[451].

Были предприняты усилия по реконструкции снаряжательных производств (в рамках исполнения все того же постановления от 18 июня 1959 г.)[434]. Были созданы производства жидкого смесевого ОВ РК-7 (смеси иприта с люизитом) и вязкого ВРК-7, предназначенных для наполнения химавиабомб ХАБ-100 (мощность — 45 тыс. шт. в наполнении жидким РК-7), ХАБ-250 (мощность — 30 тыс. шт. в наполнении жидким РК-7 и 40 тыс. шт. в наполнении вязким ВРК-7), ХАБ-500 (мощность — 21,5 тыс. шт. в наполнении жидким РК-7) и ХАБ-1500 (мощность — 5 тыс. шт. в наполнении жидким РК-7 и 7 тыс. шт. в наполнении вязким ВРК-7). Весь круг работ должен бы осуществляться во вновь возведенных корпусах №№ 835–839 (№ 838 — хранение снаряженных авиахимбомб, № 839 — хранение пустых оболочек, № 835 — обработка пустых оболочек и т.д.). Предполагалось также реконструировать корпус № 305 (смешение ОВ)[434,1013].

Можно только удивляться, но по подготовленному проектному заданию на реконструкцию снаряжательных производств госсанинспектор М.В. Старкова (Дзержинск) высказала многочисленные возражения экологического характера[582]. Приняты они не были[1013]. Те мощности по снаряжению иприта, люизита и их смесей в химические боеприпасы просуществовали вплоть до начала 90-х гг.

Послевоенную судьбу производства люизита **(XXI)** скучной не назовешь. Одно из событий 50-х гг. — это отклонение госсанинспектором М.В. Старковой проектного задания (сентябрь 1953 г.) по обычным экологическим мотивам[788]. Впрочем, 22 мая 1954 г. начальник ПГУ МХП И.Р. Барботин утвердил задание на реконструкцию цеха № 18. Не прошло пяти лет, и 13 мая 1959 г. ЦК КПСС и СМ СССР постановили расширить мощности по производству люизита с 8 тыс. до 13,5 тыс. т/год (срок ввода — 1960 г.)[452]. Те тонны дожили до XXI века.

В послевоенные годы завод № 96 организовал выпуск хлорацетофенона **(II)** — «черемухи», чей производственный век в Москве заканчивался. Хроника событий обычна. В мае 1950 г. правительство постановило экономить средства при возведении спецобъектов, из-за чего от строительства специального цеха по производству хлорацетофенона на заводе № 148 пришлось отказаться. 14 ноября 1950 г. было издано распоряжение СМ СССР об организации более дешевого выпуска хлорацетофенона на химзаводе № 96 (в пустующем корпусе № 301). Сроком ввода мощности в 100 т/год был определен 1951 г. Уже 16 ноября 1950 г. был утвержден техпроект. А 20 апреля 1951 г. начальник ПГУ В.Н. Антонов рассматривал проект строитель-

ства мощности по выпуску хлорацетофенона с размещением его в отдельном корпусе. Плановая мощность 100 т/год (корпус № 300) вошла в строй своевременно[450] (к 1 января 1956 г. она поднялась до 233 т/год). Для кого предназначалось то ОВ, очевидно — технический регламент составлялся с участием спецотдела МВД[450]. При этом надо иметь в виду, что до решения секретариата ЦК КПСС 1976 г. о выходе хлорацетофенон на гражданку была еще четверть века[512].

В 1958–1959-х гг. на заводе была предпринята попытка наладить выпуск кислородного иприта непрерывным методом. Мощность — 1 тыс. т/год. Оборудование предполагалось разместить в новом корпусе № 725 (цех № 3а). Трудности сводились к тому, что из-за агрессивности веществ необходимо было использовать фарфоровые трубы, и среди проектировщиков обсуждалась возможность их замены на трубопроводы из тантала или фторопласта. А для выброса абгазов они планировали иметь вытяжку через трубу высотой 50 м[750]. Дело это кончилось ничем — после пуска в 1959 г. производства зарина в Сталинграде кислородный иприт оказался армии не нужен[158,727].

На заводе № 96 долгие годы существовал склад СОВ. Там в боеприпасах и в бочках хранились и время от времени изучались образцы всех рецептур СОВ первого поколения[727]. Аналогичная работа велась на некоторых военных базах. В начале 60-х гг. склад ликвидировали: появились СОВ второго поколения.

Масштабный выпуск синильной кислоты **(XV)** осуществлялся в Дзержинске на **заводе № 148**, введенном в строй в 1939 г. Директора завода: А.А. Грязнов (1940–1942), М.Т. Куликов (1942–1944), Ф.С. Хамзин (1944–1947). Главные инженеры: М.Т. Куликов (1938–1942), М.А. Ходос (1942–1943), Б.П. Зверев (1943–1948). Среднее число работников составляло: в 1942 г. — 2350, 1943 г. — 2340, 1944 г. — 2250 человек.

В годы войны мощность цеха по выпуску синильной кислоты солевым способом составила 5 тыс. т/год. Производство: 1941 г. — 302 т, 1942 г. — 229 т, 1943 г. — 1910 т, 1944 г. — 1850 т. В 1945 г. было произведено 1074 т синильной кислоты солевым способом и 27,7 т — новым (путем каталитического окисления аммиака и метана).

Снаряжение синильной кислоты в боеприпасы (авиахимбомбы ХАБ-100, ХАБ-200 и ХАБ-500, химснаряды ствольной и реактивной артиллерии АХС-76, МХ-13 и МХ-31) осуществлялось в цехах №№ 3,4,19 и 24. Часть синильной кислоты, впрочем, направлялась на производство органического стекла.

О жесточайшем напряжении тех дней свидетельствует приказ наркома НКХП М.Г. Первухина от 24 мая 1943 г. о резком увеличении планов выпуска химоружия на заводе. Было велено срочно довести месячный выпуск синильной кислоты и боеприпасов в ее снаряжении до абсолютно нереалистичных цифр: синильной кислоты — до 420 т в месяц, авиахимбомб ХАБ-100 — до 10 тыс. шт. в месяц, ХАБ-200 — до 2 тыс. шт., ХАБ-500 — до 0,5 тыс. шт., реактивных снарядов МХ-31 — до 20 тыс. шт. в месяц, МХ-13 — до 60 тыс. шт., артснарядов АХС-76 — до 125 тыс. шт. в месяц[426]. Тот приказ выполнен не был.

Постановлением ГОКО СССР от 31 декабря 1944 г. цеха №№ 18,19 и 24 были законсервированы[424]. Однако уже вскоре ветер переменился, и первым послевоенным планом развития промышленности химоружия на 1946–1950 гг. было решено производство синильной кислоты расширить за счет освоения уже строившейся второй очереди (по новому — контактному — методу) с увеличением мощности с 5 до 7 тыс. т/год. Одновременно планировалось создание установки по выпуску хлорциана для обеспечения заказов армии (мощность — 500 т/год)[432].

Тем же планом было решено наладить выпуск хлорацетофенона **(II)** (срок —

1948 г.), а также возвести корпус снаряжения химавиабомб и расширить существующий корпус снаряжения артхимснарядов[432]. 24 января 1950 г. был утвержден проект строительства установки по выпуску хлорацетофенона на мощность 100 т/год (корпус № 72). Вскоре, однако, задание по хлорацетофенону было переброшено на соседний завод № 96[450], а вот работы по модернизации снаряжения химбоеприпасов были выполнены. В частности, в феврале 1949 г. был принят проект по цеху снаряжения химавиабомб. Снаряжение было решено разместить в корпусе № 4 без его расширения. Мощность: ХАБ-100 — 10000 шт. в месяц, ХАБ-200 — 2000 шт. в месяц, ХАБ-500 — 500 шт. в месяц[1014].

Битва за синильную кислоту **(XV)** была долгой и изощренной.

17 августа 1948 г. на совещании у начальника ПГУ С.Я. Файнштейна рассматривался проект интенсификации действовавшей в цехе № 11 системы производства синильной кислоты. Было решено довести ее мощность до 123 т в месяц, имея в виду расширение до 250 т в месяц за счет монтажа второй системы, аналогичной первой. Скорее всего, ассигнований на эту работу получено не было. Во всяком случае 8 сентября 1953 г. на совещании у начальника ПГУ (теперь уже И.Р. Барботина) по проектному заданию на выпуск ОВ новым способом решили, что мощность в новом цехе должна составлять 15 тыс. т/год (выпуск синтетической синильной кислоты предусматривался методом каталитического окисления аммиака и метана). Цех должен был заменить законсервированный, где устарелое оборудование не обеспечивало безопасности. Среди прочего предусматривалась возможность заливки ОВ прямо в железнодорожные цистерны[789]. А постановлениями СМ СССР от 19 ноября и от 10 декабря 1955 г. было решено цех расширить с установкой третьей системы синтеза синильной кислоты[453]. В тех документах дошли, наконец, руки и до очистных сооружений для загрязненных стоков всего завода. К началу 60-х гг. мощность завода была доведена до 23,5 тыс. т/год.

Не забывали и о боеприпасах. Так, постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4 сентября 1954 г. было решено создать мобилизационные мощности для снаряжения синильной кислотой химических реактивных снарядов МХ-31 (производительность — 12000 шт. в месяц)[433]. Тем же документом было предусмотрено расширение и дооборудование цеха № 18. Следующий документ — постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г. — предусматривал новое развитие производств синильной кислоты и наполнения ею авиахимбомб и артхимснарядов ряда калибров[434].

На заводе № 148 в 1950-е гг. налаживалось опытное производство трифторнитрозометана **(XIX)**. Случались и разовые задания. Так, 7 апреля 1956 г. постановлением СМ СССР ему было предписано снарядить низкокипящим трифторнитрозометаном партию авиахимбомб для предстоящих испытаний. Это ОВ предназначалось для «пробивания противогаза «противника»[200].

Мощности по снаряжению химических боеприпасов были ликвидированы на заводе лишь в 1991 г.

Производства фосгена, дифосгена и синильной кислоты и снаряжение ими боеприпасов существовали в Дзержинске также на **Чернореченском химическом заводе им. М.И. Калинина** (ЧХЗ, ныне ПО «Корунд»). Директор завода — А.М. Климахин (1940–1956). Главный инженер — А.И. Рукавишников (1940–1944).

Производства ОВ на ЧХЗ имели большую историю. К 1 октября 1930 г. здесь должна была войти в строй установка по выпуску треххлористого мышьяка мощностью 650 т/год, и она проработала до конца войны. На 1 мая 1931 г. имелась только что созданная установка по выпуску фосгена **(XIII)** мощностью 4 тыс. т/год (на 1 июня 1937 г. фактическая мощность — 3,4 тыс. т). В 1931 г. монтиро-

валась установка по выпуску дифосгена **(XIV)** на мощность 850 т/год. Мощность собственного производства хлора на заводе составляла в начале 30-х гг. 5 тыс. т/год. А постановление КО при СНК СССР от 14 декабря 1939 г. установило срок сдачи цеха синильной кислоты **(XV)** на май 1940 г. (мощность — 1300 т/год). В конце 1939 г. заводу было дано задание изготовить партию дифосгена, и 28,7 т действительно было произведено[421].

Во время войны на ЧХЗ производились синильная кислота (выпуск: 1943 г. — 867 т, 1944 г. — 587 т) и фосген (1942 г. — 1383 т, 1943 г. — 2160 т, 1944 г. — 2160 т, 1945 г. — 566 т). Заливали ОВ в авиахимбомбы и снаряды реактивной артиллерии в цехах № 4 и № 262.

ИЗ ДОКУМЕНТА:

«Секретарю Центрального Комитета ВКП(б)
товарищу Маленкову Г.М.

Черноreченский химический завод в первом квартале 1942 г. из-за перебоев в снабжении сырьем и топливом не выполнил производственную программу...

Из-за отсутствия поступления на завод железных бочек емкостью 250–100 литров не производится выработка синильной кислоты, жидкого дегазатора, фосгена, дифосгена и треххлористого мышьяка...

Парторг ЦК ВКП(б) на Чернореченском
химзаводе — Метелев, 28 марта 1942 г.»[425].

Как и другие заводы химоружия, в мае 1943 г. ЧХЗ получил от наркома М.Г. Первухина задание на резкое увеличение мощностей по выпуску ОВ. Мощности должны были вырасти до следующих цифр: по синильной кислоте — до 1,5 тыс. т/год (к 1 августа 1943 г.), по фосгену — до 5 тыс. т/год и по дифосгену — до 850 т/год (и то, и другое — к 1 октября 1943 г.). Тем же приказом было велено довести мощность по производству снарядов МХ-13 для реактивной артиллерии («катюши») до 20 тыс. шт. в месяц[426]. Тот приказ выполнен не был.

2 июля 1945 г. постановлением ГОКО СССР было остановлено несколько производств химоружия. Производство хлористого мышьяка на ЧХЗ было законсервировано[430], так и не дождавшись возведения станции очистки сточных вод. А другие производства получили развитие.

Дальнейшая жизнь старого завода продолжалась, как и у других — от решения до нового решения. Так, 23 августа 1953 г. постановлением СМ СССР было решено расширить цех по выпуску цианистых солей. Выпуск синильной кислоты мощностью 7 тыс. т/год решено было разместить в цехе № 2–6 (корпус № 172) на месте устаревшего оборудования того же назначения. До реального выполнения дошло, однако, лишь в начале 60-х гг., когда было решено не только возобновить выпуск синильной кислоты, но и идти в ногу с техническим прогрессом — получать ее по освоенному на соседнем заводе № 148 методу (совместное каталитическое окисление метана и аммиака кислородом воздуха на сетках из сплава Pt-Rh). В проекте дошло даже до усовершенствования очистки абгазов, которая ранее себя не оправдала. Практически было решено организовать две самостоятельные системы, каждая мощностью 3,5 тыс. т/год[454].

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4 сентября 1954 г. заводу было предписано возвести к 1 января 1956 г. мобилизационные мощности по наполнению

НОВ химических авиабомб типа ХАБ-250–110Н (1,6 тыс. шт. в месяц)[433]. Выполнили в срок. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 февраля 1955 г. заводу было велено создать к концу 1955 г. мощности по снаряжению НОВ химических авиабомб ХАБ-500–200Н и реактивных снарядов МХ-13[455]. Тоже выполнили. И в последующем постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г. на ЧХЗ еще предусматривалось поддержание в готовности мощностей по производству авиахимбомб ХАБ-250 и ХАБ-300[434].

Данных о работе на химическую войну **завода № 80** очень мало.

ИЗ ДОКУМЕНТА:

«В связи с исполнением заказа Химического управления РККА цехами №№ 3, 4 и 5 завода № 80 по осколочно-химическим снарядам калибра 122 и 152 мм и ХАБ-200 ходатайствую перед ХИМУ РККА о премировании отдельных работников завода № 80…

Все перечисленные работники завода № 80 были инициаторами снаряжения впервые на заводе № 80 оболочек веществами «15» и «25»…

Ст. Военпред ХИМУ РККА Зотов, 4 января 1935 г.».

Известно, что завод не хотел заниматься снаряжением химических боеприпасов в 1932–1933 гг., и это закончилось пристрастной проверкой силами военной прокуратуры. Однако уже в 1934 г. процесс снаряжения различных боеприпасов веществами фосгеном и адамситом руководителями цехов нового поколения был налажен, и в последующем это стало для завода нормой.

10.4. СТАЛИНГРАД НА ВОЛГЕ

Производства различных ОВ первого и второго поколения, в первую очередь иприта Левинштейна и зарина, были организованы на химическом заводе в Сталинграде (Волгограде). Он расположился на берегу Волги непосредственно в жилой части Кировского района.

Завод заработал в 1929 г. С 1931 г. он назывался госхимзаводом № 3 ВХТОП, а потом долгие годы — заводом № 91. Ныне — это ПО «Химпром» им. С.М. Кирова. Директора: М.К. Гонобоблев (1939–1941), А.И. Уфлянд (1941–1948), В.Д. Беляев (1948–1959), П.В. Вершинин (1959–1962). Главные инженеры: А.И. Уфлянд (1940–1941), М.Н. Мачулкин (1941–1947).

Производство хлора — основы выпуска ОВ, в том числе иприта и фосгена, — было создано к концу 1933 г., мощность — 5 тыс. т/год. По состоянию на июнь 1940 г. мощность цеха по хлоргазу составляла 10569 т/год, однако она не обеспечивала потребности всех цехов.

Первоначальная мощность завода по иприту **(ХХ)** определялась в 9 тыс. т/год (срок ввода — 1932 г., на самом деле она была введена в 1933 г.). Фактическая мощность на 1.1.1936 г. — 7,35 тыс. т, на 1.1.1937 г. — 11 тыс. т.

В предвоенные годы цех № 2 участвовал в выпуске партий иприта в рамках создания стратегического запаса страны: 1933 г. — 336,5 т, 1934 г. — 1530,2 т, 1935 г. — 681,4 т. Яркий эпизод из ипритной жизни связан с постановлением СТО СССР от 19 февраля 1936 г.[399,400]. Было решено произвести в 1936 г. большую

опытную партию иприта (1000 т) на мобмощностях завода № 91 и отправить ее на военно-химические базы. В период 26 ноября-26 декабря 1936 г. партия была выпущена, и полученные 1027 т иприта в утепленных цистернах были отправлены на защиту восточных рубежей Страны Советов — в ЗабВО (склад № 147, ст. Лесная), ОКДВА (склад № 148, пос. Свободный; склад № 300, ст. Кнорринг; склад № 301, разъезд Воздвиженский) и на ТОФ.

Цех № 2 был подготовлен для выпуска иприта Левинштейна. Опытная партия иприта по В.С. Зайкову была выпущена в 1939 г. — после реконструкции всего ипритного производства. Однако по состоянию на июнь 1940 г. в цехе отсутствовала мастерская по подготовке тары и не была готова дегазационная площадка. Вывод военпреда был однозначен: «цех № 2 на сегодняшний день не готов к нормальному выполнению мобилизационного плана»[421]. Перед войной цех иприта находился на консервации.

Производство фосгена **(XIII)** осуществлялось в цехе № 1. Мощность на момент ввода в конце 1933 г. — 4 тыс. т/год, хотя в отсутствие адсорбционной установки фактически она была вдвое меньше. На 1 июня 1937 г. мощность по фосгену составляла 3 тыс. т/год. До начала войны было выпущено несколько опытных партий фосгена: 1934 г. — 165,1 т, 1940 г. — 321 т. В 1935–1939 гг. цех был законсервирован, а с 1941 г. не функционировал.

С началом войны на заводе начались два процесса — непрерывный выпуск иприта Левинштейна и получение приказов на расширение этого выпуска. В частности, к 1.1.1942 г. было велено развить мощность по выпуску иприта до 30 тыс. т/год. А еще было предписано к 1 июля 1942 г. построить цех по производству люизита **(XXI)** на мощность 8 тыс. т/год[423]. Эта бессмыслица конкретизировалась специальными документами. 1 марта 1942 г., например, постановлением ГОКО СССР на март 1942 г. заводу был установлен месячный объем выпуска — 750 т иприта[425]. Реально было произведено 5376,2 т иприта: 1941 г. — 3421,4 т, 1942 г. — 2354,8 т.

21 августа 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, ГОКО СССР постановил эвакуировать завод, и его работники были переправлены в Чапаевск и Дзержинск. Немецкая авиация бомбила химзавод не очень активно — считается, что им приглянулся заводской поселок Бекетовка, который предполагался для размещения штаба армии Паулюса[41] (один из результатов был неожиданный — юная обитательница Бекетовки А.Н. Пахмутова впоследствии стала известным композитором).

После того как исход битвы стал ясен, 14 февраля 1943 г. ГОКО постановил восстановить первую очередь завода с вводом в эксплуатацию к 1 июня 1943 г. Персонал был набран заново. Большая часть ипритного цеха была разрушена, пострадал также корпус № 252 цеха снаряжения. В сентябре 1943 г. ГОКО СССР принял решение о восстановлении ипритного цеха с обеспечением мобилизационной мощности по иприту 13,5 тыс. т/год. Было запланировано также создание дополнительной установки по выпуску карбида кальция, необходимого для производства люизита. Цех № 3 по выпуску иприта полностью восстановили в 1944 г., но сам выпуск не возобновился. Мощности цеха сохранялись до 1950 г.

С началом войны завод освоил новое для себя дело — наполнение авиабомб ХАБ-100 и ХАБ-200 иприт-люизитными смесями. Первоначально оно проходило во времянке, на складе готовой продукции цеха № 2, потом эти работы перенесли в цех № 11 и продолжали вплоть до августа 1942 г. Всего выпустили ХАБ-100 в 1941 г. — 1490 шт., в 1942 г. — 2067 шт. А ХАБ-200 произвели в 1941 г. 332 шт., в 1942 г. — 178 шт. После Сталинградской битвы снаряжение

боеприпасов СОВ было восстановлено в цехе № 11, и оно продолжалось до конца войны. Корпус по снаряжению нового вида продукции — 82 мм мин ОТ — был пущен к празднику 7 ноября 1943 г. В 1944 г. в цехе № 11 смонтировали установку по снаряжению боеприпасов вязкой ипритной рецептурой ВИР-М. Выпуск химмин в снаряжении ВИР-М в 1945 г. составил: М-120 — 2974 шт., М-82 — 4119 шт. Выпуск химмин в снаряжении обычным ипритом в 1945 г.: М-120 — 32609 шт., М-82 — 5000 шт. Мощности по снаряжению химбоеприпасов сохранялись до 1957 г.

Среднее число работников составляло: 1943 г. — 480, 1944 г. — 1300, 1945 г. — 1800 человек. Для обеспечения кадрами в 1944 г. было решено построить два лагеря — для военнопленных немцев и для своих заключенных.

В 1945 г. после того, как военные покинули «маргариновую площадку» завода, начались работы по ее заполнению оборудованием химических заводов Германии. Первый эшелон поступил 10 апреля 1945 г., последний — 13 декабря. Всего завод получил из Германии 2443 вагона трофейного оборудования[428].

Планом развития промышленности химоружия на пятилетку 1946–1950 гг. цех иприта было решено не восстанавливать, а перевести на выпуск иприта Мейера на основе трофейного оборудования завода «Оргацид» (мощность — 12 тыс. т/год, срок ввода — в следующей пятилетке). Также было предусмотрено организовать выпуск азотистого иприта на основе трофейного оборудования (мощность — 1 тыс. т/год, срок — 1949 г.). В связи со снижением интереса армии к фосгену было решено его производство не восстанавливать. В действовавших цехах по снаряжению химмин 82 мм ОТ и 120 мм ОТ было решено довести эти производства до полной мощности. В других снаряжательных цехах было решено механизировать работы с использованием автоматических станков налива ОВ[432].

В связи с продолжением ипритной эпопеи ПГУ МХП проводил работы по восстановлению цехов завода. В феврале 1948 г. в ПГУ обсуждался проект восстановления завода, которым предусматривалось не только возобновление производства иприта в цехе № 2, но и восстановление выпуска фосгена (на новом месте). Поначалу по финансовым причинам дело затянулось, однако уже в августе 1949 г. ПГУ распорядился прекратить сброс хлора в атмосферу города, имея в виду использование его по прямому назначению[636]. Очередной проект восстановления ипритного цеха с одновременным увеличением мощности до 1,5 тыс. т/год обсуждался у главного инженера ПГУ В.Н. Антонова 24 марта 1951 г. 14 августа 1952 г. замминистра МХП Д.П. Новиков утвердил проект, который предусматривал восстановление и реконструкцию ипритного цеха с доведением его мощности по иприту (новой формы) до 16 тыс. т/год[790].

Планом развития промышленности химоружия на пятилетку 1955–1960 гг. было решено создать новые мощности по снаряжению долгохранимого иприта в боеприпасы нескольких типов — химические мины калибра 160 мм и 240 мм, авиахимбомбы ОХАБ-100–90, а также химические фугасы ХФ-3 и ХФ-10 (потом планы по фугасам перешли на семилетку 1959–1965 гг.)[792].

Не забывали и новинки. В частности, 17 апреля 1957 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР было решено развивать использование фосфористого водорода (фосфина, PH_3) в качестве ОВ, способного поджигать шихту противогаза. Исполнители — московский ГСНИИ-403 (наука) и сталинградский завод (производство)[197]. Продолжалось это до 1959 г.[197].

10.5. СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК СТАЛИНГРАДА (ФОВ)

Пятилетним планом 1946–1950 гг. производство зарина и других ФОВ с использованием трофейного оборудования на заводе № 91 не планировалось. Его организация требовала строительства нового хлорного цеха, к тому же тогда отсутствовали перспективы обеспечения выпуска этих ФОВ электроэнергией[432] (Сталинградская ГЭС была построена в 1951–1962 гг.). Планы изменились довольно скоро. После 1946 г. были предприняты усилия по планированию строительства и работы опытной установки по выпуску зарина в цехе № 22. Именно в этом цехе в 40–70-х гг. осуществлялось опытное производство не только зарина, но и других новейших ФОВ — зомана и советского V-газа.

Сам сценарий битвы за ОВ второго поколения — зарина **(XXIII)** — был стандартным, с той лишь разницей, что для ускорения его выпуска поначалу было решено использовать оборудование, вывезенное из Дихернфурта-на-Одере в 1945 г.[428]. Однако сверхагрессивность этого производства по отношению к конструкционным материалам и к людям была понята не сразу.

Сначала, 4 января 1946 г., появился приказ наркома НКХП о создании на заводе № 91 опытной установки по выпуску зарина. 10 июня 1946 г. начальник ПГУ С.Я. Файнштейн издал приказ о срочной организации выпуска зарина. Директору завода А.И. Уфлянду было предписано обеспечить сдачу опытной установки в эксплуатацию к 1 ноября 1946 г., причем было решено сочетать трофейное технологическое оборудование с вновь созданными деталями из **серебра** (для чего -импортировать на завод мастера по изготовлению серебряной аппаратуры). Ничего из этого не вышло, и через год 7 июля 1947 г. был издан очередной приказ по ПГУ, на этот раз о создании комиссии во главе с А.И. Уфляндом для приемки цеха № 22 с опытным производством зарина. Пуск, впрочем, вновь не состоялся, и 27 октября 1947 г. было собрано совещание при главном инженере ПГУ о пуске опытного производства зарина. На этот раз запуститься удалось, однако объем выпуска был явно недостаточным, так что 16 апреля 1948 г. был издан приказ по ПГУ по вопросам оценки мощности цеха, где слишком много оборудования было отечественного происхождения. Документ, рассматривавшийся на совещании у В.Г. Флейшмана 1 февраля 1950 г., дает представление о причинах задержек — ни в Москве, ни в Сталинграде начальники не понимали уровня сложности задачи. Кстати, в том документе имелось указание насчет «исключения возможности попадания осадков на аппаратуру»[442].

Второй этап битвы за зарин (на этот раз уже совместно с зоманом) начался в конце лета 1950 г. 30 августа 1950 г. СМ СССР своим распоряжением разрешил МХП использовать для организации выпуска зарина и других ФОВ трофейного немецкого оборудования по производству табуна («оборудования особых поставок объекта 104»)[443]. Очевидно, к тому времени власти отказались от возведения завода по производству табуна **(XXII)**, однако упоминание о других ФОВ не было случайностью. Познакомившись с боевыми свойствами зарина, армия взялась за испытания зомана **(XXIV)**. Сначала было инициировано издание распоряжения СМ СССР о срочной — до 30 декабря 1950 г. — поставке армии 0,5 т зомана. Понравилось. После этого был дан старт битве за зоман. 19 марта 1952 г. заместитель министра МХП Д.П. Новиков утвердил проект реконструкции цеха № 22 с доведением мощности по опытному производству зомана до 20 т/год. Среди иных мероприятий рассматривались реконструкция снаряжательной мастерской, а также неизбежное «улучшение условий труда»[444].

Мощности опытного цеха № 22 с самого начала армии явно не хватало, и 9 мая 1952 г. появилось постановление СМ СССР о создании мобилизационных мощностей по производству зарина («ордоваль-1») и снаряжению им химических боеприпасов к 1955 г. Строительство нового мощного цеха было намечено на площадке «М» («маргариновой»). Фактически речь шла о возведении нового завода: стоимость вновь строящихся объектов вдвое превышала балансовую стоимость существовавшего[445]. Предусматривалось создание к 1 января 1958 г. мощностей по выпуску зарина в объеме 2 тыс. т/год (цех № 30) и снаряжению им химических боеприпасов (цех № 60, три потока снаряжения). Мощности по наполнению химбоеприпасов ожидались нешуточные: по АХС калибра 85 мм — 900 тыс. шт./год, по АХС калибра 122 мм — 240 тыс шт., по реактивным минам МС-14 — 400 тыс. шт., по ОХАБ-100 и ХАБ-100 — 10 тыс. шт., по ХАБ-250 — 3,5 тыс. шт. Соответственно, предполагалось создать мощности по исходным продуктам — хлору, фтористому водороду, хлориду фосфора. Потребность в электроэнергии предусматривалось обеспечивать от будущей Сталинградской ГЭС, а пока со Сталэнергокомбината[756,1015].

Соответственно, 19 мая 1952 г. министр МХП издал свой приказ как в отношении реконструкции опытного цеха № 22, так и возведения комплекса новых цехов по выпуску зарина. Одна незадача мешала: из-за агрессивности промежуточных продуктов при выпуске ФОВ оборудование выходило из строя непрерывно, а воспроизвести немецкую технологию не удавалось. И было решено использовать оборудование двоякого вида — на основе биметалла сталь-**серебро** и специальных стеклянных труб диаметром до 200 мм. Для этого были мобилизованы научно-технические возможности иных министерств: машиностроения и приборостроения, а также промышленности строительных материалов. (Эта тяжкая технологическая проблема, впрочем, не была решена и в 1961 г.[435]). Что касается обеспечения безопасности, то тем же документом было решено в процессе реконструкции цеха № 22 построить также «отдельно отстоящие бытовые помещения»[445]. Дошло.

Подчеркнем, что события, связанные с организацией массового выпуска зарина, обрели характер шекспировской драмы, и совещания в секретном военно-химическом подполье шли одно за другим. В августе 1955 г. при обсуждении проекта цеха № 60 у главного инженера ПГУ В.Н. Антонова было решено, что наливные станки должны размещаться в отдельных кабинах. Одновременно ГСНИИ-403 получил задание «форсировать испытание скафандров для защиты обслуживающего персонала»[1015]. В январе 1957 г. замминистра МХП Д.П. Новиков вывозил на место строительства группу специалистов для контроля процесса. 19 декабря 1957 г. на совещании у главного инженера завода были рассмотрены предложения ГСНИИ-403 по автоматизации ряда стадий опытного производства зарина в цехе № 22. Очередные итоги опытно-исследовательских работ ГСНИИ-403 (С.Л. Варшавский) по освоению опытного производства зарина в цехе № 22 заслушало 1 марта 1958 г. совещание у начальника ПГУ В.Н. Антонова. Одновременно рассматривались проектные задания по реконструкции не начавших работать корпусов № 301 и 304 нового цеха № 30 для промышленного выпуска зарина. Констатировано, что «удалось значительно усовершенствовать технологический процесс». Было решено также проверить новый способ дегазации оборудования, зараженного зарином. Очередное совещание у Д.П. Новикова состоялось 13 августа 1958 г. Решили осуществить пуск заринового производства в 1959 г. и произвести его в 1959 г. не менее 400 т. А на совещании 21 октября 1958 г. было решено внести очередные изменения в технологические

схемы корпусов № 301 и № 304. Что касается обеспечения безопасности, то на том совещании решили просить у начальника химических войск Советской Армии И.Ф. Чухнова 10 автоматических газоанализаторов для определения зарина в воздухе (подчеркнем, что норм ПДК на зарин тогда еще не было и они не появились в течение очень многих лет)[756].

Полномасштабный выпуск зарина **(XXIII)** был организован в Сталинграде в 1959 г. в цехе № 30, а с ним началось опробование новой техники снаряжения ОВ в химические боеприпасы в цехе № 60[158,726]. Не будет лишним напомнить, что технология производства зарина была не такая уж немецкая, как полагает генерал Н.С. Антонов[8], а немецко-советская[726] — до немецкой технологии 1945 г.[428] нашей секретной химической промышленности надо было еще дорасти.

Пока же шли очередные подпольные битвы. 18 июня 1959 г. появилось очередное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, подтвердившее задание заводу № 91: организация производства зарина (мощность — 2 тыс. т/год) и наполнения им химических снарядов ствольной артиллерии калибра 85 мм и 122 мм, реактивных химических снарядов МС-14 калибра 140 мм и химических авиационных бомб ОХАБ-100 и ОХАБ-250. Было установлено также задание на создание производства еще одного ФОВ — зомана (мощность — 2430 т/год)[434].

27 октября 1959 г. в корпусе № 304 нового цеха № 30 начались и пусковые работы, и сам процесс освоения производства зарина. Корпус находился в эксплуатации до сентября 1960 г. — с перерывами на ремонтные работы[756]. В процессе освоения выявилась недостаточная коррозионная стойкость биметалла сталь-**серебро** на стадии перегонки конечного продукта. Да и качество зарина было низким[435].

10 декабря 1959 г. состоялось большое совещание по вопросу освоения промышленного производства зарина[756]. Участвовали высокие лица: начальник химических войск И.Ф. Чухнов, председатель Сталинградского совнархоза И.Ф. Синицын, начальник ПГУ В.Н. Антонов. И они разрешили «в процессе освоения производства и определения максимальной мощности использовать на снаряжении боеприпасов продукт **с** возможными **отклонениями от ТУ** № 2892». К сожалению, боеприпасы снаряжались тогда с помощью полуавтоматов, то есть с участием людей, а норма ПДК содержания зарина в воздухе рабочей зоны еще отсутствовала. К тому же в период пусковых работ аппаратура из-за коррозии часто выходила из строя (выпуск стойкого к коррозии биметалла сталь-**серебро** в стране еще отсутствовал). Самым «узким» местом был выпуск полупродукта дихлордифторангидрида метилфосфиновой кислоты. Неудивительно, что 8 августа 1960 г. заместитель председателя СМ СССР Д.Ф. Устинов был вынужден приказать начать работы по переводу снаряжения химбоеприпасов зарином с полуавтоматического способа с участием людей на автоматический[727].

Всего в 1959 г. было произведено 165,5 т зарина (план — 380 т), в 1960 г. — 263,7 т. В течение 1959–1960 гг. было снаряжено: снарядов ствольной артиллерии АХС-85 — 12900 шт. (сняты с вооружения в 1961 г.), снарядов АХС-122 — 120000 шт., снарядов реактивной артиллерии МС-14 — 5000 шт., химических авиабомб ОХАБ-250–135П — 1890 шт.[756].

Дальше началась переписка на тему «полной автоматизации процесса снаряжения» боеприпасов зарином[727]. Впрочем, вряд ли это могло кончиться чем-то существенным, потому что отодвигались сроки ввода новых мощностей по выпуску зарина и зомана. Впереди у энтузиастов химической войны были новые битвы. 11 сентября 1961 г. в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР указывалось на задержку с созданием мобилизационных мощностей по зарину. И ставились

задачи создания мобилизационных мощностей для выпуска химоружия второго поколения в стране, в том числе боеприпасов в наполнении зарином и зоманом на заводе в Сталинграде (в Волгоград город был переименован в ноябре). В частности, в проектировавшемся цехе № 60 предполагалось выпустить следующие химические боеприпасы: ОХАБ-250–235П (15 тыс. шт., наполнитель — зарин), АХС-122 (600 тыс. шт., зарин), МС-14 (135 тыс. шт., зарин), ХБСА (18 тыс. комплектов, зоман), ХАБ-250 М-60 (15 тыс. шт., вязкий зоман), ТАБ-250 (5 тыс. шт., зоман)[435].

Очередные постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 29 января 1964 г. и от 29 мая 1964 г. касались строительства и реконструкции производств по выпуску зомана **(XXIV)** и снаряжению им боеприпасов — цехов №№ 30 (производство зомана), 60 (снаряжение боеприпасов) и «П» (производство пинаколилового спирта)[796]. С выполнением постановления 1964 г.[438] были связаны также планы отработки на опытной установке на заводе № 91 нового способа выпуска продукта «АМ» (β-диэтиламиноэтилмеркаптана) — полупродукта, необходимого для производства советского V-газа, которое было намечено на будущем заводе в Чувашии. Переписка 1967 г. на эту тему между МХП СССР и Минздравом СССР сопровождалась экологическими соображениями[808].

В апреле 1966 г. в МХП состоялось одно из последних совещаний в отношении пуска на химзаводе в Волгограде электролизеров по производству пинаколилового спирта, который лимитировал выпуск зомана. Обсуждалось использование при работе электролизеров никелевых электродов[721]. Сами пусковые работы по производству зомана начались в 1967 г., хотя до полного пуска цеха было еще далеко[796]. Половина зомана производилась в вязкой форме для снаряжения химавиабомб. В дальнейшем часть зомана отправлялась в Новочебоксарск для снаряжения в кассетные и иные химические боеприпасы.

В табл. 7.4 приведены данные о производстве заводом в 1969 г. различных боеприпасов в снаряжении смертельными ФОВ — зарином и зоманом. А поскольку армии были нужны все новые и новые боеприпасы, 16 декабря 1969 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР заводу было предписано в 1972 г. закончить освоение мощностей по снаряжению зоманом авиахимбоеприпасов ПАС-500П в количестве 2000 шт./год[119,449].

Разрушен цех № 22 был лишь в 1975 г. И вовсе не потому, что кто-то из деятелей ВХК заметил состоявшееся в том году в Хельсинки и очень широко разрекламированное советской пропагандой Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Просто он уже исчерпал себя и стал не нужен.

И так продолжалось все последующие годы. В 1981 г. на заводе была проведена очередная реконструкция цеха № 34 (точнее, потока снаряжения химических боеприпасов № 4)[1016]. А потом у любителей химической войны появилась новая забота — объект 011991 на территории завода.

Мощности по выпуску зарина и зомана и по снаряжению ими химических боеприпасов, по официальным данным, не использовались после 1987 г.

Помимо промышленного производства зарина и зомана, ВПО «Химпром» занимался также опытным выпуском новых ФОВ. Первая опытная установка по наработке советского V-газа **(XXV)**, сооруженная по постановлению СМ СССР от 18 июля 1959 г.[446], заработала зимой 1959–1960 гг. и в 1960 г. выдала на-гора первую тонну ОВ[798]. В следующем году технология выпуска была проверена в нескольких вариантах[798]. 29 апреля 1961 г. председатель СМ СССР А.Н. Косыгин распорядился создать на заводе опытную установку для разработки промышленного метода производства V-газа[447]. Далее, постановлением СМ СССР от 21 янва-

ря 1963 г. были созданы две установки для отработки процесса выпуска V-газа и наработки опытных партий — в Волгограде на заводе № 91 и в Москве в ГСНИИ-403[436]. На 1967–1968 гг. был запланирован выпуск 30 т ОВ. По постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 31 декабря 1966 г. первые 15 т, намеченные к выпуску в 1967 г., были залиты в авиабомбы ХАБ-500 и реактивные химснаряды МС-21[448]. Совершенствование технологии производства советского V-газа и его полупродуктов продолжалось и дальше — в предвидении промышленного проектирования для ЧПО «Химпром».

В первой половине 60-х гг. на заводе велись опытные работы по созданию и испытаниям химической боевой части для многоцелевой тактической ракеты «Луна-М» (FROG-7B)[758]. Боеголовки к этой ракете в наполнении советским V-газом производились до 1972 г.

10.6. НОВОЧЕБОКСАРСК НА ВОЛГЕ (ФОВ)

Эпизод с возведением в Чувашии завода химоружия (в миру — комбината «Химпром» им. Ленинского комсомола) для производства его новейших образцов и последующей ликвидацией завода затянулся на несколько десятилетий.

Начало работам, как водится, положило постановление ЦК КПСС и СМ СССР. Документом от 23 июля 1958 г. было решено построить в Чувашии химкомбинат «Химпром», предназначавшийся для выпуска новейших ФОВ. В задании на проектирование, которое 9 декабря 1958 г. утвердил министр МХП СССР С.М. Тихомиров (1906–1982), были написаны красивые слова о многочисленных производствах химической продукции для удовлетворения нужд населения, в первую очередь, синтетических красителей и вискозного шелка (он, впрочем, потом отпал — достался другим регионам). Однако это была лишь маскировка. Суть дела была изложена в приложении к тому заданию[456].

В приложении к заданию на проектирование было однозначно указано, что новый завод (а именно его III-е производство) строится для выпуска новейших ФОВ — зарина **(XXIII)** и зомана **(XXIV)**. И мощности были определены нешуточные: по зарину — 6,4 тыс. т/год (в мае 1959 г. ее сократили до 5,4 тыс. т/год, чтобы у обоих заводов было одинаково — и в Чувашии, и в Павлодаре), по зоману — 2,6 тыс. т/год. Эти ФОВ предполагалось заливать в химбоеприпасы в снаряжательных цехах. Были указаны и мощности. По снаряжению зарином это были (в шт./год): авиабомбы ОХАБ-100 — 40 тыс., авиабомбы ОХАБ-250 — 50 тыс., артснаряды АХС-122 — 300 тыс., АХС-130 — 100 тыс., АХС-152 — 150 тыс., реактивные снаряды МС-24УД — 100 тыс., химические мины ХМ-160 — 100 тыс. По снаряжению зоманом это были: авиабомбы ХАБ-100 — 45 тыс. шт./год, артснаряды АХС-122 — 530 тыс., АХС-130 — 105 тыс., АХС-152 — 160 тыс. В том задании даже упоминалось что-то о «максимальной автоматизации» процессов[456].

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г. подтвердило задачу на возведение в Чувашии нового химкомбината, а это потребовало, среди прочего, увеличения пропускной способности железнодорожной ветки Канаш-Чебоксары. На что железнодорожники отреагировали немедленно, указав, что прощание с однопуткой «должно быть выполнено за счет химического завода»[434]. Разумеется, увеличивать пропускную способность ж/д ветки на Чувашию так никто и не стал — деньги экономили все. Химики даже решили выпуск и зарина, и зомана осуществлять на одной технологической нитке попеременно (10 дней — зарин,

5 дней — зоман). Это «позволяло значительно снизить капитальные затраты» — именно так было записано в протоколе совещания, состоявшегося у начальника ПГУ В.Н. Антонова 26 октября 1960 г. На том совещании, кстати, решили подумать о «максимальном сокращении размеров склада готовой продукции». Подумали и о новых материалах, которые бы позволяли избегать коррозии оборудования, связанной с производством зарина (эмалированная аппаратура, пластмассовые трубопроводы, тефлон...)[434].

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 11 сентября 1961 г. был определен круг вопросов, связанных с организацией в Сталинграде, в Чувашии и в Павлодаре (Казахстан) мобилизационных мощностей для выпуска химоружия на основе ФОВ. Устанавливались и сроки. Мощности завода по выпуску зарина и зомана на химкомбинате в Чувашии было предусмотрено создать к 1 января 1966 г. После этого в подполье секретной химии начались многочисленные заседания и обмен документами. В документе, датированном 26 февраля 1962 г., указывалось на необходимость принять «во внимание низкие температуры в зимнее время в районе Чебоксар». На совещании у главного инженера ПГУ В.Г. Флейшмана, состоявшемся 28 марта 1962 г., решили «проработать вопрос автоматизации лабораторного контроля производства». А в документе от 17 сентября 1962 г. указывалось на необходимость «избегать встречных потоков людей с людьми, транспортирующими пробу продукта на анализ» (это — о пробах зарина и зомана при их производстве)[435]. И так до бесконечности.

Возведение мощнейшего и опаснейшего для людей и природы завода химоружия сочетало и энтузиазм молодежи, и гулаговскую «химию». Видимая всем сторона жизни выглядела так. 5 марта 1963 г. строительство химкомбината в Чувашии, ориентированного на производство новейшего химоружия, было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. На стройку прибыло какое-то количество молодежи. Об истинных целях стройки комсомольцам не сообщали, как не сообщали об этом и всему советскому народу. Строителями, впрочем, были не только комсомольцы, но и в немалом числе заключенные.

ИЗ ДОКЛАДОВ СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР:

«Предлагаемые Госпланом СССР объемы строительно-монтажных работ на Чебоксарском химкомбинате на 1969–1970 гг. не могут быть приняты ввиду недостаточности мощностей строительно-монтажных организаций и их производственной базы.... Для обеспечения выполнения этого объема строительно-монтажных работ потребуется увеличение численности рабочих.... Министерство строительства СССР считает необходимым обязать Министерство охраны общественного порядка СССР направить в 1968 г. на строительство Чебоксарского химкомбината рабочих из числа условно освобожденных — 750 человек, в 1969 г. — 1250 человек и в 1968 г. увеличить численность лагеря спецконтингента на Чебоксарском химкомбинате на 2000 человек. Министр строительства СССР Г. Караваев. 26 января 1968 г.»[1017]

«В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 2 сентября 1968 г., на Чебоксарском химкомбинате в 1970 г. должны быть введены мощности по производству № 3. Обкомом КПСС установлен постоянный контроль за ходом строительства комплекса производства № 3. В 1969 г. на строительство химкомбината из районов республики по оргнабору и комсомольским путевкам направлено 1600 человек рабочих...

Секретарь обкома КПСС Н. Вороновский, 25 ноября 1969 г.»[1017]

Для размещения завода и строительства будущего города потребовалась территория. И 27 сентября 1965 г. было объявлено о рождении нового города — Новочебоксарска. Для его возведения (на самом деле — в целях безопасности) большая территория вблизи чувашской столицы — Чебоксары была очищена от деревень. Впрочем, некоторые деревни были «забыты» и остались до наших дней.

Венчал всю эту житейско-пропагандистскую эпопею указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 августа 1977 г. за подписью Л.И. Брежнева. Им объявлялось о награждении возведенного ЧПО «Химпром» им. Ленинского комсомола орденом Октябрьской революции за успехи в создании и освоении специальных химических производств: так маскировалась организация выпуска новейшего химоружия — советского V-газа.

Реальная история выглядела совсем иначе. Многолетние хлопоты с подготовкой к выпуску зарина и зомана в Чувашии окончились ничем. 29 января 1964 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР, которым строящийся ЧПО «Химпром» был переориентирован с зарина и зомана на выпуск новейшего ФОВ — советского V-газа **(XXV)**, который был самым токсичным ОВ из числа стоявших на вооружении армий. Срок ввода завода в боевой строй химической войны был перенесен с 1966 на 1968 г.[438]. Естественно, и в эти сроки уложиться не удавалось, и очередной серией постановлений ЦК КПСС и СМ СССР (от 17 августа 1967 г.[117] и от 2 сентября 1968 г.[118]) был установлен новый срок — 1970 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ:

«Когда принималось решение партии и правительства о строительстве химкомбината в Чувашии, я работал в должности начальника отдела проектирования и капитального строительства одного из ведущих главных управлений Госхимкомитета, подведомственного ВПК. Первым моим поступком был отказ от участия в комиссии по выбору площадки под строительство Чебоксарского химкомбината. Затем на совещаниях как в Госплане СССР, так и в ЦК КПСС я несколько раз высказался против строительства этого химкомбината в Чувашии. Здесь не добывается основное сырье для такого производства. Да еще эта стройка влечет за собой отторжение самых плодородных земель. Конечно, с моими доводами не считались.

Здесь сыграло свою роль обстоятельство: в то время г. Чебоксары находился в критическом состоянии по водоснабжению. Госбюджет республики был урезан до такой степени, что не могло быть и речи о направлении средств на коммунальные нужды. В состав проекта химкомбината было включено сооружение мощного водозабора с реки Волги выше г. Чебоксары. Такое решение Госхимкомитета было соблазнительным для местных властей. Я послал тогда в газету «Известия» статью под заголовком «Решили отравить Чувашию». На этом разбил свою карьеру — меня отстранили от должности с увольнением из системы Госхимкомитета.»

Газета «Товарищ», Чебоксары, 16 сентября 1994 г.

Пожалуй, последним документом перед тем, как новый химкомбинат заработал, было постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 19 мая 1971 г. Им регулировались вопросы строительства мобмощностей по выпуску специальных веществ и снаряжению боеприпасов продуктами проблемы «Фолиант» (имеются в виду

особо токсичные боевые ОВ, а также несмертельные ОВ, в частности, газ **CS**). Объектами «заботы партии и правительства» были избраны три точки страны, в том числе ПО «Химпром» в Новочебоксарске. Этим же постановлением было предусмотрено накопление токсичных ОВ в мобилизационный резерв страны, а также строительство специальных складов для хранения боеприпасов с ОВ. В отношении склада не обошли стороной и «Химпром» в Чувашии[209].

Промышленный выпуск советского V-газа **(XXV)** был начат в 1972 г. в цехе № 83 на III-м производстве ЧПО «Химпром». На первых порах наполнение химических боеприпасов осуществлялось на трех линиях снаряжения.

Однако этого энтузиастам химической войны показалось недостаточно, и, несмотря на мощный пожар, случившийся в апреле 1974 г.[38,40,49,868], ЦК КПСС и СМ СССР 31 августа 1976 г. издали постановление о строительстве второй очереди III-го производства[759]. Среди прочего была предусмотрена также и централизованная система управления процессом. Строительство было начато в 1983 г. и закончено 30 декабря 1986 г. актом государственной комиссии.

После всех «модернизаций» в производстве химбоеприпасов был сделан принципиальный шаг — заработала новая линия снаряжения в цехе № 74. На ней производилась сборка самых совершенных химических боеприпасов — кассетных боеприпасов с советским V-газом собственного изготовления, а также кассетных боеприпасов с зоманом, поступавшим с химзавода в Волгограде по ж/д ветке Канаш-Чебоксары. При цехе № 74 под землей было построено также мощное хранилище, где складировались химические боеприпасы, в основном кассетные. Расстояние от того подземного склада отравы до столицы Чувашии Чебоксар — полчаса езды на автомобиле. Теперь советский V-газ можно было снаряжать в химические боеприпасы любых типов — ВАПы, химавиабомбы, химснаряды ствольной и реактивной артиллерии, химические фугасы, противопехотные мины, головные части ракет сухопутных войск класса «земля-земля» (тактической «Луна-М», оперативно-тактической Р-17, кассетных твердотопливных ракет «Точка» и «Точка-У»), головные части крылатых ракет класса «воздух-земля» для стратегических бомбардировщиков, головные части стратегических ракет РВСН.

Под занавес химического вооружения на заводе были произведены партии кассетных авиахимбомб трех типов — авиабомб БКФ-П в снаряжении зоманом (в 1983–1987 гг.), авиабомб БКФ-КС в снаряжении V-газом (1986–1987 гг.), разовых бомбовых кассет РБК-500 с V-газом (1987 г.). В 1987 г. было объявлено о прекращении в Советском Союзе выпуска химоружия[11]. И по состоянию на 2001 г. мощности по производству советского V-газа и его снаряжению в химические боеприпасы сохранялись в боевой готовности.

Остается добавить, что в середине 70-х гг. на ЧПО «Химпром» было построено также мощное производство «продукта 65» — газа **CS** (цех № 73). Это производство разрушению не подлежит, поскольку речь идет о так называемом «полицейском газе». На самом деле **CS (VII)** — это боевое ОВ класса ирритантов, которое в процессе переговоров — к удовольствию всех сторон — было исключено из Конвенции о запрещении химоружия[57].

10.7. ГСНИИОХТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Как уже говорилось, гражданский флагман наступательной химической войны — головной прикладной институт-завод ГСНИИОХТ — был детищем совет-

ской власти. Выше уже обсуждалась научная сторона этого предприятия. Была у него, однако, и серьезная промышленная история.

Заводская история нынешнего ГСНИИОХТа началась с двух решений РВС СССР. Заседание РВС от 2 февраля 1925 г. постановило «признать абсолютно необходимым выделить для работы Химического комитета опытный экспериментальный завод с передачей такового в ведение ГУВПа», причем для поиска завода была образована специальная комиссия во главе с академиком В.Н. Ипатьевым[67]. А вот заседание от 23 марта 1925 г. решило выделить для Химкома Ольгинский химический завод (Москва, Владимирский тракт) и часть Экспериментального химического завода (Москва, Б. Садовая) с передачей вновь образованного завода Эксольхим из Анилтреста в ГУВП[55]. Председательствовал на тех заседаниях РВС СССР вновь назначенный его председатель М.В. Фрунзе — очередной после Л.Д. Троцкого. Правительство не замедлило исполнить волю РВС СССР, и 14 июля 1925 г. состоялось постановление СТО СССР «О передаче Ольгинского химического завода Анилтреста в Главвоенпром». Этот документ предусматривал обеспечение первостепенных нужд армии в основных ОВ тех лет. Его подписал заместитель председателя СТО СССР А.Д. Цюрупа.

На объединенном заводе Эксольхим было организовано промышленное и опытное производство химоружия. С 1926 г. основные производства ОВ были перемещены с Триумфальной площади на окраину Москвы и сосредоточены в той части Эксольхима, которая размещалась в бывшем заводе Беккеля и которая расположена на Владимирском тракте. Она и стала головным заводом СССР, а в дальнейшем — заводом-институтом по созданию химоружия. Осенью 1930 г. к нему была прирезана прилегающая территория бывшего артиллерийского склада.

Вначале бывший завод Беккеля назвали Ольгинским, хотя и ненадолго. Потом он существовал и как часть Эксольхима, и как госхимзавод № 1 ВТОП, и в виде «номерного» завода № 51, и (с включением спецлаборатории Химического института им. В.Я. Карпова) в форме головного «оборонного» института с опытным заводом НИИ-42 (потом ГСНИИ-403). Стандартное довоенное и послевоенное обличье этого завода — п/я 702 (для народных масс).

К середине XX века весь этот конгломерат разросся до мощнейшего «гражданского» научно-производственного комплекса по созданию средств химического нападения (самих рецептур ОВ и соответствующих боеприпасов) — Государственного союзного НИИ органической химии и технологии с опытным заводом МХП СССР (ГСНИИОХТ). Располагался этот респектабельный завод-институт на Владимирском тракте, получившем более приличествующее духу советской эпохи название шоссе Энтузиастов (шоссе Энтузиастов, 23).

Выпуск ОВ начался с хлорацетофенона **(II)**, иприта **(XX)** и фосгена **(XIII)**.

2 октября 1925 г. на заводе была произведена первая опытная партия хлорацетофенона (вещества «А») — ОВ, которое ранее в СССР не выпускалось.

Предвоенная история иприта была здесь долгой. 26 сентября 1925 г. начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман обратился в РВС с предложением приступить к сооружению установки по выпуску иприта мощностью 1 тыс. т/год[374]. В приложенной к письму пояснительной записке за подписью В.Н. Ипатьева и Я.М. Фишмана обосновывалась необходимость осуществления этого проекта не где-нибудь, а именно на Ольгинском заводе и испрашивалось выделение 650 тыс. руб. Одновременно автор просил возбудить ходатайство перед ВСНХ СССР о расширении Ольгинского завода за счет примыкающего маслобойного завода (бывш. завода Пономарева).

Налаживание выпуска иприта и фосгена проходило под руководством проф. Е.И. Шпитальского. Однако в 1929 г., незадолго до этого став член-

корреспондентом АН СССР, он был арестован и осужден по стандартному антисоветскому обвинению в «контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности». «В интересах дела» смертный приговор был заменен на десятилетний срок тюремного заключения с отбытием на рабочем месте. Ученый продолжал руководить работами по созданию химоружия до самой смерти — в неволе она настала довольно скоро.

Использование труда заключенных практиковалось в этом институте вплоть до первой «оттепели»[173].

Производства ОВ работали активно сначала в промышленном амплуа, а со временем — и в опытно-научном. Здесь начинали свою жизнь все советские ОВ — от мышьяксодержащего адамсита **(III)** до самого токсичного ОВ современных армий — советского V-газа **(XXV)**. Со временем заводчане подгребли под себя всю цивильную составляющую «химии ОВ» всей страны.

С 1926 г. на заводе работала установка по выпуску хлорацетофенона (1931 г. — 21,7 т, 1932 г. — 14,7 т) и дифенилхлорарсина (суточная производительность 4–5 пудов) **(IV)**. Производство фосгена шло в 1926–1930 гг. непрерывно. 12 января 1928 г. на заводе был осуществлен пуск опытной установки по производству адамсита. Всего за январь-март было выпущено 7 т по заказу Красной Армии, после чего установка была остановлена на переоборудование для увеличения мощности[396]. На 1929/1930 г. завод получил задание изготовить опытные партии ряда ОВ: неперегнанного иприта — 46 т, перегнанного иприта — 112 т, дифосгена **(XIV)** — 4 т, хлорацетофенона — 22,5 т[396].

В апреле 1930 г. в процессе обсуждения на заседании РВС СССР мобилизационной готовности промышленности к ведению химической войны[382] мощности госхимзавода № 1 выглядели по выпуску пяти ОВ нехило: по иприту Левинштейна — 1,8 тыс. т/год, по фосгену — 1,9 тыс. т, по треххлористому мышьяку — 1,9 тыс. т, по хлорацетофенону — 3 т, по адамситу — 200 т. Через год, в апреле 1931 г., данные по мощностям были почти такими же: иприт — 1,8 тыс. т/год, фосген — 1 тыс. т, дифосген — 200 т (смонтирована недавно), хлорацетофенон — 300 т. И все эти мощности в отличие от остальных заводов непрерывно (за вычетом аварий) выдавали продукцию на-гора. За исключением неритмичной работы установки по выпуску хлорацетофенона, что лимитировалось импортом катализатора — хлористого алюминия.

В частности, в 1930/1931 учебном военном году заводу было дано срочное задание изготовить для испытаний опытные партии многочисленных ОВ — иприта по Мейеру (5 т), люизита **(XXI)** (5,0 т), дифосгена (3,5 т), синильной кислоты (3,0 т), хлорциана **(XVI)** (2,0 т), бромциана (0,5 т), бромбензилцианида **(VI)** (1,5 т), дифенилцианарсина **(V)** (1,5 т), фенарсазиноксида (0,5 т). Армейский заказ был столь срочен и важен, что эти партии ОВ было велено изготовить «имеющимися у завода способами без рассмотрения их экономической стороны»[396].

Это задание появилось не случайно. В 1930 г. в процессе вынужденной проверки завода № 1 был уточнен его статус. В сентябре того года специальной комиссией было решено, что «завод № 1 по своему назначению должен быть опытным ведущим заводом; главнейшей своей задачей завод должен считать постановку и осуществление опытных работ по ОВ; одновременно завод должен быть использован для выполнения заказов как по плану мирного, так и военного времени. По мере развертывания, опробования и пуска в ход базовых заводов, вырабатывающих аналогичные ОВ, задания с установок завода № 1 должны сниматься (мобзадания) для переключения их исключительно на опытные работы». Решение было столь серьезным, что 18 сентября 1930 г. протокол с этой записью утвердили

два высокопоставленных руководителя — заместитель председателя РВС СССР И.П. Уборевич и его предшественник на этом посту, а на тот момент заместитель председателя ВСНХ СССР И.С. Уншлихт.

Опытный (в основном) характер производства на химзаводе № 1 был переплавлен в конкретные планы. Соответственно, на упоминавшееся задание по производству для армии опытных партий различных ОВ был составлен жесткий график: пуск опытных установок по выпуску бромбензилцианида и бромистого иприта — 1 декабря 1930 г., по производству люизита, синильной кислоты, хлорциана и бромциана — 1 марта 1931 г., а по выпуску дифенилцианарсина и фенарсазиноксида — 1 апреля 1931 г.[396].

В 1931 г. промышленные и опытные установки завода выдали на-гора немало: иприта — 61,2 т, фосгена — 80,7 т, хлорацетофенона — 21,7 т. Выпуск 1932 г. составил: 745,4 т иприта, 106,9 т фосгена, 14,7 т хлорацетофенона, 19,5 т люизита и 1,3 т бромбензилцианида. Кроме того, были изготовлены небольшие партии хлорциана, дифенилцианарсина и других ОВ. В выпуске 1934 г. отметим 35,1 т адамсита[392]. Мощность установок по производству иприта довели в 1932–1934 гг. до 2 тыс. т/год, а в 1935–1941 гг. — до 2250–2500 т (выпуск иприта продолжался до самой войны).

Численность персонала Ольгинского завода в 1931 г. составляла 665 человек, из них 438 работали на заводе, остальные — на опытном производстве. Одним из источников сырья служил расположенный рядом завод «Нефтегаз».

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ КОЛЛЕКТИВА ЗАВОДА № 1:

«Упорно драться за производственную программу 1935 г., который является годом дальнейших решительных побед на трудовом фронте. Да здравствует ЦК ВКП(б) и наш Любимый вождь тов. Сталин. Да здравствует МК ВКП(б) во главе с лучшим соратником Сталина — Кагановичем»[392].

На 1.1.1936 г., когда после очередной реорганизации Ольгинский завод стал называться 51-м экспериментально-исследовательским и опытным заводом-институтом по ОВ (заводом № 51), мощность по выпуску ОВ составила: по иприту — 2,1 тыс. т/год, по фосгену — 1 тыс. т, по дифосгену — 200 т, по хлорацетофенону 300 т. На этом же заводе в 1937 г. в опытном масштабе была отработана технология выпуска зимнего (этилен-пропиленового) иприта по В.С. Зайкову. Там же осуществлялся выпуск опытных партий многих других ОВ, например, люизита (мощность на 1 июня 1937 г. составила 210 т/год), хлорацетофенона, адамсита, фосгена.

Многие годы в институте существовал склад стойких ОВ, перемещенный впоследствии в Дзержинск (Нижегородская обл.). А вот попытки перенести в Дзержинск и сам завод № 51 успехом не увенчались[415].

10.8. МОСКВА, ПОДМОСКОВЬЕ, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

История и география промышленного выпуска химоружия неотделима от Москвы. Вклад столицы был особенно велик, поскольку именно здесь работало не

менее четырех заводов по опытному и промышленному производству ОВ — Шустовский, Ольгинский, Угрешский и Дербеневский (этот, впрочем, в связке с подмосковным Щелковским). Есть данные о привлечении Дорогомиловского химзавода[391], однако они противоречивы и потому не обсуждаются (рис.2).

Шустовский и Ольгинский институты-заводы уже были обсуждены.

Производство ОВ планировалось и осуществлялось в Москве также на ряде других заводов. Один из них завели на ул. **Угрешской** (завод № 93). Мощность по хлору (2500 т/год) на этом заводе была возведена к концу 1933 г. В 1931–1932 гг. было налажено производство хлорацетофенона **(II)** на мощность 600 т/год (фактическая мощность в 1937 г. составляла 350 т/год). В 1935 г. было выпущено 7,3 т хлорацетофенона. В 1939 г. завод начал выпуск хлорацетофенона «в виде плава» («минуя стадию перекристаллизации из спирта»). В результате этого новшества производительность установки повысилась в 3 раза, а стоимость «продукции» снизилась в 1,5 раза. Пробные пуски состоялись в декабре 1939 г. и в марте 1940 г., и за это время было произведено 43 т ОВ. Мощность цеха № 16 после этого составила 1,5 тыс. т/год[401]. На этом же заводе еще в 1931 г. планировали организовать выпуск высококачественного иприта Мейера **(XX)** мощностью 2,5 тыс. т/год[390], однако эта попытка закончилась ничем. Со временем, обзаведшись маститой прикладной наукой, химзавод № 93 просуществовал много лет как респектабельный институт ГосНИИхлорпроект, а в последние годы — в виде нынешнего института-завода «Синтез».

Еще одним заводом ОВ был **Дербеневский химический завод** имени И.В. Сталина, где выпускались мышьяковые ОВ — дифенилхлорарсин **(IV)** и дифенилцианарсин **(V)**[402]. Мощность по выпуску 1200 т дифенилхлорарсина в год была возведена в 1933 г. На 1.1.1936 г. она составляла 1220 т/год, хотя фактически в 1936 г. было выпущено 135 т дифенилхлорарсина.

В связке с Дербеневским заводом работал **Щелковский химический завод**, расположенный в Московской обл. На этом заводе имелась установка по выпуску дифенилхлорарсина **(IV)** мощностью 1,8 тыс. т/год[70].

В Московской обл. в предвоенные годы действовали снаряжательные заводы № 12 и № 11, а также химический комбинат в Воскресенске.

Снаряжательный завод № 12 находился в Электростали (ст. Затишье возле Богородска-Ногинска). Поначалу на нем, помимо снаряжения коробок для противогазов, происходил разлив иприта **(XX)** в химические боеприпасы. В 1929 г. здесь было налажено снаряжение ЯД-шашек КИН-2 (ЯМ-21) и ЦИ-2 (ЯМ-11) привозными раздражающими ОВ — адамситом **(III)** и хлорацетофеноном **(II)**. В 1930 г. перечень ОВ, которые этот завод снаряжал в химические и осколочно-химические снаряды и авиахимбомбы, а также в ЯД-шашки, был таков: иприт, адамсит, хлорацетофенон, дифенилхлорарсин **(IV)**, фенарсазиноксид[403]. Перед войной завод № 12 НКБ имел мобилизационное задание на снаряжение ЯД-шашек. По состоянию на март 1940 г. цеху № 3 было задано две номенклатуры: выпуск шашек ЯМ-11 (хлорацетофенон) — 40 тыс. шт. в квартал и шашек ЯМ-21 (адамсит) — 2010 тыс. шт. в квартал. Для этого было начато накопление ОВ на складе завода[421]. После Отечественной войны завод обрел новый профиль.

Снаряжательный завод № 11 располагался в Сергиевом Посаде.

На **Воскресенском химкомбинате им. В.В. Куйбышева** (нынешнем Азотнотуковом заводе) перед Отечественной войной было подготовлено производство синильной кислоты **(XV)**. На основании первоначального решения оно должно было быть возведено еще в 1934–1935 гг. на мощность 1 тыс. т/год. На 1 июня 1937 г. мощность по синильной кислоте должна была составить 1,5 тыс. т/год.

В 1939–1940 гг. была смонтирована полузаводская установка по производству хлорциана мощностью 140 т/год [107]. С началом войны химкомбинат производил синильную кислоту лишь в первые ее месяцы (выпуск — 265 т)[431]. По мере приближения фронта оборудование многих цехов было эвакуировано, а после окончания битвы под Москвой началось восстановление важнейших цехов химического комбината[720]. Цех по производству синильной кислоты оставался в мобилизационном резерве страны вплоть до рубежа 50–60-х гг.

После войны эти заводы были переброшены на иные дела.

С разработкой гербицидного оружия была связана деятельность других институтов промышленности и сельского хозяйства. Головной московский ВНИИ химических средств защиты растений (ВНИИХСЗР), его филиал — гербицидный институт ВНИТИГ (Уфа), а также опытный завод в Щелкове (бывший Щелковский химический завод) производили рецептуры для борьбы с растениями «вероятного противника». В этом участвовал и секретный Институт фитопатологии Минсельхоза СССР, ныне относящийся к системе РАСХН (бывшая ВАСХНИЛ).

* * *

В целом заводов химоружия было в Советском Союзе гораздо больше, чем власти склонны признавать. Часть из них работала на химическую войну, часть находилась в мобилизационной готовности.

Одно из самых старых производств ОВ находилось на **опытном заводе ГИПХ (С.-Петербург)**. По состоянию на 1 мая 1931 г. мощность этого завода по выпуску дифосгена **(XIV)** составляла 100 т/год.

Химический комбинат в Березниках (Пермская обл.) сооружался на берегу Камы на базе дореволюционного сольвеевского завода. Строители-заключенные знали его как ВИШХИМЗ и как Березниковский химкомбинат. Энтузиасты химической войны возлагали на завод большие надежды. Мощность по иприту Левинштейна **(XX)** к началу 1931 г. составила 9 тыс. т/год, однако, без обеспечения хлором. Фактически ипритное производство было пущено в III квартале 1933 г.. В фундаментальном приказе по НКТП СССР от 10 июля 1936 г. Г.К. Орджоникидзе предписал иметь к 1 января 1939 г. в Березниках мощности по выпуску иприта — 9 тыс. т/год (потом ее довели до 11 тыс. т), люизита **(XXI)** — 8 тыс. т, фосгена **(XIII)** — 6 тыс. т, дифосгена **(XIV)** — 6 тыс. т[411]. Незадолго до войны, 7 сентября 1940 г., постановлением экономсовета при СНК СССР было произведено разукрупнение химкомбината с созданием двух самостоятельных предприятий — **Березниковского содового завода** («оборонного» завода № 761) по производству химоружия на основе северной группы цехов (нынешнее ПО «Сода») и Березниковского азотно-тукового завода — на основе южной группы цехов[422]. С началом Отечественной войны заводу № 761 было предписано до 1 января 1942 г. расширить цех по производству иприта до немыслимой мощности — 25 тыс. т/год[423]. Фактически иприт Левинштейна в 1941–1943 гг. производился в цехе № 10, причем лишь в 1942 г. удалось произвести самое большое количество иприта — 4509 т. Очистные сооружения в годы войны отсутствовали. Всего за войну было произведено около 10 тыс. т иприта[431]: 1941 г. — 3879 т, 1942 г. — 4509 т, 1943 г. — 1758 т.

ИЗ ДОКУМЕНТА:

«Центральный комитет ВКП(б)

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А.А.

...Война изменила профиль большинства химических заводов области. Березниковский содовый завод системы Главхимпрома за время войны пре-

вратился из производителя содопродуктов в производителя средств химического нападения...

Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Гусаров, 11 апреля 1942 года»[425].

В войну же в Березниках была предпринята попытка наладить выпуск ОВ, способного пробивать шихту противогаза — трифторнитрозометана **(XIX)**. Цех построен не был[189]. В послевоенные годы иприт уже не выпускался, а нынешнее ПО «Сода» занималось выпуском иной продукции. В середине 50-х гг. обсуждались планы реконструкции ипритного цеха № 10[580]. Мощности по иприту сохранялись до 1959 г. Среди послевоенных заданий укажем на постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 июля 1969 г. о поставках армии, в соответствии с которым Березниковскому содовому заводу было предписано произвести в 1969 г. дополнительно 1400 т хлорпикрина **(I)**[119].

Азотно-туковый завод им. И.В. Сталина в Бобриках (последующее название химический комбинат им. И.В. Сталина) был возведен на новом месте. С 1934 г. историческое имя Бобрики (Тульская обл.) было утрачено в пользу более созвучного эпохе Сталиногорска, хотя это были земли знатного рода Бобринских, начавшегося с внебрачного сына императрицы Екатерины II. С 1961 г. — это уже Новомосковск. Мощность по хлору в начале 30-х гг. составила 10 тыс. т/год. Проектная мощность по иприту Левинштейна иприта **(XX)** составляла 9 тыс. т/год (срок ввода — 1932 г.)[71]. Чтобы этот и ему подобные сроки не оставались на бумаге, стройку в 1933 г. посетил нарком Г.К. Орджоникидзе. К концу 30-х гг. мощность по иприту была доведена до 11 тыс. т. Мощности по люизиту **(XXI)**, подготовленные перед войной, введены в действие не были. На январь 1940 г. планировалось сдать в эксплуатацию цеха снаряжения артхимснарядов и авиахимбомб. В октябре 1940 г. решением экономического совета при СНК СССР из комбината был выделен **Сталиногорский химзавод № 100** (Д-100), который специализировался на выпуске иприта, а также на снаряжении авиахимбомб и других химбоеприпасов ипритом, вязкой ипритной рецептурой, смесью иприта с люизитом[422]. С началом войны на Сталиногорском заводе была предпринята попытка осуществить выпуск иприта. Однако из-за близости фронта завод пришлось эвакуировать. После реэвакуации завод № 100 (вскоре после начала войны он воссоединился со Сталиногорским азотно-туковым комбинатом им. И.В. Сталина, нынешнее название — Азотно-туковый завод) к выпуску иприта практически не вернулся. Была лишь попытка восстановить в 1942–1943 гг. цех выпуска иприта на мощность 6,5 тыс. т/год (цех № 25) и цех по снаряжению авиахимбомб ХАБ-100 и ХАБ-200 (№ 21). Производство метанола, необходимого для обеспечения выпуска дифосгена, было восстановлено 31 июля 1942 г.[720].

На **Кинешемском анилино-красочном заводе имени М.В. Фрунзе** («оборонном» заводе № 756) было налажено производство мышьяксодеращих ОВ — адамсита и дифенилхлорарсина. Химзавод расположен в левобережной, заволжской части Кинешмы (Ивановская обл.) в 7 км ниже города. В годы войны завод был оторван от железной дороги. Ныне — это Заволжский химзавод в городе, выделившемся из Кинешмы административно. Директора завода: Д.П. Новиков (1941–1942), П.А. Гангрский (1942–1945). Плановая мощность предприятия по адамситу **(III)** (цех № 3) первоначально составляла 1,5 т (1932 г.) и 3,5 тыс. т/год (1937 год), а в годы войны она была доведена до 6 тыс. т/год. Выпуск дифенилхлорарсина **(IV)** был налажен в цехе № 3а, мощность — 40 т. На заводе существовало также соб-

ственное производство сырья для выпуска этих ОВ — треххлористого мышьяка (цех № 3б). В предвоенные годы цех адамсита работал не постоянно, а по заказу армии. В частности, в июне-ноябре1936 г. было произведено около 1500 т адамсита. А 2 января 1940 г. постановлением Комитета обороны при СНК СССР заводу предписали выпустить 15 т дифенилхлорарсина для ВМФ[420]. В конце 1940 г. планировалось ввести в действие тарный цех. В годы войны завод работал для армии непрерывно. За 1941–1944 гг. было выпущено 6057 т адамсита (1941 г. — 1018, 1942 г. — 1820 т, 1943 г. — 2466 т, 1944 г. — 753 т). Объем выпуска дифенилхлорарсина был незначителен (1942 г. — 2,4 т, 1943 г. — 1 т, 1944 г. — 2,5 т)[431]. О жестоком напряжении тех дней свидетельствует приказ наркома НКХП М.Г. Первухина от 19 мая 1943 г. о планах выпуска адамсита на заводе. Было предписано срочно дооборудовать цех № 3 и уже к 1 июля довести месячный выпуск адамсита до 500 т в месяц[426]. Тот приказ выполнен не был. Цеха № 3а и № 3б проработали до лета 1945 г. В постановлении ГОКО СССР от 2 июля 1945 г., определившем судьбу цехов химоружия, выпуск дифенилхлорарсина в цехе № 3а был остановлен[430]. Однако адамситовый цех, находившийся к концу войны в неудовлетворительном состоянии, был выведен из мобрезерва лишь 9 октября 1958 г., когда СМ СССР снял с вооружения как адамсит, так и снаряженные им боеприпасы — снаряды, мины и ЯД- шашки[510].

Производство треххлористого мышьяка — сырья для выпуска всего набора мышьяксодержащих ОВ — было налажено на **Полевском заводе** (Свердловская обл.) еще в 1930–1931 гг., мощность — 450 т/год. Планировалось также наладить к исходу 1935 г. выпуск цианистых солей в Свердловске для обеспечения производства синильной кислоты как в Воскресенске, так и в самом Свердловске (мощность по синильной кислоте — 1,5 тыс. т/год).

С производством мышьяка и его производных связана деятельность Ангарского **металлургического завода в Свирске** (Иркутская обл.) (нынешнее название — «Востсибэлемент»).

В годы войны в число заводов, ориентированных на выпуск химоружия, вошел **Кирово-чепецкий химический завод** («оборонный» завод № 752; Кировская обл.). Распоряжение по ПГУ НКХП о проектировании цеха по снаряжению морских артхимснарядов и химических мин было издано еще 21 декабря 1942 г., то есть до перехода завода в ПГУ. 19 марта 1943 г. был издан приказ по НКХП о передаче вновь строящегося химического завода в ведение ПГУ с ориентацией на выпуск иприта **(XX)** и люизита **(XXI)** и наполнение ими артхимснарядов и химмин[772]. Директором завода тогда был М.В. Крычков. Через несколько дней, 4 апреля 1943 г., на химзаводе были введены в эксплуатацию два цеха — по производству карбида кальция и по производству тары. С этого момента началось наполнение снарядов и мин («тары») привозными СОВ. Выпуск карбида кальция в 1943 г. составил 520 т, а на 1947 г. его планировали довести до 4,5 тыс. т/год. Собственный выпуск люизита на основе карбида кальция практически не начался. В соответствии с постановлением СМ СССР от 7 апреля 1956 г.[200] на заводе планировалось возведение цеха по производству трифторнитрозометана **(XIX)** — ОВ, способного пробивать шихту противогаза. Однако после передачи в атомную промышленность этот завод уже перестал играть какую-либо роль для промышленности химоружия.

Саратовский завод синтетического спирта возводился, как и все другие заводы, очень долго. Помимо прочего, он предназначался для производства синильной кислоты **(XV)** и снаряжения ею авиахимбоеприпасов (корпус № 167). Для этого был избран уже апробированный на заводе № 148 метод каталитического

окисления аммиака и метана кислородом воздуха на платиновом катализаторе. В задании на проектирование II очереди завода, утвержденном замминистра МХП Д.П. Новиковым 7 июня 1955 г., мощность по синильной кислоте определялась в 15 тыс. т/год. Мощности по снаряжению авиахимбомб тоже были серьезные: по ХАБ-500–200Н — 15 тыс. шт./год, ХАБ-250–110Н — 40 тыс. шт., ХАБ-100–60Н — 40 тыс. шт. Сильный толчок развитию завода дало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 13 мая 1959 г. Мощности, в том числе подземный склад для хранения синильной кислоты, были возведены в начале 60-х гг.[452,793].

В 80-х гг. на выпуск химоружия был ориентирован еще один завод — **«Алтайхимпром» в Славгороде** (Алтайский край). Ему досталось производство новейшего химоружия, для чего был возведен комплекс специальных цехов (так называемое производство «гамма»). Речь идет, среди прочего, о выпуске инкапаситантов, то есть несмертельных ОВ, способных временно выводить «противника» из строя. К числу психотропных ОВ относятся и яды, аналогичные ядам растительного и животного происхождения. Сброс сточных вод завода был ориентирован на оз. Яровое. Предприятие действует по прямому назначению и поныне, а его продукция может иметь двойное назначение: не только ОВ для полицейских операций, но и фармпрепараты для анестезиологов.

В 1963–1973 гг. и в 1975–1988 гг. хлорфенолы 2,4,5-трихлорфенол и и 2,4-дихлорфенол и их производные — боевые гербициды 2,4,5-Т **(XXVIII)** и 2,4-Д **(XXVII)**- производились в **Уфе на заводе «Химпром»** (Башкирия). Активизировался этот процесс после начала войны США во Вьетнаме (1961–1975 гг.), ставшей полигоном для испытания гербицидного оружия. Масштабное производство гербицида 2,4,5-Т в Уфе было начато в специально возведенном для этих целей цехе № 19[13].

Среди заводов **Украины** для полноты картины упомянем про выпуск хлорпикрина **(I)**, организованный на рубеже 20–30-х гг. в Донецкой обл. (Украина) на Славянском заводе «**Славсода**» (мощность сначала 300 т, а затем 600 т/год) и Донецком заводе «**Донсода**» (мощность — 2 тыс. т/год).

С точки зрения химоружия, особенно богатую советскую историю имеет **Химический завод в Рубежном** (Луганская обл.). По состоянию на 1 мая 1931 г. здесь имелась недавно возведенная установка по выпуску фосгена **(XIII)** мощностью 2 тыс. т/год, хотя в последующие годы на полную мощность ее не испытывали. В том же году монтировалась установка по выпуску хлорацетофенона мощностью 600 т/год. Однако после возведения она не была запущена — опыт работы аналогичной установки в Москве на заводе № 93 показал необходимость ее реконструкции. К тому же закупленная во Франции установка по выпуску хлористого алюминия — катализатора при выпуске хлорацетофенона **(II)** — в 1932 г. взлетела на воздух. Среди предвоенных решений укажем на постановление Комитета обороны при СНК СССР от 14 декабря 1939 г., которым определялся срок ввода в действие цеха выпуска хлорацетофенона, — январь 1940 г. В послевоенные годы Рубежанский завод активно участвовал в подготовке выпуска химоружия против растительности «вероятного противника». Именно здесь (теперь завод назывался ПО «Краситель») с 50-х гг. и до 1962 г. производился 2,4,5-трихлорфенол — ключевой элемент этого вида химоружия[13].

Среди задач, которые были реализованы в эпоху Л.И. Брежнева, укажем на два документа начала 70-х гг. 19 мая 1971 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР было решено соорудить на **Запорожском химическом заводе «Кремнийполимер»** (Украина) мобилизационные мощности по выпуску спецвеществ и снаряжению химбоеприпасов продуктами проблемы «Фолиант»[209].

ИЗ ДОКУМЕНТА:

«4 ноября 1974 года *Совет Министров СССР*

Во исполнение Постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 394–129 от 8 июня 1973 года на Запорожском химическом заводе «Кремнийполимер» создается производство продукта 102 проблемы «Фолиант» с вводом в эксплуатацию в 1975 году.

Учитывая особые гигиенические условия и наличие специфических профессиональных вредностей в указанном производстве, Министерство химической промышленности и Министерство здравоохранения СССР считают необходимым осуществить строительство специальной поликлиники на 240 посещений, сметной стоимостью 260,0 тыс. рублей...

Министр химической промышленности Л.А. Костандов *Министр здравоохранения СССР Б.В. Петровский».*

Имеются в виду особо токсичные боевые ОВ, а также несмертельные ОВ, в частности, «полицейский газ» CS **(VII)**. Следующим постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 8 июня 1973 г.[439] было решено, что производства нового химоружия по проблеме «Фолиант» будут возводиться на «Кремнийполимере» в цехе № 102.

Будущее химической войны ВХК связывал с созданным в послевоенные годы **Павлодарским химическим комбинатом** (Казахстан). Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июня 1959 г. предусматривалось, среди прочего, строительство химкомбината в Павлодаре с ориентацией на выпуск зарина **(XXIII)** (мощность — 8 тыс. т/год) и зомана **(XXIV)** для снаряжения химбоеприпасов — артиллерийских (артхимснаряды калибра 122 мм и 152 мм, а также 160 мм химмины) и авиационных (авиахимбомбы ХАБ-100, ХАБ-200 и др.)[434]. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 11 сентября 1961 г. задачи были конкретизированы. Мобилизационные мощности VIII производства на ПО «Химпром» в Павлодаре по ФОВ предусматривалось создать к 1 января 1967 г. (по зарину — 3 тыс. т/год, по зоману — 5 тыс. т/год). Зарином предполагали снаряжать артснаряды к пушкам и гаубицам (калибра 122 мм, 130 мм и 152 мм), реактивные снаряды МС-24 к установкам БМ-24 и снаряды к установке БМ-21 («Град»). Зарином и зоманом предполагали снаряжать также кассетные авиабомбы (РБК-М-60 с элементами ОХАБ-МГ). Особенно богатые планы были по части снаряжения вязким зоманом боеголовок большой группы ракет — твердотопливной фронтовой ракеты «Темп», тактической ракеты «Луна» (FROG-7B), жидкостной оперативно-тактической баллистической ракеты Р-17 (SCUD-B), фронтовой ракеты «Ладога», а также фронтовых крылатых ракет ФКР-1 и С-5[435]. Вскоре планы были расширены, и 29 января 1964 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР было предусмотрено начать работы по организации в Павлодаре выпуска советского V-газа **(XXV)**[438]. Очередной толчок был дан постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 17 августа 1967 г. Им предусматривалось расширение фронта работ по созданию новых ОВ, химических боеприпасов и созданию в 1973 г. мобилизационных мощностей на VIII производстве[117].

Очередная концепция развития завода связана с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 2 сентября 1968 г.[118], которым были намечены «меры по совершенствованию химического вооружения». Теперь предполагалось выпускать и заливать в химические боеприпасы ФОВ зарин и советский V-газ. Зарин было решено заливать в снаряды ствольной артиллерии (калибра 122 мм, 130 мм и 152 мм) и в

реактивные снаряды (МС-21М к системе БМ-21 «Град», а также снаряды МС-24УД к системе залпового огня БМ-24). Диапазон задач для V-газа был более обширным. Помимо реактивных снарядов МС-21, его было решено заливать и в ВАПы, ХВАП-500, а также химические авиабомбы ХАБ-6 к РБК-500. Однако особо обширный фронт задач был намечен для V-газа на ракетном направлении. Им было решено снаряжать боевые части 5 видов ракет: тактической ракеты «Точка» (кассетный вариант) и оперативно-тактических ракет «Луна-М» (баковый вариант), «Уран» (кассетный вариант), Р-17 (8К14–1, SCUD) и «Темп-С»(9М76Б). Еще одно решение по мобилизационному развертыванию производств химоружия на основе V-газа было выпущено 8 июня 1973 г.[439].

Фактически выпуск хлора в электролизном цехе «Химпрома» в Павлодаре начался в 1975 г. и действовал до 1993 г. В качестве метода электролиза был избран «ртутный метод». Цех обеспечивал нужды как цехов по выпуску продукции для ракетной войны, так и «мирных» цехов. Впрочем, после окончания «холодной войны» все это не понадобилось. Комбинат «Химпром» размещен в северной промышленной зоне Павлодара, в 5 км от Иртыша, а сброс его сточных вод был ориентирован на оз. Былкылдак. На комбинат неоднократно приезжали бригады рабочих-специалистов из родственного «Химпрома» в Новочебоксарске для оказания помощи в пуске цехов. «Боевые» успехи химического комбината нынешние власти России и Казахстана стараются не рекламировать. А летом 2001 г. комбинат посетила группа американских специалистов, чтобы убедиться, что нацеленное на выпуск химоружия VIII производство не функционирует и не представляет угрозы для безопасности США.

* * *

Итак, мощнейшая советская индустрия наступательной химической войны обернулась для нынешней страны и ее граждан опасным монстром. К сожалению, история распорядилась так, что расфасовывание этой части советского промышленного наследства, осуществленное на рубеже веков, прошло, как и во многих других отраслях, на уровне бандитского расхватывания. Так что до разговора о преодолении последствий опасных для людей и природы деяний советской военно-химической индустрии нынешние власти пока еще не созрели.

«Мы живем, под собою не чуя страны».
О.Э. Мандельштам, 1933 г.

ГЛАВА 11. ХИМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Начиная с 20-х гг., распределение ролей в триумвирате ВХК было однозначным: армия решала, промышленность истово исполняла, а медицина обслуживала интересы и тех, и других. Приглядимся к лику армейской химии более внимательно.

11.1. ВОЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВХК

Обычно военные химики гордятся своей обширной корпорацией.

Начиная с 1925 г., организацию и координацию военно-химического дела наряду с военно-биологическим осуществляло в Красной Армии Военно-химическое управление (ВОХИМУ-ХИМУ). По мере развития работ и усложнения задач ВОХИМУ последовательно расширялось и эволюционировало, однако всегда оставалось управлением по подготовке к наступательной химической войне. В последние советские десятилетия эта военно-химическая империя называла себя Управлением начальника химических войск (УНХВ) СА. Она располагала сложившейся и чрезвычайно мощной инфраструктурой — институтами, войсками, складами, мастерскими, учебными заведениями, испытательными полигонами.

Военно-химическое направление как вид специальной военной деятельности развивалось также в других родах войск и видах вооруженных сил — в авиации, артиллерии, танковых войсках, на флоте, в ракетных войсках. Речь идет, в первую очередь, об их постоянной готовности к нападению на «вероятного противника» с помощью разнообразных химических средств. Все послевоенные годы при УНХВ существовало учреждение, которое в предвоенные годы называлось научно-техническим комитетом (НТК). На самом деле это был мощный институт, занимавшийся военно-химическим планированием, в том числе планированием целей на территории «вероятного противника».

На рубеже веков название военно-химической системы обрело демонстративно «защитный» оттенок — она именует себя войсками радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты. Однако в наши дни не столь важно, осуществляет и осуществляла ли когда-нибудь советская военно-химическая система декларируемые защитные функции. Важно понять, не взрастил ли народ под покровом тайны и под разговоры о милитаристских устремлениях агрессивного Запада обыкновенную криминальную (в общегуманитарном смысле) организацию, которая никак не может отказаться от своих противоестественных наклонностей.

Обращаясь к содержательной части деятельности военных химиков, подчеркнем, что во всех делах, связанных с подготовкой к наступательной химической войне, советский ВХК всегда выступал от имени властей всех уровней, как правило, в ущерб интересам общества и его граждан. И ниоткуда не следует, что ВХК

выступал в качестве национальной силы, у которой на первом плане стояли общегражданские, а не эгоистическо-групповые приоритеты.

Советский ВХК всегда действовал в обстановке высшей секретности, о чем истово заботились многочисленные и многоликие «органы» (ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ). Эта практика сохранилась до наших дней, несмотря даже на то, что химоружие давно исключено из военной доктрины страны и превратилось исключительно в оружие экологическое, то есть в оружие против самих себя.

11.2. ИСКАТЕЛИ ОТРАВЫ

Организация советского военно-химического дела знавала разные эпохи. В первые годы советской власти бывали времена, когда при создании химоружия переплетались активность и интересы военных и гражданских организаций. Так, в начале 1931 г. по заданиям ВОХИМУ РККА работало 35 гражданских научных организаций, причем 23 из них уже имели задачи и вели конкретные работы[70]. Однако разработкой и испытаниями химоружия, в первую очередь, занималась все-таки армия.

Изначально разработкой вопросов советского химического вооружения занималась **Высшая военно-химическая школа** (ВВХШ), преобразованная в 1924 г. в Химические курсы усовершенствования командного состава (ХКУКС). Из числа первых шагов упомянем доклад на заседании Межсовхима 24 апреля 1924 г., сделанный проф. С.С. Наметкиным (1876–1950) — будущим академиком АН СССР, — о достижениях руководимой им лаборатории ОВ в ВВХШ РККА[151]. Именно в этой лаборатории были впервые получены 300 г адамсита и 100 г этилдихлорарсина (дика), переданные для токсикологических испытаний в фармацевтическую лабораторию проф. Н.А. Сошественского в Институте экспериментальной ветеринарии (Москва). При ВВХШ (ХКУКС) была создана целая система военно-химических лабораторий, каждая из которых специализировалась в том или ином направлении. Например, в 1926 г. по заданиям армии лаборатория проф. С.С. Наметкина занималась поиском новых ОВ среди какодиловых соединений, производных дихлорацетона, фосфинов и др. Лаборатория инж. С.М. Шермана изучала цианистый мышьяк и хлорангидрид щавелевой кислоты. Лаборатория проф. Н.А. Изгарышева (1884–1956) — будущего чл.-корр. АН СССР — изучала физико-химические свойства, а также способы образования аэрозолей ОВ (в виде паров, дымов, туманов), их поведение в окружающей среде и т.д.[151]. Жилось обитателям ВВХШ неплохо, если учесть, что установленная 30 апреля 1920 г. декретом Совнаркома «О введении трудового продовольственного пайка» единая схема нормирования снабжения ставила Красную Армию в очень привилегированное положение (красноармейцу полагалось 800 г хлеба в день, а труженикам тыла — 400 г, и то не всем). А вот для простых (непривилегированных) граждан 28 мая 1920 г. было объявлено о возобновлении смертных казней, и в течение 1920 г. было приговорено к расстрелу 6541 человек.

Существовал также ряд лабораторий при военно-химическом полигоне ОГП-НИХП в Кузьминках (Д.Л. Талмуд, С.Е. Беляев, И.Р. Кричевский).

В дальнейшем часть этих работ переместилась в созданную в начале 1926 г. в Москве Центральную **военнно-химическую лабораторию**[152]. А через пару лет та лаборатория переросла в целый **военно-химический институт** (ИХО-НИХИ)[153,154].

Работы по химоружию наряду с подготовкой кадров проводились также и в разместившейся в Москве в бывших казармах ее Величества Фанагорийского Суворовского полка (на ул.2-й Бауманской, 10; ныне это Бригадирский переулок) **Военно-химической академии** (ВХА) им. К.Е. Ворошилова (нынешнее название — Военный университет радиационной, химической и биологической защиты). Она активно занималась разработками в области химоружия и способов его применения. Испытания проводились и на общеармейском военно-химическом полигоне в Шиханах, и на собственном военно-химическом полигоне во Фролищах (Нижегородская обл.), который был закреплен за нею постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г.

В предвоенные годы ВХА выпускала в год около 70 военных инженеров-химиков и до 70 инженеров для военно-химической промышленности. С ВХА связана история появления в СССР такого ОВ второго поколения, как табун, а также всей серии родственных ему ОВ. Когда в конце Второй мировой войны поступило сообщение о табуне **(XXII)** как о новом ОВ Германии, именно в ВХА преподаватель кафедры БХВ полковник К.А. Петров немедленно синтезировал и это ОВ, и многие родственные соединения этого ряда.

Весь XX век Военно-химическая академия полагала себя фактическим мозговым центром химической войны. Она хорошо прижилась в столице и густо заселялась химическим генералитетом. Лишь в 2004 г. встал вопрос о ее перемещении в Кострому, даже несмотря на стенания об угрозах химического терроризма. Переселение Москва-Кострома состоялось.

11.3. ИХО — ФЛАГМАН ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о создании специального военно-химического института возник задолго до того, как было образовано ВОХИМУ РККА. Во всяком случае эта идея звучала еще в августе 1922 г. на одном из заседаний Арткома[147]. С появлением ВОХИМУ военные химики стали считать проблему сбора научных сил под единой крышей еще более актуальной.

Для начала приказом РВС СССР от 12 февраля 1926 г. была образована Центральная военно-химическая лаборатория ВОХИМУ. И уже в ноябре 1926 г. ее руководитель А.Н. Гинсбург отчитывался о выполненных испытаниях по обоим назначенным направлениям работы — химическому и биологическому. В то лето были проведены токсикологические исследования 33-х образцов ОВ, а также ряда образцов биологического оружия (в том числе вирулентных штаммов бактерий сибирской язвы)[152].

Что касается преобразования лаборатории в институт, то речь могла идти лишь о его скорости, поскольку за самим решением неизбежно возникали финансовые затраты — немалые, если учесть то голодное время, когда только-только закончилась Гражданская война. Чтобы ускорить появление решения, начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман инициировал импульс в виде «инициативы общественной организации» в форме письма от 8 октября 1926 г., с которым не так давно созданный «Авиахим» обратился в РВС СССР. Авторы выступили с идеей о неотложной необходимости выделения единовременных ассигнований на «постройку здания лаборатории», созданной «для проведения серьезных научно-исследовательских работ по специальным заданиям» ВОХИМУ[152].

Обращение «общественности», равно как и иные демарши, возымели действие. Хотя сметой НКВМ СССР на 1926/1927 г. деньги выделены не были, в следующем году они-таки появились — военные химики ловко воспользовались международным положением. Как уже упоминалось, в 1927 г. в Советском Союзе было придумано народное движение «Наш ответ Чемберлену». Не обошлось и без соответствующего фонда, куда «общественники» из «Авиахима» и его наследника ОСОавиахима собрали с населения очень большие деньги. На них и было возведено здание военно-химического института ИХО и передано армии. На этом связь ОСОавиахима с ИХО закончилась — от серьезных дел его держали как можно дальше, а у самого ИХО осталось лишь «общественное» имя. На время.

Когда на Богородском Камер-Коллежском Валу в Москве было возведено новое здание «лаборатории», она обрела более точное и монументальное название — Институт химической обороны имени ОСОавиахима (ИХО РККА). Само по себе «оборонительное» название не должно вводить в заблуждением — и положение, и другие документы, которыми регулировались задачи института, предусматривали такую «оборону», какая мыслилась в те годы — в первую очередь, «активную оборону», то есть нападение. В новое здание Центральная лаборатория переехала из временного московского помещения на Петроградском шоссе,56, где она находилась с лета 1926 г. В 1927–1929 гг. ИХО РККА получил многочисленное импортное оборудование, закупленное на валюту.

Приказ РВС СССР, которым Центральная военно-химическая лаборатория ВОХИМУ была преобразована в ИХО им. ОСОавиахима, был издан 7 апреля 1928 г.[153]. Подписантом был И.С. Уншлихт. А первым начальником института (до июня 1929 г.) стал начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман. Однако, даже перестав быть руководителем института, Я.М. Фишман продолжал лично руководить многими выполнявшимися работами. В последующем, помимо ИХО РККА, эта организация имела и иные названия — Научно-исследовательский химический институт (НИХИ РККА), Центральный научно-испытательный военно-технический институт (ЦНИВТИ МО СССР), а после переезда в Шиханы (Саратовская обл.) в 1961 г. — 33 ЦНИИИ МО СССР (в переписке — Шиханы-2, Вольск-18 или же в/ч 61469).

Первоначальная структура ИХО повторяла устройство соответствующей организации армии США на Эджвудском арсенале в штате Мериленд[376]. В состав ИХО РККА вошла часть сотрудников многочисленных лабораторий, которые в распределенном виде существовали с 1922–1923 гг. при ВВХШ (ХКУКС), военно-химическом полигоне (ОГП-НИХП) и других учреждениях и работали по заданиям Межсовхима, Химкома, а затем и ВОХИМУ[153].

В 1934 г. новое положение об институте НИХИ РККА[154] совсем освободило его от ОСОавиахима — не от влияния, которого не было никогда, а от его имени. В положении объявлялась структура, которая сложилась к тому времени и которая уже вряд ли совпадала со структурой соответствующей организации США. Из 11 отделов, на которые был разделен в тот момент НИХИ, лишь 4 занимались пассивной обороной. Это отделы противогазов, средств защиты кожи, коллективных средств защиты и... дегазации, что означало, что Военно-санитарное управление (ВСУ) РККА не справилось с этой задачей и ею пришлось заниматься самим военным химикам. Остальные 7 отделов занимались обороной «активной», то есть химическим нападением (отдел ОВ, три вооруженческих отдела — авиации, артиллерии и химических войск, а также отделы токсикологии, дымов и технологический).

Суть обязанностей ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ всегда была одна — подготовка к наступательной химической войне (а в течение долгих семи лет вплоть до 1933 г. — и к биологической[54]). Здесь изучались физико-химические и токсикологические свойства старых и еще не известных ОВ, разрабатывались всевозможные рецептуры ОВ самых различных типов и многочисленные способы их боевого применения (химические боеприпасы, выливные устройства и т.д.). Поначалу в институте изучались также и технологические вопросы — способы получения ОВ, например хлорацетофенона **(II)** и бромбензилцианида **(VI)**, способы их очистки (так была очищена партия иприта Левинштейна **(XX)** в количестве 150 кг). Причем в первые годы после создания ИХО его сотрудники нарабатывали даже опытные партии ОВ, необходимые для полевых испытаний. В частности, уже за первый отчетный 1928/1929 г. институт докладывал об изготовлении опытных партий синильной кислоты **(XV)** (примерно 400 кг), иприта Мейера (6500 кг), бромистого иприта (120 кг), люизита **(XXI)** (20 кг) и дифенилцианарсина **(V)** (40 кг). Здесь же, в ИХО, были созданы и так называемые «методы биологического контроля ОВ», что на самом деле было всего лишь словесным оформлением опытов на людях[156].

Изначальная идеологическая основа работ военно-химического института была заложена патриотической интеллигенцией страны. Это определило первый состав его Научного совета, объявленного 30 ноября 1928 г. в приказе по ИХО РККА. Хотя главой был объявлен начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман, сам состав Совета был вполне академичен и менее всего напоминал о войне и армии. Членами Совета были определены химики-академики Н.С. Курнаков и А.Е. Чичибабин, будущие химики — члены АН СССР — А.Н. Бах, Н.Д. Зелинский, Н.А. Изгарышев, С.С. Наметкин, П.А. Ребиндер (1898–1972), В.Г. Хлопин, многочисленные профессора, доктора и другие специалисты — А.А. Лихачев, З.М. Явич, М.Н. Павлов, Д.Л. Талмуд и др.[156] Тем же приказом были определены и группы консультантов основных научных отделов ИХО во главе с будущими академиками АН СССР — С.С. Наметкиным (отдел боевых химических веществ), В.А. Ребиндером (отдел средств химического нападения) и Н.Д. Зелинским (отдел средств защиты).

Прошло, впрочем, не так много времени, и армия отодвинула в сторону тех представителей патриотической научно-технической интеллигенции, которые не смогли милитаризоваться. С начала 30-х гг. в институтских коридорах зазвучали иные голоса, в том числе своих (кухаркиных) «военных ученых». Уровень этих людей вполне характеризуют документы, которые связаны с выполненным летом 1930 г. разбором «крупных дефектов» в работе ИХО РККА[157] (о них знали и раньше) и которые свидетельствовали «о недостаточном руководстве институтом со стороны начальника ВОХИМУ т. Фишмана». Как оказалось, «среди работников института оказалось много лиц, которые ни по своей квалификации, ни по своим личным качествам не соответствовали той работе, которая была им в институте доверена».

В течение ряда лет институту подчинялся в качестве полевого отдела военно-химический полигон, который располагался в Кузьминках (близ Москвы) и где вплоть до рубежа 50–60 гг. проводились все виды работ с химоружием — его испытания, демонстрация возможностей, военные занятия и учения, захоронение, уничтожение.

В 1936 г. в НИХИ РККА работало уже 650 человек, в том числе 163 специалиста (инженеров-химиков и врачей).

В предвоенные годы НИХИ РККА сильно разросся. Над его прокормом постоянно трудился специально созданный исключительно для его нужд совхоз «Сокольники», кадры для института готовил специальный техникум, а охранял его

отдельный стрелковый батальон[156]. Дирекция института время от времени была вынуждена издавать сердитые приказы на тему беспорядков на его обширной территории, в частности в районе склада ОВ[614]. В свою очередь спецслужбы активно насаждали секретность и выявляли «врагов».

Послевоенные «заслуги» военно-химических «ученых» перед энтузиастами агрессивной политики Советского Союза были столь велики, что в 1968 и 1978 гг. институт был награжден престижными орденами — боевого и трудового Красного Знамени (нетрудно догадаться, за что именно).

Ныне по адресу Богородский Вал, 3, размещается другой химический институт, однако военно-химические проблемы не были чужды и ему.

Функции ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ пересматривались неоднократно.

Так, 2 января 1934 г. приказом наркома НКВМ СССР К.Е. Ворошилова было введено в действие новое «Положение о научно-исследовательском химическом институте РККА» (НИХИ РККА)[154]. Оно было подписано начальником Штаба РККА А.И. Егоровым. Документ устанавливал, что «НИХИ РККА руководит всей научно-исследовательской работой по военно-химическому делу», «разработкой новых, а также усовершенствованием существующих средств и способов активной и пассивной химической обороны», «испытаниями образцов химического оружия»... Не будем забывать и про пропагандистскую сторону перехода от ИХО им. ОСОавиахима к НИХИ. При этом произошла утрата имени ОСОавиахима. Красной Армии уже не было никакой необходимости скрывать свои цели от Запада, спрятавшись за «общественность», — к тому времени вся подготовка к наступательной химической войне велась в условиях абсолютной тайны, и никакой Запад ничего узнать не мог. И не узнал.

После большой проверки института, проведенной в 1937 г., он вновь был определен «высшим научно-исследовательским органом, разрешающим основные проблемы военно-химического дела по вопросам применения и эксплуатации»[155]. Тем самым НИХИ был освобожден от обязанности проводить размещение в промышленности опытных заказов на химоружие, чем активно занимался раньше. Кстати, в том документе 1937 г. ставился и такой важный вопрос, как «целесообразность перевода НИХИ за пределы г. Москвы»[155].

В очередном положении о НИХИ, утвержденном К.Е. Ворошиловым 28 апреля 1938 г., институт по-прежнему определялся головной организацией в разработке химоружия[155].

Обращаясь к экологическим аспектам деятельности (ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ), укажем для начала на приказ по институту от 25 марта 1931 г. о вскрытии и определении содержимого баллонов с ОВ на Богородском складе[614]. Склад этот не принадлежал армии и примыкал к институту. Всего «в ударном порядке» было вскрыто не один и не два, а 210 баллонов. Между тем склад был, по существу, забыт. Месяцем позже, 26 апреля 1931 г., появился новый приказ по ИХО — на этот раз по мотивам работ по тушению большого пожара в здании технической части ИХО[614]. После пожара пришлось определять содержимое уцелевших баллонов с ОВ, теперь уже собственных. Приказы эти характеризуют не события, а типичное явление. Данных об обследовании забытых складов и о реабилитации территории нет. Вряд ли они вообще когда-либо существовали[4].

В июле 1937 г. сотрудники НИХИ упустили облако ОВ, в результате чего была отравлена группа детей далеко от института[614].

Что касается отходов от работ с ОВ в ИХО РККА, то далеко не все они были отправлены на захоронение на военно-химический полигон в Кузьминках. Многое закапывалось прямо на территории самого института. Во всяком случае в ходе

вынужденных раскопок, выполненных осенью 1937 г., из 13 ям прямо на территории НИХИ было извлечено немало ядовитых отходов[624]. Однако не все. А перенесенные на весну 1938 г. раскопки так и не были осуществлены.

Источник тех бед был прозаичен — отсутствие на вытяжных трубах ряда лабораторий института необходимых фильтров. Да и трудно было ожидать, чтобы они существовали, если перед разработчиками химоружия тех лет стояла задача -найти такие новые ОВ, которые бы не могли задерживаться противогазами «вероятного противника». К тому же расположение ИХО-НИХИ в центре жилой застройки — не подарок, так что вопрос о выезде из столицы столь опасного объекта стал актуальным уже тогда[155].

1941–1943 гг. НИХИ провел в Ташкенте. В послевоенные годы НИХИ обрел новое имя — ЦНИВТИ. Чтобы вообще химия не отсвечивала.

Опасность института для жителей не скрывал и его начальник, который во время «собрания партийных и непартийных большевиков Химического управления Красной Армии» (27–28 ноября 1939 г.) бесхитростно доложил уже известное: «вентиляционная система пришла в негодность»[614]. Хотя ничего путного так и не было сделано. Во всяком случае уже к концу 50-х гг. относится заявление автора книги[8] о том, что «возросла опасность экспериментов, проводимых в институте, как для персонала, так и для населения расположенных рядом с ним жилых кварталов. Во избежание выброса в атмосферу высокотоксичных отравляющих веществ... вытяжные системы наиболее «грязных» лабораторий стали снабжаться угольными фильтрами больших размеров».

Впрочем, цена всем этим фильтрам была такая, что военно-химическому институту все-таки пришлось покинуть гостеприимную Москву. На рубеже 1959–1960 гг. ЦНИВТИ был перебазирован из Москвы на военно-химический полигон на Волге. Первый эшелон прибыл в Шиханы в октябре 1960 г. А в феврале 1961 г. произошло организационное слияние ЦНИВТИ и ЦВХП в единое целое[8]. Образовавшаяся организация в последующие годы была известна в военном подполье как 33 ЦНИИИ СА. В этом виде она существует и поныне.

30 июня 1997 г. своим указом «О преобразовании г. Шиханы в закрытое административно-территориальное образование» президент России создал ЗАТО[1009], разумеется, в целях «экологической безопасности» населения. В закрытую зону вошли, однако, не только в/ч 61469 (то есть 33 ЦНИИИ МО России) и военно-химический полигон, но также склад химоружия. Заодно в тот самый ЗАТО был включен и «гражданский» институт химической войны ГИТОС. Впрочем, ненадолго — в 2004 г. ему указали на дверь в никуда[1010].

11.4. ВОЕННЫЕ ЛАГЕРЯ

В предвоенные годы химоружие широко применялось во время учебной практики войск на территории сотен военных лагерей, стрельбищ и полигонов.

Обсуждение этой стороны дела следует начать с двух фактов, относящихся к 1933 г., — году, когда не только была «перевыполнена» пятилетка и завершен разгром крестьянства, но и когда химоружие, по существу, впервые вышло на широкие просторы страны. Во-первых, на 1 января 1933 г. у армии имелось 280 т иприта, что позволяло энтузиастам химической войны планировать серьезные изменения в боевой учебе. Во-вторых, как уже упоминалось, 21 апреля 1933 г.

приказом РВС СССР за подписью М.Н. Тухачевского был объявлен амбициозный «План учений с действительными ОВ», который РККА предстояло реализовать в 1932/1933 учебном году[314].

Приказ М.Н. Тухачевского относился ко всем воинским частям, которые выводились в лагеря, и он касался всех военных округов и флотов. При этом давались указания по безопасности, позволяющие выделить серьезные моменты для нас, жителей XXI века:

- заражение местности СОВ путем подрыва химических фугасов (не более 10 шт. одновременно) осуществлять не ближе 1000 м от населенных пунктов; зараженный участок охранять до полной естественной дегазации;
- заражение местности СОВ путем обстрела химическими минами избранных площадок, расположенных не ближе 2000 м от населенных пунктов (расход — не более 60 мин за один раз); неразорвавшиеся мины должны быть тотчас же подорваны; зараженный участок охраняется до полной естественной дегазации;
- заражение местности СОВ бомбометанием площадки, расположенной не ближе 2000 м от населенных пунктов (не более 10 авиабомб одновременно); неразорвавшиеся бомбы должны быть тотчас же после показа подорваны; зараженный участок охраняется до полной естественной дегазации;
- заражение местности артснарядами с СОВ производится по площадке, в 500–750 м от которой не должно быть людей; неразорвавшиеся снаряды подрываются после стрельб; зараженный участок охраняется до полной естественной дегазации;
- при заражении местности ипритом с использованием самолетов штурмовой авиации высота выливания не должна превышать 100 м, а выделенный участок не должен быть ближе 5000 м от населенных пунктов; с наполненными ВАПами самолеты не должны пролетать над населенными пунктами, над местностью с большим движением и скоплением людей; зараженный участок охраняется до полной естественной дегазации;
- при заражении СОВ кораблей (учения должны быть проведены на каждом боевом корабле, за исключением подводных лодок) ипритом заражаются верхняя палуба и надстройки с использованием НПЗ, гидропультов или малярных кистей.

Ясно, что после подобных учений на химических площадках не могли не оставаться утерянные и неподорванные химические фугасы, авиахимбомбы, химмины и артхимснаряды. Да и так называемая естественная дегазация, факт которой устанавливал начальник химической службы, была чревата поражением людей, которые оказывались на участке после снятия охраны.

В **1933 г.** к выполнению того приказа воинские части отнеслись серьезно и тотально.

Особенно активно работа армии с действительными ОВ происходила в Приволжском военном округе (ПриВО). При выводе войск этого округа в летние лагеря 1933 г. (а было их по всему округу 26 — от Чебаркуля на Урале до Оренбурга) начальникам лагерных сборов (с подачи Москвы) было предписано «отвести и оборудовать под химические городки земельные участки не менее трех квадратных километров, удаленные от жилых построек и населенных пунктов не менее 1,5–2 км».

Земли отвели, городки возвели. Некоторые дивизии организовали даже постоянные участки химического заражения, которые войска преодолевали по пути на стрельбище и обратно. В общем, по итогам летней подготовки 1933 г.

ПриВО вышел на первое место в Красной Армии по химической подготовке с использованием действительных ОВ. Перечислим те 26 военных лагерей ПриВО, где происходила химическая активность: Аракчинский (Татария), Астраханский, Бершетский (ст. Юг, Пермская обл.), Винновский (р-н Ульяновска), Вольский (г. Вольск, Саратовская обл.), 1-й Казанский, 2-й Казанский, Камышловский (ст. Пышминская, Свердловская обл.), 1-й Оренбургский, 2-й Оренбургский, Пензенский (ст. Селикса, Пензенская обл.), Пермский, Поливинский (р-н Ульяновска), Причернавский (пос. Шиханы, Саратовская обл.), Прудбойский (ст. Прудбой, Волгоградская обл.), Саратовский, Сердовинский (г. Сызрань, Самарская обл.), Сталинградский, Сызранский (г. Сызрань, Самарская обл.), 1-й Татищевский (ст. Татищево, Саратовская обл.), 2-й Татищевский (разъезд Разбойщина), 3-й Татищевский (ст. Татищево, дер. Елховка), Тоцкий (ст. Тоцкое, Оренбургская обл.), Уфимский, Чебаркульский (ст. Чебаркуль, Челябинская обл.), Энгельский (г. Энгельс, Саратовская обл.).

В Ленинградском военном округе (ЛВО) в 1933 г. войска тоже учились работе с ипритом в военных лагерях. Их было не менее 12 — Карамышево (аэродром; Псковская обл.), Красноармейский (пл. Владимирский лагерь, Псковская обл.), Красногородский (Горелово, С.-Петербург), Кущубский (ст. Кущуба, Вологодская обл.), Лебяжский (ст. Лебяжье, Ленинградская обл.), Левашевский (ст. Левашово, Ленинградская обл.), Лужский (г. Луга, Ленинградская обл.), Новоселицы (аэродром), Ново-Токсовский (ст. Токсово, Ленинградская обл.), Олонецкий (ст. Олонец, Карелия), Псковский (пл. Череха), Старо-Токсовский (ст. Токсово, Ленинградская обл.).

В Московском военном округе (МВО) в 1933 г. войска и военные учебные заведения провели «летние каникулы» не менее чем в 26 лагерях. Места размещения определил приказ командующего округом А.И. Корка (1887–1937) — Воронежский, Голутвинский (Коломна, Московская обл.), Гороховецкий (ст. Ильино, Нижегородская обл.; г. Гороховец, Воронежская обл.), Икорецкий (ст. Икорец, Воронежская обл.), Калининский, Калужский (Калуга), Каржавинский (Тула), Ковровский (Владимирская обл.), Коротоякский (ст. Коротояк, Воронежская обл.), Костромской, Костеревский (ст. Костерево, Владимирская обл.), Котельнический (г. Котельнич, Кировская обл.), Кунцевский (ст. Кунцево, Московская обл.), Липецкий, Монинский (ст. Монино, Московская обл.), Нарофоминский (Нарофоминск, Московская обл.), Нахабинский (ст. Нахабино, Московская обл.), Новохоперский (ст. Новохоперск, Воронежская обл.), Октябрьский (Москва, Ходынское поле), Орловский, Рязанский, Сенежский (ст. Подсолнечная, Московская обл.), Тамбовский, Тульский, Филинский (ст. Филино, Ярославль) и др.

Фактически, однако, работы с действительными ОВ в МВО в первые лагерные недели не начались. Это вскрылось при проверке Калининского, Ковровского, Котельничского, Нарофоминского, Орловского, Рязанского, Сенежского и других лагерей. И специальным приказом по округу от 13 августа 1933 г. войскам было велено этот «недочет» изжить «в ближайший срок».

Продолжим экскурс в историю опытов с ипритом в военных лагерях. В **1934 г.** работы с действительными ОВ продолжились. И Я.М. Фишман выдал в войска «Указания»[316], а военные округа отчитывались перед столицей[317]. На учебную практику войск, опытные учения и научно-исследовательские работы было выделено следующее военно-химическое богатство: 205 т иприта в бочках, 21,5 тыс. химических мин, 1875 химических фугасов, 60 тыс. ЯД-шашек[316].

В ЛВО в лето 1934 г. войска учились работе с ипритом не в 12, а в более чем 20 военных лагерях. Особенно много новых лагерей было образовано для летчи-

ков — Сиверский авиалагсбор (ст. Сиверская, Ленинградская обл.), Красногвардейский авиалагсбор (Гатчина, Ленинградская обл.), Гореловский авиалагсбор (С.-Петербург), Детско-Сельский авиалагсбор (Детское Село, ныне г. Пушкин, Ленинградская обл.), Парголово (Ленинградская обл.) и т.д. Один из лагерей — это Веленский окружной химический полигон в районе станции Струги Красные (Псковская обл.), где собирались в свой лагерь химические части.

В 1934 г. в МВО список из 26 лагерей, куда выходили войска, заметно расширился. К упомянутым выше прибавились Каширский, Корневский, Кубинский (ст. Кубинка, Московская обл.), Курский (ст. Клюква, Курская обл.), Люблинский (ст. Люблино, Московская обл.), Мытищинский (Мытищи, Московская обл.), Новогиреевский (Новогиреево, Московская обл.), Радинский (ст. Рада, Тамбовская обл.), Сеймовский (ст. Сейма, Нижегородская обл.), Селецкий (ст. Дивово, Рязанская обл.), Серпуховский (Серпухов, Московская обл.), Ундольский (ст. Ундол, Владимирская обл.).

В Среднеазиатском военном округе (САВО) в 1934 г. войска учились военному делу в более чем 10 лагерях — им. Сталина (Чирчик, Ташкентская обл.), Самаркандском (Узбекистан, 6-я горно-кавалерийская дивизия), Кушкинском (Кушка, Туркменистан), Дербенском, Салиабадском, Мервском (Мары, Туркменистан, 4-я горно-кавалерийская дивизия), Сталинабадском (Душанбе, Таджикистан, 7-я горно-кавалерийская дивизия), Ферганском (Фергана, Узбекистан, 8-я горно-кавалерийская дивизия), Алма-Атинском (Казахстан), Фрунзенском (Бишкек, Киргизстан) и т.д. Не обошлось и без грозного приказа командующего войсками САВО М.Д. Великанова (1892–1938) о «безобразно-халатном обращении с боевыми химическими веществами».

В **1935 г.** на работы с действительными ОВ по состоянию на апрель армия получила еще 75 т иприта (сверх имевшихся у нее запасов), а также 2,5 т люизита, 1,2 т синильной кислоты, 1,4 т дифосгена, 37,3 т фосгена, 2000 химмин, 750 химфугасов и 8000 ЯД-шашек[316]. Все это надо было тратить.

В Сибирском военном округе (СибВО) в 1935 г. войска вышли на лето в три крупных лагеря — Юргинский (г. Юрга Кемеровской обл., 78-я стрелковая дивизия; лагерь включал артиллерийский и химический полигоны), Омский (73-я стрелковая дивизия) и Камышловский (разъезд Еланский, 65-я стрелковая дивизия). Все работы с ОВ было приказано вести только на Юргинском химическом полигоне и в химических городках в других лагерях.

Приказом по войскам ПриВО на летний сезон 1935 г. командующий войсками П.Е. Дыбенко (1889–1938) вновь распорядился «во всех лагерях иметь вполне оборудованные химгородки с отгороженными площадками для работ с СОВ». Было предписано провести во всех лагерях дивизионные спецсборы с задачей отработки химическими взводами работ с действительными ОВ, в особенности в ночных условиях. Кроме того, было специально предписано автобронетанковым войскам проводить занятия по преодолению зараженных ОВ участков на боевых машинах. Однако командующий смягчил требования к размещению химических площадок: они могли находиться лишь в 1 км от палаток и жилых построек (вместо 1,5–2 км, указывавшихся в 1933 г.). Вряд ли эта «рационализация» помогла, иначе в приказе на летний лагерный сезон 1937 г. командующий П.Е. Дыбенко не был бы вынужден вернуться к требованию о размещении «химгородков... не ближе 2 км от палаточного лагеря и жилых построек».

В ЗабВО лишь немногие войсковые части были выведены на лето в военные лагеря (химические — на химический полигон на разъезде № 73, артиллерийские — на артполигон в районе ст. Ага и т.д.). В основном же войска провели бое-

вое лето на переднем крае борьбы в местах постоянного размещения: 93-я стрелковая дивизия — на ст. Мальта, 15-я кавалерийская дивизия — на ст. Даурия, 36-я стрелковая дивизия — на окраине Читы, 57-я стрелковая дивизия — на ст. Оловянная, 1-я кавалерийская дивизия — в Забайкальском УР, 101-я авиабригада — на ст. Бада, 202-я авиабригада — на ст. Домно, 29-я авиабригада — в Нерчинске и т.д. И вряд ли кого-то интересовала безопасность обращения с артхимснарядами и с ипритными бочками.

В Харьковском военном округе (ХВО), который был выделен из Украинского военного округа (УкрВО), в 1935 г. многие воинские части, выходившие в летние лагеря, уже имели свои химические городки. Часть из них устраивала «ипритные площадки» на путях движения войск на стрельбища.

Белорусский военный округ (БВО) тоже отчитался за свои достижения в химической подготовке войск[328]. Нарком обороны оценил проведенные химические сборы командного состава армии в специальном приказе[324]. Была выполнена и общая оценка работы воинских частей на химическом фронте[327].

К **1936 г.** Красная Армия еще больше «разбогатела». В тот год для обеспечения только сборов высшего командного и начальствующего состава было выделено: на ЦВХП (Шиханы) — 8 т иприта, 3 т люизита, 3,6 т синильной кислоты, 45 химических фугасов; на военно-химический полигон в Раздольном (Приморский край; тема «показ действия БХВ на живую силу в полевых условиях») — 5 т иприта, 1 т люизита, 15 химических фугасов и т.д. Много иприта досталось и для работы в обычных военных лагерях и полигонах.

Войска выделившегося из ПриВО Уральского военного округа (УрВО) учились военно-химическому делу в 5 лагерях — Бершетском, Камышловском, Котельничском (пристань Вишкиль, Кировская обл.), Уфимском, Чебаркульском. И командующий округом И.И. Гарькавый распорядился «по прибытии в лагерь иметь вполне оборудованные химгородки и камеры окуривания для отработки нормативов СОВ с отгороженными площадками для работ с ними».

ОКДВА в 1936 г. повышала свое военное, в том числе военно-химическое, мастерство в немалом количестве лагерей и полигонов — на военно-химическом полигоне в Раздольном (Приморский край), на Барановском артполигоне (Приморский край), на артполигоне в Белогорске (Амурская обл.), на артполигоне в Князе-Волконском (Хабаровский край), в военных лагерях в районе Ворошилова (ныне Уссурийск, Приморский край), Спасска (Приморский край), Имана (ныне Дальнереченск, Приморский край), Бабстово (Еврейская автономная обл.), Свободного (Амурская обл.), Воронежского (Хабаровский край) и т.д. Всего их было не менее 17.

В Киевском военном округе (КВО), который еще совсем недавно вместе с ХВО составлял громадный УкрВО, командующий И.Э. Якир (1896–1937) поставил перед войсками новаторскую задачу: в военном лагере каждой дивизии «должно быть проведено по одному учению — преодолению стрелковой ротой (эскадроном) участка, зараженного ипритом». Перечислять дивизии нет смысла, поскольку их было тогда несколько десятков (к тому времени в КВО уже было немало корпусов — 8-й ск в Житомире, 6-й ск в Одессе, 17-й ск в Виннице, 7-й кк в Шепетовке, 45-й мк в Киеве и т.д., причем многие дивизии не были сведены в корпуса, а ряд соединений базировался на укрепленных районах — Коростеньском, Летичевском, Могилев-Ямпольском, Новоград-Волынском, Рыбницком, Тираспольском). И далеко не все дивизии в то лето выводились в крупные лагерные сборы — Вышгородский (Киевская обл.), Гниванский (Винницкая обл.), Житомирский, Игнатпольский (Житомирская обл.), Новоград-Волынский (Житомирская обл.), Одесский, Шепетов-

ский (Хмельницкая обл.) и многие другие. Кстати, все химические подразделения частей и соединений округа в то лето проходили специальную подготовку с ипритом на Ирдынском химическом полигоне (Черкасская обл.).

Командующий И.Э. Якир гордился результатами своей боевой активности: «Особо большое значение в деле поднятия химподготовки войск имеют учения с ипритом,.. производимые в таком масштабе в РККА впервые». Кстати, в то лето состоялись и принципиальные изменения у летчиков — нарком обороны приказом № 00107 определил, что «химическая подготовка ВВС должна стать одним из основных видов спецподготовки». Это указание обрело количественную форму — «10% всех вылетов на летно-тактических учениях производить с применением химического оружия». Так что искать, где в лето 1936 г. «наследили» летчики, не просто — они учились в своих собственных военных лагерях: авиаторы КВО из Проскурова (ныне — Хмельницкий) на летнюю учебу перелетали в Коськов, из Киева — в Борщев, из Борисполя (38 км от Киева) — в Гоголево, из Белой Церкви (Киевская обл.) — в Городище и в Счастливую, из Овруча (Житомирская обл.) — в Фосню и Велицк, из Умани (Черкасская обл.) — в Христиановку, из Житомира — в Изяславль и Броды и т.д.

Забайкальский округ отчитался о химической подготовке за год[332]. В ВВС РККА также подвели итоги химической подготовки за год[334].

Летом 1937 г. особенных новостей на военно-химическом фронте не случилось. Иприта для учений было выделено достаточно, и войска ПриВО, МВО, ЛВО, УрВО и других военных округов вышли в свои обычные лагеря и по-прежнему работали с химоружием — создавали полосы заражения, стреляли артхимснарядами, сбрасывали авиахимбомбы.

В частности, в ХВО в тот год учились военно-химическому делу в 15 лагерях и на одном полигоне: Альматамакский лагерь (Севастополь, Крым), Ангарский (Симферополь, Крым), Ахтырский (ст. Ахтырка, Полтавская обл.), Безлюдовский (ст. Рогань недалеко от Харькова), Евпаторийский (Евпатория, Крым), Ереськовский (Ереськи, недалеко от Полтавы), Змиевский (Змиев, недалеко от Харькова), Криворожский (Днепропетровская обл.), Лубенский (Миргород-Лубны, Полтавская обл.), Никопольский (Днепропетровская обл.), Новомосковский лагерь (Новомосковск-Днепровский, Днепропетровская обл.), Новомосковский окружной артиллерийский полигон (Новомосковск-Днепровский), Павлоградский (Павлоград, Днепропетровская обл.), Полтавский, Святогорский (Артемовск, Донецкая обл.), Чугуевский (Чугуев, недалеко от Харькова).

В указания по химической подготовке на летний сезон 1937 г. войскам ПриВО предписывалось «особо обратить внимание: 1. На пропуск всего личного состава через упражнения с боевыми ОВ...» А когда осенью выяснилось, что в 1-м Татищевском лагере в 61-й стрелковой дивизии «не проводились занятий с применением боевых ОВ (нарушение приказа НКО № 106 от 1937 г.)», только что назначенный командующий округом комкор М.Г. Ефремов (1897–1942) был вынужден резко отреагировать.

К концу 1937 г. определилась совокупность артполигонов РККА. Их перечисление дал в письме в Генеральный штаб РККА начальник артиллерии комкор Н.Н. Воронов (1899–1968). Приведем перечень 27 официальных артполигонов, имея в виду, что упоминавшиеся и не упоминавшиеся выше иные артполигоны являлись временными, и относились к ним в смысле эксплуатации и очистки тоже как к временным объектам: ЛВО — полигон Струги Красные и Токсовский, МВО — Гороховецкий, Тамбовский (Радинский), Нарофоминский, БВО — Минский, Дретуньский, Бобруйский, Дорогобужский, Друтьский, КиевВО- Ржищев-

ский, Житомирский, Игнатопольский, Литинский, ХВО — Новомосковский, Северокавказский военный округ (СКВО) — Саратовский, САВО — Ташкентский, ЗакВО — Вазиановский, ПриВО — Тоцкий, Татищевский, УрВО — Чебаркульский, СибВО — Юргинский, ОКДВА — Барановский, Бабстовский, Гродековский, Барабашский, Белогорский.

ЗабВО отчитался о химической подготовке авиабригад за год[337]. И в ВВС РККА подвели итоги химической подготовки за 1937 г.[335].

Примечательной особенностью **1938 г.**, с точки зрения применения химоружия, были специальные авиационно-химические учения в САВО (учения по «теме 700»), состоявшиеся в Голодной степи на территории Узбекистана и Казахстана. Для их обеспечения было направлено: со склада № 137 (Ржаница) — 24 т люизита, со склада № 405 (Ильино) — 47 т иприта[350]. Немало досталось и более рядовым работам. Вот, например, сколько иприта потребовалось ВВС РККА для обеспечения учебно-боевой подготовки в 1938 г.: в СибВО и ЗабВО — по 8 т, в ЛВО, БВО и КВО — по 6 т, в ХВО, Приморской группе и ОКДВА — по 2 т, в САВО, МВО и СКВО — по 1 т. А еще на проведение специальных сборов химизированных авиабригад на полигоне в Шиханах потребовалось 40 т. Для ВВС флотов иприт был запрошен отдельно: Тихоокеанскому и Балтийскому — по 5 т, Черноморскому — 4 т.

Лагерные занятия и учения **1939 г.** предусматривали еще более активное использование СОВ, причем непосредственно в войсках. В качестве примера энтузиазма тех лет укажем на приказ командующего II ОКА и будущего маршала И.С. Конева (1897–1973), который еще в мае 1939 г. потребовал «положить конец трусости и «излишней» осторожности, служащей причиной того, что части с боевым ОВ работать не умеют». Вскоре, однако, всем войскам был дан более весомый толчок в виде запоздалого (летняя учеба в войсках была в разгаре) приказа наркома обороны СССР от 30 июня 1939 г. (подписант — замнаркома Г.И. Кулик)[351]. Им вводилась «Временная инструкция по проведению в войсках учений по преодолению участков, зараженных боевыми СОВ». Предусматривалась организация в каждой воинской части показных учений по преодолению «действительных участков заражения».

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Командующим ВВС...
Начальникам химических войск

Приказом НКО № 0114 1938 года предусмотрено проведение Вами в период июль-сентябрь сборов авиационных полков, предназначенных для широкого использования химического оружия...

На сборы привлечь весь личный состав указанных полков. К работе же с боевыми химическими веществами (иприт...) допустить лишь те экипажи, которые в текущей учебно-боевой подготовке... показали отличные и хорошие знания...

Основной задачей сборов является тренировка всего личного состава химизированных полков в работе с боевыми химическими веществами. Кроме того, на данных же сборах необходимо дать практику в бомбометании химическими авиабомбами и ампулометании (для бомбардировочных частей).

Для проведения сборов надлежит выделить один из авиационных полигонов. Размеры площадки на полигоне, на котором будет производиться

выливание БХВ, должны быть не менее 2000х2000 метров. Удаление этой площадки от ближайших населенных пунктов должно быть не менее 6–7 километров.

Если полигоны химизированных полков не отвечают указанным требованиям, то сборы надлежит провести с ближайшего к выделенному полигону аэродрома, куда к моменту начала сбора сконцентрировать потребное количество СОВ...

Маршруты полетов с БХВ с аэродрома на полигон и обратно не должны проходить через населенные пункты.

Начальник ВВС РККА командарм 2 ранга Локтионов, 8 мая 1939 года».

Что касается реального исполнения приказа наркома обороны от 30 июня 1939 г.[351], то войска постарались исполнить его с энтузиазмом, хотя он появился слишком поздно, когда войска уже фактически обучались в военных лагерях на основании предыдущего, менее амбициозного документа. В САВО показные учения «по преодолению УЗ на боевых СОВ» были проведены «во всех без исключения дивизиях», то есть в 18-й, 19-й, 20-й и 21-й горно-кавалерийских дивизиях, а также в 68-й и 83-й горно-стрелковых дивизиях. И в ЗакВО «учения по преодолению УЗ, зараженных действительными СОВ, были проведены во всех соединениях по лагерным сборам», то есть в 9-й, 20-й, 47-й, 63-й и 77-й стрелковых и 17-й кавалерийской дивизиях. И в ХВО — тоже во всех частях. А вот в СКВО приказ был выполнен только в 74-й стрелковой дивизии и в 38-м стрелковом корпусе, а остальные не выполнили его «из-за позднего получения приказа» — многие войска уже покинули лагеря.

Войска СибВО в то лето учились не менее чем в 15 лагерях — Юргинском (Кемеровская обл.; окружные полигоны — артиллерийский и химический; 71-я и 78-я стрелковые дивизии), Омском (73-я стрелковая дивизия), Красноярском (94-я стрелковая дивизия), Славгородском (178-я стрелковая дивизия), Бийском (178-я стрелковая дивизия), Барнаульском (107-я стрелковая дивизия), Бердском (133-я стрелковая дивизия), Ачинском (91-я стрелковая дивизия), Канском (102-я стрелковая дивизия) и т.д.

Войска ЗабВО, которые выходили в лагеря, учились во многих лагсборах — Мальтинском (ст. Мальта, Иркутская обл.), Агинском (ст. Ага, Агинский Бурятский автономный округ), Чиндантском (ст. Чиндант, Читинская обл.), химическом (район разъездов №№ 73–74, Читинская обл.), Даурском зенитно-пулеметном (ст. Даурия, Читинская обл.), КАШТАКе, лагсборе саперных батальонов и т.д. Остальные части учились работе с ОВ в районе обычного расположения. К концу июля выяснилось, однако, что многие части не очень охотно стремились к учениям по «защите от поливки СОВ с воздуха и преодолению зараженной местности подразделениями под огнем противника». И командующий ЗабВО комкор С.К. Ремезов издал приказ, которым было предписано к 15 сентября 1939 г. «всем стрелковым и кавалерийским частям отработать с действительными ОВ... под личным руководством командиров и штабов соединений». Кончилось тем, что к концу лагерного сезона начальник химических войск доложил в Москву, что «весь личный состав кавалерийских соединений обучен преодолению зараженных действительными ОВ участков местности по приказу НКО № 090». Другими словами, через тотальную поливку СОВ прошли только 15-я и 22-я кавалерийские дивизии и 5-я кавалерийская бригада. А для стрелковых частей и соединений задача перешла на следующий год.

В **1940 г.** летняя учеба войск, как и прежде, предусматривала более широкое применение СОВ. На все эти занятия вновь был распространен приказ наркома обороны от 30 июня 1939 г. (напомним, что в нем каждой воинской части было «высочайше» указано организовать показные учения по преодолению «действительных участков заражения»[351]), с той лишь разницей, что этот приказ выполнялся уже после неудачных опытов химической войны с Финляндией.

Во исполнение этого решения в САВО приказом по войскам округа от 11 февраля 1940 г. было предписано «проведение учений по преодолению УЗ, зараженных боевым СОВ», провести с 15 апреля по 1 мая «по полкам», а их в том округе было несколько десятков. Причем было велено «через преодоление УЗ провести поротно, поэскадронно, побатарейно все части в полном составе». И к концу мая через «учения по преодолению УЗ на боевом СОВ... были пропущены все без исключения роты, эскадроны...»

И так было по всей стране. В УрВО учения с боевым СОВ в 1940 г. впервые были проведены во всех частях без исключения[351]. В ЗабВО учения с СОВ (всего 41 учение) были выполнены во всех стрелковых, мотострелковых и кавалерийских соединениях — в 46-й, 65-й, 93-й, 94-й, 114-й и 152-й стрелковых дивизиях, в 36-й, 57-й, 82-й и 109-й мотострелковых дивизиях, в 15-й и 22-й кавалерийских дивизиях. И в 100 войсковых частях великого множества дивизий бывшей ОКДВА, а ныне ДВ фронта (в 3-й, 12-й, 22-й, 26-й, 32-й, 34-й, 35-й, 39-й, 40-й, 59-й, 69-й, 78-й, 92-й и 105-й стрелковых дивизиях, в 79-й и 101-й горно-стрелковых дивизиях, в 8-й и 31-й кавалерийских дивизиях, во всех укрепленных районах, а также в многочисленных стрелковых и танковых бригадах) было проведено 123 учения с действительными СОВ — впервые в таком масштабе, по признанию их организаторов («1940-й год явился переломным в смысле общего подъема уровня химической подготовки»). Попутно отметим, что иприт и люизит достигли и таких удаленных территорий, как Сахалин и Камчатка — именно там были расквартированы недавно образовавшиеся 79-я и 101-я горно-стрелковые дивизии. Разумеется, учения по преодолению зараженных боевым СОВ участков были проведены в большинстве соединений и частей ЛВО — в 19-м и 56-м стрелковых корпусах, в 52-й, 54-й, 70-й, 71-й, 104-й и 123-й стрелковых дивизиях.

В недавно образованном и не очень богатом дивизиями Архангельском военном округе (АрхВО) «показные учения по преодолению УЗ с боевым СОВ» были проведены в течение сентября во всех полках 88-й стрелковой дивизии. В СибВО эти учения также были проведены во всех частях дивизий, за исключением 107-й стрелковой. В Орловском военном округе (ОрВО) — также в частях всех дивизий, за исключением 89-й стрелковой. И в ПриВО — во всех частях 53-й, 117-й и 148-й стрелковых дивизий. Единственное место, где приказ наркома не выполнялся, так это в очень молодом Прибалтийском военном округе (ПрибВО), да и то потому, что «завоз действительных СОВ на территорию б. Латвии, Литвы и Эстонии был запрещен». Однако и в ПрибВО в октябре 1940 г. было проведено окружное артиллерийское учение, где были выполнены стрельбы с использованием осколочно-химических снарядов[351].

Где все это происходило? В лагерях и на полигонах, и не только в лагерях.

В «молодом» АрхВО для учений с ипритом приспособили обгоревшую вырубку в лесу.

Войска СКВО летом 1940 г. вышли в свои традиционные полигоны и лагеря. Артиллеристы стреляли на артиллерийских полигонах: Саратовском окружном, Астраханском, Бело-Калитвенском (Белая Калитва, Ростовская обл.), Персиановском, Прудбойском. Военные летчики учились в многочисленных

авиационных лагерях: Волкорезовском, Воропоновском, Гумракском (Гумрак, Волгоградская обл.), Злодейском, Крымском (Крымск, Краснодарский край), Куликовском, Нахичеваньском, Пластуновском, Таганрогском (Таганрог, Ростовская обл.). А стрелковые, кавалерийские и горно-стрелковые дивизии вышли в свои традиционные лагеря: Абинский (Абинская, Краснодарский край), Анапский (Анапа, Краснодарский край), Астраханский, Бело-Калитвенский, Буйнакский (Буйнакск, Дагестан), Грозненский (Грозный, Чечня), Краснодарский, Ленинградский, Майкопский (Адыгея), Махачкалинский (Махачкала, Дагестан), Моздокский (Моздок, Северная Осетия), Новороссийский (Новороссийск, Краснодарский край), Орджоникидзевский (Владикавказ, Северная Осетия), Персиановский, Прохладненский (Прохладная, Кабардино-Балкария), Прудбойский, Саратовский, Славянский (Славянск-на-Кубани, Краснодарский край), Сочинский (Сочи, Краснодарский край), Туапсинский (Туапсе, Краснодарский край), Урупский (Уруп, Карачаево-Черкесия), Урюпинский (Урюпинск, Волгоградская обл.), Шелковской (Шелковская, Чечня). И в том, что там активно работали с СОВ, сомнений нет.

Артиллеристы ЗапОВО в то лето учились своему делу на артполигонах в Минске и Дретуне, Бобруйске и Друти, Бресте и Червонном Боре, Обезе-Лесна и Гродно, Молодечно и Мозыре, Картуз-Березе и Дорогобуже. Всего их было 12 — больше, чем раньше, потому что часть из них только что вошли в боевой строй после включения Западной Белоруссии в состав СССР.

При оценке степени растаскивания химоружия в те годы, следует иметь в виду, что реальная обстановка на ДВФ (а это I ОКА и II ОКА) не располагала к работе с СОВ в специализированных военных лагерях. В частности, сухопутные и авиационные части II ОКА учились летом 1940 г. в 48 лагерях, причем сухопутные части в основном находились в районах их постоянного размещения (у ВВС было 9 военных лагерей). Военно-химическая активность I КА (бывшей I ОКА) также осуществлялась, главным образом, непосредственно в местах дислокации войсковых частей.

Одно из мест, где получили поражение от СОВ 5 красноармейцев I ОКА, был так называемый ГУР — Гродековский укрепрайон в районе ст. Гродеково (Пограничный, Приморский край) практически на границе с Китаем. А еще были другие — Благовещенский, Барабашский, Уссурийский, Посьетский и Полтавский. Поэтому достаточно бессмысленным выглядит приказание командующего войсками, что участки, где были «проведены учения, ограждать и выставлять караулы по охране до момента самодегазации».

Впрочем, некоторые воинские соединения в I ОКА отрабатывали в 1940 г. навыки работы с СОВ и в традиционных военных лагерях: 43-й стрелковый корпус — в Барановском лагере на Барановском артиллерийском полигоне, 92-я стрелковая дивизия — в лагере Сидеми (ст. Бамбурово, Приморский край), 31-й стрелковый корпус — в лагере Танга.

Подчеркнем, что «прогуливать» занятия с ипритом в те времена было не так просто, хотя инстинкт самосохранения у воинских частей, конечно, был. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в приказ командующего II ОКА (Хабаровский край) и будущего маршала И.С. Конева. Когда он обнаружил, что на момент проверки ни одна войсковая часть не выполнила приказ наркома обороны «на проведение ротных учений по преодолению УЗ, зараженных ипритом», то немедленно принял меры по устранению этого «упущения». Было велено во всех частях и соединениях армии «провести одно-два ротных учения на наступление с преодолением УЗ, зараженных боевым СОВ»[351].

И в **1941 г.**, несмотря на совершенно иной против ожиданий характер начавшейся тяжелой войны, войска в тылу по инерции продолжали не очень осмысленные игры с СОВ. Приведем для примера приказ от 17 сентября 1941 г., изданный в ЗабВО, в котором критиковались части, где «преодоление УЗ с действительными СОВ... не проведено».

11.5. ТРАНСПОРТ

Где в стране развитого социализма побывали иприт с люизитом, равно как и неистребимый мышьяк? Судя по обсуждавшимся спискам, по-видимому, везде. Это легко видеть, например, из географии поездок команд сотрудников НИХИ РККА, которых посылали в «двойные» командировки. В документах в этих случаях записывалось два пункта. Первым, как правило, были операционные склады № 136 (Москва-Очаково) или № 137 (Ржаница), где хранились ОВ для снабжения всей армии. Вторым — какая-то точка Советского Союза — Житомир (склад № 437) или Ильино (№ 405), Калинин (№ 138) или Курск (№ 48), Хабаровск-Красная Речка (№ 140) или Ленинград (№ 302), Навтлуг (№ 693) или Новочеркасск (№ 692), Омск (№ 25) или Севастополь (склад главного военного порта), Селещино (№ 276) или Стоялово (полигон БВО), Причернавская (военно-химический полигон и склад № 303) или Ростов-Ярославский (№ 141), Ярославль (№ 71) или Чита (№ 139)... Учитывая, что военно-химические склады №№ 136 и 137 были основными операционными складами ВОХИМУ по снабжению ОВ, нетрудно понять смысл этих путешествий. Речь шла о принятии на станциях Очаково и Ржанице под охрану эшелонов с химоружием и транспортировке их в места хранения (склады №№ 25, 48, 71, 138–141, 276, 302, 303, 405, 437, 692, 693 и др.), испытаний (Ильино, Причернавская), учений (Ильино, Стоялово).

Транспортирование советского химоружия — это наименее известная сторона деятельности его обладателей, хотя и особенно опасная для кормившей их несытой страны.

Изначально, в 1924–1925 гг., первые партии иприта перевозились автотранспортом по Москве с завода на Триумфальной (площади Маяковского) на склад в Очакове. В качестве примера одной из последующих операций такого рода укажем на приказ начальника ВОХИМУ Я.М. Фишмана от 11 июня 1933 г. о вывозе запасов ОВ, накопленных на складе № 136 (Москва-Очаково), на два испытательных полигона — в Кузьминках (Московская обл.) и Шиханах (Саратовская обл.). Единственное, о чем заботилось ответственное лицо, так это о том, чтобы вещество № 11 (так в документах шифровалась синильная кислота) перевозилось в ночное время. Кстати, соответствующий документ в отношении правил перевозки синильной кислоты появился в армии двумя годами раньше[354].

Нелишне иметь в виду, что перевозка химоружия в те годы не считалась очень уж опасным делом. Во всяком случае решением Арткома от 4 сентября 1926 г. была разрешена догрузка железнодорожных вагонов с ОВ (в бочках, баллонах или в химических снарядах) любыми грузами, за очевидными исключениями — пищевых продуктов, самовозгорающихся веществ и кислот.

В силу очевидных исторических причин первоначально транспортировка иприта осуществлялась по железным дорогам не в железных емкостях, а в стеклянных бутылях и банках, а те, в свою очередь, помещались в деревянные ящики и пересыпались стружкой или кизельгуром. Практика эта была канонизирована на

разные случаи жизни. В частности, в документе «Перевозка взрывчатых и отравляющих веществ и боеприпасов ручной кладью», который был введен решением Технико-экономического совета НКПС от 15 июля 1928 г., подробно расписаны перевозки ОВ в виде ручной клади в пассажирских и товаро-пассажирских судах и поездах. Ипостаси ОВ были рассмотрены разные — твердые ОВ, высококипящие СОВ, высококипящие НОВ и даже газообразные ОВ. При этом тара для СОВ и НОВ предусматривалась одна — стеклянные банки.

По поводу перевозок ОВ начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман вел активную переписку с НКПС («Ввиду необходимости срочной отправки в округа для учебных целей... иприта... по 30–40 склянок в каждый округ и невозможности в то же время по существующим правилам производить переброску ОВ багажом, ВОХИМУ просит Вашего содействия в перевозке указанного груза...», 2 июля 1926 г., Я.М. Фишман)[492]. И такие просьбы находили благожелательный отклик в НКПС («Начальнику ВОХИМУ... Центральный мобилизационный отдел просит сообщить Ваше мнение... Если явится необходимость в специальном оборудовании вагонов для перевозки ОВ или в создании специальной конструкции подвижного состава, предназначенного для сей цели, просьба дать руководящие указания», 9 ноября 1925 г.). Этот «стандарт» для хранения и перевозки был зафиксирован в утвержденной Я.М. Фишманом 15 января 1932 г. «Инструкции по хранению, сбережению и учету в войсках отпускаемого военно-химического имущества».

Конечно, в армии понимали все опасности перевозок иприта «в стекле», и в течение нескольких лет удалось наладить транспорт ОВ в железной таре — бочках и цистернах. Во всяком случае еще в 1931 г. РВС СССР на одном из своих заседаний потребовал срочно представить на вооружение, среди образцов химического вооружения, также и железнодорожную цистерну для перевозки ОВ. Появились и бочки для хранения и транспортировки ОВ емкостью 100 и 220 л[489].

Все это позволило в апреле 1935 г. отойти от прежнего «стандарта» (после многочисленных инцидентов со стеклянными емкостями) — Я.М. Фишман утвердил «Дополнения» к инструкции 1932 г., введя запретительную норму: «Перевозка иприта и других ОВ в стеклянной таре воспрещается»[496]. И в том же 1935 г. была разработана система снабжения ОВ, в частности авиации. Она предусматривала, что ХИМУ доставляет их «до головных армейских складов, отсюда забота снабжения переходит в ВВС, которые должны привезти БХВ до аэродрома. Разливка БХВ производится в АРС-4».

Впрочем, на этом нормотворчество не закончилось. Во всяком случае 14 мая 1936 г. начальник ХИМУ был вынужден распорядиться, чтобы ВХА разработала инструкцию по обращению с БХВ для «обеспечения безопасности работ при транспортировке БХВ всеми видами транспорта и при разливке их в мелкую тару и оболочки, а также для ликвидации последствий при авариях установок, налетах авиации и других случаях». К сожалению, случилось это несколько поздновато — к тому времени ОВ перевозили по стране уже 12 лет.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Приказ начальника военно-химического управления РККА и химических войск РККА № 031 от 3 июня 1934 года

Центральным военно-химическим полигоном в исключительно тяжелых условиях успешно проведено впервые наполнение и испытание железнодорожных цистерн, что позволило сделать вывод о возможности использования новой тары для перевозки ОВ.

За ударную и энергичную работу от лица службы объявляю благодарность:
начальнику ЦВХП — тов. Керре.
Начальник ВОХИМУ и химических войск РККА Я.М. Фишман».

По-видимому, одним из первых особо масштабных транспортов иприта в утепленных цистернах была отправка железнодорожного состава поздней осенью 1936 г. в ипритные закрома ЗабВО и ОКДВА, которые были возведены на «передовых рубежах обороны». Спецсостав был подготовлен в Москве на складе № 136 и переброшен в Сталинград на завод № 91 для заполнения цистерн из той партии в 1000 т иприта, которая была произведена по правительственному постановлению[399,400]. В дальнейшем таких спецэшелонов с СОВ было снаряжено немало. А в послевоенные годы, помимо них, случались и «ипритные» эшелоны, которые двигались по железным дорогам для решения совсем иной задачи, — уничтожения СОВ на выделенных для этих целей точках.

В течение десятилетий ВОХИМУ-ХИМУ руководило этой деятельностью, издавало многочисленные распоряжения и приказы, не очень заботясь, впрочем, о качестве исполнения регламентаций. В эту работу были вовлечены тысячи людей не только разной квалификации, но и разной степени ответственности. Учитывая, что с ОВ работали не только в армии, иногда порядок перевозок химоружия устанавливался совместными документами различных ведомств. Укажем для примера «Правила и инструкцию о порядке перевозки, охраны и сопровождения взрывчатых и отравляющих веществ, боеприпасов и других специальных грузов по железным дорогам и водным путям сообщения», которые были утверждены в 1936 г. совместным приказом трех ведомств — НКО, НКПС и НКВД[498]. К сожалению. во многих других документах обходились без излишней детализации. Скажем, приказом от 21 августа 1938 г. начальник ХИМУ РККА определил задачи по обеспечению специальных химических учений («учений по теме 700») в САВО: 24 т люизита должен был поставить склад № 137 (Ржаница), 47 т иприта — склад № 405 (Фролищи). Вопросы безопасности в пути, однако, оставались обычно в стороне.

В какое-то время сами железные дороги были вынуждены озаботиться своей безопасностью. Одна из мер такого рода была зафиксирована 17 октября 1937 г., когда заместители наркома обороны СССР и внутренних дел СССР утвердили перечень грузов, перевозимых по железным дорогам под условными наименованиями (литерными обозначениями). После этого приказа работники ВОСО знали, что любые грузы по номенклатуре ХИМУ РККА (в первую очередь, ОВ) обозначены в сопроводительной документации как грузы литер «Р». И относились к ним соответственно[492].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«О мерах обеспечения сохранности и безопасности воинских грузов при перевозке их по железной дороге

На основании директивы заместителя народного комиссара обороны СССР от 16 февраля 1938 года за № 3/1/53855 в целях обеспечения сохранности и безопасности воинских грузов и материальной части при перевозке их по железной дороге приказываю:

...5. Ни в коем случае не допускать постановки в поезд вагонов, груженых... ОВ без прикрытия их от паровоза менее чем 10 вагонами и от хвоста

поезда менее чем 5 вагонами в двухосном исчислении. Не допускать постановки этих грузов в поезде рядом с вагонами, гружеными самовозгорающимися и легко воспламеняющимися веществами.

Командующий войсками ЛВО комкор Хозин,
22 апреля 1932 года».

Перед войной объем транспортных операций через Москву, связанных с особо опасными военными грузами, возрос настолько, что возникла более чем серьезная угроза для безопасности столицы. И в январе 1940 г. Центральное грузовое управление НКПС известило Генеральный штаб РККА о закрытии всех станций Московского транспортного узла, на которых до этого велись погрузочно-разгрузочные работы с ОВ и ВВ. Генштаб был извещен о том, что для работ с ОВ и ВВ выделена лишь одна станция — «станция Люберцы II Ленинской железной дороги с устройством на этой станции складов и путей для организации погрузки, выгрузки и сортировки всех опасных грузов»[492].

* * *

Итак, мы видим, что в предвоенные годы Красная Армия в предвидении будущей наступательной химической войны стремилась химизировать всю страну. Делала это она не только тотально, но и очень неаккуратно. Тайной для общества, пожалуй, остается одно — эффективность армии в обеспечении того, для чего по идее ее, среди прочего, предназначали — химической безопасности страны.

«… Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной рукой…
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?»
А. Белый

ГЛАВА 12. ИСПЫТАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Считается, что Великобритания была вынуждена сдерживать свои аппетиты в области наступательной химической войны, среди прочего, потому, что не располагала подходящими землями для безопасных испытаний. На своей территории она испытывает на полигоне в Оттерберне (графство Нортурберлэнд) лишь раздражающие ОВ, а для более серьезных ОВ и более масштабных испытаний эта страна использовала основанный в 1941 г. полигон близ г. Саффилд (Канада)[7]. А для испытаний зарина англичане использовали земли полигона Обанакоро в Нигерии (в 1951–1955 гг.)[36].

С другой стороны, и в царской России, и в Советском Союзе земель было куда больше. Да и отношение к ним было иное. В общем, в выборе участков для испытания химоружия на своей территории наша армия себя никогда не стесняла.

12.1. ПОЛИГОНЫ

Испытательные военно-химические полигоны и площадки на других полигонах появились еще в царской России в годы Первой мировой войны. Их было несколько — Южный полигон располагался в Крыму в селе Булганар, в окрестностях Симферополя, еще был северный Койеровский газовый полигон. Экологических следов они, скорее всего, не оставили, поскольку речь шла об опытах с такими летучими НОВ, как хлор и фосген.

А вот в советские годы полигонная система разрослась до целой империи — большой и очень разнообразной. Благо с унаследованной от царской России территорией Советскому Союзу повезло — она была значительна. И в период между мировыми войнами для испытаний химоружия, в частности, различных химических боеприпасов, было задействовано множество полигонных участков, многие на постоянной основе, некоторые — временно. Решив в 1918–1919 гг. конституировать этот вид оружия, Красная Армия стала последовательно плодить места работ с ним. Разумеется, вся эта активность обросла большим количеством документов и иных материалов[221, 659].

В 1918 г. начал свою жизнь **первый советский военно-химический полигон в Кузьминках** (близ Москвы)[145]. Однако Кузьминками дело не ограничилось. Через 10 лет Красная Армия начала испытывать химоружие двух стран — Германии и Советского Союза — на берегу Волги в районе пос. Шиханы. Так началась творческая биография **Центрального военно-химического полигона (ЦВХП)**[163]. Однако этого создателям химоружия было мало.

Продержалась эта почти полная монополия («почти» потому, что военно-морские химики решали свои вопросы в иных местах) недолго, потому что воз-

можности для расширения у полигона в Шиханах были исчерпаны и необходимо было искать иные решения. Нашему обществу не известна амбициозная идея химических войск, материализованная в постановлении СТО СССР 1937 г. «об... обследовании районов Александров-Гай и ст. Донгаузская о возможности отвода земель под большой полигон.»[171] А между тем там имелось в виду создать еще больший, чем в Шиханах, учебный и боевой полигон, где могли бы развернуться целые химические соединения РГК (само решение об образовании нового полигона было принято постановлением СТО от 23 ноября 1936 г.). Впрочем, та инициатива кончилась ничем, однако химики ВВС вскоре все-таки создали свой собственный полигон на территории западного Казахстана — Авиационный химический полигон (АХП)[172].

К числу мест испытания и активного применения химоружия всех видов были присоединены и многие другие площадки — артиллерийский полигон в Луге (Ленинградская обл.)[299], Дретуньский артиллерийский полигон (Витебская обл.)[306], военно-химический полигон во Фролищах (Нижегородская обл.)[310] и т.д. На рубеже 20–30-х гг. количество площадок для испытания и использования химоружия стало резко возрастать. Причем часто работы с химоружием стали осуществляться не только на специальных военно-химических, артиллерийских, авиационных полигонах центрального и окружного подчинения, но и во множестве других мест, включая территории, которые были отведены армии лишь вре менно[303,307,311,313,349,673].

В годы Второй мировой войны, когда на берегах Волги развернулись активные боевые действия, военно-политический ландшафт страны изменился. Именно в те годы вступил в испытательный строй большой военно-химический полигон на юге Казахстана в районе ст. Арысь. Туда были перенесены те работы по испытанию новых образцов химоружия, которые пришлось сократить в Шиханах. В частности, в 1942 г. на нем были выполнены войсковые испытания артхимснарядов и химических мин. И в дальнейшем этот полигон использовался для испытательных целей, равно как и для уничтожения больших партий химоружия.

В 70-х гг. был основан мощнейший военно-химический полигон на плато Усть-Урт в Каракалпакии, в районе Нукуса (Узбекистан). Предназначен он был для испытаний химоружия в иных климатических условиях. Важность этого полигона возросла после раскрытия в 1987 г. для стран Запада полигона в Шиханах. Полигон в Нукусе был раскрыт в начале 1992 г., уже после распада Советского Союза[22], когда на нем были завершены испытания химоружия бинарного типа. Последним начальником полигона был генерал В.П. Капашин.

Всего для различного рода испытаний образцов и способов применения химоружия за годы существования Советского Союза использовалось несколько десятков мест, особенно в период между мировыми войнами. При этом следует подчеркнуть, что военно-химические полигоны были не только многоцелевыми, но и специализированными — артиллерийскими, авиационными, зенитными, танковыми, морскими. Впоследствии подавляющее большинство территорий, использовавшихся для работ с химоружием (и с ОВ, и с боеприпасами) силами военно-химической службы и иных служб Красной/Советской Армии, было благополучно забыто.

Практика полевых и морских испытаний ОВ сохранилась в Советском Союзе и в послевоенные годы. Между тем в этот период цивилизованные страны стали переносить подобные работы, по возможности, в закрытые ангары, и это понятно, поскольку испытания и многие иные работы с химоружием могут быть чрезвычайно опасны для населения и окружающей природной среды.

Обращаясь к чисто военно-химическим полигонам, необходимо отметить, что химические аппетиты армии росли достаточно быстро. Соответственно, шли по нарастающей и размеры территорий полигонов центрального подчинения — от 9 $км^2$ в Кузьминках (1918 г.)[145] до 400 $км^2$ в Шиханах (1928–1929 гг.)[163] и далее до 6400 $км^2$ на АХП в западном Казахстане (1940 г.)[172].

Что до общества, даже нынешнего, российского, то ему места опытных и рядовых работ с химоружием не были известны никогда. И это обстоятельство, с точки зрения интересов страны, является абсолютно неприемлемым — именно так резко усиливается и без того очевидная экологическая опасность бывших военно-химических полигонов.

12.2. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН «КУЗЬМИНКИ»

Если б С.М. Голицын только знал, чем будут заниматься на его землях в Подмосковье! Именно на том участке, который ныне является частью Москвы и известен как лесопарк «Кузьминки», испытывалось и химическое, и биологическое оружие[145,152]. Сам военно-химический полигон принадлежал в разные периоды и самому ВОХИМУ, и курсам ХКУКС, и институту ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ, и действовал он вплоть до 1961 г., когда Кузьминки вошли в состав Москвы.

Свое начало полигон ведет с 26 сентября 1918 г., когда IX отдел Арткома издал постановление о размещении в районе дер. Кузьминки Опытного газового полигона (ОГП) Арткома РККА. Разместившийся неподалеку Институт экспериментальной ветеринарии (директор — С.Н. Павлушков) выразил готовность к сотрудничеству с полигоном в опытных работах по газовому делу (как это имело место ранее при дореволюционных работах Химкома). Было предусмотрено, что жилые помещения для нужд полигона «надлежит приискать в окрестных селениях»[145]. Проблем с местными властями не возникло. Во всяком случае 16 ноября 1918 г. Московский областной Губземотдел предоставил Главному артиллерийскому управлению под будущий военно-химический полигон два участка земли близ станции Люблино Курской ж.д. в районе имения Кузьминки — лесную поляну в самом имении размером около 1 квадратной версты и примыкающую к имению открытую поляну тех же размеров[145].

Поначалу работы велись на участке размером 300х600 саженей при общей площади полигона в 8 квадратных верст (впоследствии в документах называлась площадь и 3х3 $км^2$, и даже большая).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДОКУМЕНТОВ

Ложь полковника В.К. Соловьева:

«Химический полигон на территории Москвы? Впервые слышу! 33 года служу и впервые слышу!»

Полуправда генерала Н.С. Антонова:

«Для полевых испытаний огнеметно-зажигательных средств, машин и приборов для дегазации, для эксплуатационных испытаний средств индивидуальной защиты и других работ использовались бывшие учебные поля в Кузьминках, где был размещен полевой испытательный отдел, непосредственно подчинявшийся военно-химическому управлению. Обеспечение полевых работ ИХО и охрана его объектов возлагалась на специальный химический батальон, также размещавшийся в районе Кузьминок.»[8]

Правда реального документа:

«Положение об артиллерийском газовом полигоне

1. Артиллерийский газовый полигон назначается для производства опытов: а) с целью исследования и изучения удушливых и ядовитых средств, применяемых для боевых целей…

Полигон в свободное от опытов время… может быть использован… для ознакомления воинских частей с военно-химическим делом. На полигоне по соглашению соответствующих Наркоматов с артиллерийским комитетом… могут быть произведены опыты с удушливыми средствами: для… утилизации этих средств в промышленном и научно-техническом отношениях…

Зампредседателя РВС Республики Э.М. Склянский», 1921 г.[145]

Задачи полигона последовательно усложнялись.

В первом положении об ОГП 1918 г. предусматривались лишь «опыты полевого характера». Соответственно, первоначально испытательные работы с химоружием касались способов применения НОВ из баллонов. Вскоре, однако, ОГП обрел не только иное название — Артиллерийский газовый полигон (АГП), но и более серьезные задачи. В положении об АГП, утвержденном Э.М. Склянским 24 сентября 1921 г., было все еще нейтрально указано, что полигон предназначен для производства опытов «с целью исследования и изучения удушливых и ядовитых средств, применяемых для боевых целей». Однако теперь использование артиллерийских средств уже нельзя исключить. Кроме того, было предусмотрено проведение на «полигоне по соглашению соответствующих наркоматов с артиллерийским комитетом… **утилизации**» удушающих средств[145]. Так **было впервые узаконено закапывание химоружия в Кузьминках**. Другим способом вплоть до 1938 г. химоружие практически не ликвидировалось, и эта функция полигона (в современной терминологии — абсолютно антиэкологичная) привела в будущем к немалым экологическим бедам.

В июле 1925 г. Комиссия по составлению генерального плана АГП рассмотрела план размещения на нем различных элементов и построек — директрису стрельбы артхимснарядами, площадок для подрыва химбоеприпасов, складов и т.д.[145]. С осени 1925 г., то есть со времени образования ВОХИМУ, полигон стали именовать более торжественно — как научно-испытательный химический полигон (НИХП)[145]. Одновременно состоялась и первая попытка Я.М. Фишмана соединить два разрозненных участка полигона в один[74].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Наркомату земледелия СССР

В связи с развитием научно-исследовательской работы в области военно-химического дела и необходимостью производства многочисленных опытов, связанных с периодическими стрельбами химическими снарядами, химическими минами и сбрасыванием аэрохимбомб с аэропланов на Научно-исследовательском химическом полигоне (близ ст. Люблино М.-Кур. Же. Дор.) в феврале 1925 г. был возбужден Военным ведомством вопрос о расширении границ полигона путем слияния двух разобщенных между собой участков земли и отчуждения для этой цели находящейся между ними полосы… необходимость отчуждения этой полосы вытекает из располо-

жения постоянной артиллерийской позиции, так как в случае преждевременных разрывов при стрельбе химическими снарядами и минами с сильно действующими веществами этот участок подвергается заражению на длительный промежуток времени...

Принимая во внимание, а) что постоянная артиллерийская и газометная позиция расположены на левом участке полигона и директриса (направление) стрельбы проходит через указанный район, в силу чего имеется налицо возможность заражения отдельных участков при преждевременных разрывах, б) что проложенные в данном районе постоянные телефонные провода подвергаются частой порче и всякая передача может быть достоянием шпионажа, в) что существующая доступность участка и большое скопление летом гуляющей публики в этом районе несовместимы с расположением лагерного сбора, производящего в течение всего лета обучение и секретные опыты, Реввоенсовет считает на основании всего изложенного безусловное и срочное отчуждение... просимого участка с полной изоляцией такового, ограждением проволокой и установлением должной охраны...

Реввоенсовет просит распоряжения о немедленном оформлении... земельными органами просимого участка земли Научно-испытательному химическому полигону РККА...

Зам. председателя Революционного военного совета СССР Лашевич, 8 апреля 1926 г.»[145].

То соединение, однако, не удалось. Вместо этого в 1928 г. ВОХИМУ все же расширился другим способом — за счет осушения болот площадью 1 км^2, находившихся на испытательной территории[145]. После этого неосушенным осталось лишь лесное озеро — его приспособили для затопления ненужного химоружия. В конце 20-х гг. была даже сделана попытка отвести на полигон 3-х км железнодорожную ветку от станции Люберцы. До реализации дело не дошло, поскольку центр тяжести испытаний был перенесен на Волгу в Шиханы[145].

Когда же все организационные бури утихли, полигон зафиксировался на площади примерно 9 км^2, включая лесное озеро и участок вокруг него. Строго говоря, размер немалый, если учесть, что такую площадь имеет г. Суздаль. С годами химический полигон структурировался, заматерел, оброс лабораториями самого разного профиля, обзавелся рядом сооружений, собственным аэродромом и даже многочисленными складами. География его испытательной части включала элементы, понятные лишь посвященным, — «Северный бугор», «Красная площадь», «Зеленая площадка», «Подвесная дорога», «Будка наркомпочтеля» и т.д. Не говоря уж о более или менее стандартных объектах — технические склады, главное поле, бронеяма, участок так называемой секретной мастерской (секрет даже от работников самого полигона), снаряжательная мастерская. На картах Москвы этот участок ее территории обозначен как «Кузьминский лесопарк».

Сам персонал полигона жил в другой части полигона. Его численность была такова, что детские площадки были рассчитаны на 300 детей. На картах этот участок Москвы обозначен как парк культуры и отдыха «Кузьминки».

Военно-химический полигон в Кузьминках стал настолько стандартным элементом военной жизни страны, что именно на нем останавливались на постой войска, которые два раза в год приезжали в Москву для участия в торжественном параде на Красной площади. Именно поэтому здесь же каждый раз сооружался для тренировки войск макет трибуны уже упомянутой «Красной площади».

До рубежа 50–60-х гг. полигон решал самые разные задачи, связанные с подготовкой к наступательной химической войне. В первую очередь, это были задачи испытательные, связанные с проверкой боевых характеристик химического вооружения, — не только новых типов, но и старых. Причем поначалу испытывалось не только химическое (и ОВ, и химические боеприпасы), но и биологическое оружие, поскольку на первых этапах оно также входило в сферу компетенции ВОХИМУ РККА. Решались и многочисленные учебные задачи с применением химоружия. Далее, поскольку полигон находился в ближнем Подмосковье, на нем производились показы военно-химической техники для руководителей разного уровня. И, наконец, здесь же производилось уничтожение как самого химоружия, так и отходов его производства с московских заводов.

Демонстрацией широких возможностей полигона в Кузьминках может служить тот факт, что летом 1927 г. именно непосредственно на полигоне на временном заводе была произведена партия иприта **(XX)** для обеспечения совместных советско-немецких работ, после чего была изготовлена еще одна партия иприта — уже для собственных работ[672].

Лицам в генеральских погонах, равно как и обитателям мэрии Москвы, полезно помнить, что на полигоне в Кузьминках были выполнены также первые в Советском Союзе да и во всем мире опыты по **применению биологического оружия**[54,152,201]. Продолжались они не менее двух лет в 1926–1927 гг., и в них «участвовали» лошади, бараны, козы и т.д. Один из последних опытов состоялся 19 июля 1927 г. Его целью было исследовать воздействие биологического наполнения артиллерийского снаряда на четырех коз в подземном бункере. Через два дня все подопытные животные сдохли от легочной формы сибирской язвы, как неоднократно доносил довольный Я.М. Фишман высшему (самому высшему) руководству армии и страны. После чего сам бункер был разрушен, а зараженные сибирской язвой козы были закопаны здесь же, на землях полигона. Место захоронения заровняли, так что теперь оно уже не известно никому[54].

Обращаясь к **учебным задачам** полигона, упомянем одно из первых показных занятий, которое состоялось 5 августа 1920 г. Курсантам Высшей стрелковой школы была продемонстрирована газовая атака — две волны хлора были выпущены из 10 баллонов Е-70[145].

Первый в практике Красной Армии военно-химический лагерный сбор начался 1 июня 1926 г. Химические части (ХКУКС РККА, отдельный учебно-опытный химический батальон и др.) разместились вне полигона на берегу в прошлом барского Кузьминского пруда имения Голицыных, а боевая работа с химоружием выполнялась на полигоне. Всего через лагерный сбор прошло около 1000 человек. В число выполненных работ входили войсковые испытания — заражение местности и дорог ипритом **(XX)**, — проводившиеся в стране впервые (было выполнено четыре опыта). По их результатам были установлены нормы заражения местности и дорог ипритом. Один из результатов тех сборов и испытаний — появление в армии нового способа химической разведки. После того, как запах иприта был обнаружен «обонянием человека на дистанциях до 1 км с подветренной стороны» от зараженного участка, начальник ВОХИМУ М.Я. Фишман оценил и использовал этот результат: «**разведка зараженного участка** возможна **путем обоняния разведчика**, хорошо натасканного на запах иприта»[298]. (Отметим, что наличие запаха — это признак низкого качества иприта, который позволяли себе иметь страны с низкой технической культурой; на Западе научились делать чистый продукт, запахом не располагающий[6]).

Второй военно-химический лагерный сбор происходил в период 10 июня-10 августа 1927 г. Начальником лагеря был Я.М. Фишман. Химические части располагались тогда непосредственно на территории полигона[300].

Показательные занятия для военных с применением реальных ОВ были для работников полигона нередким делом. Такие были проведены, например, в ноябре 1928 г. для слушателей Курсов усовершенствования высшего начсостава РККА (КУВНАС). Сценарий напоминает эпизод из жизни «того самого Мюнхаузена»: 11 час. — авиационное бомбометание (включая использование ипритных бомб); 11 час. 40 мин. — артхимстрельба (в том числе с применением ипритных снарядов); 12 час. — выливание ОВ с самолетов с применением ВАПов; 12 час. 10 мин. — газобаллонная атака; 12 час. 40 мин. — газометная стрельба; 12 час. 50 мин. и 13 час. 05 мин. — создание ЯД-волн с использованием шашек с дифенилхлорарсином **(IV)** и хлорацетофеноном **(II)**; 14 час. — заражение участка ипритом (с последующей дегазацией по снегу); 14 час. 50 мин. — постановка дымовой волны с самолета и т.д.[145].

На том мероприятии нашлось дело и начальнику токсикологической лаборатории, продемонстрировавшему «кроликов, имеющих различной степени ожоги ипритом». Его судьба — показатель действия на человека малых доз иприта. Энтузиаст своего дела И.Н. Коц умер на своем токсикологическом посту 25 июля 1937 г. от хронического отравления (острых отравлений за ним не числилось). Помянуть его некому — Красная/Советская Армия к сантиментам не расположена. А таких, как И.Н. Коц, было в нашей армии тысячи.

На следующий год 11 мая 1929 г. на полигоне были устроены «опытно-показные занятия для участников 1-го Всесоюзного совещания химической службы и для высшего и старшего комсостава МВО»[145]. А 22 мая «показные занятия по применению средств химической борьбы» были организованы для слушателей курсов КУВНАС[145]. Программа стандартная: газобаллонная атака, стрельба артхимснарядами, выстрелы из газометов, демонстрация работы ВАПов, постановка ЯД-завесы, заражение местности СОВ из ранцевых приборов...

В дальнейшем показные занятия проводились на полигоне непрерывно.
Только в 1939 г. средства химического вооружения демонстрировались для начсостава и слушателей ВХА им. Ворошилова, для начальников химслужбы частей МВО, начсостава ХКУКС, наркома среднего машиностроения, наркома обороны, начальников химслужбы военных округов, начсостава Кремля, начсостава НКВД, начсостава Генерального штаба РККА, Военно-политической академии им. Ленина, Военно-воздушной академии, Артиллерийской академии, Военной академии им. Фрунзе, школы пограноханы НКВД...

Помимо демонстрации химоружия, на полигоне проходили непрерывные занятия со слушателями ХКУКС РККА.

Случались и сиятельные посещения. Так, 27 ноября 1931 г. на полигоне была проведена **демонстрация** членам РВС СССР новых средств химического вооружения. В тот холодный день командир химической роты распорядился «разогреть на костре бочку иприта», однако бочка с завинченной пробкой просто взорвалась, и три рядовых красноармейца, облитых ипритом, получили поражение. На этом беды не кончились — перед демонстрацией подрывов артхимснарядов «не проверили, очищено ли поле от работающих там людей», во время демонстрации у участников «были случаи замерзания выдыхательных клапанов в противогазе», а с химминами случились трудности в распознавании (они поступили со склада № 136 в Очакове «неразмеченными», так что мины в снаряжении фосгеном **(XIII)** перед стрельбой пришлось отбирать не по метке на корпусе, а по весу; к сожа-

лению, ошибок избежать не удалось, и одна оказалась не фосгеновой, а зажигательной — фосфорной, — что и обнаружилось при показательной стрельбе)[535]. Не повезло в тот день даже заместителю председателя РВС СССР М.Н. Тухачевскому, который решил лично опробовать запалы ЯД-шашек, поступивших с завода № 12 (Электросталь). Считалось, что 75% запалов давали отказ, однако в руках у будущего маршала «все запалы дали отказ»[5].

В октябре 1933 г. химический полигон посетил весь Пленум РВС СССР. Выполненная для него «демонстрация средств химического вооружения РККА» включала химическую атаку с использованием танков, химическую атаку с применением самолетов, бой боевой химической машины с танком, стрельбу химическими минами, преодоление войсками участка зараженного СОВ. Кстати, та химическая атака с использованием танков так понравилась РВС СССР, что вскоре на полигон прибыли уже члены правительства во главе с И.В. Сталиным. Этот визит имел и практическое продолжение — уже в первые месяцы 1934 г. на полигоне проходили первые испытания химического танка БТ, созданного в ударном порядке по совету товарища Сталина в качестве подарка к намечавшемуся XVII съезду ВКП(б)[146].

А 5 июля 1934 г. на полигон заглянули два наркома — К.Е. Ворошилов и Г.К. Орджоникидзе. Повод был нешуточный — в личном присутствии наркомов по военным и по промышленным делам было испытано новое химоружие, поражавшее людей только через кожу: противогаз не спасал. К счастью, летчики в тот раз не промахнулись (случалось и такое), и произведенные в нынешнем ГСНИИОХТе 320 кг нового ОВ под шифром ГИМ-3 были вылиты с самолета на бреющем полете из 4-х ВАПов на площадку размером 125 м на 40 м. Наркомы приехали не зря — через 10 минут после начала испытаний значительная часть подопытных животных (5 лошадей, 14 собак и 15 кроликов) погибла, остальные пали позже. Новое ОВ рекомендовали к постановке на вооружение РККА[199].

Нелишне отметить, что за несколько дней до двух наркомов, а именно 30 июня 1934 г., полигон в Кузьминках посетила высокая итальянская делегация во главе с начальником химической службы генералом Риккетти. Как вскоре гордо докладывал Я.М. Фишман наркому обороны К.Е. Ворошилову, для гостей из Италии был «проведен показ химических средств на НИХП на тактическом фоне... Впечатление у них получилось большое и солидное»[681].

В октябре того же 1934 г. полигон принимал военную делегацию Китая с тем же меню: осмотр средств химического нападения (БХМ, химический миномет, химснаряды) и химическое заражение местности (из НПЗ и БХМ).

В год начала войны с Финляндией, а именно 29 марта 1939 г., на полигоне в Кузьминках состоялся осмотр образцов химоружия, которые были разработаны в конце 30-х годов и которые предполагалось поставить на вооружение и включить в систему химического вооружения. Осмотр провели лично нарком К.И. Ворошилов и его заместитель Г.И. Кулик.

Как уже упоминалось, на полигоне в Кузьминках находилось несколько **складов химоружия**, принадлежавших разным организациям. Особенно активное пополнение они получили летом 1933 г., когда по распоряжению наркома склад № 136 в Очакове был срочно освобожден от всего наличного запаса ОВ[468]. Объем хранимых ОВ по состоянию на сентябрь 1934 г. составлял около 500 т. Цифра эта известна из слезного письма начальника Штаба МВО в Штаб РККА, в котором говорилось, что складские помещения занимают площадь 1,5 км^2 и «совершенно не охраняются». Соответственно, в письме испрашивалось позволение иметь для охраны ОВ специальный караульный взвод[468].

О том, что размеры переходящих запасов ОВ были нешуточные, можно судить по акту обследования полигона от 11 июня 1938 г.[627] Перечень ОВ, хранившихся на одном из складов, включал 690,5 кг некондиционного иприта, 265 кг адамсита **(III)**, 2133,2 кг фосгена **(XIII)**, 317,5 кг дифосгена **(XIV)** (а еще 148 кг того же дифосгена, но под шифром вещества № 5) и т.д.[627]. На самом деле на полигоне находилось много больше ОВ, и их местонахождение мало кто знал. Часть из них пребывала в закопанном состоянии, потому что на полигоне происходило захоронение и ОВ, и отходов от испытаний ОВ. Захоранивались также отходы производства ОВ на заводах Москвы.

Решение **испытательных задач** восходит, по-видимому, к осени 1920 г., когда на полигоне была опробована партия баллонов с ОВ, подготовленных к боевому использованию на Южном фронте в связи с готовившимся «химическим сопровождением» операции РККА против войск П.Н. Врангеля в Крыму.

С первых лет на полигоне проводились испытания **химоружия сухопутных войск**, в том числе заражение территории стойкими ОВ из машин и приборов, и пуски ядовитых волн. В частности, в 1926 г. во время летнего военно-химического лагерного сбора воинские части, помимо прочего, занимались на территории полигона заражением местности и дорог ипритом [298].

Серьезные планы были намечены на весну 1928 г.: испытание двуколки для заражения, испытание ЯД-шашек новой рецептуры и т.д.[145]. 26 октября 1928 г. был выполнен подрыв емкости с 6 кг иприта. Образовавшееся облако распространилось на 200–300 м, а плотность заражения 10 г/м^2 была обеспечена на площади 220 м^2 вокруг места подрыва[4]. В сентябре 1929 г. здесь было произведено испытание шашек ЯД-1 на основе дифенилхлорарсина **(IV)**. Выставленные на поле наблюдатели на разных дистанциях от места пуска «должны были определить раздражающее действие будучи не защищены противогазами». Вывод: «шашка ЯД-1 является хорошим химическим оружием как маскирующим, так и боевым». Той же осенью испытания были продолжены на нескольких рецептурах (ОВ — дифенилхлорарсин, хлорацетофенон, адамсит)[145].

На рубеже 20–30-х гг. дошло дело и до ручных способов боевого заражения земель ипритом и его смесями. В частности, летом 1927 г. были проведены испытания ранцевого прибора для заражения местности (НПЗ) путем заражения ипритом **(XX)** выделенной площадки. Достигалась плотность заражения 10 см^3 на 1 м^2. В течение зимы и весны 1930 г. были проведены сначала опытные, а затем и войсковые испытания ранцевого прибора НПЗ-2 (разработчик — московский завод «Мастяжарт»; именно так тогда именовался нынешний «Базальт»). Его рабочая емкость составляла 17–18 л. Площадь, заражаемая с помощью одного прибора, — от 600 до 1100 м^2, плотность заражения — от 17 до 30 см^3 иприта на 1 м^2. Разливали иприт по земле Кузьминок не зря: 17 июля 1930 г. решением РВС СССР прибор НПЗ-2 был принят на вооружение химических войск и полковых химических взводов сухопутных войск РККА[81].

Упомянем пример служебного заражения почв полигона. 29–30 ноября 1929 г. было испытано действие СОВ при проводке лошадей по заснеженной местности, зараженной ипритом. Опытами руководил заведующий Военно-ветеринарной химической лаборатории РККА проф. Н.А. Сошественский. Пожертвовали 18-ю лошадьми не зря, если учесть достигнутый результат: «Отравление ипритом конечностей в условиях зимнего времени происходит благодаря соприкосновению затвердевшего иприта с кожей, на которой он может удержаться и растаять. Наиболее благоприятные условия для этого создаются на задних конечностях»[309]. Нынешние москвичи ничего не знают о дегазации зараженных земель полигона

после тех зимних опытов. Впрочем, если она и осуществлялась, то без пользы — в те годы не было средств дегазации почв в зимних условиях.

В июне 1934 г. на военно-химическом полигоне прошли сравнительные испытания двух ОВ, действующих на кожу, — люизита **(XXI)** и ГИМ-3[199]. В июле-августе 1937 г. было выполнено испытание новой вязкой ипритной рецептуры ВИР-Б-2, разработанной в ВХА им. Ворошилова. Участки с травой и без травы заражались с помощью машины БХМ-3[282]. Общий размер зараженного участка 120х22 м^2. На 1938 г. были запланированы опыты с этой рецептурой при поливке из ВАПов и заражении с помощью БХМ. Помимо иприта, на полигоне активно изучался люизит. У этих СОВ были испытаны все возможные рецептурные модификации — смеси, вязкие формы, зимние рецептуры. Работали военные химики в те годы и со многими иными ОВ на основе мышьяка.

Обращаясь к **химоружию артиллерии**, укажем, что еще на лето 1922 г. Артком запланировал большую программу опытов[145]. В 1923 г. на полигоне были выполнены работы по вскрытию и выяснению содержимого трофейных артиллерийских химических боеприпасов времен Первой мировой войны. И с тех пор полигон участвовал в решении самых разных задач, относившихся к сфере интересов артиллерии. Начиная с 1925 г., здесь производились подрывы многочисленных артхимснарядов — старых образцов и вновь разработанных[220,221]. Были среди них и снаряды с промежуточным дном (бинарного типа)[223].

А потом дошло дело (не могло не дойти) и до артиллерийских стрельб.

Первые стрельбы на полигоне в Кузьминках артиллерийскими снарядами калибра 6 дм и 3 дм в снаряжении ипритом были выполнены еще в мае и июне 1925 г.[220] и в дальнейшем проводились регулярно. Именно тогда, 16 мая 1925 г., были выполнены первые стрельбы артснарядами в снаряжении ипритом, сопровождавшиеся боевым загрязнением почв в районе полигона. Позиция 122 мм крепостной гаубицы была расположена на стрелковом полигоне у деревни Выхино. Всего по двум площадкам полигона было выпущено 40 снарядов. Следующие стрельбы — 76 мм артснарядами — были выполнены 2 июня 1925 г. с использованием горной пушки. На этот раз было выпущено 60 снарядов. В последних стрельбах произошло неполное вскрытие 11 корпусов снарядов, однако о судьбе зараженных ипритом корпусов снарядов не сообщается. Велись эти стрельбы с большим риском для населения — над внеполигонной территорией. Артснаряды стартовали с ружейно-стрелкового полигона в Выхине и других мест и после перелета над «ничейной» землей приземлялись на большой участок военно-химического полигона в Кузьминках, где после разрыва собаки должны были отравиться. Скорее всего, стреляли в так называемый «Северный бугор», который впоследствии стал полигоном военного училища имени Верховного Совета РСФСР. Впрочем в обоих случаях «болезненных изменений» у всех 7 собак, которые должны были пострадать от иприта, обнаружено не было[220].

В дальнейшем артиллерийское загрязнение территории полигона ипритом проводилось двояко — путем обстрела и с помощью подрывов артиллерийских боеприпасов непосредственно на земле.

Примером загрязнения почв во время обстрела могут служить стрельбы, выполненные 26 августа 1926 г. Артснарядами калибра 76 мм в снаряжении ипритом обстреливалась площадь в 4000 м^2 (число израсходованных снарядов — 57, дальность 4,5 км). Иприт из разорвавшихся снарядов не только заразил каплями площадку обстрела, но и распространился в виде тумана вне ее на расстояние около 100 м. В тот день были поражены все выставленные подопытные животные

(кошки и собаки), причем 45% из них пали. Стрельбы были повторены 1 октября 1926 г. уже на площади 8000 м^2 (количество снарядов — 200, дальность распространения паров иприта вне площадки обстрела — 400–500 м, процент павших животных — 66%)[221].

На весну 1928 г. планировалась стрельба 107 мм снарядом.

В 1926–1928 гг. продолжились и подрывы образцов артхимснарядов.

Один из опытов по наземному подрыву артхимснарядов с ипритом был выполнен 17 февраля 1926 г. При подрыве 76 мм снарядов с чистым ипритом (без растворителя) пораженными оказались все подопытные кролики, они получили местное поражение (воспаление слизистой оболочки носа и век, перешедшее в хроническую форму). 16 сентября 1926 г. были подорваны на земле 122 мм артснаряды для полевых гаубиц. В том опыте ипритом были поражены все выставленные кошки и собаки, причем у 16 из 18 были поражены не только кожные покровы, но и легкие. Кстати, в том опыте испытатели «впервые встретились с кожным поражением от паров» иприта[221,222].

Много подрывов химических и осколочно-химических артхимснарядов было выполнено в 1928 г.[221,222]. В частности, 28 июля 1928 г. был осуществлен подрыв артснарядов калибра 76 мм, 122 мм и 152 мм в снаряжении ипритом. Опыт выполнили на четырех площадках, далеко отстоящих друг от друга. Действие паров и тумана иприта было проверено на 52 собаках.

В 1929–1930 гг. этими химическими снарядами (в том числе с ипритом в смеси с треххлористым мышьяком) стреляли и в зимних условиях — в декабре и январе[221,222].

Обращаясь к предвоенным событиям, укажем на первые полигонные испытания реактивных химических снарядов РСХ-132, которые были проведены с декабря 1938 г. по февраль 1939 г. Самоходная пусковая установка для 132 мм ракет была смонтирована на шасси автомобиля ЗИС-5 и имела 24 направляющих на общей раме. Испытания прошли успешно[766].

Начиная с совместных работ с немцами, на полигоне велись активные испытания **авиационного химического вооружения**. В частности, в конце 20-х гг. дошло и до авиационных ипритных атак на землю полигона.

Так, в конце 1926 г. на полигоне были выполнены испытания новейших образцов авиационного химоружия в рамках начавшегося советско-германского военно-химического сотрудничества. Однако немцы для выливания из ВАПов над полигоном использовали нейтральные жидкости, имитирующие иприт[669]. А когда эти опыты были завершены, начались переговоры между ВОХИМУ и Управлением ВВС Красной Армии насчет бомбометания на полигон бомб с уже настоящим ипритом, но без немцев. Первые опыты с реальными ОВ были произведены в ноябре 1926 г. С высот 100, 400, 600, 1000 и 2000 м на полигон была сброшена 31 бомба с СОВ калибра 8 кг (в качестве СОВ выступали иприт, а также смеси иприта с хлорбензолом и иприта с $AsCl_3$). Количество ОВ в бомбе — 4 кг, площадь заражения — 300 м^2. Руководил испытаниями М.Г. Годжелло. Полетом авиахимбомб участники испытаний были удовлетворены (у них был «правильный полет в основном»), о судьбе кроликов и собак не сообщалось. Был также выполнен подрыв авиахимбомб с ипритом в броневой яме, вследствие которого все кошки погибли. По результатам испытаний бомб было сочтено, что они могут быть введены на вооружение ВВС РККА[226]. То решение состоялось[78].

В марте 1927 г. звено самолетов Р-1 провело по НИХП групповое бомбометание с высоты 1500 метров (12 шт. 8 кг бомб марки ПЛ). Цель — изучить техническое рассеивание бомб при групповом бомбометании. Присутствовали Я.М. Фишман и

А.А. Дзержкович. Ни одна авиабомба с ОВ в цель не попала, так что все 42 кошки не пострадали[226]. О судьбе авиабомб в отчете не указывается.

В начале 1928 г. была испытана осколочно-химическая авиабомба калибра 8 кг (АОХ-8) в снаряжении хлорацетофеноном **(II)**[226], и в 1929 г. она нашла свое место в системе вооружения РККА[80]. Чтобы понять цену этого достижения, приведем хронику полетов на полигон самолетов, вооруженных осколочно-химическими бомбами только лишь одного 1928 г.[226].

15 марта было проведено испытание осколочно-химических бомб калибра 8 кг. С высоты 2000 м на цель было сброшено 6 бомб, не попала ни одна.

21 марта самолет сбросил 4 химические бомбы калибра 16 кг с высоты 1000 м, попала в цель лишь одна.

22 марта из четырех химических бомб калибра 16 кг, сброшенных с высоты 2000 м, в цель попало две. И с высоты 3000 м из четырех таких же бомб, сброшенных в тот же день, в цель попало две.

23 марта с высоты 3000 м были сброшены 4 авиахимбомбы калибра 32 кг, в цель не попала ни одна.

26 марта 4 бомбы с ипритом калибра 32 кг, сброшенные с высоты 1000 м, легли «около цели». При повторении опыта с четырьмя ипритными бомбами, выполненного в тот же день с высоты 2000 м, «все 4 бомбы в цель не попали». Третий такой же опыт, осуществленный с высоты 3000 м, был более удачен: «две бомбы — в цель, две не замечены».

16 мая попытка попасть в цель осколочно-химическими бомбами с высоты 2000 м вновь окончилась неудачно: «все шесть бомб в цель не попали».

И 31 мая попытка сбросить химические бомбы калибра 16 кг с высоты 3000 м окончилась неудачей — «все четыре бомбы в цель не попали». И с 2000 м такие же 4 химбомбы вновь в цель не попали. И с 1000 м аналогичный опыт того дня был столь же неудачен — в цель не попала ни одна авиахимбомба.

27 июня было выполнено 4 опыта по залповому сбросу химических бомб АХ-16 с высоты 3000 м «для определения рассеивания». В первом опыте не были замечены разрывы ни у одной химбомбы из четырех. При втором сбросе были замечены разрывы у двух бомб из четырех. При третьем сбросе были замечены разрывы у трех бомб, а четвертая просто не выпала с самолета. При четвертом опыте все 5 бомб «упали недолетом».

27 июля был выполнен опыт по сбросу химических бомб АХ-32 с высоты 1000 м. В районе цели были выставлены подопытные животные и разложены пластины для фиксирования капель ОВ. Однако в цель попали лишь две бомбы из четырех. Повтор того же опыта с высоты 2000 м привел к тому же результату: в цель попали лишь две бомбы из четырех. Еще один повтор с высоты 3000 м ухудшил результат: в цель попала лишь одна химическая бомба[226].

Во всех приведенных примерах в записях на очевидный вопрос, «а куда попали», журнал специального летного отряда ответа не дает ни разу[226].

На полигоне велись многочисленные выливания ОВ с воздуха[228].

Один из экспериментов с ОВ был выполнен 1 марта 1929 г. Было предусмотрено заразить участок полигона с помощью ВАП-2 с самолета Р-1 с высоты 30–200 м. Самолет взлетел с аэродрома в Ухтомской и вернулся туда же. Подвеска и снятие на аэродроме приборов ВАП-2, снаряженных ипритом, а также выполнение самого полета производились без средств защиты персонала. В тот день над полигоном было распылено 200 кг иприта **(XX)**. При этом правый прибор вскрылся плохо и самолет оказался забрызганным каплями иприта. А во время маневров над целью сам самолет прошел через собственное облако иприта.

Аналогичный опыт состоялся 17 мая 1930 г. Иприт с высоты 30–40 м был вылит на площадку размером 200х300 $м^2$. Результат: поражение глаз — у всех пяти выставленных лошадей, поражение кожи и ног — у двух, поражение пищевого тракта — у одной лошади, той, что имела возможность питаться подножным кормом на зараженной площадке.

В 1930 г. на вооружение авиации была принята АХБ калибра 32 кг, и полный цикл ее испытаний был выполнен в Кузьминках. Бомба предназначалась для заражения местности с использованием СОВ и содержала 21,5 кг ОВ.

На январь 1931 г. планировались авиационные испытания смесевых ОВ на основе иприта (в смеси с хлорпикрином, а также в смеси с дифосгеном) с использованием ВАП-4[145].

Авиаиспытания химоружия были настолько активные, что в 1935 г. начальник ЦАГИ Н.М. Харламов даже обратился в ВОХИМУ к Я.М. Фишману с предложением разместить непосредственно на полигоне лабораторию и постоянную опытную площадку ЦАГИ, чтобы была обеспечена регулярность проведения полигонных испытаний химического вооружения самолетов[84].

Вопрос о том, как поступать с почвами, зараженными ипритом, возник в дни первых же опытов. Во всяком случае 23 мая 1925 г. Химком при РВС СССР обсудил проблему финансирования опытных работ по **дегазации земель**, продовольствия и одежды. Опыты по дегазации местности после ее заражения ипритом было решено осуществить в Кузьминках. На эти цели было выделено 58 пудов иприта, и они были добросовестно вылиты. О качестве дегазации почвы после этой (летней) операции организаторы заражения не сообщают[145].

Конечно, соседство такого опасного объекта, как военно-химический полигон, совсем рядом со столицей не могло быть вечным. В руководстве армии это понимали еще в 20-х гг., когда обсуждали перспективы расширения системы военных складов и полигонов. Во всяком случае при одном из подобных обсуждений, которое состоялось в феврале 1927 г., в ответ на демагогическое заявление Я.М. Фишмана («если теперь же не упорядочить разливочную станцию и химполигон, то будет поздно, так как война может быть не сегодня-завтра») начальник снабжения РККА П.Е. Дыбенко, не менее Я.М. Фишмана знакомый с международной обстановкой и с «нашим ответом «Чемберлену», все же высказал прямо противоположное суждение: «Каковы дальнейшие перспективы полигона? Никаких. Через 5 лет т.Фишмана заставят выкуриться оттуда».

Когда же эти работы в Кузьминках были, наконец, прекращены, военно-химический полигон оставался белым пятном для москвичей вплоть до начала 90-х гг., когда свидетелей почти не осталось. Или черной дырой?

Выше упоминалось насчет охраны. Из рассмотрения документов, которые относятся к полигону, следует, что серьезной охраны у него не было никогда. Жалобы на то, что колючая проволока порвана, а окрестное население проникает внутрь территории полигона (разумеется, приводя «к рассекречиванию работ»), проходят по документам и в 20-х, и в 30-х[627] гг.

Порвана эта сакраментальная проволока и в наши дни, когда за нынешним НИИХимМашем была оставлена лишь небольшая часть обширной территории, принадлежавшей ОГП-АГП-НИХП раньше (не более 80 га). Остальное (много более 800 га) «отошло» Москве и Подмосковью.

12.3. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН «ШИХАНЫ»

Центральный военно-химический полигон (ЦВХП; его именовали также и как Вольский химический полигон — ВХП) расположился в Саратовской обл. на левом берегу Волги в районе пос. Шиханы (ст. Причернавская). Начало его боевой активности восходит к 1920-м гг., когда в 1924 г. на территории реквизированного после революции имения графа В.П. Орлова-Денисова был создан танковый полигон. Реальная история военно-химического полигона в Шиханах началась на 10 лет позже полигона в Кузьминках. В постановлении РВС СССР 1928 г. о состоянии военно-химического дела в РККА, среди прочего, было решено организовать новый военно-химический полигон (помимо того, что имелся в Кузьминках). «Учитывая, что существующий химический полигон не может быть использован для осуществления широких войсковых испытаний средств химической борьбы и для устройства специальных военно-химических лагерных сборов», начальнику ВОХИМУ было предложено подобрать подходящий участок из числа предложенных Наркомземом СССР. Одновременно возник вопрос о подборе «территории для работ с особой группой» (то есть для германо-советских работ по химоружию)[69]. Многочисленные работы, выполненные в течение года в связи с поиском нового полигона, завершились итоговым совещанием «по заданию Совнаркома РСФСР от 27 декабря 1928 г.». Финишным стало письмо от 31 декабря 1928 г., в котором начальник Военно-финансового управления РККА вместо новогоднего приветствия доложил И.С. Уншлихту об успешном исполнении поручения. Последнюю точку поставило постановление РВС СССР, появившееся в начале 1929 г. и констатировавшее выбор места размещения нового полигона («Принять к сведению, что участок для химического полигона найден и отведен в районе г. Вольска»)[79,163].

На тот момент была подобрана территория в районе имения Шиханы размером 130 км^2. На участке предусматривалось активно выполнять некоторые виды испытаний средств химической борьбы: «1) проведение широких войсковых испытаний аэрохимическими бомбами, 2) заражение площади с высот до 500 м с одновременным вылетом до 6 самолетов, 3) большие аэрохимические стрельбы с единовременным выпуском до 800 шт. 3-дюймовых снарядов на дистанцию 14 км, 4) газометные стрельбы с одновременным выпуском до 200 мин (2 залпа из 100 газометов), 5) заражение местности наземными приборами и фугасами, 6) изучение ядовито-дымного, газового и дымного облаков с одновременным выпуском 100 шт. баллонов Е-30 или 500 шт. ядовитых свечей»[163].

Нелишне напомнить, что, помимо процитированных целей, почерпнутых из официального документа, были и другие, которые «держались в уме». Одна из них содержится в одном из черновых документов тех лет — «изучение химических средств борьбы в особых условиях местности: в лесу и на воде (Волга)».

Остается добавить, что, хотя германо-советские работы по химоружию на ВХП уже начались, лишь 24 апреля 1929 г. постановлением СНК СССР его территория была отведена для этих работ, равно как и для войсковых испытаний химоружия. А еще через три дня начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман на научном совете ИХО поделился своими мечтами о том, что «полигон будет служить очагом химической культуры». Впрочем, первая же проверка показала, что строительные работы на полигоне ведутся неправильно и что вообще «полигон находится в антисанитарных условиях»[163].

Во всяком случае во время авиахимических испытаний, состоявшихся 4–27 сентября 1930 г. с применением СОВ, санитарная служба выявила множество недостатков в организации испытаний, приведших к массе поражений летного состава. Они характеризовали общий уровень организации работ с химоружием. Заливка иприта **(XX)** из бочек в ВАПы производилась с помощью ведер. ВАПы с наливочной станции доставлялись к самолетам и укреплялись на них вручную. При взлете самолетов было возможно самовскрытие ВАПов, а при невскрытии ВАПов над целью велика вероятность их вскрытия при посадке на аэродроме. При выполнении боевого задания по выливанию иприта из ВАПов летчики не имели защитной одежды (она стесняла действия пилотов, резко возрастала вероятность аварий), а сами самолеты забрызгивались ОВ. Остаточный иприт выливался из ВАПов при посадке, из-за чего самолеты приземлялись вместо основной полосы аэродрома на специальную площадку[536]. Подобного рода «недостатки» аппаратуры выливания ОВ с самолетов не удалось изжить много лет, так что поражения персонала были неизбежны все предвоенные годы.

Армии выделенной земли, однако, оказалось мало, и в декабре 1930 г. было принято очередное постановление РВС СССР, которым утверждался план строительства в районе полигона в Шиханах[79]. Было решено расширить его площадь примерно до 400 км^2, в том числе за счет выселения деревень Плетневка и Белгороднян. В результате расстояние между наиболее удаленными точками границ с запада на восток составило 20 км, а с севера на юг — около 25 км. По состоянию на 1936 г.[163] площадь полигона составляла уже 450 км^2, а его персонал — 670 человек, не считая войск.

Вновь образовавшийся ЦВХП позволял выполнять еще больший объем испытаний химоружия, в частности: 1) артхимстрельбы — налет силами одного артполка с одновременным расходом до 500 шт. 122 мм снарядов (длина директрис — 22 км); 2) газометно-минометные стрельбы — газометным дивизионом с расходом до 500 мин (по 10 кг ОВ в каждой); 3) одновременные действия авиаотряда из 9 самолетов с ВАПами с высот до 500 м и др.[163].

Подчеркнем, что это были не только планы армии. Во всяком случае на письме начальника ВОХИМУ Я.М. Фишмана, написанном 1 ноября 1931 г. заместителю наркома обороны — начальнику вооружений М.Н. Тухачевскому и содержавшему обязательство военных химиков «расширить строительство ЦВХП» будущий маршал начертал: «Обязательно закончить. Есть указание тов. Сталина. Предусмотреть на всем полигоне ознакомление войск с боевыми ОВ».

Задачи полигона непрерывно усложнялись. В частности, в начале 1937 г. в связи с передачей заказа и снабжения артхимснарядами из ХИМУ в артуправление РККА встал вопрос об образовании на полигоне специального артиллерийского отдела. Ему вменили много задач, часть из которых ранее исполнялась на артполигоне в Луге, — снаряжение и отстрел опытных партий химснарядов и мин, контрольный отстрел химбоеприпасов промышленных партий, исследование хранения и сбережения артхимбоеприпасов, контроль продукции старых лет изготовления и т.д. В процессе принятия этого решения выяснилось, что только в 1937 г. планировалось отстрелять 40000 химических боеприпасов разных калибров и видов.

Эта и ряд иных проблем потребовали от нового начальника ХИМУ РККА провести во второй половине 1937 г. уточнение функций ЦВХП. На тот момент они выглядели следующим образом[169]. Во-первых, фактически полигон уже давно был полигоном тройного назначения — общеармейским военно-химическим («проведение полевых испытаний всех образцов химического вооружения РККА»),

артиллерийско-химическим и авиационно-химическим, что и было закреплено в перечне его задач. Во-вторых, полигон исполнял функции, касающиеся испытательного, учебного и боевого использования химоружия в войсках («проведение войсковых испытаний средств химического вооружения,.. проведение опытных тактических учений с применением боевых химических веществ для проверки и проработки вопросов технического применения средств химического нападения как химическими войсками, так и другими родами войск,.. проведение специальных и войсковых сборов авиации, механизированных химических частей с целью отработки тактических и технических приемов работы с боевыми ОВ). Разумеется, за полигоном сохранились и функции, связанные с токсикологическими испытаниями, в том числе на людях, решение методических вопросов применения химоружия и т.д.

Последний предвоенный нормативный документ, касающийся полигона, был введен приказом по НКО в 1940 г.[170]. Утвержденным «Положением... « он был объявлен научно-испытательным учреждением, предназначенным для лабораторных и полигонных испытаний средств химического нападения и защиты, опытных учений с применением боевых химических веществ и т.д.

А потом началась война.

Коротко упомянем некоторые примеры военно-химической активности полигона в Шиханах по всем направлениям — и испытательным, и учебным.

Как уже упоминалось, в 1928–1931 гг. полигон работал по проекту «Томка», в рамках которого военно-химические специалисты дофашистской Германии испытывали новейшие образцы своего химоружия, а также проводили обучение специалистов Советского Союза[677,678]. Свои собственные «широкие войсковые опыты по применению средств химического нападения» с воздуха были проведены в сентябре 1930 г.[228]. 15 августа 1933 года было последним днем существования советско-германского военно-химического объекта «Томка»[679].

Первые большие зимние испытания различных химических средств борьбы обсуждались всю **зиму 1931-1932 гг.**[164]. Начались они 15 февраля 1932 г., причем возглавил их лично Я.М. Фишман. Ударная двухмесячная работа проходила без участия немецких специалистов. Технические испытания включали проверку в зимних условиях тех средств химической борьбы, которые предназначались к вводу на вооружение, но еще не были проверены в зимних условиях — БХМ, химических фугасов, ЯД-шашек, осколочно-химических снарядов и химснарядов с СОВ, 107 мм химических минометов. Тактические испытания включали применение СОВ воздушными и наземными средствами нападения на марше, а также применение СОВ в других видах боевой деятельности, использование химминометов в различных видах боя, организацию и тактику применения ЯД-атак («сковывающих» и «на изнурение»). А 21 марта было изучено и «действие ОВ в населенном пункте в результате аэрохиматаки».

Для того чтобы представить себе масштаб события, приведем количества химоружия, которые были выделены исключительно на эти испытания: иприта **(XX)** — 52 т (из них 50 т — на тактические испытания), разных смесей иприта и люизита (1:1) — 5 т, синильной кислоты **(XV)** — 3 т, дифенилцианарсина **(V)** и бромбензилцианида **(VI)** — по 200 кг, химических фугасов — 1100 шт. (из них 1000 — на тактические испытания), мин с НОВ — 1000 шт., мин с СОВ — 2000 шт., шашек ЯМ-11 — 10 тыс. шт., шашек ЯМ-21 — 5 тыс. шт. и т.д. Во время зимних тактико-технических испытаний, начавшихся в феврале 1932 г., фактически на полигон было сброшено 111 авиахимбомб и выпущено множество артхимснарядов (калибра 76 мм — 1083 шт., 107 мм — 148 шт., 122 мм —

277 шт., 152 мм — 95 шт.). Было проведено множество заражений территории: с помощью БХМ — 26 опытов, с использованием НПЗ — 23 опыта, с помощью химических фугасов — 14.

Не обходилось и без курьезов, о чем свидетельствует нижеследующий пассаж, касающийся судеб синильной кислоты (вещества № 11) в связи с теми зимними испытаниями 1932 г. Не будем забывать, что испытатели не имели тогда очень многого — не только знания о точке замерзания синильной кислоты, но и о точной топографии полигона.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«В трехдневный срок установить в лаборатории точку замерзания вещества № 11 и... обеспечить получение 5 т вещества № 11. Сообщить заводу № 1, что ВОХИМУ считает работу по веществу № 11 ударной, которую нужно вести непрерывно...

Отметить совершенно неудовлетворительное выполнение требований ВОХИМУ промышленностью...»

Я.М. Фишман, Шиханы, 22 декабря 1931 г.

На **лето 1932 г.** Я.М. Фишман поставил перед полигоном серьезную задачу — «провести испытания иприта для целей заражения местности». На самом деле это была комплексная цель — выяснить, на каком расстоянии от зараженного района возможно располагать войска без опасности поражения их парами иприта **(XX)**, сколько времени летом местность остается зараженной после ее обработки ипритом, после какого времени пребывания людей на зараженном участке можно быть пораженным парами ОВ[163]. В 1932 г. только за летний сезон с мая по октябрь на полигоне было выполнено 90 самолето-вылетов с использованием ВАПов (для выливания СОВ) и сброшено 111 химических бомб. Лаборатория заражения провела за это время 26 экспериментов с БХМ, 23 опыта по заражению земли с использованием НПЗ-3 и 14 — по подрыву химических фугасов. Лаборатория вооружения за этот период израсходовала 1083 химических артснаряда калибра 76 мм, 148 снарядов калибра 107 мм, 277 снарядов калибра 122 мм и 96 снарядов калибра 152 мм[164]. В конце декабря 1932 г. появился первый годовой отчет полигона по результатам зимних и летних опытов[164].

Была у полигона и неожиданная сторона деятельности — заготовка животных для опытов. Дело это было поставлено на широкую ногу[163]. Во всяком случае для обеспечения зимних опытов Я.М. Фишман распорядился заготовить к их началу 1200 собак, 700 кроликов и 100 кошек. Фактически в течение 1932 г. через полигон прошло 1937 собак и 958 кроликов (каждое животное в среднем участвовало в 1,5–2 опытах)[164].

Большие работы были выполнены в **1934 г.**[165]. В марте-июле были проведены опыты по преодолению зараженных ипритом участков одиночными ничем не защищенными бойцами, которые были одеты лишь в обычное армейское обмундирование. Опыты были выполнены последовательно во все сезоны. Подробный отчет описывает поражения людей, получившихся в каждом из опытов[322]. Между 15 мая и 22 июля 1934 г. состоялись войсковые испытания нескольких типов ротативно-рассеивающих авиабомб (РРАБ) в снаряжении СОВ и НОВ. Вывод: РРАБы могут быть применены авиацией в целях воздушно-химического нападения для заражения местности, ослабления противника и поражения живой

силы (осколочно-химическими бомбами и бомбами с НОВ); РРАБы в снаряжении бомбами с СОВ могут быть применены для заражения аэродромов, станций и ограниченных участков. Типы авиабомб, помещавших в РРАБы: АХ-8, АОХ-8, АОХ-10, АХ-25[165,229]. В том же 1934 г. были проведены опыты по использованию БХМ в качестве источника ОВ, однако они не дали положительных результатов[165].

В **1935 г.** году фронт работ еще больше расширился[166]. По одной из них начальник ХИМУ Я.М. Фишман направил 28 августа наркому обороны доклад о необходимости принятия на вооружение РККА курящейся ЯД-бомбы калибра 50 кг (КРАБ-50). Летние испытания ее были проведены еще в 1934 г. путем бомбометания с высот до 4000 м[230], а зимние — в 1935 г. Количество ЯД-смеси на основе адамсита — 17 кг, вес снаряженной бомбы — 41 кг.

В **1936 г.** на ЦВХП продолжались и интенсивные испытания[167,168], и масштабные учения[329].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Во исполнение Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. и приказа народного комиссара обороны № 154–1936 г. приказываю закрепить для производственной практики Военно-химической академии РККА им. К.Е. Ворошилова склад-мастерскую № 138 и Центральный военно-химический полигон (ст. Причернавская).

Начальник ХИМУ коринженер Я.М. Фишман».

В июне-июле 1936 г. в больших опытных учениях по применению СОВ против разнообразного противника ВВС РККА отработали, в частности, действия авиационных химических бригад (это были 81-я, 100-я и 114-я авиабригады) против механизированных бригад сухопутных войск. Оказалось, что «При обливании танков стойкими ОВ с высот 3–5 метров внутрь танка затекает большое количество СОВ». А вот пехотную дивизию на марше, как выяснилось, следует атаковать ипритом **(XX)** с высот 20–25 м. Отработали также «высотную поливку СОВ обороняющегося противника». Дошло и до «высотной поливки наступающего полка»: облили ипритом и другими СОВ в одном батальоне 43%, в другом 65% личного состава. Вывод: «авиахимбригада в 90 легких самолетов, неся с собой 36 т СОВ, может заразить с плотностью до 10 г/м^2 до 7–8 км^2»[329,338].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Части ВВС РККА под руководством химического управления РККА в июне-июле 1936 г. провели на ЦВХП опытные учения по применению химического оружия.

...Химическое оружие авиации становится оперативным фактором...

... Считаю крайне необходимым все положения, выдвинутые ХИМУ в результате проведения учений, проверить в течение 1937 года на дивизионных, корпусных и окружных учениях и маневрах 1937 года, с тем чтобы можно было частям РККА дать уже конкретные указания (в виде... норм) о массовом применении химического оружия...

Начальник ВВС РККА командарм II ранга Алкснис, 1936 г.».

1–4 августа 1936 г. на ЦВХП были проведены полевые испытания в качестве химоружия мышьяковистого водорода AsH_3**(XVII)**[167].

В **1937 г.** на ЦВХП были проведены сборы особых авиационных бригад для тренировки с боевыми ОВ[338].

В июле-августе 1937 г. были проведены испытания вязкой ипритной рецептуры ВИР-Б-2, которая была создана в ВХА им. Ворошилова. Во время испытаний участок размером 120х22 $м^2$ был заражен с использованием БХМ-3, снабженной специальной насадкой[4]. Подопытные собаки проводились по участку в течение недели и в первые 5 суток получали поражения в тех местах, где не было травы, и в течение 7 суток в тех местах, где трава была оставлена. Сделан вывод, что новая рецептура не уступает прежним ВИР-6 и ВИР-9.

Принципиальные испытания авиационного химоружия, намеченные на 1938–1939 гг., сопровождались особо большим количеством событий, в том числе активными военно-промышленными контактами в рамках ВХК.

С 15 по 25 февраля **1938 г.** на полигоне состоялись опытные учения по теме «Применение ОВ авиацией в зимних условиях». Химическое нападение с использованием СОВ и НОВ отрабатывала 81-я штурмовая авиабригада (9 самолетов типа «ССС»)[342]. 21 февраля целью для нападения с использованием СОВ (зимние рецептуры — смеси иприта с дихлорэтаном и иприта с люизитом) служила артиллерийская батарея на площади 300х100 $м^2$ с подопытными собаками. Высота выливания ОВ — 20 м. 26 февраля-13 марта прошли испытания химвооружения бомбардировщика СБ в зимних условиях. СОВ и НОВ выливали из двух ВАПов. СОВ (смесь иприта и люизита, а также смесь азотистого иприта с дихлорэтаном) и НОВ выливались с высоты 25–50 м на две выделенные площадки. СОВ попало на них лишь частично. При испытании иприт-люизитной смеси 27 февраля все незащищенные собаки получили смертельное поражение. Спецмашины АРС-СК имели лишь колесный ход и потому не могли по снегу подъехать к самолету, так что самолет подавался на площадку снаряжения ОВ к АРС-СК на зарядку[250]. 4 и 8 мая были испытаны возможности летних рецептур СОВ (иприт, азотистый иприт) из ВАПов после полета самолета на больших высотах[232]. Оказалось, что после полета в течение 3-х часов на высоте 4000–5000 м иприт выливался на низкой высоте на выделенную площадку не полностью из-за его кристаллизации. Оставшийся в ВАПах иприт заражал потом и самолет, и аэродром. Во время второго опыта иприт вылился в 1,5 км от выделенной площадки полигона.

1 июня-29 июля 1938 г. были проведены спецсборы 80-й, 100-й и 114-й штурмовых и 16-й и 19-й тяжелых авиаспецбригад по отработке способов применения ОВ. Штурмовые авиабригады отрабатывали применение СОВ с бреющего полета звеном, отрядом, а со средних высот — эскадрильей; тяжелые авиабригады — применение СОВ со средних высот отрядом и эскадрильей и НОВ (РРАБы и бомбы) со средних высот одиночными кораблями[345].

Между 21 июня и 15 июля 1938 г. состоялись войсковые испытания химического вооружения самолета ДБ-3 (три ВАП-500 для выливания БХВ). Два полета были выполнены для опытов по выливанию иприта с малых высот — от 45 до 170 м, два других — по выливанию смеси иприта с люизитом с высоты 30 м. Случались и курьезы. В одном из опытов смесь не попала на выделенную площадку, а образовавшееся облако размером по фронту 3 км, не опустившись на землю, распространилось на несколько км. Кстати, при осуществлении тех опытов в очередной раз выяснилось, что при выливании СОВ забрызгивается нижняя часть фюзеляжа самолета, а пары ОВ проникают внутрь, в результате чего стрелок-

радист вынужден надевать противогаз. Итог был ожидаемым: «рекомендовать ВАП-500 на вооружение ДБ-3 (3 шт.)»[236].

22 июля 1938 г. был выполнен опыт по выливанию иприта из двух приборов УХАП-500, установленных на самолете СБ (высота — 100 м, рабочая емкость одного прибора — 195 л, достигнутая площадь заражения — 8,5 га). Вывод исполнителей: этот вид оружия обеспечивает «достаточный боевой эффект»[239].

21 августа 1938 г. состоялось большое совещание у главного инженера 6-го Главного управления НКОП А.Г. Касаткина, имевшее прямое отношение к Шиханам («Об опытном снаряжении новыми БХВ различных ХАБ и ампул»)[418]. На совещании представители армии дали поручения науке и промышленности (НИИ-42 и химическим заводам №№ 102, 93 и др.) по снаряжению партий многочисленных опытных химических боеприпасов (ХАБ-25, ХАБ-25Р, ХАБ-50, ХАБ-200, ХАБ-500, ХАБ-1000, а также различных ампул) большого числа новых рецептур ОВ[245]. Масштабные авиационные испытания были проведены в три сезона — осенью 1938 г., зимой 1938–1939 гг. и летом 1939 г.[237,238].

23 октября 1938 г. Генеральный штаб РККА назначил войсковую комиссию по испытанию новых рецептур СОВ и НОВ в самых различных авиахимбоеприпасах в осенне-зимних условиях[246]. Они состоялись между 16 ноября 1938 г. и 27 марта 1939 г., после чего две рецептуры были рекомендованы к принятию на вооружение для использования в зимних условиях: иприт-люизитная смесь — для наполнения ХАБ-25, ХАБ-200, ХАБ-500 и ампул, а смесь иприта и азотистого иприта — для наполнения ХАБ-25, ХАБ-200 и ХАБ-500. Вязкий иприт ВИР-16 был рекомендован для снаряжения ХАБ-15. Ряд рецептур был рекомендован для испытания в авиахимбоеприпасах в летних условиях[258].

Нередко случались и события, не прогнозировавшиеся организаторами испытаний. В качестве примера обратимся к проведенному 21 февраля 1938 г. опытному учению «Применение ОВ авиацией в зимних условиях». Задача на проведение химического нападения с использованием СОВ и НОВ (дифосген) отрабатывалась силами 81-й штурмовой авиационной бригады (9 самолетов типа «ССС»). В процессе учений выяснилось много неожиданностей, например тот факт, что выполнение полетов при -20^0 и более низких температурах в противогазах тех лет невозможно из-за обледенения очков. Кстати, заполнение СОВ в большинство ВАПов было выполнено в лаборатории полигона вручную (с использованием ведра и лейки, бочки с ипритом разогревались в ванне)[342].

Масштабные летние войсковые испытания новых рецептур СОВ и НОВ в штатных авиахимбомбах ХАБ-25, ХАБ-200, ХАБ-500 и ХАБ-100 были проведены 13 июня — 3 августа **1939 г.** Бомбы сбрасывались с самолета Р-5. По результатам были рекомендованы к принятию на вооружение три рецептуры для снаряжения ХАБ-25 и ХАБ-500: смесь иприта и люизита, незамерзающий иприт В.С. Зайкова, а также смесь иприта с азотистым ипритом. Сам азотистый иприт (не в смеси) остался резервной рецептурой. Раствор хлорацетофенона в дихлорэтане в бомбах ХАБ-25 и ХАБ-200 УД (ударного действия) был предложен для кратковременного изнурения противника в летних условиях[247,248].

Многочисленные испытания продолжались и в **1940 г.**[240]. Упомянем, в частности, войсковые испытания химавиабомбы ХАБ-100 УД в снаряжении СОВ и НОВ, выполненные 8 мая — 29 июля. Было показано, что в снаряжении СОВ (смесь зимнего иприта В.С. Зайкова и люизита) бомба ХАБ-100 обеспечивает заражение примерно 2000 м^2 с плотностью не более 50 г/м^2. В снаряжении синильной кислотой **(XV)** авиабомба ХАБ-100 заражает 5400 м^2 (тяжелые и средние поражения), концентрация — 2,48 мг/л на расстоянии 55 м от места падения и 1,84 мг/л

на расстоянии 110 м. После испытаний бомба ХАБ-100 УД была рекомендована к постановке на вооружение ВВС РККА: в снаряжении СОВ — для поражения живой силы и заражения местности, а в снаряжении синильной кислотой — для поражения живой силы, находящейся на открытой местности и в укрытиях (окопы, щели без прикрытия, танки с открытыми люками)[240].

Из послевоенных событий отметим масштабные испытания советского V-газа **(XXV)** в артиллерийских и авиационных боеприпасах, выполненные летом 1960 г. Они показали высокую боевую эффективность V-газа по сравнению со всеми известными ОВ и, по существу, определили направление изменений в структуре производства химоружия в Советском Союзе.

С ОВ, складированными и использовавшимися на полигоне в Шиханах, связано несколько инцидентов последних лет, вызвавших широкий резонанс.

В частности, не прошел незамеченным спор, который возник летом 1994 г. в связи с демаршем экологических активистов против военно-химической администрации. Она была обвинена в попытке организации перевозок химоружия и оборонялась достаточно неуклюже.

ИЗ ПРОТОКОЛА, ПОДПИСАННОГО ГЕНЕРАЛАМИ С.В. ПЕТРОВЫМ И А.Д. КУНЦЕВИЧЕМ (14 ОКТЯБРЯ 1993 Г.):

«п.2. ***Считать возможной транспортировку*** *ОВ из пгт. Горный в п. Шиханы в специальной таре с соблюдением отработанных мер безопасности».*

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА В.И. ДАНИЛКИНА (ЦВХП-ШИХАНЫ):

«Никаких ОВ ни из пгт. Горный, ни из других регионов РФ в Шиханы для уничтожения не завозилось, не завозится и не планируется завозить».

«Цемент», Вольск, 9 июля 1994 г.

В отношении охраны полигона ситуация была не самой оптимистичной. Укажем в связи с этим приказ начальника полигона от 4 марта 1939 г. о мерах по обеспечению безопасности работ на опытном поле. Начальнику поля было предписано «разработать мероприятия по ограждению со стороны населенных пунктов основных наиболее опасных площадок». Охота возле рабочих площадок опытного поля была запрещена, однако она разрешалась к северо-востоку от линии «Попова поляна», ст. Шиханы, ст. Причернавская и на острове Рыбный.

12.4. ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН «ФРОЛИЩИ»

Военно-химический полигон во Фролищах (Нижегородская обл.) был базовым местом для обучения слушателей ХКУКС и ВХА им. К.Е. Ворошилова (после ее образования) и располагался на территории больших Гороховецких лагерей. Одновременно он был также окружным военно-химическим полигоном МВО. Неподалеку, на ст. Ильино, на складе № 405 хранилось химоружие. А в Гороховецких лагерях, помимо военно-химического, были развернуты также артиллерийский и железнодорожный военный полигоны.

Полигон использовался для проведения регулярных **лагерных сборов** войсковых частей.

В феврале-марте 1935 г. на полигоне во Фролищах ВХА совместно с МВО провела большие войсковые **учения** с широким применением химических средств. В сложных зимних условиях и реальной тактической обстановке были использованы химические минометы для стрельбы минами в наполнении СОВ (иприт) и НОВ (фосген), ВАПы для поливки СОВ, БХМ и НПЗ для заражения местности ипритными рецептурами и т.д.[323]. Еще одни учения были проведены в июле 1935 г., когда ВХА демонстрировала прибывшей инспекции свои достижения по применению химических средств силами авиации и механизированных войск, а также по заражению местности и преодолению получившихся участков заражения. Не забыли и про химические минометы.

Среди выполненных во Фролищах **боевых химических испытаний** укажем на те, что были проведены в 1930[310,530], 1931[215,312,489] и 1932[312] гг., то есть, по существу, до того, как особенно широко испытательные работы были развернуты на полигоне в Шиханах.

В июне 1930 г. 1-й химический полк проводил масштабные работы по заражению местности ипритом с помощью опытных образцов носимых приборов НПЗ-2 и М-2. Они уже прошли испытания, но не были приняты на вооружение, поскольку выявленные недостатки еще не были устранены. В частности, во время работы «в приборах НПЗ-2 открывались верхние пробки, что приводило при движении к выплескиванию жидкости». Кроме того, на приборах иногда разрывались шланги и подтекали неисправные краны[530].

К сожалению, при попадании капель жидкости под названием иприт на «защитную» одежду военные химики поступали двояко — или бесхитростно посыпали одежду порошком хлорной извести, или же пытались снимать капли иприта с помощью растворителей. В первом случае происходило возгорание иприта прямо на одежде, изготовленной из пропитанной олифой ткани. Во втором — керосин и бензин, применявшиеся в качестве растворителя, без помех проходили сквозь ткань (вместе с ипритом). Применялся и третий способ — направление облитых ипритом бойцов на обмывочный пункт, который находился в 1–1,5 км от места работ. Соответственно, бойцы получали поражение до начала дегазации. В общем, в течение двух недель от иприта пострадало 24 человека, причем 17 из них — во время испытаний новой техники заражения. Места поражения: спина — 3 человека, правая нога в коленной части — 6, правое бедро — 2, правая ягодица — 1, шея и рука в локтевой части — 1. А еще у 2-х человек было общее поражение (спина, оба бедра, ягодицы, нижняя часть живота, промежность и обе ноги в коленной части) и т.д. Как видим, поражений было много даже по тем суровым временам, и этому событию был посвящен специальный приказ РВС СССР от 7 июля 1930 г.[530]. В результате ВОХИМУ пришлось «в 10-дневный срок пересмотреть имеющиеся инструкции и указания по работе с боевыми химическими веществами».

А в августе 1930 г. во Фролищах были проведены опытные стрельбы артхимснарядами калибра 76 мм, 122 мм и 152 мм в наполнении НОВ — фосгеном **(XIII)** и дифосгеном **(XIV)**[310]. Цель — «проверить токсичность облака, созданного в короткий срок — 10–13 минут с последующим его поддержанием методичным огнем». Во время стрельб, выполненных 12 августа 1930 г., случилось прискорбное событие. Обстрел в тот день велся масштабный — орудиями калибра 76 мм, 122 мм и 152 мм, а в качестве НОВ использовались и фосген, и дифосген. Так вот, при одновременной стрельбе силами 14 батарей «в конце первой минуты сформи-

ровалось плотное густое облако шириной до 150 м, в глубину 100–120 м при высоте 8–9 м», и устроители стрельб были этому боевому результату рады. Как впоследствии оказалось, поражения среди подопытных животных в этом месте были максимальными — 100%, а смертность — 60%. Однако далее события начали развиваться не по сценарию: облако ОВ «компактной массой» двинулось «по ветру… и через 10 минут головой своей достигло рубежа у дома лесника Осипова, где находилась команда полигона». Там это облако ОВ не ожидалось, потому что дом лесника находился в 3,5 км от настоящей цели (в районе которой были размещены подопытные животные). Впрочем, люди — невольные участники того опыта — остались живы, потому что у них оказались при себе противогазы[4].

Одно из первых тактико-технических испытаний химических средств было выполнено в течение лета-осени 1931 г.[312]. На них в условиях, близких к боевой обстановке, прошли проверку многие средства химического нападения перед их постановкой на вооружение. Среди них были такие новые по тем временам средства, как мортира Стокса и химические фугасы[312], а также несколько боевых химических машин[215]. В очередной раз были испытаны шашки ЯД[312]. Тогда же прошел боевую проверку и «Боевой устав химических войск РККА». Руководство испытаниями Я.М. Фишман возложил на себя.

Многочисленные испытания с использованием химоружия проходили на Гороховецком **железнодорожном полигоне**. Так, с 15 мая по 25 июля 1931 г. здесь были проведены опытные учения железнодорожных частей совместно с авиацией, маскировочными, химическими и зенитными частями Красной Армии. Как указывалось в распоряжении Штаба РККА, «все работы железнодорожных войск провести в условиях нападения воздушного и наземного противника с выпуском ОВ с самолетов». Летом 1932 г. прошли учения железнодорожных частей «в условиях нападения воздушного и наземного противника с выпуском ОВ с самолетов». А 10 -26 сентября 1933 г. на полигоне было проведено опытное учение с участием, в том числе, и ВОХИМУ (тема — «Работа станций снабжения и отделений головных химических складов»)[312].

Ежегодная практика слушателей ВХА им. Ворошилова и ХКУКС, которая проходила на военно-химическом полигоне во Фролищах, не могла не вызывать серьезных загрязнений его территории СОВ (ипритом, люизитом) и продуктами их трансформации. Вот как это выглядит в отчете одного высокопоставленного проверяющего в 1940 г.: «Заражение производится всегда на одном и том же участке местности и полосами, в результате зараженный участок представляет ярко выраженную черную полосу»[4].

12.5. ДРУГИЕ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЕ ПОЛИГОНЫ

Рассмотрим, далее, имеющиеся данные о военно-химической активности особо значительных полигонов и иных территорий.

ЛУГА (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ.)

Артполигон Артиллерийских курсов усовершенствования командного состава (АКУКС) имени III Интернационала в районе г. Луга (недалеко от С.-Петербурга) был еще одним местом, где в 20–30-х гг. активно испытывались различные виды химоружия, в том числе артиллерийского и авиационного.

Первые стрельбы артхимснарядами на Лужском полигоне прошли 18–20 мая 1926 г. Их возглавил сам начальник ВОХИМУ РККА Я.М. Фишман[221]. Были ис-

пытаны 76 мм артхимснаряды в снаряжении ипритом **(XX)** (500 шт.). Обстреляна площадь размером 14400 м^2 с расстояния от 4 до 4,6 км. В процессе стрельб решались задачи на поражение животных («Все животные, попавшие в сферу действия тумана, дали резко положительную реакцию. Часть этих животных пала. Остальные находятся в тяжелом состоянии») и на заражение местности. Поскольку это были одни из первых крупных артстрельб, «моральный эффект на наши части оказался очень большим. Обслуживающие участок красноармейские команды заражались паникой, несмотря на противогазы». Во время тех стрельб иприт был испытан не только на кошках, но и на людях — по случайности ими оказались два крупных военно-химических руководителя — В.Н. Баташев и В.М. Рохинсон («выбыли из строя» на 2 недели). По результатам стрельб был сделан вывод, что Лужский артполигон вполне пригоден для проведения не только опытов, но и войсковых химических испытаний[221].

В том же 1926 г. была предпринята попытка осуществить на полигоне мощный газовый пуск одновременно из 500 баллонов Е-30, то есть пуск, похожий на фронтовой. Но.., похоже, не рискнули[221].

Первые войсковые испытания различных видов химоружия состоялись 14–28 мая 1927 г.[299]. Они были проведены в отсутствие немецких военных химиков (хотя первоначально продолжение совместных работ с немцами планировалось именно на Лужском артполигоне). Изучались осколочно-химические снаряды в снаряжении хлорацетофеноном **(II)** и многие другие виды артхимбоеприпасов. Были выполнены также газовая атака крупного масштаба, поставлена большая ЯД-завеса, заражение ипритом участка полигона (с использованием НПЗ был заражен ипритом участок размером 400х30 м^2). Вывод начальника ВОХИМУ РККА Я.М. Фишмана был оптимистичным: «Химические средства нападения являются ценнейшим боевым средством»[299].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Заместителю председателя РВС СССР т. Уншлихту

Сегодня прибыл в Лугу, осмотрел всю подготовку испытаний. Подготовительные операции выполнены полностью: все войсковые части... прибыли своевременно на артполигон, находятся в хорошем состоянии и вполне готовы к выполнению возложенных на них заданий. Точно также все подлежащее испытаниям химическое имущество: аэрохимбомбы, артхимснаряды, отравляющие вещества, ядовитые дымовые свечи, баллоны, легкие и тяжелые, приборы для заражения и противогазовое имущество — прибыло благополучно...

Наиболее интересная и важная часть испытаний будет происходить с 18-го до 21-го мая. На эти дни сюда приедут командующий, члены РВС ЛВО, Саков и Киров.

Все наши химики поручили мне просить Вас приехать к нам на испытания хотя бы на пару дней (с 18-го по 20 мая). Размах проводимых испытаний таков, что несомненно стоит затратить на поездку несколько дней.

Может быть и у Климентия Ефремовича найдется пара дней. Такие широкие и многосторонние химические операции в условиях боевой обстановки у нас еще не скоро будут...

Председатель комиссии РВС по проведению испытаний
Я. Фишман, 11 мая 1927 г.»[221]

Впоследствии испытания на Лужском полигоне с применением СОВ и НОВ осуществлялись неоднократно. Важно иметь в виду, что хотя полигон в Луге был по ведомственной принадлежности артиллерийским, чистота жанра не выдерживалась. В частности, в марте 1929 г. на нем были проведены войсковые испытания нескольких типов химавиабомб в снаряжении ипритом, в том числе АХБ калибра 32 кг[302]. Укажем и на большую серию зимних испытаний различных видов химоружия, проведенных 28 февраля — 5 марта 1930 г. Руководил ими Я.М. Фишман Испытывались артхимснаряды в снаряжении ипритом, фосгеном **(XIII)**, дифосгеном **(XIV)**. А мышьяксодержащие ОВ (адамсит, дифенилхлорарсин и другие ядовитые дымы) распространялись с использованием ЯД-шашек[308]. Кстати, если бы тогда было подожжено одновременно 500 шашек, как первоначально планировалось, то ядовитое облако могло пересечь границу с Финляндией, ознакомив соседей с военно-химической проблематикой РККА. 4 марта при испытаниях ипритных артснарядов на две площадки было выпущено по 200 снарядов калибра 122 мм. «Эффективность» проверялась на лошадях[308].

Большие авиационные химические учения состоялись на этом полигоне и летом 1935 г.

СТРУГИ КРАСНЫЕ (ПСКОВСКАЯ ОБЛ.)

В Псковской обл. в 20 км от ст. Струги Красные с 1932 г. и, по крайней мере, до начала войны функционировал окружной **Веленский военно-химический полигон** ЛВО[318]. Его площадь в момент создания составляла 40 км^2. Здесь проходили испытания химоружия, сборы химических частей и войсковые учения с химоружием, в том числе с использованием БХМ и авиации. Проводились ЯД-пуски, заражения местности ипритом, в том числе путем подрыва химических фугасов, стрельбы минами с НОВ. Здесь же хранились запасы химоружия. В частности, между 15 июня и 30 июля 1934 г. на полигоне прошли сборы химических частей округа с участием 3-го химбатальона, 11-го химбатальона, нескольких химических рот и т.д. Были выполнены заражения территории ипритом с использованием НПЗ и БХМ (израсходовано 10 т иприта), произведены многочисленные подрывы фугасов с ипритом, пуски ЯД-волн[318]. В 1935 г. на химполигоне были проведены зимние и летние опытные войсковые учения, в том числе с отработкой преодоления участков заражения СОВ. Осуществлялись испытания специальных химических танков, в том числе для заражения местности СОВ. Там же 253-я штурмовая авиационная бригада отрабатывала работу с БХВ. Были проведены также сборы командного состава[326]. В июне 1937 г. на химполигоне 3-й ОХБ проверял стойкость иприта на участках, которые раньше не использовались для заражения. Как оказалось, стойкость иприта на мокрых и болотистых местах выше, чем на обычном лугу. Именно тогда командующий ЛВО П.Е. Дыбенко был вынужден издать грозный приказ в связи с тем, что химический танк ХТ-26 во время работы на полигоне застрял на участке заражения, из-за чего его механик-водитель оказался в госпитале с тяжелой формой поражения ипритом[533].

ДРЕТУНЬ (ВИТЕБСКАЯ ОБЛ., БЕЛОРУССИЯ)

Окружной артполигон БВО, находившийся в районе ст. Дретунь, активно использовался для испытаний артиллерийского и авиационного химоружия в наполнении ипритом и люизитом. Так, 14 августа — 7 сентября 1929 г. там были выполнены войсковые испытания авиационных химических бомб в снаряжении ипритом. В их числе были испытаны бомбы калибра 8 кг (АХ-8, 60 шт.), 16 кг (АХ-16, 30 шт.) и 32 кг (АХ-32, 15 шт.) с помощью бомбометания на три площадки размером 100х200 м^2 каждая. Зимние войсковые испытания тех же бомб были проведены в марте 1930 г. В дальнейшем подобные опыты выполнялись на

полигоне неоднократно[306]. Большие осенние артиллерийские стрельбы были выполнены в период 20 августа — 20 сентября 1933 г. Решалось множество задач — «выявление тактико-технических свойств артхимснарядов в условиях западной границы СССР, выявление норм расхода артхимснарядов,.. обучение артиллерии РККА стрельбе и применению артхимснарядов». Для обеспечения стрельб со склада № 136 (Москва-Очаково) были доставлены снаряды в снаряжении НОВ (76 мм, 122 мм и 152 мм) и СОВ (106 мм, 122 мм и 152 мм). Были испытаны также осколочно-химические снаряды[306].

СУША (МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛ., БЕЛОРУССИЯ)

Окружной химический полигон БВО «Суша» находился в районе Кличева (70 км от Бобруйска). Там проводились самые разнообразные авиационные и наземные опыты с химоружием, в том числе с использованием БХМ (среди них были и образцы химических танков). Так, 21 августа 1936 г. состоялись опытные учения по преодолению танками участков, зараженных ипритом. Цель — выяснить, «на каких расстояниях от участка заражения можно определить запах ОВ экипажем танка на боевых скоростях на марше с открытыми люками, а при атаке переднего края — с закрытыми»[331]. Выяснили. Очередные сборы наземных химических частей БВО были проведены 25 мая — 1 июля 1938 г. Отрабатывалось заражение почвы ипритом с помощью машин БХМ-3[346]. Во время учений одна из частей впервые отрабатывала заражение местности люизитом. А 7 — 28 июля 1939 г. на полигоне состоялись сборы химизированных авиабригад БВО (постоянная дислокация — район Гомеля). Отрабатывались задачи по выливанию СОВ днем и ночью с малых и средних высот, а также бомбометание авиахимбомбами. Всего было израсходовано 1600 л иприта, сброшено 28 бомб ХАБ-25 и 16 бомб ХАБ-200. Сообщено о 5 случаях поражения личного состава парами ОВ, 8 случаях невзрыва авиабомб, 5 случаях отказа ВАП в воздухе при выполнении задач на выливание СОВ[355]. Одни из последних предвоенных сборов на полигоне состоялись 1 августа — 12 сентября 1940 г. Их организовали для руководящего состава авиационных частей округа. Размер рабочей площадки 1000x600 м^2. Были произведены 21 вылет с задачей выливания в цель иприта из ВАП-4М и ВАП-6М и 16 вылетов с химическим бомбометанием по цели с использованием ХАБ-25 и ХАБ-200. Детали: не вскрылись два ВАПа, не взорвались две бомбы ХАБ-25[360].

ЯСНОГОРСК-ЯСНАЯ (ЧИТИНСКАЯ ОБЛ.)

Особенно активно СОВ применялись во время химических учений, сборов, а также артиллерийских, авиационных и иных испытаний в ЗабВО — на «переднем крае противостояния японскому милитаризму». Обычно это происходило на военно-химическом полигоне ЗабВО в районе 73–74 км (это район нынешних ст. Ясногорск-Забайкальский и Ясная). Приведем примеры.

С 1 июня по 15 июля 1936 г. состоялись специальные летние сборы химических войск ЗабВО — 4-го ОХБ, химических рот и взводов. Отрабатывалось заражение местности с использованием СОВ. Летом того же года на полигоне две эскадрильи 109-й химизированной авиационной бригады отработали тему «Атака звеном артиллерийской батареи противника на открытой позиции». На отработку израсходовали 7 т иприта и 1,5 т люизита[4]. 10–14 января 1937 г. были проведены тренировочные учения 109-й авиабригады по выливанию СОВ на мишени — «железнодорожная станция» и «артбатарея на позиции». Для контроля были выставлены 4 лошади (одна из них впоследствии пала), использовался раствор иприта, не замерзающий при температурах до -30° (25% иприта, 75% авиабензола). Установка ВАПов на самолеты выполнялась на аэродроме в районе разъезда 111 км (ныне — ст. Степь). Вывод: «Широкое применение СОВ авиацией в зимних усло-

виях... возможно». Кстати, тогда было обнаружено подтекание иприта из ВАПов на линии старта перед вылетом[4]. Масштабные специальные химические учения («спецучения по теме 45») состоялись 5 марта — 9 апреля 1938 г. Отрабатывались заражение местности с использованием СОВ в зимних условиях и преодоление районов заражения. В частности, 5 апреля была осуществлена поливка смесью иприта и люизита цели из ВАПов с самолета. 1 — 29 августа 1938 г. были проведены химические сборы авиационных подразделений ЗабВО для обучения летного состава выливанию СОВ с малых и средних высот. Было задействовано 5 авиаэскадрилий, выполнивших 192 вылета с ВАПами. Летчики учились выливанию СОВ с малых и средних высот. Растворы иприта выливались на полигон на обычные боевые мишени — «ж.д. станция» и «артбатарея». Высота выливания — 2000 м. Израсходовано 1725 кг иприта. ВАПы снаряжали на аэродроме в районе разъезда 74 км. Их вскрытие в ненадлежащее время на аэродроме во время пробега произошло дважды, пять раз ВАПы не вскрылись вообще[347]. 7 — 15 мая 1940 г. состоялись сборы химизированных звеньев авиачастей ЗабВО с участием самолетов, приспособленных для использования имеющегося химоружия (самолеты — ДБ-3, И-15 бис, И-153, СБ, Р-5, Р-зет; химическое вооружение — ВАП-500, ВАП-6, ВАП-4, АБК-1). Зарядная площадка была оборудована на аэродроме в районе разъезда 74 км (переливать полученный в 33-й химизированной танковой бригаде иприт в бочках пришлось в машины АРС-6 вручную из-за большого осадка серы). На полигоне разъезда 111 км было оборудовано 7 различных мишеней. Всего было израсходовано 2,5 т иприта. Заключение организаторов было оптимистичным: «сборы показали мощь химического оружия ВВС». Вслед за летчиками на полигоне «учились» начальники химслужбы округа. Они расположились при 33-й химизированной танковой бригаде, которая была размещена недалеко от химического полигона[4].

ДРУГИЕ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЕ ПОЛИГОНЫ

В ЛВО еще один химический полигон оборудовал себе 19 стрелковый корпус, который каждое лето квартировал в **Левашовском военном лагере**. В Ленинграде (Ржевка) на полигоне НИАП испытывались артхимбоеприпасы.

В ПриВО на артиллерийском полигоне в районе **ст. Тоцкое** (Сорочинский р-н, Оренбургская обл.) химические испытания проводились начиная с 20-х гг.

В УрВО много испытаний было выполнено на окружном **Чебаркульском полигоне (Челябинская обл.)**. Так, 29 августа 1936 г. состоялись артстрельбы химснарядами калибра 122 мм в снаряжении ипритом. Цель — заражение поляны площадью 4 га, было израсходовано 280 снарядов. Авторы отчета упоминают о том, что 20 снарядов не разорвалось, однако не приводят данных, разыскивались ли они или были оставлены лежать до очередной беды[330]. Этот факт высвечивает один из путей «утилизации» — закапывалось в землю лагерей и полигонов далеко не все, остальное просто бросалось.

В СибВО военно-химический полигон действовал в Кемеровской обл., в районе **Юрги**, в пределах окружного артиллерийского полигона.

Авиационный полигон **Старцево** в СибВО, в районе Красноярска (25 км к северу от города; 4 км до ближайшего населенного пункта) неоднократно использовался как химический. Так, 5–11 августа 1938 г. на нем было проведено химическое учение 1-го авиаполка (место базирования — Красноярск) с выливанием иприта. Участвовало 10 самолетов, взлетавших с аэродрома в Красноярске и приземлявшихся после выполнения задачи в Песчанке. Заправка ВАПов ипритом происходила в Красноярске, дегазация — в Песчанке. При заправке два ВАПа потекли. 26–27 сентября 1939 г. прошли сухопутные учения по преодолению за-

раженного ипритом участка авиаполигона с участием 300 человек из 52-й авиабригады Красноярского авиагарнизона. На заражение участка 200x400 $м^2$ было израсходовано 180 кг иприта в смеси с керосином[348].

На Дальнем Востоке в ОКДВА активно действовал военно-химический полигон в районе **ст. Раздольное** (Приморский край). В частности, в 1936 г. на обеспечение сборов высшего командного и начальствующего состава было выделено 5 т иприта, 1 т люизита, 15 химических фугасов. В 1940 г. к нему добавился военно-химический полигон II ОКА в Хабаровском крае.

В САВО опытные испытания химоружия выполнялись на **горном артиллерийском полигоне** близ Ташкента (Узбекистан). В частности, 13–21 июня 1935 г. состоялась проверка поведения образцов химоружия, в том числе экспериментальных, «в условиях Среднеазиатского горного и пустынного театра при высокой температуре». Участвовали химические подразделения 8-й и 6-й горно-кавалерийских дивизий, а также работники склада № 20 артхимвооружения (Ташкент). Среди СОВ для заражения северных и южных скатов гор (разно нагреваемых) были применены иприт, люизит и их смеси. Для использования прибора НПЗ-3 был сконструирован и испытан специальный вьюк. Испытания показали, однако, что этот давно стоящий на вооружении прибор «недостаточно герметичен для того, чтобы его можно было перевозить на вьюке (постоянная опасность поражения коня)». О людях вопрос как-то не встал.

Среди украинских химических полигонов отметим два. Продолжительное время войсковые опыты с химоружием осуществлялись возле Киева, на химическом полигоне УкрВО **в Броварах**[356]. В 1936 г. возник **Ирдынский окружной химполигон** КиевВО в районе Черкасс. Информация о химполигонах Харьковского (ХВО) и Одесского (ОдВО) военных округов пока не найдена.

Нет данных и о химическом полигоне Орловского военного округа.

12.6. БОЛЬШИЕ АВИАХИМИЧЕСКИЕ ИСПЫТАНИЯ

Конечно, у авиации, которую все больше скрещивали с химией, не могли не возникнуть потребности в абстрагировании от мест проживания населения. Приведем для примера интересное опытное авиационное химическое учение, состоявшееся 8–18 октября 1937 г. **в районе Кирово** (Гомельская обл.). Его темой было «Применение химического оружия по воздушным целям», а целью — установление возможности обмена химическими ударами между самолетами (выливание ОВ по воздушным целям, заражение материальной части и поражение экипажа). В тех опытах были использованы СОВ, участвовало в них 6 самолетов ТБ-3 и 19 самолетов «ССС». Вывод: «прицельное выливание ОВ по воздушным целям возможно»[340].

Не будем, однако, забывать, что иприт, не попавший в небе на самолет «противника», неизбежно оседал на землю и попадал к людям, которые его не ждали. В общем, во второй половине 30-х гг. химическое направление в советской авиации развилось настолько, что ей захотелось иметь собственный полигон для масштабных работ с химоружием — и испытательных, и учебных — и при этом не стеснять себя думами о безопасности населения. Решению этого вопроса предшествовало немало событий, в частности, большие авиахимические испытания осени 1938 г. в САВО («спецучений по теме 700»).

Авиахимические испытания с использованием больших количеств иприта и люизита были выполнены в октябре-ноябре 1938 г. **в Голодной степи на границе между Узбекистаном и Казахстаном.** Состоялись они во время специальных авиационно-химических учений по применению новых способов авиахимического нападения. Была изучена возможность применения авиацией СОВ с больших высот с использованием ВАПов, а также проведены опыты по применению иприта и люизита возгонкой в виде тумана[349,350]. Для опытов были использованы две гигантские площадки на ровной открытой местности размером чуть менее 100 км^2 каждая (это были илистые отложения, покрытые редкой сухой травой). Выливание СОВ проводилось чаще всего группами из трех самолетов ЦКБ-30 (ДБ-3), вооруженных тремя ВАП-500 каждый, или двух самолетов ТБ-3 РН, вооруженных тремя ВАП-1000 каждый.

Всего было выполнено 15 опытов по выливанию различных рецептур СОВ (иприта, смеси иприта с дихлорэтаном, а также смеси иприта с люизитом) с высот 2000, 4000, 5000, 6000, 7000 и 7600 м. Высотные выливания показали, что могут быть заражены громадные площади. При этом, как оказалось, даже при выливании с высоты 7600 м до земли доходит от 65 до 94% ОВ в виде 10–25 миллиардов капель весом от 0,02 до 3,1 мг (среднее количество капель на 1 м^2 от 1000 до 3000 шт.). Капли были сочтены вполне эффективным оружием против человека, так как даже капли иприта весом 0,02 мг в 40 раз (люизита — в 7 раз) превышали минимально действующую дозу на кожу человека. Из 15 опытов лишь 8 оказались полностью удачными, и самолеты вылили зарядку СОВ на выделенные площадки. В остальных случаях ОВ были вылиты вне цели (4 опыта по выливанию смеси иприта с люизитом с высоты 6000 м) или же попали в цель частично (3 опыта по выливанию смеси иприта с люизитом с высот 4000, 6000 и 7600 м). Из завезенной со склада № 137 в Ржанице (Брянская обл.) партии в 71 т иприта и люизита на цели было вылито 58,3 т, из которых лишь 33 т попали на площадки-мишени. Судьба остальных 12,7 т СОВ неизвестна.

Хроника выливаний СОВ на тех испытаниях заслуживает воспроизведения и комментария[262-271]. Началось все 14 октября, когда 3 самолета ЦКБ-30 вылили на цель 3,6 т иприта с высоты 2000 м. Попали. Площадь заражения составила 9,97 км^2. Из 16 попавших под иприт собак 11 получили поражение. 16 октября 3 самолета ЦКБ-30 слили на цель 4 т смеси иприта с люизитом. Высота — 2000 м. Попали. Площадь заражения — 10,53 км^2. Из 36 собак, попавших под ядовитые капли, 16 были поражены[262]. 20 октября одиночный самолет ТБ-3 с высоты 4000 м слил на цель 3,21 т смеси иприта с люизитом[263]. Попали в цель 2,08 т СОВ — один из ВАПов не вскрылся. Площадь заражения — 12,18 км^2. 22 октября 3 самолета ЦКБ-30 вылили 3,96 т смеси иприта с люизитом с высоты 6000 м. В цель попали 2,84 т СОВ — один самолет слил ОВ мимо цели. Площадь заражения — 10,4 км^2. Из 22 собак, попавших под СОВ, 14 получили поражения. 23 октября два самолета ТБ-3 вылили 6,24 т смеси иприта с люизитом с высоты 6000 м. Полный «промаз» — все ОВ вылились вне цели. 24 октября 3 самолета ЦКБ-30 вылили 4,3 т смеси иприта с люизитом с максимальной высоты 8000 м. В цель попали 3,29 т — у одного из самолетов 2 ВАПа самопроизвольно вскрылись вне цели[264]. 27 октября 3 самолета ЦКБ-30 вылили 4,5 т смеси иприта с люизитом с высоты 4000 м. Опять попали. 29 октября 3 самолета ЦКБ-30 с высоты 7600 м вылили раствор иприта в дихлорэтане. Попали. Цели досталось 0,8 т иприта[265]. 30 октября два самолета ТБ-3, как и 23 октября, попытались вылить на цель 6,24 т смеси иприта с люизитом. И вновь вся отрава оказалась вне цели. 2 ноября 3 самолета ЦКБ-30 с высоты 6000 м слили 4,5 т смеси иприта с люизитом. Промахнулись — все

количество СОВ было вылито вне цели[266]. 3 ноября два самолета ТБ-3 вылили с высоты 5000 м 5,31 т раствора иприта в дихлорэтане. Попали. Площадь заражения — 25,75 км^2. 5 ноября один самолет ТБ-3 с высоты 6000 м вылил 3,12 т смеси иприта с люизитом. В цель попал. Зараженными оказались 12,53 км^2. Из 19 облитых собак 12 получили поражения[267]. 6 ноября 3 самолета ЦКБ-30 вылили с высоты 7000 м 3,6 т смеси иприта с люизитом[268]. В цель попали из всех 9 ВАПов. Был заражен прямоугольник размером 12х1,625 км^2. 9 ноября 3 самолета ЦКБ-30 попытались попасть в цель с высоты 6000 м зарядом в 4,5 т смеси иприта с люизитом. Не попали — все вылили вне цели. 9 ноября один самолет ТБ-3 с высоты 4000 м вылил 3,21 т смеси иприта с люизитом. Попали и заразили 10,06 км^2. Из 31 попавшей под капли СОВ собаки 13 получили поражение[269].

При выливаниях СОВ иной раз доставалось и себе. Во всяком случае у самолетов ЦКБ-30 нижняя часть фюзеляжа всегда забрызгивалась каплями ОВ. Особенно доставалось люку стрелка-радиста и брезенту костылевого колеса.

Вывод организаторов учений был вполне оптимистичен: «В результате проведенных опытов по выливанию СОВ... доказано, что высотные выливания являются одним из мощных способов воздушно-химического нападения. При высотных выливаниях СОВ заражаются громаднейшие площади, измеряемые десятками квадратных километров (10–25 км для звена ЦКБ-30)».

После такого успеха во властных кругах армии еще более активно стал обсуждаться вопрос о специализированном авиахимическом полигоне. И 31 января 1939 г. на Военном совете ВВС РККА было решено просить у Генштаба РККА закрепить за ВВС участок земли 80х80 км^2 для создания **Авиационного химического полигона** (АХП). Указывалось, что полигон был нужен ВВС для проведения опытов и учений по применению БХВ авиацией с различных высот при любых метеоусловиях: выливания СОВ с больших высот, бомбометания авиахимбомб большого калибра с высот более 500 м, пуска волн НОВ, а также для учебно-боевой подготовки химизированных авиационных полков. В дальнейшем были рассмотрены три участка — один в районе Уральска и два в районе Александров-Гай. Выбрали участок **в районе Уральска**[172].

23 июля 1939 г. президиум Западноказахстанского облисполкома отвел участок «пустующих» земель для использования в качестве большого АХП. Район — междуречье рек Урал и Кушум: ст. Лбищенск (впоследствии город Чапаев), ст. Калмыково с охватом территории в западном направлении до озер Дунгулюк-Сор и Тултан-Сор. В дальнейшем в связи с тем, что на участке было обнаружено жилье людей, 26 июня 1940 г. он был уточнен и приобрел размеры 90 км с севера на юг и 80 км с запада на восток. Предусматривалось также, что во время больших испытаний химоружия часть территории, прилегающей к полигону, также должна «выключаться из пользования населением». Место размещения аэродрома размером 2х2 км^2 — берег реки Урал в районе пос. Каршинский[172].

На вновь открывшемся АХП с 5 августа по 28 сентября 1940 г. состоялись сборы химизированных авиационных полков и масштабные опытные химические учения. Директиву на их проведение издал замнаркома обороны Г.И. Кулик. Участниками учений были три авиационных полка скоростных бомбардировщиков — 16-й, 48-й и 50-й СБП. Опыты включали бомбометание ХАБ-200 с СОВ, выливание СОВ с высоты 6000 м, выливание дифосгена эскадрильей СБ из ВАП-500 с высоты 30–40 м. Очень удались опыты по выливанию синильной кислоты. На сборы были завезены 40 т СОВ, а также большая коллекция авиационных химических боеприпасов. Опытное поле АХП было оборудовано 6-ю площадками-мишенями[359].

Опыты по применению СОВ включали три задачи — бомбометание, выливание из ВАПов и ампулометание. Бомбометание включало использование штатных и модернизированных дистанционных бомб ХАБ-200 в снаряжении смесью иприта с люизитом. Как оказалось, модернизированные бомбы давали «хороший боевой эффект»: 16 бомб ХАБ-200М позволили заразить участок длиной более 2000 м и шириной более 600 м. Организаторы заключили, что образующееся при этом множество «капель СОВ (от 30–40000 шт. на 1 м^2) при попадании на человека без специальной защиты потребует его госпитализации сроком до 15–20 суток». Из 134 сброшенных бомб ХАБ-100 отказали 16, из 150 бомб ХАБ-200 — 4. Раствор смеси иприта с люизитом в дихлорэтане выливали с высоты 6000 м из ВАП-500 (по 4 экскадрилье-вылета в каждом полку). Опыты по ампулометанию АЖ-2 с СОВ выполняла эскадрилья бомбардировщиков СБ с высот 3000 и 4000 м (по 4 экскадрилье-вылета в каждом полку). Как оказалось, эскадрилья СБ с помощью ампул создает 5220 очагов заражения (по числу ампул), образуя район заражения, непреодолимый без средств защиты[359].

Выводы организаторов сборов и учений были более чем оптимистичными: «Проведенные сборы впервые в ВВС КА дали возможность в большом масштабе с линейными частями отработать задачи химической подготовки с реальными БХВ, тогда как до организации химического полигона отработка задач КХП проводилась только на учебных ОВ». Что до оставшихся неизрасходованными ОВ, то на АХП для них были вырыты траншеи, куда и были помещены 168 бочек смеси иприта с люизитом, 105 бочек иприта, 192 бомбы ХАБ-25-Р57, 120 бомб ХАБ-100-Р57, 48 бомб ХАБ-200-Р57 и многое другое[359]. Судьба этого химического боезапаса не известна.

По окончании авиахимработ 1940 г. на АХП маршал Б.М. Шапошников распорядился новые сборы химических авиачастей и опытное химическое учение провести в 1941 г. Были намечены и новые опыты, в частности, выливание из ВАП смеси иприта с люизитом с высоты 5000 м и ампулометание с высоты 5000 м (СОВ — смесь иприта с люизитом). Химизированными авиаполками планировалось также решение ряда боевых задач, в том числе атака эскадрильей СБ стрелкового полка противника в наступлении с использованием СОВ[359].

Однако с лета 1941 г. военное планирование лучше удавалось армии Германии. И о дальнейшей судьбе полигона общество больше ничего не знает.

12.7. ВНЕПОЛИГОННЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Укажем на ряд территорий, которые были использованы для временных испытаний химоружия.

Работы с ипритом выполнялись **в Ленинграде** на Васильевском острове, **в районе Гребного порта** (там размещались и НИХИ морских сил РККА, и 105-я авиационная бригада Балтийского флота)[105]. В частности, в июне 1937 г. там были проведены опыты по заражению ипритом самолета ТБ-1 (105-я АБ) с последующей дегазацией. В отчете не забыли упомянуть о том, что специально высланные наблюдатели ощущали запах иприта с подветренной стороны от зараженного самолета на расстоянии 280 м.

В Московской обл. опыты с ипритом выполнялись в районе Инженерного полигона РККА близ **станции Нахабино**[182].

Большие испытания с использованием иприта прошли между 1 марта и 6 апреля 1930 г. **в Карелии в районе ст. Шуерецкая**. Специальная экспедиция выполнила 28 опытов по заражению и дегазации средств ж/д транспорта на станции. Ипритом заразили полосы отчуждения и станционные сооружения — ж/д полотно, стрелки. Распространялись также волны различных НОВ[307]. Часть зараженных объектов не была тогда же продегазирована. А выполненное в июле обследование показало, что даже продегазированные объекты «вполне обезвреженными считать не представляется возможным». Опасность отобранных образцов почв в том обследовании была проверена на людях[307].

Серьезные разовые испытания мышьяксодержащих ядовитых дымов были проведены в 1930–1931 гг. в районе Астрахани[311] и Ново-Орска[313].

Опыты в районе Стрелецкого лагеря, в 15 км на север от **Астрахани** на правом берегу Волги были проведены 5–20 сентября 1930 г. во время больших военно-химических испытаний. Цели были серьезные: 1) изучить поведение ЯД-волн в зависимости от концентрации, длительности дымообразования и ширины фронта, 2) выявить нормы расхода ЯД-шашек при организации боевых атак, 3) сравнить боевой эффект и изучить поведение газовых волн НОВ при различных условиях[311]. Было выполнено 14 ЯД-пусков (израсходовано 3100 шашек ЯМ-21 с адамситом и 2800 шашек ЯМ-11 с хлорацетофеноном) и 5 газобаллонных пусков НОВ (из баллонов с фосгеном, хлором и хлорфосгеном). При обычных нормах расхода ЯД-волна распространялась на открытой местности в среднем до 7 км, однако иногда она распространялась и на 15–24 км. Впрочем, при увеличении нормы расхода шашек с адамситом в 5 раз видимая волна проникала и на 40 км. Во время испытаний было зафиксировано два важных для боевого применения ядовитых дымов явления. Во-первых, трижды из 7 пусков облако адамсита при различной силе ветра отрывалось от земли и дальше густой массой на высоте около 10 м распространялось на значительные расстояния (в одном случае это было 35 км). Во-вторых, в 5 случаях из 14 волна адамсита или хлорацетофенона достигала глубин порядка нескольких км много быстрее, чем ожидалось по расчетам с использованием приземной силы ветра[311].

В районе Ново-Орска (Оренбургская обл.) в марте 1931 г. состоялись большие полевые испытания ЯД-шашек. Было выполнено 20 пусков шашек ЯМ-21 (адамсит) и 9 пусков шашек ЯМ-11 (хлорацетофенон). Именно здесь, в степи, организаторы выполнили то, что не рискнули осуществить на полигоне в Луге, — показали возможность при определенных метеоусловиях распространения волн адамсита на 80 км и дальше (расстояние от Луги до Финляндии составляло как раз 80 км)[313]. Трудно обсуждать место, где было распылено содержимое 7020 шашек с адамситом. Экологические проблемы не волновали ни руководство ВОХИМУ в 1931 г., ни генералитет нынешних войск РХБЗ. В наши дни адамсита на той земле не найти, однако мышьяк, к сожалению, никуда не делся.

В порядке курьеза можно вспомнить, что между 16 сентября и 2 октября 1939 г. на Научно-испытательном полигоне ВВС РККА в районе **Ногинска** (Московская обл.) была испытана химическая авиабомба ХАБ-25 в корпусе из керамики, изготовленном на Дулевском фарфоровом заводе им. газеты «Правда» (Московская обл.). Испытания прошли неудачно, и заводу было предложено изготовить корпус из керамики для авиабомбы другого типа[249].

В Белоруссии дело также не ограничивалось полигонами. 15–17 апреля 1938 г. в БВО была проведена большая оперативная игра на тему «Создание впереди главной оборонительной полосы армии заграждений глубиною до 20 км и ее преодоление». Играли друг с другом 2-й и 3-й стрелковые корпуса, причем не на

полигоне, а на природе, на участке **между ж/д станциями Ошмяны и Вилейка** на границе Минской и Гродненской обл. Играли по-крупному, и стрелковыми корпусами руководил... начальник ХИМУ комкор М.И. Степанов. 3-й корпус создал два «небольших» участка заражения СОВ (один площадью 10 км^2, другой — 40 км дорог) — на это было потрачено 100 т иприта. А 2-му корпусу было задано создать район заражения площадью 240 км^2, на него ушло 1200 т СОВ (плотность 40–50 г/м^2). Везли иприт и люизит к месту выливания издалека автотранспортом, со ст. Радошковичи, где была организована разливочная станция. А еще в той операции играл 1-й стрелковый корпус, которому было задано создать мощный район заражения площадью 200 км^2 (400 т СОВ)[344].

В послевоенные годы известно несколько войсковых учений, которые проводились с масштабным использованием ОВ. Например, фосфорное ОВ (очевидно, это был зарин) испытывалось во время войсковых учений 1971 г. недалеко от озера Балхаш («Столица», Москва, 1992 г., № 23).

ИСПЫТАНИЯ НА МОРЕ

Военно-морские силы в предвоенные годы имели собственную военно-химическую службу и проводили свои химические опыты во многих зонах как на море[320,321,339], так и на суше[319]. В частности, 2 августа 1934 г. прошло опытное химическое учение ВМФ СССР по теме «Применение химических средств в десантной операции». Оно состоялось на Лагерной косе **в районе Очакова (Украина)**[319]. Для заражения косы было использовано 500 кг иприта, достигнутая плотность заражения — 25 г/м^2. Называются также некоторые иные районы Советского Союза, где в предвоенные годы проводились морские испытания химоружия, — Каспийское море в районе Астрахани (люизит), озеро Байкал, Геленджик, Одесса, Севастополь и т.д.[34]

* * *

Нынешние наследники советских энтузиастов химической войны делают вид, что масштабных испытаний химоружия по всем уголкам и весям советской страны никогда не было. И тем более будто бы не было никаких экологических последствий тех испытаний. К сожалению, время лечит далеко не всегда. Так что реальную историю советских химических испытаний все-таки придется восстанавливать, а закопанное химоружие придется удалять не только из земли химического полигона в московском лесопарке «Кузьминки», но также из земель многих других территорий России. И не только России. К сожалению, для этого придется лишь подождать прихода во власть более ответственных лиц.

«Приняв кинжал, запомни для начала –
Нет места лучше ножен для кинжала».
Расул Гамзатов, «Мой Дагестан»

ГЛАВА 13. ХРАНЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Зарождение системы складирования химоружия, в частности ОВ, датируется временами Первой мировой войны. Тогда этот вид оружия существовал в российской армии в рамках общей системы работы с артиллерийскими боеприпасами и отдельно не выделялся. В таком виде склады перешли в Красную Армию. После чего неимоверно разрослись количественно и изменились качественно. Важнейшие документы, касающиеся регулирования многочисленных и достаточно трудных проблем хранения химоружия, появились в Советском Союзе лишь после Гражданской войны. Сама же советская система хранения химоружия обществу не была известна никогда.

13.1. СКЛАДСКАЯ СИСТЕМА

Царское военное складское наследие советской власти было обширным не только в смысле количества самих складов, но и в смысле содержимого.

И неприятности, связанные с этим наследством, начали осознаваться уже в начале 1918 г. 22 марта 1918 г. был образован **армейский хим-ЧК** на манер многочисленных ЧК, коих в те годы было великое множество (история оставила печально известный ЧК Ф.Э. Дзержинского, хотя существовали и другие — ЧК по ликвидации безграмотности, ЧК по заготовке валенок, лаптей и полушубков и т.д.; будущий первый начальник ВОХИМУ РККА Я.М. Фишман с января 1918 г. занимал должность заместителя председателя ВЧК по борьбе с пьянством и погромами). Название того хим-ЧК было таково — Чрезвычайный комитет по эвакуации, обезвреживанию и уничтожению взрывчатых и удушающих веществ при Военно-Техническом комитете Московского областного комиссариата по военным делам. Вслед за созданием органа появились и практические идеи, в том числе в отношении эвакуации[457].

Поначалу решение нашли слишком простое. 16 мая 1918 г. Совет ГАУ Красной Армии (в те дни любые вопросы решались Советами, причем самого разного уровня) принял решение об организации в Уфе Центрального склада удушающих средств. На том складе предполагалось организовать разливочную и снаряжательную станции ОВ, пересмотр и разрядку химснарядов, прибывающих с крупного склада артхимснарядов в Лихославле (Тверская обл.). Предполагалось и размещение всего химоружия, которое планировалось переместить из района Москвы. Всего на складах Москвы и ее окрестностей в то время насчитывалось 420 вагонов артхимснарядов и 50 вагонов ОВ в баллонах. Вскоре, однако, переменчивое военное счастье повернулось к Красной Армии другой стороной, и о хим-ЧК стали забывать, а военно-химические дела вошли в иное, более организованное русло. Во всяком случае до практической реализации решения о создании склада в Уфе дело не дошло[457].

Между тем реальные проблемы у Красной Армии были, по меньшей мере, троякими — необходимо было воссоздать картину размещения царских складов боеприпасов по всей стране, оценить содержимое каждого склада, а также предотвратить связанные с их существованием взрывы и пожары. Один из первых пересчетов химического содержимого царских артскладов состоялся в начале 1919 г.[458]. Потом он осуществлялся неоднократно[458,461,462]. После одной из таких оценок официально считалось, что по состоянию на 15 июля 1919 г. на складах хранилось полностью снаряженных артхимснарядов: калибра 3 дм — 22397 шт., калибра 6 дм — 5479 шт.[458]. Немалую часть этого имущества составляли трофейные и вообще старые артхимснаряды, и в силу неизвестности и старости они представляли особенную опасность[458].

Картина размещения складов, хранилищ, арсеналов, баз размещения и хранения химоружия на территории России-СССР-России претерпевала в течение XX века неоднократные изменения. И каждая группа складов имела свою индивидуальную историю.

Сразу же по окончании Гражданской войны РВС СССР констатировал наличие в стране более 70 **артиллерийских складов** и их отделений. В свою очередь, ГАУ РККА выяснило, что, по крайней мере, в 65 складах находились на хранении химические боеприпасы. И практически в одном хранился основной запас баллонов с ОВ (Москва-Очаково, будущий склад № 136).

После переучета часть артскладов и их отделений прекратила свою жизнь, например, склады в Архангельске, Вятке, Глазове, Ельце, Иванове, Киржаче, Коврове, Костроме, Купянске, Лихославле, Моршанске, Москве-Сокольники, Муроме, Орле, Софрине, Сухоне, Туле, Шилово, Шуе и некоторые другие (табл. 1.1). Причем некоторые даже после состоявшегося в 1926 г. переучета и получения общеармейского порядкового номера (например, склады № 47 в Москве-Лефортово и № 43 в Казани). Причины упразднения — обычные: близость к железной дороге (Лихославль, Селещино, Вятка, Глазов), ветхость построек (Вятка, Моршанск), невозможность подвести железную дорогу (Екатеринослав), невозможность восстановления после взрыва (Георгиевск), стратегические соображения (Орша). Случалось и обратное. Склад в Коломне (в Песках), в частности, после упразднения снова понадобился и дальше жил под № 61. Добавим к названным склады артвооружения в Одессе, Владивостоке, Севастополе. В этих портах тоже хранились химбоеприпасы, однако впоследствии эти склады жили исключительно военно-морской жизнью и данных о них очень мало, чтобы обсуждать «химическую» составляющую.

А вот остальные артиллерийские склады времен Гражданской войны и первых послевоенных лет после переучета получили в конце 1926 г. свои общеармейские номера и в том или ином виде дожили до Второй мировой войны. Назовем некоторые города, которым досталась честь приютить эти артсклады: Александров (артсклад № 65), Балаклея (29), Брянск (44), Буй (50), Вязьма (119), Иркутск (41), Калуга (66), Карачев (28), Киев-Печерск (64), Коломна-Пески (61), Кременчуг (27), Куженкино (39), Курск (48, в дальнейшем 311), Москва-Очаково (136), Москва-Лосиноостровская (36), Нежин (63), Новочеркасск (21), Можайск (67), Ржев (40), Ростов-Ярославский (51), Омск (25), Пермь-Бахаревка (59), Полтава (72), Рыбинск (34), Рязань (35), Самара (26), Саранск (62), Селещино (142, в дальнейшем 276), Серпухов (45), Сызрань (22), Тамбов (35), Торопец (55), Тбилиси (24), Чапаевск (433), Челябинск (58), Ярославль (71) и другие. Склады эти расстраивались, укреплялись, охранялись. И через них непрерывно проходили артхимбоеприпасы. Добавим к этому списку артсклады, которые в качестве са-

мостоятельных единиц появились несколько позже: Кухеты (58), Медвежий стан (70)... В табл. 5.4 обобщены данные об артиллерийских складах предвоенных лет, где хранились артиллерийские химические боеприпасы.

Основная часть запаса артхимснарядов после Гражданской войны была сосредоточена в двух складах (в Москве-Очаково и в Перми-Бахаревка), а по мелочи еще в некоторых. Причем часть из них, по приказу РВС 1922 г., было решено «в мирное время... держать в запасе... в вполне готовом виде». Было определено и общее количество химических снарядов, которые должны были быть всегда готовы к немедленному использованию, — 20 тыс. шт.

Одно время даже возникла идея создания специализированного склада для хранения только артхимснарядов. Однако в конце 1923 г. было решено поступить прямо наоборот. Как сказал полковник А.А. Дзержкович на заседании соответствующей комиссии, имея в виду общую стратегию внедрения химоружия в армейскую практику, «со временем химснаряды будут храниться в артскладах вместе с другими снарядами». И было решено, что «химснаряды из Очаковского Главартсклада химических веществ должны быть переброшены в артсклады округов, фронтов и армий в количествах, потребных для боевых комплектов»[461].

Сколько? Количество химических снарядов, которые предполагалось хранить на общих артиллерийских складах, было значительным. Назовем цифры из доклада начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова «Об установлении процента снарядов для дальней стрельбы и процента осколочно-химических снарядов», который был направлен наркому обороны К.Е. Ворошилову в апреле 1929 г.: для 76 мм пушек — 20% химических снарядов и 5% осколочно-химических, для 107 мм пушек — 37% химических снарядов и 10% осколочно-химических, для 122 мм гаубиц — 30% химических снарядов, для 152 мм гаубиц — 35% химических снарядов, для 152 мм пушек — 15% осколочно-химических снарядов. Имелось в виду положить эти соотношения «в основу исчисления потребности РККА на первый период войны»[463].

Положение с авиационными химическими бомбами было аналогичным. Во всяком случае постановлением СТО СССР от 14 октября 1931 г. было предписано НКВМ «предусмотреть повышение удельного веса химических и осколочно-химических бомб к общему числу авиабомб с 17 до 25% ».

Таким образом, не будет преувеличением полагать, что **в предвоенные годы примерно четверть артиллерийских и авиационных боеприпасов в армии имела химическое наполнение**. Все эти решения имели принципиальное значение для будущего страны. Ныне мы вынуждены — в целях чисто экологических — разыскивать все артиллерийские и авиасклады Страны Советов, потому что через все эти склады боеприпасов прошло химоружие.

Идея рассредоточения артхимснарядов и авиахимбомб по всей армии оставалась нормой долгие десятилетия — вплоть до 29 сентября 1986 г., когда было принято постановление ЦК КПСС «О мероприятиях, связанных с созданием специализированных баз хранения химического оружия»[482]. Только после этого авиационные, артиллерийские и ракетные химические боеприпасы были из нескольких десятков арсеналов вновь сосредоточены в 5 специально выделенных складах (из 7, специально выделенных для работ по уничтожению химоружия).

В качестве примера «химической» складской активности тех лет укажем обсуждение судьбы трофейных английских артхимснарядов для 115 мм гаубиц. К 1928 г. они хранились на 7 складах — в Сызрани (склад № 22), Кременчуге

(27), Рязани (35), Ростове-Ярославском (51), Перми (59), Саранске (62) и Москве-Очаково (136). Было решено с этим наследием Первой мировой войны поступить дифференцированно: годные — израсходовать в соответствии с армейским планом боевой подготовки, негодные — уничтожить, а снаряды в наполнении таким ОВ, как иприт, передать в распоряжение ВОХИМУ РККА для сравнения со свежеизготовленными отечественными ипритными снарядами.

В 30-х гг. количество складов, где хранились артиллерийские (в том числе артиллерийские химические) боеприпасы, резко возросло. По состоянию на 1 апреля 1935 г. в армии имелся 71 артиллерийский склад — аппетиты у армии росли, соответственно, размножались и склады. Обычно эта активность обосновывалась необходимостью укреплять границы (восточные, западные, южные, северо-западные), приблизить боеприпасы к расположению войсковых соединений и к их военным лагерям, иметь нужный набор складов в каждом вновь образованном военном округе...

Важно иметь в виду, что в артиллерийских складах хранились не только артхимбоеприпасы наряду с обычными артснарядами. По мере поступления в армию **авиационных химических бомб** их тоже размещали в артскладах. Летом 1934 г. уже в 35 артскладах Управления артбаз ГАУ осуществлялось хранение также и авиахимбомб. Назовем эти склады: Арысь (артсклад № 42), Балаклея (29), Биробиджан (31), Брянск (44), Буй (50), Закопытье (65), Иркутск-Батарейная (41), Калуга (66), Карачев (28), Киев-Печерск (64), Кременчуг (27), Кузенкино (39), Курск (48), Кухеты (58), Кушелевка (54), Мончалово (35), Москва-Лосиноостровская (36), Нахабино (38), Нежин (63), Новочеркасск (21), Можайск (67), Омск (25), Пермь-Бахаревка (59), Полота (69), Полтава (72), Рыбинск (34), Самара (26), Сейма (53), Сунгач (23), Сызрань (22), Ташкент (20), Тбилиси (24), Торопец (55), Уссурийск (47), Хабаровск-Красная речка (74).

А во второй половине 30-х гг. в Красной Армии были созданы также и многочисленные специализированные авиационные склады, которые хранили, среди прочего, также и авиационные химические боеприпасы (табл. 5.9). Склады те были ориентированы на оба основных операционных направления — и западное, и восточное.

Само хранение химоружия на военных складах создавало немало хлопот для работавших там людей.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ 1939 г.:

«Командиру в/ч № 6739, ст. Дивизионная

Для отработки учения с подразделениями по приказу НКО № 090 от 30 июня 1939 г. и ЗабВО от 31 июля 1939 г. на тему «Преодоление УЗ, зараженного боевым СОВ» Вам потребуется 500 кг иприта. По данным начальника химической службы майора Подвального около 800 кг у Вас имеется, который обратите на учебную практику. По опорожнении тару прошу возвратить на склад № 147 — разъезд Лесной.

Начальник отдела химических войск ЗабВО полковник Довгаль».

Вряд ли имеет смысл спрашивать у нынешней военно-химической службы Армии России, как 800 кг иприта оказались на ст. Дивизионная около Улан-Удэ, и что за воинская часть оказалась его обладателем. Ответа не будет. И не только потому, что не захотят ответить, а потому, что не хватит потенциала найти ответ.

ИЗ СТАРОЙ ПЕРЕПИСКИ:

«Начальнику ХИМУ РККА
Копия: ВВС РККА

Для работы с ОВ… склад до настоящего времени не имеет инструкции для производства работ — прием, отправка, контрольный просмотр, уничтожение — и склад при указанных выше работах, помимо выдачи спецодежды, верхнего и нижнего белья, производит обмывание лиц, производивших работу, что связано с большими затруднениями, особенно в зимнее время, т.к. склад специального помещения для обмывки не имеет и обмывку производит вне территории склада, для чего все лица вывозятся за территорию склада, и после обмывки и переодевания вновь завозятся в территорию, после чего уходят на обед, а если рабочий день кончился — домой.

Прошу о срочной высылке инструкции по работе с ОВ и сообщить, обязательно ли обмывание, если никакой течи ОВ не было.

Начальник склада № 50 полковник Яковлев, 5 ноября 1938 г.».

“Начальнику склада № 50

Указания для производства работ с химическими бомбами имеются в «Наставлении по хранению и сбережению боеприпасов», изд.1937 г. После окончания каждой работы с бомбами, снаряженными стойкими ОВ, все работающие лица подвергаются обязательной санитарной обработке.

Начальник 3 отдела 3 управления В и МТС ВВС РККА
полковник Гнипенко, 9 декабря 1938 г.».

Обращаясь к качеству хранения химоружия, следует признать, что оно не могло быть лучше, чем допускал менталитет управленческого слоя страны. Не говоря уж о финансовых возможностях.

Строительство складских помещений далеко не всегда согласовывалось с планами производства ОВ и тем более с боевой активностью страны. Вот как выглядела картина хранения ОВ на армейских складах по состоянию на февраль 1937 г. ОВ хранились тогда самым различным, иногда просто неприемлемым образом: бочки с ипритом, люизитом, дифосгеном, а также баллоны с фосгеном — в каменных или деревянных необогреваемых хранилищах со стеллажами; иприт — также в железнодорожных цистернах в специальных железнодорожных тупиках; часть иприта — в стационарных цистернах в отапливаемых землянках.

Если наше рассмотрение сделать более детальным, то выяснятся мало симпатичные вещи. Для этого достаточно рассмотреть практику хранения ОВ в ОКДВА, где химоружия было больше всего и где оно должно было находиться в готовности к отражению «происков агрессора». По состоянию на июль 1937 г. иприт находился в ОКДВА не только и не столько в подвижных отапливаемых и стационарных цистернах на складе № 148 в Свободном (Амурская обл.). Он хранился также непосредственно в многочисленных воинских частях, которые были нацелены на работу с химоружием, — в отдельном танковом батальоне 12-й стрелковой дивизии (бочки с ипритом изготовления 1934 г.), отдельной химической роте 20-го стрелкового корпуса (изготовления 1934 г.), отдельном танковом батальоне 35-й стрелковой дивизии, 23-м отдельном химическом взводе (изготовления 1932 г.), отдельной химической роте 18-го стрелкового корпуса, 22-м отдельном химиче-

ском взводе (бочки 1934 г., помещение — дощатый склад), 50-й авиабригаде (полуземляной склад), 3-й эскадрилье легких бомбардировщиков, других авиабригадах. Бочки иприта были розданы по частям в 1935–1937 гг., и их дальнейшую судьбу проследить практически невозможно, хотя исполнительные начальники химической службы частей могли расстаться с бочками с загустевшим ипритом самым простым способом — закопать в соответствии с действовавшими тогда инструкциями[486,488,493,497].

И так по всей стране. Часто склады были переполнены настолько, что ничего больше принять не могли.

Судьба запасов каждого типа ОВ не могла быть безоблачной. Но особенно трудной она была у иприта **(XX)** — основы советского химического арсенала. Дело в том, что в советской промышленности, в отличие от западной, из-за призрачной экономии иприт Левинштейна перед сдачей армии не подвергался перегонке, а потому даже в стабилизированной форме он не мог храниться больше 5 лет.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА 1929 Г.:

«Протокол совещания при ВОХИМУ по вопросу течи артхимснарядов ипритного снаряжения, 3 августа 1929 г.

... Заключение:

1. иприт при хранении в железной таре не является абсолютно стойким веществом;..

6. технический иприт, уже находясь на складах ВОХИМУ, а также подлежащий изготовлению, хранить в железных бочках существующего образца, периодически выпуская из них давление, памятуя, что ориентировочный срок хранения иприта около 5 лет...»

Это легко видеть на примере судьбы большой спецпартии иприта, которая была изготовлена в конце 1936 г. на заводе в Сталинграде ценой здоровья всего цеха и отправлена в ЗабВО, ОКДВА, ТОФ для «укрепления» дальневосточных рубежей СССР. К 1940 г. 98 т иприта, хранившиеся на складе № 300 Тихоокеанского флота (Кнорринг), пришли в негодность и в первые дни Великой Отечественной войны были затоплены в Японском море. Вряд ли дожили до Победы и остальные запасы иприта из той партии (места хранения — склад № 147 на станции Лесная Читинской обл., склад № 148 в Свободном Амурской обл., склад № 301 в Воздвиженском Приморского края и т.д.). Не говоря уж об иприте выпуска предыдущих лет.

Во всяком случае нет сомнения в происхождении 946 бочек с ипритом, которые осенью 1937 г. были выкопаны из земли на военно-химическом полигоне в Кузьминках (Москва)[625]. Они попали туда по приказу — после того, как после 5-летнего хранения на складе № 136 (Москва-Очаково) иприт перестал быть пригодным для армейских целей[468].

За качеством иприта на армейских и мобилизационных складах страны должно было осуществляться постоянное наблюдение. Делалось все это не зря — многие ОВ тех лет не могли долго храниться. Отголоском этого может служить приказ по военно-химическому управлению от 2 ноября 1940 г. В нем шла речь о поощрении работников, которые создали способ удаления осадка иприта из подземных цистерн на складе № 140 (Красная речка-Хабаровск).

А за несколько лет до начала Отечественной войны в армии установилась практика опытного хранения ОВ на военно-химических складах. Перед самой войной, 20 ноября 1940 г., распоряжением военно-химического управления эта практика была расширена. К тому времени опытное хранение осуществлялось на складах №№ 58 (Кухеты), 137 (Ржаница), 140 (Красная речка-Хабаровск), 147 (Лесная), 276 (Селещино), 415 (Арысь) и ряде других.

Приказом наркома обороны СССР от 8 марта 1940 г. было введено в действие «Положение о химических складах НКО мирного и военного времени», которое предписывало серьезно расширить диапазон складских работ. Было установлено, в частности, что центральные и окружные склады-мастерские осуществляют также и «производство работ по разливке и смешиванию БХВ.»[480]

Между тем армия вела активную «химическую» жизнь, так что иприт не мог находиться в условиях, благоприятных для лучшей сохранности. Приведем несколько примеров. С 1934 г. на авиабазе № 146 в Красноярске находились запасы иприта, необходимые для тренировки базировавшейся там авиабригады. Понять людей, решивших хранить иприт непосредственно возле самолетов, можно — во всем Красноярском крае в те годы не было ни одного химического склада. И эти запасы действительно использовались при работе на авиационном полигоне, находившемся к северу от Красноярска. В сентябре 1940 г. встал вопрос о вывозе с базы на какой-либо химический склад оставшихся 19 т иприта. Однако в переписке совсем не упоминалась судьба того иприта, который уже испортился. А ведь бочки с негодным ипритом не могли не быть закопанными или на складе, или на авиационном полигоне — таковы были правила.

13.2. ГОЛОВНОЙ ХИМИЧЕСКИЙ СКЛАД МОСКВА-ОЧАКОВО

Все началось с царского наследия. Причем Февральскую революцию 1917 г. работники военно-химической службы царской армии заметили не очень скоро. Во всяком случае будущий склад № 136 в Очакове (разъезд № 11 Московско-Киевско-Воронежской железной дороги.), предназначенный для хранения ОВ и химических боеприпасов, был образован 18 марта 1917 г. на месте подмосковного кирпичного завода бывш. Рейсгофа в качестве отделения Центрального склада удушающих средств (ЦЕНТРУС, ЦСУС).

По окончании Первой мировой войны неиспользованное химоружие стало возвращаться с прифронтовых складов в Москву в ЦЕНТРУС. По состоянию на август 1918 г. в нем хранилось 57 тыс. пудов ОВ в 32726 баллонах. С начала 1919 г. склад начал снабжать средствами газовой борьбы части Красной Армии. Фосген и хлор были размещены в двух местах — в Москве, на складе Готье в Сокольниках (ул.1-я Рыбинская,1; этот склад считался основной территорией) и в ближнем Подмосковье, в районе ст. Очаково (эта территория считалась отделением основного склада). 1 ноября 1919 г. ЧК по снабжению Красной Армии решила переместить ОВ, находившиеся в основной части ЦЕНТРУС в Сокольниках, в хранилище в районе ст. Очаково — в 11–12 верстах от города. Перемещению «как представляющие угрозу для окружающего населения» подлежали фосген, хлор, смеси газов, хлорпикрин (всего 20 вагонов)[460].

Площадь Очаковского склада (по состоянию на 1928 г.) составляла 35 га, расстояние от ст. Кунцево — 4,5 версты, емкость в (1933 г.) — 700 вагонов.

Поначалу задачами склада было определено хранение, распределение и снабжение фронта средствами газовой борьбы. Потом добавились разлив ОВ по боеприпасам и опытные работы с химоружием. Неисправные баллоны с ОВ, вызывавшие отравление атмосферы на складе и в его окрестностях, закапывали в землю прямо на территории. А работники были снабжены средствами «против вредного влияния удушающих средств на организм»[460].

По состоянию на июль 1919 г. на складе хранилось 10360 пудов ОВ Первой мировой войны — частью в баллонах, частью в химснарядах. Часть ОВ хранилась в разваливающихся сараях, большая часть — под открытым небом, из-за чего происходило ржавление баллонов и «утечка газов»[460]. Впоследствии объемы и номенклатура хранившихся на складе ОВ последовательно возрастали, а жилые дома, в свою очередь, приближались к нему все ближе и ближе.

Опасность военно-химического склада в Очакове для окрестных жителей Подмосковья существовала всегда. В июне-июле 1919 г. при неоднократных обследованиях склада было обнаружено большое количество проржавевших баллонов с газами, у которых «вентили совершенно не открываются» и которые «совершенно непригодны для боевых целей и опасны при передвижении их со склада». Были найдены также «баллоны, явно дающие утечку». Отмечено, что закапывание этих баллонов «в землю (что допускалось в единичных случаях на фронте) и создание таким образом баллонного кладбища приведет к непроизводительной трате как вещества УС, так и самих баллонов». Тогда же было установлено, что в случае возникновения на складе ОВ «пожара или иного несчастного случая опасной зоной является зона глубиной не менее 160 саженей вокруг». Конечно, по нынешним меркам число это было заниженным, однако боязнь пожаров была небезосновательной — они случались регулярно, а выбросы ОВ в окружающую среду беспокоили окрестных жителей[460].

По официальным данным, в 1920 г. на складе ОВ в Очакове случилось 3 пожара. Склад был подвержен риску, как упоминалось в одном документе 1920 г., «ввиду постоянной угрозы от пожара вследствие близкого нахождения груза и площадки от магистрали Киево-Воронежской железной дороги и проходящих паровозов». Впрочем, знание опасности не помогало ее избежать. Во всяком случае в июне 1922 г. уполномоченный особого отдела в докладе «Об обследовании Очаковского склада удушающих средств и химснарядов» писал, что необходимо «просить НКПС сделать еще раз соответствующее распоряжение управлению М.-К.-Воронежской железной дороги, чтобы все паровозы поездов при проходе мимо склада замедляли ход и закрывали поддувало»[460]. Демарш тот вряд ли помог. В 1923 г. было зафиксировано 4 пожара — таковы следствия того, что ОВ на складе хранились, как написано в документе МЧК в 1920 г., «на расстоянии 16 сажен от полотна железной дороги». К тому же складские помещения в те годы не были оборудованы громоотводами[460]. И в 1931 г. при пожаре на складе (его уже именовали складом № 136) сгорело немало имущества.

Вопрос о функционировании разливочной станции встал довольно скоро. Уже на первом заседании «Постоянного совещания по вопросам химических средств для борьбы» при Артуправлении РККА 23 ноября 1922 г. технической строительной комиссии были выделены средства для подготовки проекта разливочной станции ОВ[123]. В 1924–1925 гг. станция для разлива фосгена **(XIII)**, иприта **(XX)** и других ОВ была сооружена, обеспечив разнообразие операций с химоружием. Мощность — 1130 тыс. артхимснарядов калибра 76 мм в год.

Фактическое начало снаряжательным операциям по разливке иприта в боеприпасы было положено 8 апреля 1926 г., когда на склад прибыла первая партия иприта с завода Эксольхим (Москва) (150 кг в 6 баллонах типа Е-70). Следующая партия (892,64 кг в 34 баллонах) была отправлена с завода 12 апреля. С тех пор транспортировка иприта с завода Эксольхим на подмосковный химический склад в Очакове стала нормой.

В дальнейшем операции стали более разнообразными. Например, на 1931 г. программа снаряжения артхимснарядов предусматривала, среди прочего, использование таких смесевых ОВ: иприт и хлорацетофенон, иприт и бромбензидцианид, иприт и его бромный аналог, фосген и дифенилхлорарсин[466]. А 21 июня 1933 г. начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман приказал складу произвести снаряжение СОВ и НОВ партии артхимснарядов калибров 76 мм, 107 мм, 122 мм и 152 мм. Речь шла об обеспечении предстоящих опытных стрельб химснарядами на полигоне близ ст. Дретунь (Витебская обл., Белоруссия). Приказ был выполнен[466].

Химические боеприпасы активно приходили в негодность. И в 1925–1926 гг. по приказу по артиллерии № 385 была выполнена масштабная операция по захоронению в ямах, непосредственно на территории склада, содержимого 5000 потекших химических снарядов калибра 76 мм. По состоянию на 1 ноября 1926 г. на складе имелось много негодных и не подлежащих ремонту баллонов со смесью хлора с фосгеном: 124 баллона типа Е-30 и 319 баллонов типа Е-70. Тогда же были выявлены 796 негодных баллонов Е-30 в снаряжении фосгеном, не подлежавших исправлению[460]. К 1 апреля 1927 г. число негодных баллонов Е-30 с фосгеном возросло до 837 и к ним присоединилось 26 негодных баллонов с фосгеном Е-70. Судьба тех негодных баллонов неизвестна[460].

Склад № 136 был местом хранения самого разнообразного химоружия, в том числе трофейного[460]. Хранились здесь и ОВ, находившиеся на опытном хранении (метил- и этилдихлорарсин — с 1930 г., мышьяковистый магний — с 1931 г., дифенилцианарсин и фениларсиноксид- с 1932 г. и т.д.)[475]. И склад находился под постоянным наблюдением руководства ВОХИМУ, сотрудники которого ставили перед ним исследовательские задачи[467]. В январе 1931 г. после вторичного посещения склада № 136 Я.М. Фишман вновь остался недоволен увиденным и сделал несколько распоряжений — построить подземное хранилище-резервуар для иприта, а также проанализировать сливы от разрядки иностранных химических снарядов «с целью определения токсичности их»[466]. Планом на 1933 г. на складе было предусмотрено строительство двух подземных хранилищ из бетона для долговременного хранения СОВ. Емкость каждого — 500 т[466].

В те годы не мог не встать и вопрос о сохранении здоровья складских работников. Об этом свидетельствует нижеследующая цитата.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«ГАУ в химическую часть

Рапорт

Доношу, что при работе со снарядами марки ХЗ, производимой в английском противогазе, наблюдается покрытие инеем стенок выходного клапана, что влечет за собой проникновение синильной кислоты и отравление. Ввиду того, что противогазы других систем не предохраняют от синильной кислоты, прошу указаний, каким путем производить в дальнейшем работу со снарядами марки ХЗ в зимнее время.

Начальник Очаковского главного артиллерийского склада химических веществ, 22 февраля 1924 г.»

Поэтому еще 23 апреля 1924 г. был выпущен приказ РВС СССР, определявший меры по «защите» здоровья работников главного артиллерийского склада ОВ. Меры те были слабоваты, если учесть фактический ущерб. Для работников склада, в котором, по официальным нормативам, все оболочки с ОВ (баллоны, снаряды) в течение года теряли (то есть выбрасывали в атмосферу складских помещений и предместий города) от 1 до 3% содержимого, были установлены более чем скромные льготы: одна бутылка бесплатного молока в сутки и сокращенный (шестичасовой) рабочий день. А хранился там самый современный по тем временам набор ОВ: синильная кислота, иприт, фосген, хлорпикрин.

Среди событий, связанных с повседневной деятельностью склада № 136 в предвоенные годы, особенно примечательны те, что относятся к 1930 г.[532]. В тот год случилось массовое поражение ипритом группы работников при переснаряжении большой партии «потекших» артхимснарядов (снаряды те уже были не трофейные, а свои, советские). Всего с июня по октябрь пострадало, по официальным данным, 27 человек. Многие из них были вынуждены воспользоваться медицинской помощью ПМКВГ (палатой № 13)[532].

ИЗ ОТЧЕТА ПЕРВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ (ЛЕФОРТОВО) ЗА 1930 Г.:

«Необходимо отметить больного Шевякова, 18 лет, который поступил 2/VI и выписанного 15/VII, имевшего ипритное поражение кожи в области правой верхней конечности. Процесс протекал крайне вяло... Больной находился под воздействием паров иприта (ибо он работал около месяца, на обязанности было дегазирование зараженных ипритом пробок, опуская их в кипящую воду) в течение одного месяца, в силу чего все туловище больного постепенно принимало окраску темно-коричневого цвета и в момент поступления представлял из себя в полном смысле негра»[525].

Первый доклад ВСУ МВО о массовых поражениях ипритом работников склада был направлен в ВСУ РККА 10 июня 1930 г.[532]. В течение года докладов было не менее 6. Хроника поражений: 16 июля — Б.Е. Гераськин (поразился при дегазации помещения, зараженного ипритом), 14 августа — В.Ф. Аладышев (поразился при наружной промывке ипритных снарядов), 18 августа — В.А. Шишкин и И.Ф. Баранов (поразились при перезарядке ипритных снарядов), 21 августа — А.П. Седов и И.В. Кузин (то же), 26 сентября — А.Ф. Ганюшкин (то же), 21 октября — М.П. Петров (то же).

В целом поражения людей на складе стали бытом. Однако время от времени какие-то события все же пришлось считать вопиющими даже по тем жестоким временам. Во всяком случае начальник ВОХИМУ по результатам проверки, осуществленной в конце 1932 г., в своем приказе от 13 января 1933 г. не мог не указать на нарушения элементарных правил техники безопасности, вследствие которых «за ноябрь-декабрь были массовые поражения рабочих»[467]. Полезно в связи с этим вспомнить обиженное замечание руководителя склада, попавшее в рапорт на имя начальника ВОХИМУ от 31 января 1933 г. (к тому времени над складом сгустились такие тучи, что нарком приказал вообще прекратить работы с ОВ и перенести их в другое место): «... переходя к вопросу о так называемых «массовых» отравлениях, считаю необходимым доложить, что за время моего нахождения на складе с июня 1932 г. были поражения ОВ, но они были в значительно

меньшем размере за то же время, чем в предыдущие годы». Разумеется, никаких цифровых обобщений на тему отравлений начальники тех лет своим потомкам не оставили.

В целом химический склад работал столь интенсивно и неаккуратно, что стал досаждать окрестным жителям. И в 1933 г. встал вопрос о прекращении в Очакове работ с ОВ[468]. Характерна в связи с этим наглость, с которой начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман ответствовал озабоченному наркому обороны К.Е. Ворошилову, которого просто допекли жалобами: «разорвавшиеся две бочки с ипритом не могли служить причиной отравления воздуха, так как разлившийся иприт был немедленно дегазирован. Таким образом, запахи, распространяющиеся в окрестностях склада, могут исходить... главным образом, от промышленных предприятий, находящихся в том же районе, в частности от дерматинового цеха Ногинской фабрики «Техноткань». Тот ответ любопытен тем, что он уже в ранние годы игр с ядовитыми облаками моделировал отговорки военных химиков на все случаи жизни: во всем виноваты другие — ТЭЦ, автотранспорт, трубы промышленных предприятий и т.д. И им практически всегда удавалось прятаться за спину небезупречной советской промышленности. Однако в тот раз — в 1933 г. — Я.М. Фишман «продал» своих, поскольку фабрика имени Ногина («Техноткань») занималась по заданию ВОХИМУ изготовлением средств защиты кожи от ОВ[468].

Летом 1933 г. после очередной серии неприятных событий начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман был вынужден издать приказ о прекращении хранения ОВ на складе № 136[468]. И сделал он это не по доброй воле, а по прямому распоряжению наркома обороны К.Е. Ворошилова. В том совершенно секретном приказе было однозначно приказано, что все ОВ (и иприт, и синильная кислота, и фосген) должны быть вывезены в две точки — на химический полигон в Кузьминки близ Москвы и на химический полигон в Шиханы («в глушь, в Саратов»). Москва оказалась много ближе. И чтобы было всем все ясно, в приказе было подчеркнуто, что необходимо «организовать перевозку вещества № 11 [это — о синильной кислоте, — Л.Ф.] автотранспортом — ночью, обеспечив сопровождающим, с соблюдением правил имеющейся инструкции». Не в Саратов же они собрались везти синильную кислоту **(XV)**. Ясно, что развезли лишь химоружие, которое могло пережить транспортировку. Остальное, по правилам тех лет, ждало закапывание на территории самого склада.

Впрочем, недолго музыка играла. Крупнейший узел снабжения страны химоружием нельзя сменить в одночасье, тем более что склад № 137 в Ржанице (Брянская обл.) не имел столь мощной погрузочно-разгрузочной системы, да и вообще еще не начал работать. Операции с химоружием на складе № 136 вскоре были возобновлены, и уже в сентябре 1934 г. командующий МВО А.И. Корк был вынужден издать специальный приказ о «небрежно-преступном хранении ОВ» в Москве. А 22 июня 1935 г. склад в Очакове проинспектировал лично нарком К.Е. Ворошилов и интересовался он, среди прочего, «переливкой БХВ»[4].

С началом Отечественной войны содержимое склада было переброшено на восток (называют Камбарку в Удмуртии, а также Покровку возле Чапаевска). После войны склад восстановил работу в столице, как утверждается, уже без ОВ.

В заключение еще раз укажем, что аккуратное хранение химоружия не было сильной стороной работников химического склада в Очакове № 136 (официальный адрес его нынешних наследников — Очаковское шоссе, д.1). Поэтому бизнесменам с расположенной рядом ул. Рябиновой (хозяевам пивобезалкогольного комбината «Очаково» и мясоперерабатывающего завода «Кампомос») есть материал для размышлений[887]. Да и Очаковскому молочному заводу есть, о чем поду-

мать. Об экологичном будущем предприятия пищевой промышленности должны заботиться загодя.

13.3. ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ СКЛАДЫ

Специализированные военно-химические склады появились в центре и в военных округах и на флотах не сразу. Первыми чисто химическими складами были склады № 136–138, причем склад № 137 в Павловском посаде в 1927 г. был упразднен, так и не став химическим складом центрального подчинения, хотя этот номер все-таки остался «химизированным» и был отдан впоследствии вновь созданному химическому складу в Ржанице (Брянская обл.). Этот склад был сформирован в 1932 г., однако начал работать лишь в конце следующего.

Поначалу на многих артиллерийских складах хранились не только химические боеприпасы, но и сами ОВ — другого выбора в конкретных условиях тех лет не было. В практическом плане этот вопрос рассматривался заместителем председателя РВС СССР И.С. Уншлихтом еще в начале 1928 г. Тогда было констатировано, что химическое имущество уже фактически хранится на многих артиллерийских складах и что это должно быть канонизировано путем создания на складах специальных химических отделов.

В число «химизированных» артиллерийских складов входили, например, такие: № 20 (Ташкент), № 21 (Новочеркасск), № 22 (Сызрань), № 24 (Тбилиси), № 25 (Омск), № 26 (Самара), № 27 (Кременчуг), № 28 (Карачев), № 29 (Балаклея), № 34 (Рыбинск), № 36 (Москва-Раево), № 38 (Павловская слобода), № 39 (Куженкино), № 41 (Иркутск-Батарейная), № 54 (Кушелевка), № 58 (Кухеты, Грузия), № 64 (Киев-Печерск), № 66 (Калуга), № 67 (Можайск), а также склады главных военных портов (в частности, в Севастополе, Кронштадте) и т.д.

В середине 30-х гг., однако, в складском деле началось активное размежевание. Оно шло в двух направлениях. Во-первых, на многих артскладах были выделены специальные отделы для складирования авиахимбоеприпасов. Кроме того, в ряде округов были созданы специализированные склады авиабоеприпасов, где наряду с обычными хранились также авиахимбомбы (табл. 5.4 и 5.9). Во-вторых, военно-химическая система хотела располагать собственными, чисто «химическими» складами (сверх первых складов №№ 136 и 138, которые у нее имелись к 1929 г.). Связано это было с решением РВС СССР от 2 февраля 1929 г. «О снабжении химическим имуществом в военное время»[79]. Именно тогда было принято принципиальное решение проводить «питание химическим имуществом (за исключением артхимснарядов и аэрохимбомб) по специальной линии». И в плане на первую пятилетку ВОХИМУ запланировал создание в 1932–1933 гг. четырех новых военно-химических складов — в Унече (БВО), Вязьме (БВО), Бежецке (ЛВО) и Лубнах-Миргороде (УкрВО)[70]. Хотя сами по себе именно эти точки хранения не были реализованы, их выбор вполне отражал «западную» оборонительную стратегию тех лет.

Другим признаком «западной» стратегии РККА в начале 30-х гг. может служить план подачи ОВ, который должен был вступать в дело в случае начала войны (так называемое мобилизационное расписание № 11). В соответствии с документом 1932 г. в военный период 76,5% ОВ должны были направляться промышленностью на склады трех западных военных округов — Белорусского, Украинского и Ленинградского.

Однако уже тогда фактически начала складываться биполярная, то есть и западная, и восточная стратегия «химического отпора». Во всяком случае в 1932 г., когда в Красной Армии был впервые образован неприкосновенный запас (НЗ) иприта, он складировался на обоих фронтах. По состоянию на 1 января 1933 г. НЗ составлял 280 т, из которых 100 т хранились на артиллерийских складах на западе (УкрВО — 50 т, ЛВО — 25 т, БВО- 25 т), а 180 т — в ОКДВА[464].

Фактически в 1933 г. у ВОХИМУ РККА, наряду с уже упоминавшимися собственными центральными химическими складами в Москве-Очаково (№ 136) и в Твери (№ 138), начали вести складские операции еще несколько — в Ржанице (№ 137; Брянская обл.) и в Ростове-Ярославском (№ 141, образован на основе переданного ВОХИМУ артиллерийского склада № 51). Их специализацией было хранение ОВ и иного химического имущества.

Тогда же в 1933 г. начали работать также химические склады № 139 (Чита) и № 140 (Хабаровск-Красная речка). А всего в 1933–1934 гг. по решению РВС СССР в ЗабВО, ОКДВА и на ТОФ был создан ряд химических складов, чье размещение отражало уже «восточную» стратегию. Помимо складов № 139 и № 140, это были химсклады № 147 (Лесной, Читинская обл.), № 148 (Свободный, Амурская обл.), № 150 (Сунгач, Приморский край), № 300 (Кнорринг, Приморский край), № 301 (Воздвиженский, Приморский край).

Образование многочисленных химических складов потребовало некоего конституирования их жизни, с тем чтобы учитывалась неизбежная специфика их работы. Неудивительно, что в ноябре 1933 г. появилось «Положение об армейском военно-химической складе», которым была сделана попытка учесть эту специфику. Например, требование к расположению этих складов было таково — «с подветренной стороны от жилых помещений»[470]. В 1936 г. Я.М. Фишман подробно изложил свои взгляды на развитие военно-химических складов в специальном приказе по ХИМУ[478]. А за год до начала войны появилось новое «Положение...», согласно которому все центральные и окружные склады химического вооружения фактически должны были стать складами-мастерскими[480].

К химической группе складов руководство армии относилось чрезвычайно серьезно. Так, на совещании у наркома обороны, состоявшемся в феврале 1934 г., было подвергнуто критике многое — отсутствие мобилизационных запасов ОВ в ОКДВА, недостроенность стационарных емкостей для хранения этих запасов ОВ на количество 1000 т каждая, незначительная накопленность авиахимбомб и артхимснарядов и т.д. По всем этим вопросам было решено «войти с докладом в правительство», для чего начальнику вооружений РККА М.Н. Тухачевскому и начальнику ВОХИМУ Я.М. Фишману предписывалось подготовить проект.

В том же 1934 г. был создан окружной военно-химический склад ЛВО № 302 (Ленинград), а его специализированное отделение для хранения самих ОВ было образовано вскоре в Гатчине (в 1929–1944 гг. — г. Красногвардейск, Ленинградская обл.).

Тогда же дошло дело и до УкрВО и ПриВО. Во всяком случае по состоянию на 1936 г. в число центральных химических складов входили еще два — № 276 в Селещине (Полтавская обл.) и № 303 в Шиханах (Саратовская обл.; ПриВО). Отметим, что склады № 137 (БВО) и № 276 (УкрВО) были также и окружными. Потом окружным стал и склад № 303.

Следует подчеркнуть, что места территориального размещения военно-химических складов еще не указывали на их реальный статус. Это легко видеть, например, из анализа списка химических складов, которые числились в РККА по состоянию на 1 апреля 1935 г.: в МВО — №№ 136, 138 и 141, в ЛВО —

№ 302, в БВО — № 137, в ОКДВА — № 147 (Лесной, Читинская обл.). Между тем к этому моменту уже существовали и принимали крупные партии иприта такие военно-химические склады на Дальнем Востоке, как № 140 (Красная речка-Хабаровск), № 148 (Свободный, Амурская обл.), № 150 (Сунгач, Приморский край), № 300 (Кнорринг, Приморский край), № 301 (Воздвиженский, Приморский край). Причина «расхождения» состоит в том, что эти 5 складов находились лишь под оперативным управлением и охраной армии, а состояли они на службе в Комитете резервов СССР и хранили не армейские, а государственные запасы иприта, которые имелись на случай возникновения войны на Дальнем Востоке.

Отметим попутно, что создание специального отделения для ОВ связано с выполнением норм инструкции, которая была утверждена еще 8 июля 1927 г. и которая должна была регулировать вопросы безопасности хранения химоружия. В этом документе было записано, в частности, что хранилища ОВ должны располагаться не ближе 10 км от больших городов. Однако эта запись относилась не ко всем ситуациям, а исключительно к большим количествам ОВ (порядка сотен и тысяч вагонов). И она совершенно не касалась множества обычных мест хранения ОВ. Именно так было разъяснено строителям, которые в 1929 г. создавали для 2-го отдельного химического батальона (Ярославль) «хранилище ОВ текущего довольствия» и в связи с этим должны были построить его на территории складов войсковых частей при деревне Пятаковское, то есть в двух км от города. Как оказалось, учебно-расходный запас батальона в количестве 1500 баллонов с ОВ не мог считаться большим количеством. Кстати, еще в 1930 г. жизнь заставляла ВОХИМУ забрасывать подведомственных руководителей указаниями на тему о недопустимости хранения ОВ «непосредственно под жилыми помещениями или в соседних помещениях одного здания»[613].

Продолжая описание становления военно-химических складов, дополним уже имеющийся список многочисленными окружными складами, известными со второй половины 30-х гг. и принадлежавшими разным военным округам и другим крупным формированиям. Эти склады, по существу, покрыли всю страну: № 20 (Ташкент, САВО), № 396 (Белозерье, Черкасская обл., КВО), № 405 (Ильино, Нижегородская обл., МВО), № 415 (Арысь, Казахстан, САВО), № 626 (Бердск, Новосибирская обл., СибВО), № 691 (Ревда, Свердловская обл., УрВО), № 692 (Новочеркасск, Ростовская обл., СКВО), № 693 (Навтлуг, Грузия, ЗакВО). В табл. 1.2 обобщены данные о предвоенных складах Красной Армии, которые были специализированы на работе с ОВ и вообще с химоружием.

По мере расширения армейской активности среди складов происходили непрерывные реорганизации. В частности, импульс на расширение числа складов появлялся при образовании новых военных округов — Калининского (КалВО), Орловского (ОрВО), Архангельского (АрхВО), при разделении УкрВО на КВО, ХВО и ОдВО... Аналогичный импульс возник при вхождении в 1939 г. в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. Последствием этого события стало образование множества новых складов в районе западной границы — артиллерийских, авиационных и химических.

Впрочем, до начала Великой Отечественной войны так и не удалось выдержать чистоту жанра, поскольку число военных округов росло быстрее числа окружных военно-химических складов. Во всяком случае на 1941 г. была запланирована попытка построить такие склады в Архангельском и Одесском округах. Скорее всего, она не удалась.

Не удалось выдержать и принцип нахождения военных складов в пределах национальных границ страны. Перед самой войной в Советском Союзе появился

склад артбоеприпасов, разместившийся в Монголии. Сам склад № 667 был расквартирован в Улан-Баторе, а два его отделения — в Саин-Шанда и Ундурхане. Никаких ограничений на использование химбоеприпасов этот склад не имел.

Конечно, расположение многих складов химоружия — результат военного планирования и изменчивости военных задач. Из-за эволюции стратегических построений химоружие как сугубо наступательное «опускалось» для хранения не только до армий, но и до корпусов, дивизий, полков. Так, в частности, в связи с войной с Финляндией 1939–1940 гг. появились головные склады химоружия в Петрозаводске (№ 1752) и Райвола (№ 1751).

А в 1939–1940 гг. был затеян перенос ОВ с расположенных на границе с «агрессорами» химических складов №№ 150, 300 и 301 (напомним, что они были не столько армейскими, сколько общегосударственными) на новый склад «Буянков ключ» — подальше от границы, зато поближе к морю (емкость — 300 вагонов, тупик на 50 цистерн). И ниоткуда не следует, что все ОВ были именно вывезены, а не оставлены на месте. Хотя бы частично.

В войну Красная Армия вступила с немалыми запасами химоружия, которое хранилось не только на центральных и окружных, но и в войсковых складах. Последние хранили особенно много, хотя по своей емкости и оборудованию были, как правило, неудовлетворительными.

Вторая мировая война и срочные перемещения изменили очень многое в картине размещения складов химоружия. В горячке тех дней рациональность, не говоря уж о безопасности, не была сильной стороной при выборе мест хранения. Именно тогда были заложены многие новые склады химбоеприпасов и ОВ — и ныне заполненные, и уже не функционирующие — в Камбарке, Плановом (Щучьем), Мирном (Марадыковском) и др.

Резюмируя сказанное, еще раз подчеркнем, что в целом склады хранения химоружия Советского Союза, существовавшие в XX веке, известны еще плохо. Разведывательная информация, появившаяся в ходе Второй мировой войны, была в немалой степени ошибочной, к тому же она в ничтожной степени позволяет судить о предвоенных складах и базах центрального и окружного подчинения[34].

Что до хранилищ химоружия, сложившихся к середине 80-х гг. в результате превратностей «холодной войны» и пиков советско-китайского противостояния, то они известны наименее всего.

И, наконец, нам осталось перечислить военные склады предвоенных лет (помимо склада № 136), которые были специализированы для хранения и работы с ОВ и вообще с химическим вооружением. По возможности полная сводка этих складов приведена в табл. 1.2.

Арысь (Казахстан). Склад № 415 химического вооружения САВО. В предвоенные годы здесь находились на длительном опытном хранении партии различных рецептур СОВ.

Барановичи (Брестская обл.). Склад № 840 химического вооружения ЗапОВО. Хранение ОВ.

Белозерье (Черкасская обл., Украина). Склад № 396 химического вооружения КВО. Сформирован в 1937 г., емкость по состоянию на 1.1.1939 г. — 480 вагонов. Хранение ОВ.

Бердск (Новосибирская обл.). Склад № 626. До 1938 г. — отделение склада химического вооружения № 25 (Омск, Московка), с 1938 г. — склад химического вооружения СибВО. Хранение химоружия. В конце 30-х гг. на складе хранился иприт различных лет изготовления.

Воздвиженский (Приморский край). Склад № 301 химического вооружения ОКДВА. Образован в 1934 г. В 30-х гг. здесь хранился иприт[478]. В июне 1940 г. командующий I ОКА издал приказ с констатацией, что на складе, как и прежде, «плохой учет и сбережение химического имущества»[4].

Горный (Саратовская обл.). Склад химического оружия. Начал работать в 1936 г. Хранение химоружия. Опытное хранение химоружия. Уничтожение химоружия.

Кнорринг (Приморский край). Склад № 300 химического вооружения ОКДВА (недалеко от озера Ханка). Образован приказом по ОКДВА от 10 ноября 1934 г. Первоначальная емкость — 100 вагонов. Хранение ОВ. С 1934 г. здесь хранился иприт. В начале 1937 г. было получено 150 т иприта с завода № 91. Упоминается о вывозе ОВ со склада в 1940 г. Возможно, именно эти запасы были затоплены летом 1941 г.

Ильино (Нижегородская обл.). Склад № 405 химического вооружения МВО. Образован в 1936 г. Среди прочего обслуживал нужды учений ВХА им. К.Е. Ворошилова и войск на военно-химическом полигоне во Фролищах.

Лесная (Читинская обл.). Склад № 147 химического вооружения ЗабВО. Образован приказом по войскам ОКДВА от 10 ноября 1934 г. на основе отдела склада № 139 (Чита). Первоначальная емкость — 200 вагонов. Включал разливочную мастерскую. Еще в 1934 г. здесь хранился и разливался иприт. В начале 1937 г. с завода № 91 сюда поступило 17 утепленных цистерн с 507 т иприта. В предвоенные годы здесь находились на длительном опытном хранении партии различных рецептур СОВ. В 1940 г. хранились иприт и люизит, изготовленные на заводе № 96. С мая 1940 г. — это склад резерва фронтовой группы Дальнего Востока. Последние ОВ были вывезены примерно в 1990 г.

Лида (Гродненская обл.). Склад № 833 химического вооружения ЗапОВО. Хранение ОВ.

Львов. Военно-химический **склад № 587.**

Москва-Кузьминки. Склад химоружия на ЦВХП. Хранение химоружия. Разлив ОВ по боеприпасам.

Новочеркасск (Ростовская обл.). Склад № 692 химического вооружения СКВО. Хранение ОВ и авиационных химических боеприпасов. После войны — склад № 353.

Омск-Московка. Склад № 25 артиллерийского и химического вооружения СибВО. Возник в годы Гражданской войны. Хранение ОВ. Хранение артиллерийских и авиационных химических боеприпасов.

Ревда (Свердловская обл.). Склад № 691 химического вооружения УрВО. Сформирован в 1938 г. Хранение химоружия.

Ржаница (Брянская обл.). Склад № 137 химического вооружения — окружной (БВО) и центральный (с 1 января 1939 г. — только центральный; обслуживал БВО, ОрВО и КалВО). Сформирован в 1932 г., существовал до начала Отечественной войны. Емкость на 1.1.1939 г. — 640 вагонов. Хранение ОВ. В предвоенные годы участвовал в длительном опытном хранении партий различных рецептур СОВ[479].

Ростов-Ярославский (Ярославская обл.). Склад № 51 артиллерийского вооружения. Образован в 1918 г. Хранение артиллерийских химических боеприпасов. В 20-х гг. здесь были складированы трофейные артиллерийские химические снаряды. В 1933 г. преобразован в **Центральный военно-химический склад № 141** и передан ВОХИМУ (емкость — 200 вагонов). Емкость на 1.1.1939 г. — 376 вагонов.

С.-Петербург. Склад № 302 химического вооружения ЛВО. Сформирован в 1934 г. Средства химической защиты и боевые химические машины хранились в первом отделе (Ленинград), а ОВ — во втором отделе в дер. Онтолово (18 км от

ст. Гатчина; 12-й городок). ОВ были размещены в группе жилых зданий, не приспособленных для хранения. Караул и семьи командования находились в этих же зданиях. В 1937 г. здесь хранилось 60 т иприта.

Свободный (Амурская обл.). Склад № 148 химического вооружения ОКДВА. Образован приказом по войскам ОКДВА от 10 ноября 1934 г. как склад полевого типа. Первоначальная емкость — 100 вагонов. С 1934 г. здесь хранился иприт. В начале 1937 г. с завода № 91 поступило 226 т иприта. По состоянию на 1 января 1939 г. на складе хранилось 126 вагонов ОВ (при общей емкости в 142 вагона). В мае 1940 г. получено распоряжение о вывозе ОВ со склада.

Селещино (Полтавская обл., Украина). Склад № 142 (с 1936 г. — **склад № 276)** химического вооружения Киевского (перед войной — Харьковского) военного округа. Образован в годы Гражданской войны и до ликвидации в 1923 г. («из-за близости к железной дороге и ветхости построек») действовал как Селещинский отдел Кременчугского склада артиллерийского вооружения. После воссоздания — склад химического вооружения. Хранение ОВ с 1937 г. Емкость на 1.1.1939 г. — 512 вагонов. В предвоенные годы здесь находились на опытном хранении партии различных рецептур СОВ. Считается, что в войну имущество было эвакуировано на склад в Горный (Саратовская обл.). После войны хранились все виды химоружия первого и второго поколений. Склад существовал до 1988–1989 гг.

Сунгач (Приморский край). Склад № 150 химического вооружения ОКДВА. Создан приказом по войскам ОКДВА от 10 ноября 1934 г. на основе отдела военно-химического склада № 140 (Красная речка). Первоначальная емкость — 100 вагонов, емкость на 1.1.1939 г. — 289 вагонов. Хранение ОВ.

Тбилиси-Навтлуг (Грузия). Склад № 693 химического вооружения ЗакВО (ст. Навтлуг железной дороги им. Берия). В конце 30-х гг. был образован как отделение склада № 24. В качестве самостоятельного склад стал в 1938 г.

Тверь. Центральный военно-химический склад № 138. Образован в 1926 г. Емкость по состоянию на 1933 г. — 300 вагонов.

Хабаровск-Красная речка. Склад № 140 химического вооружения (с разливочной мастерской) ОКДВА и ЗабВО. Введен в строй в 1932 г. (хранилища хворосто-глинобитного типа). Первоначальная емкость — 100 вагонов, емкость по состоянию на 1.1.1939 г. — 273 вагона. В 1934 г. здесь хранился и разливался иприт. В 1939 г. хранилище иприта требовало ремонта. В предвоенные годы здесь находились на длительном опытном хранении партии различных рецептур СОВ. В 1940 г. хранились иприт и люизит, изготовленные на заводе № 96.

Чапаевск-Покровка (Самарская обл.). Томыловский склад артиллерийского вооружения. Образован в 1918 г. в качестве отдела Сызранского артсклада. В 1925 г. склад был ликвидирован «из-за близости к заводу и железной дороге». Впоследствии воссоздан как **склад № 433** в Покровке(располагается примерно в 12 км от центра г. Чапаевска). В 1933 г. констатировалось, что на тот момент на складе хранилось 320 тыс. химснарядов, оставшихся от времен Первой мировой войны. На этот склад были переброшены СОВ, эвакуированные в начале Второй мировой войны из разных мест, в том числе из Москвы (Очаково). В годы войны склад получал и химоружие, производившееся на заводе № 102 в Чапаевске и, возможно, на других. Еще в начале 60-х гг. в Покровке хранился иприт в полуподземных хранилищах (по крайней мере, 15 тыс. т), фосген в боеприпасах (около 5 тыс. т) и люизит в авиабомбах.

Чита-II. Склад № 139 химического вооружения ЗабВО. Емкость по состоянию на 1933 г. — 200 вагонов. С мая 1940 г. — склад резерва фронтовой группы Дальнего Востока.

Шиханы (Саратовская обл., ст. Причернавская). Склад № 303. Создан в 1933 г. приказом начальника ВОХИМУ РККА в качестве военно-химического склада центрального подчинения. Фактическое формирование началось в 1936 г. Строительство подземного хранилища ОВ началось в 1939 г. Емкость в 1939 г. — 186 вагонов.

13.4. БУДНИ СКЛАДСКОЙ ЖИЗНИ

Обращаясь к проблеме учета химоружия, нельзя не признать, что даже перечень складов его хранения дает лишь приблизительное представление о том, сколь широко ОВ растаскивались по стране. Скажем, по состоянию на 16 сентября 1936 г. склад 109-й авиационной химизированной бригады (ЗабВО) имел на текущем довольствии 1,4 т иприта **(XX)**. Однако он имел еще и НЗ, и там хранилось много больше: 37,251 т иприта и 30,26 т НОВ.

Между тем многие годы в Красной Армии просто отсутствовал сплошной учет химоружия, хотя, начиная с армейских учений 1932/1933 учебного года, все учения должны были проводиться с действительными ОВ[314], и работы с действительными ОВ по всей стране продолжались вплоть до самой войны[351,359]. Важность этой проблемы была понята наркоматом обороны слишком поздно, много позже того, как с химоружием начали работать и как оно расползлось по стране. Во всяком случае, когда в январе 1929 г. представитель военной прокуратуры доложил наркому обороны о результатах расследования массового отравления ипритом военнослужащих 32-й стрелковой дивизии, то рапорт был построен так, чтобы за прискорбным фактом увидеть систему, к нему приведшую. Просматривалась идея подсказать наркому К.Е. Ворошилову, что в той дивизии в течение многих лет отсутствовал учет ОВ, расходовались они бесконтрольно, а складированы были зачастую просто без охраны. И можно удивляться слепоте высшего чина Красной Армии, начертавшего на рапорте такую резолюцию: «Странное донесение. Что же с отравившимися — выздоровели, умерли; что сделала прокуратура с виновными и кто эти виновные...» В общем, те лица, которым было поручено «обсудить вопрос о мероприятиях во избежание повторения происшедшего» (один из них — Я.М. Фишман), все отлично поняли — виновного они, скорее всего, нашли, а вот до изменения системы хранения и учета химоружия дело так и не дошло.

Лишь 31 мая 1934 г. появился первый нормативный документ на эту тему — приказ «Об учете военно-химического имущества, отпускаемого на учебную работу»[471]. В том приказе К.Е. Ворошилова было констатировано: «Точный учет расхода боевого и военно-химического имущества, отпускаемого на учебную практику и научно-исследовательские работы, **не** установлен и данных о фактическом их расходе не имеется». Тем же приказом был впервые установлен и «порядок отпуска, расхода и учета боевого учебного и военно-химического имущества на учебную практику войск».

Порядка в сохранении ОВ и вообще химоружия не прибавилось и после того приказа 1934 г. Во всяком случае в 1935 г. пришлось издавать два новых приказа. В приказе от 2 апреля 1935 г. нарком велел «Командующим войсками округов, армий, групп и флотов организовать во всех частях, полигонах, складах, институтах и учреждениях РККА проверку фактического наличия, состояния и хранения боевых химических веществ». Было определено, что передача БХВ в гражданские учреждения из армии будет происходить только с его личного раз-

решения. Не забыл нарком распорядиться и о несбыточном — чтобы ему представили «доклад о фактическом расходе и наличии всех боевых химических веществ, отпущенных из складов РККА в гражданские НИИ, учебные заведения и учреждения, начиная с 1932 г.»[494].

ИЗ ДОНОСА ПРОШЛЫХ ЛЕТ:

«Заместителю народного комиссара обороны СССР армейскому комиссару I ранга Е.А. Щаденко

...В Химическом управлении не было учета, сколько получено от промышленности ОВ, ДВ и дегазаторов. Лично по архивам восстановил с 1925 г. и завел этот учет, за что получил взыскание, так как это мне раскрыло глаза на вредительскую деятельность в Химическом управлении...

Районный инженер ХИМУ РККА полковник И.С. Салтыков, 19 февраля 1939 г.»[477].

К сожалению, с этим нарком опоздал. В отсутствие контроля восстановить прошлое было уже невозможно — нельзя пересчитать расход ОВ за 1932–1933 гг., если до 1934 г. расход вообще не фиксировался. В подтверждение этой очевидной мысли сошлемся на пример — распоряжение командующего МВО С.М. Буденного, который в 1937 г. после проверки гражданских ячеек ОСОавиахима распорядился, чтобы «в случае наличия боевых ОВ и сильно действующих ядов таковые для хранения направлять через начальника химических войск округа на окружной химический склад № 405 (ст. Ильино)».

В следующем приказе К.Е. Ворошилова того же 1935 г. отмечалась неудовлетворительность самой постановки хранения и учета химоружия.

ИЗ СТАРЫХ ДОКУМЕНТОВ:

«Приказываю:

... для поверки фактического наличия, состояния хранения БХВ по состоянию на 1 мая с.г. во всех отдельных частях, полигонах, складах, институтах и учреждениях округа командирам этих частей назначить комиссии под своим личным председательством...

Командующий войсками Ленинградского военного округа Белов, 27 апреля 1935 г.»

«Приказываю:

В период с 15 марта по 15 апреля 1936 г. произвести осмотр, качественное определение и переучет всех видов химического имущества и вооружения...

Заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа, 26 января 1936 г.»

«С 1 апреля 1936 г. установить новый порядок учета и снабжения химического имущества войск округа, руководствуясь временной инструкцией...

Временный командующего войсками Московского военного округа, 5 февраля 1936 г.»

«...5. По химическому имуществу.

Командование войсковых частей не уделяет должного внимания содержанию химимущества в состоянии готовности. Склады с химимуществом стеллажами не оборудованы и номенклатурные карточки на химимущество в складах отсутствуют в войсковых частях №№ ...

Плохо поставлено дело с учетом ОВ, отпускаемого на учебную практику. Кроме того, химснаряды, баллоны с ОВ, тара ОВ как правило не опломбируются и не охраняются в войсковых частях №№...

Командующий войсками
Белорусского военного округа, 10 мая 1939 г.»

«...приказываю:

...8. Завести точный учет наличия в частях ОВ (иприт, хлорпикрин, шашек ЯД) и представить сведения, согласно прилагаемой формы № 1 в отдел химвойск к 20.9.39 г.

Врид командующего войсками
Орловского военного округа, сентября 1939 г.»

Приказы приказами, а непорядки в сохранении химоружия стали явлением постоянным. Тому имеется немало свидетельств. Если иприт хоть чуть-чуть считался опасным ОВ, к хлорпикрину **(I)** в войсках относились спокойней. И жизнь мстила за это жестоко. Приведем несколько примеров.

В ХВО 96-я дивизия получила с продсклада округа бочку с компаунд-жиром — маргариновым изделием, которым красноармейцев кормили вместо обычного животного масла. При вскрытии оказалось, что «содержимое этой бочки заражено хлорпикрином». При расследовании было выяснено, что на том складе «в октябре 1936 г... была брошена во дворе одна бочка с хлорпикрином, которая пролежала безо всякого надзора до конца февраля 1937 г.». После этого органам НКВД было нетрудно сложить два и два. Результаты арифметических действий тут же перекочевали в широко распространенный по армии разгромный приказ НКО за подписью замнаркома А.И. Егорова. Тем приказом был установлен и новый порядок работы — «на всех продовольственных складах НКО ввести обязательную сплошную проверку качества поступающего продфуража». Та красивая идея была обесценена в момент выдвижения — метод проверки в те годы не мог быть инструментальным, а только лишь органолептическим, то есть на нюх и на вкус[538].

Неудивительно и появление другой директивы маршала А.И. Егорова от 13 декабря 1937 г. в связи с на редкость экзотическим событием: «Обнаружен факт хранения и выдачи частям ОВ в негодных корпусах огнетушителей. Полученный воинской частью хлорпикрин заприходован не был и из хранилища ОВ был взят и перенесен в другое помещение как пенный огнетушитель. В случае пожара это могло привести к тяжелым последствиям. Такое преступное отношение к ОВ является недопустимой халатностью в его учете и хранении. Приказываю немедленно проверить и установить жесткий порядок..., категорически воспретить частям использование огнетушителей не по назначению»[489]. Приказ тот был издан не напрасно — перед самым Новым годом огнетушители с хлорпикрином **(I)** были обнаружены и в иных местах, например, в ветеринарном лазарете 126-го артполка (УрВО).

Другой пример. В приказе командующего II ОКА тех лет и будущего маршала И.С. Конева от 25 февраля 1939 г. констатировалось «преступное отношение к хранению боевых ОВ: в в/ч 5677 ящики с шашками ЯД и бочки с ипритом не опечатаны, ярлыков на бочках нет». И далее: «Анализы боевых ОВ... части своевременно не производят и потому качества их не знают».

Столь же закономерные события произошли 17 сентября 1939 г. в ЗабВО во время стрельб в условиях дымовой завесы будто бы нейтрального дыма в одной из воинских частей. Тогда пострадало 665 человек, причем из совсем другой части, и не от нейтрального дыма, а от адамсита **(III)**[533]. Разбор события показал, что адамситовые шашки ЯМ-21 не только хранились вместе с дымовыми, но и утратили свою маркировку. Таким образом, массовое отравление было, по существу, запрограммировано безалаберностью.

Путаница с дымовыми шашками была в те времена нормой, и беду эту в каждом регионе преодолевали по-своему. Неудивительно, что штаб II ОКА еще 23 мая 1939 г. обратился к войскам с распоряжением: «Ввиду того, что среди шашек нейтрального дыма имелись случаи обнаружения шашек ядовитого дыма, командующий армией приказал: командирам всех воинских частей, имеющих их на хранении в НЗ или для учебной практики, проверить, нет ли среди шашек нейтрального дыма ядовито-дымных шашек»[489]. Сакраментальные «случаи обнаружения» заключались в том, что еще весной со склада № 626 (Бердск, район Новосибирска) были выданы в войска шашки нейтрального дыма, которые на поверку оказались адамситовыми. Разбор того события показал, что у ЯД-шашек с адамситом, которые поступили на склад в 1937/1938 гг., «наружная окраска коробок была стандартная», то есть как и у шашек нейтрального дыма[4].

Продолжать примеры вряд ли имеет смысл — все они будут нести одни и те же признаки общей системы, которая так и не изменилась с 1934–1935 гг. — с начала ужесточения учета. Закончим эту часть раздела лишь одним документом — приказом, коим руководитель ОКДВА завершил проверку артскладов армии.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА[4]:

«9 мая 1938 г. № 00109 Хабаровск

В марте с.г. группой контроля при Военном Совете ОКДВА произведено обследование военскладов №№ 23, 32, 73, 85, 98, 135 и 155 в разрезе выполнения приказов по ОКДВА №№ 00244–1937 г. и директивы АУ РККА за № 317200–1937 г., а также указаний комиссий, работавших на основе моего приказа за № 00308–1937 г.

Обследование установило ряд фактов, вскрывающих неудовлетворительное состояние ряда звеньев складской службы.

Хранение

а) большое количество боеприпасов хранятся на открытом воздухе, ничем не покрыты (склад № 23 — 101 вагон, склад № 73 — 35 вагонов...)...

Нижние ящики оказались вдавлены в землю, под них подтекла вода (склады №№ 23, 135 и 315). Штабеля боеприпасов вне хранилищ своевременно от снега не очищались (склады №№ 23 и 315).

Особенно плохо хранятся авиабомбы на складах № 47 и 135.

в) водосточные канавы вокруг хранилищ своевременно не прочищаются от мусора, в результате чего вода размывает дороги и попадает в хранилища (склад № 73).

г) в хранилищах отсутствуют табельные ярлыки, что не позволяет быстро и безошибочно находить нужное имущество (склады №№ 23, 32, 73, 135 и 98).

д) обращение с химическими боеприпасами халатно-преступное: спецодежда для работ с последними в порядок не приведена (склад № 23), химснаряды СОВ берутся голыми руками (склад № 73).

ж) хранение запрещенных боеприпасов организовано плохо (склады №№ 23, 32, 73 и особенно 98).

Комплектность

До сих пор продолжают оставаться неустраненными факты некомплектной укладки боеприпасов в хранилищах (склады №№ 23, 32 и 73).

Качественное состояние

а) большое количество боеприпасов продолжает оставаться не рассортированными по категориям и партиям, что не позволяет судить об их качественном состоянии (склады №№ 23, 32, 73 и 85).

Учет

Учет... в складах №№ 23 и 98 оказался совершенно разваленным...

Зам. Командующего войсками ОКДВА комбриг Романовский.»

Вот в таком состоянии артсклады ОКДВА встретили «агрессию» армии Японии против СССР в районе озера Хасан (июль-август 1938 г.).

Конечно, несмотря на старания наркома К.Е. Ворошилова, оставаться в пределах военного ведомства ОВ не удалось: они — и вообще **химоружие** — на рубеже 20–30-х гг. **расползлись** не только по армии, но и **по всей стране**. Поэтому вскоре после инструкции 1937 г.[501], которая должна была как-то регулировать этот процесс и которая была подписана лишь наркомом обороны, появилась другая. 14 июня 1938 г. появился совместный приказ двух наркомов — наркома обороны К.Е. Ворошилова и наркома оборонной промышленности М.М. Кагановича — с объявлением «Временной инструкции по отпуску, хранению, учету и обращению с ОВ в научно-исследовательских институтах и лабораториях химической промышленности»[502]. Впрочем, действие того приказа распространялось не на всех граждан страны, а лишь на избранную публику — тех, кто был допущен НКВД к чтению секретных бумаг. Не будет лишним иметь в виду, что помимо токсичных веществ, которые были отнесены к числу боевых ОВ, была сделана попытка регулировать и так называемые сильнодействующие ядовитые вещества, то есть более широкий круг химических веществ[503].

Иллюстрацией этих нерадостных констатаций могут служить факты из богатой складской жизни химоружия в предвоенные годы. Приведем некоторые.

В августе **1925 г.** шла переписка о загрязненности подрывного поля химических боеприпасов близ артсклада в Карачеве (будущего склада № 28). Как оказалось, место подрывов с 1924 г. никто не убирал, из-за чего «осталось большое количество неубранных и неподорванных снарядов».

В 1925–1926 гг. комиссия РВС по упорядочению артскладов несколько раз обсуждала судьбу большой партии трофейных химических снарядов калибра 76 мм в наполнении ипритом, всего 18 вагонов (16430 шт.), а также партии 33-линейных английских ипритных снарядов (21733 шт.). Все это богатство много лет хранилось на артскладе в Сызрани (будущем складе № 22), а потом было переброшено на подрывной полигон при артскладе (включавший три оврага, где и производились подрывы). С этими запасами надо было поступить неординарно,

так как обычные организации не имели опыта утилизации артснарядов в наполнении ипритом. Чтобы осуществить разрядку, комиссия требовала от ВОХИМУ обеспечить работы средствами защиты и инструкторским надзором. В свою очередь, ВОХИМУ не знал, что делать с таким количеством ненужных химических снарядов (соответствующие опыты были проведены лишь в июле на полигоне в Кузьминках), и уклонялся от решения. В одном из документов, касавшихся той злополучной партии, писалось о необходимости «срочно возбудить вопрос о ликвидации их на месте». Конец этой истории не известен[458].

В феврале **1926 г.** в переписке со складом в районе г. Буй (Костромская обл.) начальник ВОХИМУ указал, что партия протекших 76 мм химических снарядов «подлежит уничтожению подрывом» на месте. В июле 1926 г. секция применения Химкома ВОХИМУ обсуждала проблему потекших баллонов с ОВ на Ташкентском артскладе (будущем складе № 20). Оказалось, что место их хранения «находится в 15 саженях от жилого здания» и что вблизи этого места уже «вырыты две ямы на случай закапывания текущих баллонов». Секция отметила, что «минимальное расстояние до жилых помещений должно быть 50 саженей», и ничего не указала насчет вырытых ям[489]. В августе 1926 г. шла переписка о судьбе партии химических снарядов, которые хранились на территории артсклада военного порта Кронштадт и которые не были нужны ни флоту, ни частям береговой обороны.

В сентябре **1927 г.** шла активная переписка по поводу возможности дальнейшего хранения партии авиахимбомб на артскладе № 27 (Кременчуг, Полтавская обл.). Речь шла о химбомбах Богородского снаряжательного завода № 12, которые были изготовлены в 1927 г. и уже обнаружили такие «недостатки», которые не допускали их дальнейшего хранения.

В ноябре **1928 г.** Артком РККА обсуждал судьбу большой партии английских артхимснарядов времен Первой мировой войны к 115 мм гаубицам, которые хранились на многих складах страны. Среди них было 656 негодных, и их было решено направить «на уничтожение разрядкой или подрывом»[458].

В январе **1929 г.** прокуратура доложила наркому К.Е. Ворошилову, что 32-я стрелковая дивизия, которая квартировала зимой в Саратове, во время и после летней учебы хранила ОВ небрежно. Как оказалось, после лета 1927 г. химснаряды, иприт и баллоны с хлором были оставлены на зиму без охраны. По прибытии в лагерь хозяева нашли свой химический склад разграбленным, причем «в воздухе стоял сильнейший запах иприта». Однако и осенью 1928 г. войска ушли из лагеря, вновь оставив склад без охраны, вплоть до вмешательства прокуратуры перед новогодними праздниками (в связи с отравлением большой группы военнослужащих ипритом — уже на зимних квартирах).

В осень 1929 г. при инспектировании склада № 22 (Сызрань, Самарская обл.) был найден 131 потекший химический снаряд калибра 76 мм. Они без колебаний были «разряжены». Способ не указан. А в УкрВО засомневались. И оттуда в 1929 г. в Москву поступил запрос, как поступать со снарядами изготовления Богородского завода № 12, которые хранились на артскладе № 29 в Балаклее (Харьковская обл.). При их осмотре было выявлено: «1) зеленая краска вокруг донного винта лентой от 1,5–6 мм шириной пожелтела... Таких химснарядов 18% и 7% химснарядов с налетом ржавчины вокруг донной втулки. Прошу указаний». И в отношении содержимого склада № 64 (Киев-Печерск) в ВОХИМУ пришел запрос, поскольку встал вопрос о возможности выделения ОВ из 122 мм ипритных снарядов изготовления завода № 12. Испрашивалось, «какие следует дать указания». Указания были даны.

Химическими снарядами дело не ограничивалось.

В 1930 г. РВС СССР был вынужден разбирать вопрос о ЯД-шашках в снаряжении адамситом **(III)** и хлорацетофеноном **(II)**, чьи футляры после шестимесячного хранения начинали ржаветь. Проблема была тем более острой, что на 1930–1931 гг. было намечено начать накопление обоих типов шашек в мобилизационный резерв страны.

В 1931 г. ВОХИМУ распространило сообщение об обнаружении на окружном артиллерийском складе МВО № 67 в Можайске (Московская обл.) партии непрочных баллонов, которые давали течь. Три баллона с НОВ разорвались прямо на складе. Было велено организовать в войсках наблюдение за всеми баллонами этой партии[4]. Вряд ли это предостережение помогло кому-либо: еще один баллон той же партии вскоре разорвался на химическом полигоне во Фролищах (из документа: «От сильного разогрева солнечными лучами хлор в баллоне стал быстро испаряться и дал большое добавочное давление на стенки баллона. Баллон от этого давления не выдержал и взорвался»).

В ноябре **1932 г.** при приеме на склад одного из артиллерийских полков прибывшего военно-химического имущества «комиссия почувствовала резкий раздражающий запах, исходивший из ящика с учебной коллекцией ОВ». Ящик вынесли во двор полка, и им тут же занялись находившиеся там дети 8–10 лет. «В результате мальчик Логинов получил поражение ног ипритом и был отправлен на лечение в госпиталь». Судьба иприта осталась неизвестной.

В январе **1933 г.** начальник ВОХИМУ докладывал заместителю наркома М.Н. Тухачевскому о том, что им дано задание складу № 59 (Пермь) о переброске на завод № 2 (Чапаевск) трофейных химснарядов (калибра 76 мм — 3368 шт., 5 дм — 2486 шт. и 46 мм — 1132 шт.) для разрядки. Результат не известен. В том же году на одном из заседаний РВС СССР разбирался вопрос об «использовании 122 тысяч штук негодных химических выстрелов». Речь шла уже о советских химбоеприпасах, которые стали непригодными после непродолжительного хранения. В апреле на окружном складе № 54 (С.-Петербург-Кушелевка) произошел разрыв бочки с ипритом. Причина — давление не спускалось в течение года[469]. В апреле же начальник ВОХИМУ издал приказ о сплошной проверке НЗ военно-химического имущества на складах. Выяснилось, что на артскладах БВО, УкрВО и ЛВО хранятся 85092 химических снаряда старых марок снаряжения 1916–1917 гг. (ОВ — хлорпикрин, фосген, синильная кислота, смесь хлорпикрин-фосген). В итоговом докладе было отмечено, что «дальнейшее их хранение нецелесообразно, так как отпуск в войсковые части воспрещен и они только загромождают склады»[469].

В марте **1934 г.** ВОХИМУ получил из УкрВО донесение о результатах хранения химических снарядов на артскладе № 72 (Полтава). Оказалось, что за 1933 г. у части снарядов калибра 152 мм обнаружилась протечка ОВ. Данные о судьбе инвалидных боеприпасов не приводятся. В июне 1934 г. была проведена проверка качества хранения ЯД-шашек (ОВ — хлорацетофенон и адамсит) изготовления 1931–1932 гг. на складе № 54 (С.-Петербург-Кушелевка). Как оказалось, «некондиционная белая жесть... и плохая окраска вредно отражаются на качестве шашек ЯМ-11 и ЯМ-21 при длительном хранении, так как служат причиной ржавления футляров при трехлетнем хранении». О судьбе проржавевших шашек в акте не говорилось.

В **1935 г.** немало проблем создали авиахимбомбы двух видов — АХ-8 и АХ-200. В частности, «потекли» авиабомбы АХ-200 на артскладе № 53 (Сейма, Нижегородская обл.). Однако эти бомбы хранились и на других складах. Так что можно

говорить о закапывании в 30-х гг. химических боеприпасов на территории всех этих складов — №№ 22, 29, 39, 48 и 53. Это тем более очевидно, что у склада № 39, например, тем летом не было официального распоряжения об определении «места уничтожения имущества, давшего течь» (эта скромная деталь выяснилась во время выполненной летом проверки). В том же 1935 г. выявилась «протечка» 8% от всех запасов авиахимбомб АХ-8, хранившихся на складе № 31 (Биробиджан), и 5,4% запасов бомб, которые хранились на складе № 39 (Куженкино). Однако те же бомбы хранились и на складах №№ 22, 27, 35, 55, 63, 64, 67. Так что в отношении захоронения потекших авиахимбоеприпасов можно говорить и применительно к тем складам. Более того, поскольку, помимо АХ-8 и АХ-200, в середине 30-х гг. на тех же заводах «советскими руками» изготавливались также авиахимбомбы АХ-25, можно говорить о возможном закапывании их на территории складов №№ 22 и 50, где они хранились.

А командующий ЛВО в 1935 г. дал задание складам № 39, 70, 302 и складам НЗ непосредственно в воинских частях «привести в порядок хранилища с ОВ, исключив возможность попадания на тару с ОВ снега и дождя».

В **1936 г.** при осенней проверке химических складов ОКДВА было обнаружено немало неприятностей. На складе № 140 (Хабаровск-Красная речка) была выявлена партия иприта в 37 т в бочках с повышенной кислотностью (до 3%). На складе № 150 (Сунгач) имелась партия иприта с кислотностью 2–3%, а также большая партия ЯД-шашек (89 тыс. шт.) с налетом ржавчины на футлярах и отслоением фольги. А на складе № 301 (Воздвиженский) в одной из цистерн на уровне 18 см от ее дна образовался слой серы, ниже которого кислотность иприта достигла 4,5%. Тогда же на складе 15 ОХБ была найдена партия иприта (22 т) изготовления 1932 г., у которой кислотность превышала 4%.

В **1937 г.** обсуждались аналогичные проблемы. На химическом складе № 276 (Селещино, Полтавская обл.) возникла озабоченность судьбой 5600 шашек ЯМ-21 изготовления 1931–1933 гг. — корпуса сильно проржавели, была разъедена фольга и адамсит начал высыпаться. Перевозить вышедшие из строя шашки было невозможно, сжигать в соответствии с инструкцией — тоже (рядом были жилые строения). Так что нынешним жителям Селещина придется решать задачу, что делать с теми шашками с мышьяксодержащим ОВ, которые были «уничтожены» (закопаны) на территории склада в августе 1937 г. В том же 1937 г. взорвался баллон, валявшийся «как ненужная вещь» в одной из частей 28 кавалерийской дивизии (Каменец-Подольск, Хмельницкая обл.), отравилось 11 человек[489].

В начале **1938 г.** руководство РККА озаботилось судьбой непригодных химических боеприпасов. Это породило волну переписки, которая раньше просто не возникала, — вопросы решались на местах «по обстановке». В марте 1938 г. склад № 68 (Обор, Хабаровский край) докладывал, что 20900 химических снарядов калибра 76 мм, прибывшие еще в 1935–1936 гг., «до сего дня не боеспособны». В июле 1938 г. авиасклад № 50 (Буй, Костромская обл.) затеял переписку с Москвой о многочисленных «дефектных» авиабомбах, которые начали прибывать со всей страны. Начальник склада просил руководство ВВС РККА дать определенные указания в отношении их судьбы. Среди бомб были и химические, в частности типа АОХ-8. Озабоченность та была не напрасной. Во всяком случае в начале августа 1938 г. склад № 21 (Новочеркасск, Ростовская обл.) после обнаружения течи ОВ из нескольких бомб АОХ-8 (и их «уничтожения») просил руководство ВВС изъять со склада и остальные 895 бомб этого типа, еще не потекших. Тип авиахимбомб АОХ-8 был не единственный. В декабре 1938 г. с подачи склада

№ 55 в Торопце (Тверская обл.) произошла курьезная переписка. Склад доложил в особый отдел ГУГБ НКВД, что из хранящихся 10 тыс. артхимснарядов калибра 122 мм у части из них, что содержат СОВ, на корпусе нанесены не два желобка, а один, что вроде бы должно быть в случае НОВ. Младший лейтенант ОО ГУГБ НКВД послал «спецсообщение» в адрес бригадного комиссара, который был в КалВО членом Военного совета округа «для принятия соответствующих мер». Бригадный комиссар отреагировал на пассаж младшего лейтенанта. Кончилось тем, что довольно скоро комиссар получил из АУ РККА небрежное сообщение: «рецептура ОВ у 122 мм химических снарядов определяется по отличительной окраске, клеймам и трафарету на корпусе снаряда, независимо от наличия и количества желобков на головной части». Закавыка, однако, состояла в том, что этой простейшей информацией не располагало самое важное учреждение во всей этой истории — артиллерийский склад № 55[4].

Не меньше событий прошло и в **1939 г.** В январе на химическом складе № 138 (Тверь) разворачивались дела, связанные с нахождением бесхозного баллона с НОВ. Злополучный баллон со смесью хлора и фосгена был обнаружен в кустах вдали от охраны и после не очень шумного разбирательства переправлен на химический полигон Калининского военно-химического училища. Для расстрела потребовалось 5 пуль[489]. В июле шла переписка по поводу того, что на складе № 147 (Лесная, Читинская обл.) находилось 596 шашек в снаряжении адамситом, из которых ОВ начало высыпаться из-за отслоения герметизирующей фольги[489]. В июле же С.М. Буденный издал разгромный приказ по МВО в связи с событиями на складе химоружия Тамбовского пехотного училища. Уничтожение «опасного для хранения» иприта здесь провели столь «безобразно», что получили поражение 4 человека. Попутно выяснилось, что вся тара с ОВ проржавела, что не исключалась возможность взрыва бочек с ипритом, что вне склада училища в канаве был найден никем не охранявшийся баллон с ОВ. Кстати, дегазацию места уничтожения иприта пришлось проводить вторично — при первой люди получили поражение, однако иприт в тот раз остался цел[532].

В июне-августе 1939 г. между Москвой и Дальним Востоком шла оживленная переписка насчет судьбы более чем 400 т иприта, «хранившихся» на складе № 150 (Сунгач) в 2000 бочках под открытым небом и, как справедливо отмечалось в отчетах, «гораздо быстрее портившихся». На будущий год часть ОВ могла оказаться и на складе № 301 (Воздвиженский), и на новом складе в районе Буянков ключ. Речь идет об испортившемся иприте, находившемся в наспех сооруженных подземных хранилищах (в докладе 1939 г. проверяющий из Москвы констатировал, что «подземные сооружения складов №№ 300, 301... разрушаются.., возобновлять и ремонтировать их нецелесообразно, лучше строить новые»). То, что выжило к 1941 г., сразу после начала войны затопили в открытом море в 200 км от Владивостока — другого пути уже не было.

В ноябре 1939 г. шла переписка о положении дел на химическом складе № 396 (Белозерье). Там, оказывается, «в бочках с веществом № 6 [ипритом, — Л.Ф.] не спускалось давление в течение более 6 месяцев». До войны, прокатившейся через Черкасскую обл., времени оставалось совсем мало, так что судьба тех бочек была предрешена.

В **1940 г.** пришлось решать те же проблемы. В январе начальник химических войск ЗакВО обсуждал с Москвой судьбу 29 бочек с «совершенно непригодным» ипритом (всего 3220,3 кг). Очевидно, речь шла о двух грузинских складах — артиллерийском № 58 (Кухеты) и химическом № 693 (Навтлуг). Испрашивалось распоряжение или на «дальнейшее использование» на месте, или на отправку «в

центр для переработки». В феврале 1940 г. начальник химических войск I ОКА (Приморский край) докладывал в Москву о состоянии иприта, хранившегося на складах армии. Как оказалось, 88,4 т иприта, изготовленного, главным образом, в 1934 г., имеют высокую кислотность (от 4,97% до 24,61%) и подлежат переработке. Никакой информации о существе будущей «переработки» не приводилось. В марте 1940 г. химический склад № 137 в Ржанице вел переписку с руководством в Москве о судьбе 160 бочек из-под люизита 1934–1937 гг. изготовления. Дилемма была проста — отправить бочки на уничтожение на полигон в Шиханы или сжечь на месте. В мае в I ОКА разбирались с причинами порчи авиахимбомб на складе № 319 (Раздольное). А в июне 1940 г. командующий I ОКА М.М. Попов был вынужден издать приказ с констатацией, что на складе № 301 (Воздвиженский), как и прежде, «плохой учет и сбережение химического имущества»[4]. В ноябре того же года химический склад № 140 (Хабаровск-Красная речка) докладывал об успешной операции. Работники склада сумели удалить осадок иприта из подземных цистерн, в результате чего из 24775 кг «подлежащего уничтожению» иприта удалось «дополнительно сохранить» 6271 кг. Жителям нынешнего Хабаровска будет интересно узнать, куда подевались из подземной цистерны те 18,5 т загустевшего иприта в смеси с серой и полисульфидами, которые не удалось спасти для обороны страны[4]. Впрочем, ответ на этот вопрос дали работники склада № 148 (Свободный), которые в порядке рационализации осуществили «обработку подземных цистерн от осадков выпавшей серы вещества № 6 в зимних условиях путем вырубки замерзшего осадка»[4].

* * *

Та скромная складская жизнь еще не раз и не два аукнется всем нам.

13.5. БЕЗОПАСНОСТЬ

В предвоенные годы химоружие очень часто хранилось **непосредственно в войсках** и, к сожалению, не самым аккуратным образом. Настолько неаккуратным, что этим приходилось заниматься высоким военным руководителям. Приведем пару примеров.

Так, летом 1935 г. после проверки порядка хранения ОВ в воинских соединениях командующий ЛВО И.П. Белов издал сердитый приказ. В частности, 1-му стрелковому корпусу было приказано «привести в порядок хранилище БОВ, исключив возможность попадания на тару с ОВ снега и дождя». По-видимому, речь шла о том имуществе, которое корпус хранил в Псковской обл. в Красноармейском военном лагере (ст. Владимирский лагерь). А осенью того же года в 56-й стрелковой дивизии 1-го корпуса бочка из-под иприта была без дегазации передана для использования под хранение нефти, в результате чего один человек получил поражение.

В КВО в 1936 г. порядок хранения ОВ непосредственно в войсках почему-то привлек внимание командующего округом И.Э. Якира. Как оказалось, в 15-м стрелковом корпусе ЯД-шашки хранили прямо в Чернигове. В Виннице квартировавший там 17-й стрелковый корпус имел склад ОВ и ЯД-шашек тоже непосредственно в городе (иприт, кстати, хранился в землянке, которая не имела охраны)[489]. Не миновала эта напасть и Житомир, в самом центре которого 8-й

стрелковый корпус держал большие запасы ЯД-шашек[489]. 2-я бригада ПВО бросила свою бочку с ипритом на полигоне, а вот 6-й железнодорожный полк берег свои ОВ и шашки получше, но не на полигоне, а непосредственно в Жмеринке, в сыром погребе[489]. Конечно, И.Э. Якир был серьезным военачальником, и он тут же углядел беду для своих собственных войск: как оказалось, все эти ОВ охранялись солдатами, у которых не было под рукой средств защиты на случай беды. Впрочем, вряд ли один командующий одного из округов мог изменить общую атмосферу военно-химического бедлама, царившего в Красной Армии.

Характерной чертой того лихого времени были пожары и взрывы. Они происходили **на складах и базах хранения химоружия**, в том числе на складах артиллерийских боеприпасов, многие из которых попутно хранили и немалые количества химических боеприпасов. Для артиллерийских складов пожары и взрывы были бедой стандартной, хотя документированных данных на эту тему не очень много. Во всяком случае работы у чрезвычайного комиссара складов огнеприпасов и взрывчатых веществ Республики (Чрезкомвзрыва) хватало. И проблема была неоднократным предметом обсуждения в руководстве армии[608]

Началось все, как водится, в Одессе — еще **в 1918 г.** Тогда полностью взорвались все склады боеприпасов и взрывчатых веществ, в результате чего «как сама территория складов, так и прилегающая застроенная территория на большом расстоянии вокруг от этих складов была совершенно разрушена и засыпана осколками взорвавшихся снарядов, так и равно неразорвавшихся снарядов». Приведенная цитата относится уже к переписке 1925 г., в процессе которой военные и гражданские власти Украины решали, кто оплатит армейские работы по очистке, с тем чтобы прекратить, наконец, непрерывную цепь (исчислявшуюся сотнями) несчастных случаев среди местного населения, в особенности, среди жителей окрестных домов, которые были построены на образовавшемся после взрыва «пустом» месте[489].

Интенсивность экстремальных событий на артиллерийских и химических складах станет особенно ясной, если обратиться к **Москве**.

Самое проклятое место Москвы — Ходынка, которая «прославилась» еще при последнем российском царе. Не повезло и крупному артскладу на Ходынке, образованному при царе (станция «Военное поле» окружной железной дороги). Именно здесь вечером 9 мая **1920 г.** начался пожар в помещении с динамитом и пироксилином, быстро распространившийся по территории и продолжавшийся вплоть до 12 мая. Мощные взрывы артснарядов начались немедленно, и большие количества неразорвавшихся снарядов были разбросаны по окрестностям. Во время пожара полностью сгорели все хранилища артбоеприпасов (24 сарая-барака), а также пострадали многие соседние здания. Считалось, что химических снарядов на складе будто бы не было, однако во время тушения пожара на всякий случай на станцию «Пресня» был доставлен вагон с противогазами.

Ходынская трагедия продолжилась в 1921 г. в связи с операциями по подрыву собранных после прошлогодних событий снарядов, их проводили неподалеку в Мневниковском овраге. Поскольку многие снаряды оказались не подорванными, окрестные жители и в последующие годы занималось раскопками с целью «снятия с них медных поясков» и неизбежно оказывались жертвами подрывов. Переписка городских и военных властей на эту тему продолжалась годами. Так, в мае 1932 г. в одном из приказов командующего войсками МВО А.И. Корка предписывалось «продолжить работу по обезвреживанию Октябрьского поля (район бывшего Ходынского огнесклада)». А в августе он вновь приказал: «Работы по поверхностному сбору снарядов в районе взрыва бывшего Ходынского огнесклада

силами Московского гарнизона и уничтожению собранных подрывом приказываю — продолжать до выпадения снега». Скорее всего, работы перешли на весну 1933 г. Образовавшееся Октябрьское (Ходынское) поле армия стала использовать в качестве плаца для тренировок. Остается подчеркнуть, что в приказе А.И. Корка речь шла лишь о поверхностном сборе снарядов. Так что возле построенных вокруг домов и до наших дней находят в земле старые снаряды, которые не нашли в далеких 1920–1933 гг.

Трагедия на Ходынском артскладе 1920 г. не была единственной. В тот год много хлопот было с пожаром, который случился в последний день июля на огнескладе «мыза Раево» (Москва, ст. Лосиноостровская)[489].

В 1922 г. на территории Москвы было 4 пожара — 1 на Лефортовском артскладе и 3 — на Очаковском складе ОВ. И так продолжалось из года в год.

По всей стране происходило то же самое.

В **1921 г.** на артскладе в Тбилиси (Тифлисе) часовой ковырнул штыком авиабомбу, после чего произошли взрыв и пожар вагона со снарядами. Переброс пожара на вагоны с пироксилином, к счастью, удалось тогда предотвратить[489].

В **1922 г.** случились пожары на многих артскладах. В Самаре пожар закончился благополучно. В Казани 5 пожаров тоже закончились благополучно, хотя 4 из них были обусловлены одной и той же причиной — загоранием леса вокруг склада. А вот артскладу в Глазове не повезло, и пожар 29 августа 1922 г. закончился уничтожением 53 вагонов имущества и ранением трех человек. И во время пожара на Новочеркасском складе, случившемся 2 июля 1922 г., артбоеприпасы горели и взрывались с большими последствиями (погибло все содержимое сарая № 6, на месте которого образовалась воронка)[489].

Активные работы по транспортировке артбоеприпасов сопровождались новыми пожарами. В **1923 г.** было по два пожара на Казанском, Балаклейском и Новочеркасском артскладах и по одному пожару на артскладах в Самаре, Екатеринбурге, Ташкенте, Торопце, Куженкине, Киеве (отделение на ст. Пост-Волынский, сгорел сарай динамита). На Брянском артскладе в 1923 г. было два пожара, во время одного из которых (28 августа) сгорела площадка с трофейными боеприпасами.

В **1924 г.**, по официальным данным, пожары произошли на следующих складах — Песковском (25 сентября), Растяпинском (17 ноября), Павловском (1 декабря) и Брянском (9 декабря). А еще были взрывы на артскладах — на Владивостокском (11 ноября; взорвался снаряд, ранено 2 человека) и Куженкинском (18 ноября; ранено 2 рабочих).

В апреле **1925** г. произошло три взрыва на артскладах — Рыбинском (взрыв с пожаром 11 апреля; уничтожены бараки снаряжательной мастерской, повреждена сама мастерская; боеприпасы погибли), Ростовском (13 апреля; ранен один человек, ожоги получили пятеро) и Костромском (24 апреля; погибло на месте 7 человек, умерло от ран двое, контужено 7 человек).

Перечисленными событиями 1925 г. не закончился. 2 июня на Песковском артскладе (Коломна) произошел взрыв, погибло 3 человека. 13 июля произошел взрыв на артскладе во Владивостоке, пострадало 5 человек (двое — со смертельным исходом). В августе произошли трагические события в разных концах страны: при взрыве на артскладе в Ростове-Ярославском пострадало 7 человек, а во время взрыва в Читинском артскладе — шестеро, в том числе трое было убито. А 4 сентября 1925 г. на Кременчугском артскладе сгорел пороховой погреб (3000 пудов бездымного пороха).

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Москва, Зампред ОГПУ т. Ягода

23 часа 35 минут взорвался сарай аматолом амоналом 550 пудов... Силой взрыва снесены рядом стоявшие сараи.., повреждены 6 складов.., ранено контужено 19 красноармейцев карбата... Огонь возник от самовоспламенения бездымного пороха или старых осадков огнеимущества, скопившихся под дырявым полом сарая... Следствие продолжается. Приняты меры отношении обезопасения остальных складов. Всех дефектах Тифартсклада, могущих повести взрыву, нами своевременно неоднократно сообщалось...

9 июля 1925 г. *ПредзакЧК Кацнельсон*

Начособотдела КАК Берия»[489]

Отдельно остановимся на событиях в Тбилиси (Тифлисе). В июле 1925 г. произошел большой взрыв артбоеприпасов на складе № 24, и его в порядок пришлось приводить много месяцев. Артсклад этот был расположен прямо в городской черте поблизости от городских построек, железнодорожной станции Тифлис, механического завода (артзавода) и военных казарм. Когда в мае 1929 г. особый отдел ОГПУ в очередной раз ставил перед властями в Москве вопрос о выводе артсклада из города (это случилось после апрельского взрыва пороха, когда лишь по случайности не подорвались находившиеся поблизости пороховые погреба), то напомнил, что, начиная с 1921 г., это был четвертый по счету взрыв. Напомнил и о двух случаях воспламенения — в 1926 и 1927 гг.

Продолжая хронологическое перечисление, напомним, что и в **1926** г. случались точно такие же события. В феврале произошел пожар на артскладе в Кременчуге в штабеле с зарядами к 11-дюймовой мортире. Памятен и пожар на Куженкинском артскладе № 39 (Тверская обл.), который возник 29 июня на участке, где хранилось большое количество опасных материалов (70 вагонов пороха, 15 вагонов винтовочных патронов и 5 вагонов ручных гранат). К счастью, на другие участки территории склада тот пожар удалось не допустить, а жертв — избежать. Разумеется, пожар произошел «от самовозгорания»[489].

Не забудем, что на Песковском, Павловском, Брянском, Владивостокском, Куженкинском, Ростовском, Торопецком, Рыбинском, Киевском и многих других артскладах, наряду с обычными, хранились также и химические боеприпасы.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА (1929 Г.):

«Заместителю председателя РВС СССР и наркомвоенмор

О взрыве 152 мм бомбы в складе № 70

Доношу, что 23-го сего августа во время погрузочных работ по отправке 152 мм бомбы на завод № 80 взорвалась одна бомба внутри хранилища в момент погрузки на вагонетку. Взрывом убито 8 человек рабочих, пожара не было. Расследование ведется местным ОГПУ. Результат донесу дополнительно.

Начальник снабжения РККА»[489].

Список подобных событий бесконечен. Однако дальнейшее перечисление неизбежно будет фрагментарным — оно основано на отрывочных данных. Не обошли стороной те события и военные объекты, где хранилось химоружие — ОВ и

боеприпасы. Эта сторона документирована особенно скупо, хотя необходимость в подобного рода знании обществу очевидна давно.

Летом 1932 г. пожары на торфяных болотах, окружавших артсклад № 67 в Можайске (Московская обл.), не один раз подступали к самому забору. Между тем склад тот хранил не только обычные, но и химические снаряды. В том же 1932 г. произошли взрывы на складах боеприпасов, хранившихся на крупных артиллерийских полигонах — Тоцком и Минском. Были и человеческие жертвы. События эти были столь неординарными, что в нарушение традиции их рассматривал даже РВС СССР на своем заседании.

Среди предвоенных событий упомянем большой пожар в группе складов ЗабВО, расположенных в Чите. Он случился 21 июля 1938 г., однако военные до сих пор не дают обществу информации, захватил ли этот пожар головной военно-химический склад № 139, в котором хранились ОВ[489].

В августе 1939 г. произошел большой переполох на артскладе № 28 (Карачев, Брянская обл.). Недалеко от него в лесу возник большой пожар, который с большой скоростью перемещался в сторону склада. Пожар тот едва удалось остановить недалеко от артсклада. О том, насколько пожары на артскладах были скорее правилом, чем исключением, свидетельствует душераздирающий рапорт 1938 г. со склада № 74 (Хабаровск-Красная речка).

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Начальнику 3-го отдела штаба ОКДВА

Сегодня 20.4.38 г. опять имел место случай загорания травы на технической территории артсклада № 74 — выгорело около 100 м². Пожар произошел от искр паровоза, обслуживающего техническую территорию склада, благодаря неисправности искродержателя и плохого угля на паровозе.

В течение двух месяцев имело место свыше 10 загораний на технической территории склада. В дальнейшем такое положение нетерпимо — налицо прямая угроза уничтожения склада.

Начальник ОАС ОКДВА полковник Манжурин»[489]

Следует подчеркнуть, что такое понятие, как «громоотвод», не было чуждо руководителям военно-складского дела Советского Союза с самого начала XX века. В отношении стационарных складов боеприпасов в армии действовало правило, которое было установлено еще 13 августа 1926 г. (можно привести и более ранние документы): «устройство громоотводов» в складах «с боевыми припасами как общее правило должно считаться мерой необходимой и обязательной»[489]. То же самое относилось и к войсковым складам. Например, в документе КВО, относившемся к эпохе упорядочения складов авиабоеприпасов непосредственно в авиационных бригадах, можно найти запись на эту тему («хранилища оборудуются громоотводом»). Поскольку тот документ относился к весьма «строгому» 1937 г., нетрудно догадаться, что исполнялся он буквально.

Мы упоминаем об этом в связи с тем, что во время двух пожаров на складах боеприпасов, случившихся в армии России в 2001 г., армейский генералитет не смущался заявлять, что те утраченные склады будто бы не были оборудованы... громоотводами. На самом деле в тех событиях отсутствовало нечто иное, например, ответственность армии перед взрастившим ее обществом.

Обратимся, далее, к примерам послевоенных лет.

По воспоминаниям очевидцев, с базой авиационного химоружия в Леонидовке (Пензенская обл.) связано несколько пожаров. Так, в 1952 г. сгорело 75 т тротила, которые, к счастью, не взорвались. А в июле 1982 г. случился пожар, который удалось потушить до того, как он перекинулся с обычных боеприпасов на химические («Новая биржевая газета», Пенза, 21 декабря 1994 г.).

К сожалению, в наши дни общество по-прежнему не застраховано от пожаров и взрывов, связанных с работами с химоружием.

Среди событий последних лет укажем на два пожара 1996 г., которые характеризуют ситуацию в целом. Так, от пожара, который произошел 6 мая 1996 г. у поселка Мирный (Оричевский район Кировской обл.), очень серьезно пострадал торфобрикетный завод. К счастью, он не перекинулся на военно-химический склад авиационных химических боеприпасов «Марадыковский», который примыкает к поселку Мирный[893].

В заключение следует указать на аварию, случившуюся в начале 1993 г. на железнодорожном перегоне поселка Кизнер (Удмуртия) недалеко от места, где находится мощный склад хранения артбоеприпасов — как химических, так и обычных. Хранятся там и все три типа ФОВ — зарин, зоман и советский V-газ[870]. А 30 сентября того же 1996 г. в той же Удмуртии пожар случился на одном из сооружений непосредственно на военно-химической базе Камбарке, где хранились большие количества люизита в цистернах. Особенностью этого события было то, что безответственные власти — и гражданские, и военные — решили население информацией о пожаре не беспокоить[893].

Подводя некоторый итог, отметим, что ничего из того, о чем говорилось в этом разделе, общество не знало. А что же армия? Неужели наша армия не понимала уровня опасности для жителей каждый раз, когда возникала аварийная ситуация на армейских объектах? Оказывается, понимала. И не только понимала, но и подсчитывала, поскольку высшие армейские лица — полковники и генералы — всегда мыслили категориями ущерба... для противника.

* * *

Советская система складов химоружия всегда была средоточием трудных проблем. Однако именно в отношении этих складов наше общество и поныне не располагает никакой информацией. Причем армия не торопится поделиться с обществом своим знанием этой проблемы. Между тем, с точки зрения химической безопасности, полное отсутствие данных о динамике распределения по стране мест прошлого хранения химоружия нетерпимо. Так же как нетерпимо отсутствие данных о всех прошлых складских операциях с химоружием и о случавшихся инцидентах — пожарах, взрывах и т.д. Незнание прошлого чревато немалыми неожиданностями и для нынешнего населения, и для будущих поколений страны.

«Наши слезы высыхают быстро,
особенно если мы льем их над чужою бедой».
Марк Туллий Цицерон, «Категории риторики»

ГЛАВА 14. СЕКРЕТНАЯ МЕДИЦИНА

Врачи должны всегда защищать людей, даже в эпоху подготовки к наступательной химической войне, или... это не врачи.

К сожалению, трудно представить себе, чтобы советская санитарная служба очень уж ревностно заботилась о природе страны и о здоровье людей, которые страдали не только на производствах химоружия, но и от токсичных выбросов производств ОВ, не будучи причастными к их созданию. А труднее всего обсуждать деятельность большой секретной медицинской системы, которая в делах химического вооружения пришла на смену санитарной службе и которая была на подхвате и у промышленности, и у армии. В разбираемые годы служила эта система не рядовым советским людям, а властям, зачастую весьма безнравственным.

14.1. МЕДИЦИНА И ВЛАСТЬ

Проблемы отравления людей, которые были брошены на работу с ОВ и вообще с химоружием, возникли сразу же после практического начала операций. И проблемы эти необходимо было решать, не откладывая на будущее. На самом деле произошло совсем не так, как можно было ожидать от «гуманистического пролетарского государства».

Еще 20 октября 1923 г. «Междуведомственное совещание по химическим средствам борьбы» при Артуправлении РККА было вынуждено обратиться к состоянию здоровья лиц, работающих с химоружием[70]. В качестве примера остроты вопроса им было сообщено, что заведующий лабораторией ВВХШ А.В. Аксенов при изготовлении иприта **(XX)** «получил ожог и привел в полную негодность свою одежду». Уже тогда проблема оказалась столь серьезной, что совещание инициировало осуществление в законодательном порядке ряда мер по «охране здоровья» лиц, работающих с ОВ. Меры эти совсем не заменяли явно утрачиваемого здоровья, однако были по тем голодным временам серьезны. Они включали ежедневную выдачу молока и масла, регулярную выдачу прозодежды, а также ежегодный отдых в санатории.

Самого А.В. Аксенова это, впрочем, не спасло — он вскоре умер.

Первоначально к масштабам будущего бедствия ни армия, ни медицина всерьез не относились. Во всяком случае, когда в октябре 1924 г. в недрах Химкома обсуждались первые планы «**экспериментального изучения действия ОВ на организм животного и человека**», то предполагалось иметь в клинике профессиональных болезней (ее директором тогда был нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко) всего несколько коек для наблюдения за «случайно» отравленными людьми[67]. Тем не менее уже 2 февраля 1925 г. РВС СССР был вынужден принять на сей счет специальное постановление, решив «Обратить внимание Санитарного управления и Химического комитета на разработку вопросов, связан-

ных с лечением войск от отравлений газами»[67]. Это решение имело практические следствия — уже 5 июня 1925 г. лечебно-санитарная секция Химкома обсуждала «проект приказа с объявлением инструкции по охране работающих с боевыми ОВ на заводах, в лабораториях, разливочных и снаряжательных мастерских и проч.» Поскольку предложения по поправкам к инструкции Наркомздравом и Наркомтрудом уже были внесены, было решено инструкцию принять, о чем уведомить Управление делами РВС СССР.

У этого нормотворчества было и продолжение. Романтические надежды на случайные отравления людей не сбылись — возник мощный поток отравлений, требовавший принятия решений. Время то было очень контрастное. С одной стороны, 21 мая 1928 г. был арестован философ и богослов П.А. Флоренский. (1982–1943). И в то самое время — 23 мая 1928 г. — с утверждающей подписью наркома здравоохранения Н.А. Семашко (1874–1949) появляется серьезный документ «Положение об организации медико-санитарного обслуживания рабочих и служащих предприятий ВСНХ, занятых производством, связанным с ОВ»[520]. Среди прочего гражданский нарком не забыл предусмотреть обязательное лидерство армии в вопросах химоружия. Оно заключалось в «курировании» со стороны ВСУ РККА принципиальных вопросов деятельности гражданских медико-санитарных частей (МСЧ) предприятий химоружия. Это относилось к отчетности, «касающейся специфических профессиональных заболеваний (поражений отравляющими веществами)», вопросам подбора персонала, решению проблем «специфических вредностей производства» и т.п.

«Забота» наркома здравоохранения насчет лидерства армии в таком деле, как фиксация случаев отравлений, возникла не на пустом месте. Еще 1 февраля 1926 г. РВС СССР в постановлении[75], принятом по докладу Я.М. Фишмана, не только одобрил планы ВОХИМУ, но и принял решение, на взгляд жителей XXI века, совсем уж романтическое: «Обратить особое внимание на обезвреживание условий труда в химических вредных производствах нашей промышленности». Разумеется, то решение было забыто немедленно после принятия — просто армии были нужны данные об отравлениях людей везде и всюду, в том числе и в промышленности, однако она никогда не предпринимала каких-либо действий, чтобы люди изготавливали заказанные ею ОВ в безопасных условиях.

Во всяком случае в таком принципиальном документе, как «Генеральный коллективный договор Центрального комитета Профессионального Союза Рабочих Химической промышленности СССР с Народным комиссариатом по Военным и морским делам», который был заключен 9 января 1929 г. и который относился к части химической промышленности, работавшей на войну, места для упоминания и тем более заботы об отравленных не нашлось. В подтверждение процитируем соответствующие параграфы из раздела «Охрана труда», чтобы было все ясно: «п.47. Предприятия и учреждения предоставляют рабочим и служащим соответствующее санитарно-гигиеническим требованиям помещение для приема пищи, предоставляют работающим в особо грязных условиях в дни работ пользование баней или душем, а также устанавливают в достаточном количестве для всех цехов и отделений умывальники, снаряженные мылом и водой, и баки с охлажденной кипяченой водой; равным образом, в предприятиях должны быть устроены удовлетворяющие требованиям гигиены уборные, отдельные для мужчин и женщин. п.48. Предприятия и учреждения обязаны предоставлять согласно положения соответствующие, приспособленные для своей цели помещения под пункты первой медицинской помощи на предприятиях, а также аптечки в цехах с иодом и перевязочными средствами, хозяйственное оборудование для пунктов, транс-

портные средства для перевозки пострадавших от несчастных случаев и больных в лечучреждения. п.49. Предприятия обязаны выдавать всем рабочим и служащим индивидуальные полотенца в количестве 2-х полотенец на 1 год размером 0,75 метра». И все. Предотвращение отравлений ни тогда, ни в последующие годы не волновало ни армию, ни «профессиональных защитников интересов рабочих».

Сама организация медицинского обслуживания отравленных претерпела серьезную эволюцию.

Во второй половине 20-х гг. медицинская сторона обеспечения подготовки к химической войне перешла из маломощной клиники гражданского наркома Н.А. Семашко в армейскую организацию, а именно — в Первый московский коммунистический военный госпиталь в Лефортове (ПМКВГ, ныне — Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко; учрежден в Москве именным указом императора Петра I в 1706 г.). Там для наблюдения и лечения отравленных ОВ было открыто специальное и в высшей степени секретное — 13-е — отделение. Первоначально в это отделение помещали всех пострадавших от ОВ из Москвы и ее окрестностей — не только военных, но и гражданских. И оно не пустовало никогда, хотя и не было единственным (в Ленинграде этого рода «врачи» обитали в Военно-медицинской академии).

Для наблюдателей на территории госпиталя была создана специальная лаборатория, которая летом 1930 г. была преобразована в Военно-санитарный институт (ВСИ, впоследствии НИИСИ — научно-исследовательский и испытательный санитарный институт), подчиненный ВСУ РККА. А чтобы врачи других отделений не мешали «экспериментальной работе» НИИСИ, 29 апреля 1932 г. командующий войсками МВО А.И. Корк распорядился передать его «в административно-организационном отношении в ведение НИИСИ»[528].

Масштабы бедствия легко оценить, заглянув в очередной полугодовой доклад, который ВСУ РККА направило 8 декабря 1930 г. руководству армии[525]. В том документе, касавшемся работы 13-го отделения ПМКВГ, сухо излагаются результаты военно-химической активности в большом московском регионе. За полгода с 1 апреля по 1 октября 1930 г. в спецотделение поступило 107 военных и гражданских лиц, пораженных самыми различными ОВ: ипритом — 48, хлорацетофеноном — 8, удушающими ОВ (хлором и фосгеном) — 5, соединениями мышьяка — 3. Происхождение больных тоже было самым разным. Самое большое число отравленных поступило из столичного завода, который тогда назывался заводом № 1 (ныне — институт ГСНИИОХТ), — 37 человек. Несколько меньше пораженных дал головной военно-химический склад № 136 в Очакове (тогда это было Подмосковье), где шло переснаряжение потекших химических боеприпасов (17 пораженных). Не отставали «научные» учреждения: из Центральной научно-опытной лаборатории «Анилтреста» с ул. Б.Садовой,5 (ныне — институт НИОПИК) поступило 8 больных, из военно-химического института ИХО на Богородском Валу — тоже 8, с военно-химического полигона в Кузьминках (тогда это было Подмосковье) — 7. А еще 12 человек поступило со снаряжательного завода № 12 в Электростали (Подмосковье), где снаряжали химические боеприпасы.

В дальнейшем произошла неизбежная дифференциация отравленных на военных и гражданских — армия никогда не любила делиться своими секретами и наблюдениями.

Что касается промышленности, то, начиная со второй половины 30-х гг., конкретную работу по санитарно-гигиеническому сопровождению и обеспечению производств ОВ в московском регионе стал осуществлять Институт имени

В.А. Обуха (Москва; впоследствии — Институт гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР). Район Волги должен был обслуживать НИИ гигиены труда и профзаболеваний (ГТП) Наркомздрава РСФСР, созданный перед войной в Горьком (Н.- Новгороде). А скорбные события войны показали, что отравленные с заводов по выпуску ОВ в Кинешме и в Березниках не достались никому.

Руководить всем этим должна была санитарная служба Наркомздрава СССР. Строго говоря, многие десятилетия санитарная служба имела все условия и для обеспечения безопасности рабочих на опасных химических производствах, включая производства химоружия, и даже для защиты природы. Эти возможности были заложены в соответствующих документах.

В довоенные годы, например, санитарные врачи могли успешно охранять водоисточники на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 мая 1937 г. «О санитарной охране водопроводов и источников водоснабжения»[615]. Да и в послевоенные годы на ту же тему появилось постановление СМ СССР от 31 мая 1947 г. «О мерах по ликвидации загрязнения и санитарной охране водных источников»[616]. Однако, по существу, эти решения ничем не кончались.

Очень большие права, например в части охраны атмосферного воздуха, санитарные службы получили в Положении о Всесоюзной государственной санитарной инспекции (ГСИ), которое было утверждено постановлением СМ СССР № 5272 от 21 ноября 1949 г. Впоследствии они были подтверждены в Положении о государственном санитарном надзоре в СССР, утвержденном постановлением СМ СССР от 31 мая 1973 г. за № 361. Подчеркнем, что решения санитарных органов имели уже тогда обязательную силу.

Разумеется, санитарные врачи теоретически имели все возможности для охраны здоровья людей на самих производствах химоружия. В послевоенные годы одним из таких документов было постановление СМ СССР от 23 января 1962 г. № 73 «Об улучшении условий труда на предприятиях и стройках».

К сожалению, правовые возможности санитарная служба не переплавляла в практические дела. Власти страны менее всего интересовались судьбой людей, брошенных ими на «химический фронт», и санитарная служба это видела и учитывала. В наши дни трудно найти серьезные данные о мерах по обеспечению техники безопасности на производствах химоружия, принятых санитарной службой, тем более — по лечению этих людей. Во всяком случае врачи Горьковского НИИ ГТП, которым в годы войны предстояло лечить рабочих Чапаевска и Дзержинска, пострадавших при выпуске химоружия, перед самым началом войны не имели никакого представления о методах лечения — все было секретно, даже от них.

Таким образом, вплоть до 60-х гг. охраной здоровья участников работ с химоружием должен был заниматься Минздрав СССР в лице своего санитарно-эпидемиологического управления. Именно оно отвечало за безопасность рабочих производств ОВ — прошлых и настоящих. Конкретно этими вопросами занимались соответствующие институты санитарно-гигиенического профиля.

Однако, начиная с 1968 г., медицинское и санитарно-гигиеническое обеспечение разработки и выпуска химоружия осуществляла уже не медицина Минздрава СССР, а спецмедицина при Минздраве СССР. Для спецмедицины был создан отдельный куст специнститутов. Сначала это был Институт биофизики (Москва), затем Институт гигиены труда и профпатологии (НИИГП, Санкт-Петербург; ныне это НИИ гигиены, профпатологии и экологии человека, НИИ ГПиЭЧ) и Институт гигиены труда, токсикологии и профпатологии (НИИГТП, Волгоград). А с 70-х гг. в той системе стал функционировать еще и НИИ «Медстатистика», созданный для сбора и оценки информации о высокотоксичных веществах на

потребу любителей химической войны. Во всяком случае отчет этого института, касающийся токсикологии диоксинов[1019], не имел ни малейшего отношения к идентификации и лечению болезней рабочих ПО «Химпром» в Уфе, которые пострадали от диоксинов при выполнении заказа армии по созданию химоружия для уничтожения растений[13]. Все эти специнституты и поныне входят в замкнутую систему спецмедицины, которую в новой России стали именовать сначала Федеральным управлением медико-биологических и экстремальных проблем при Минздраве (Медбиоэкстрем)[1020], а ныне — Федеральным медико-биологическим агентством (ФМБА)[1021].

Чтобы понять нацеленность ФМБА и уровень его отношения к обществу, отметим, что до наших дней ни один серьезный документ этого управления не стал достоянием общества.

14.2. БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОЕКТЫ, ПРОИЗВОДСТВА, ГРАЖДАНЕ

В своем секретном подполье советская медицина иногда участвовала в подготовке производств химоружия. Во всяком случае в первые послевоенные годы на нее возлагалось изучение новых проектов на предмет их безопасности. К сожалению, клятва Гиппократа не всегда гарантировала качество этого надзора. Приведем несколько примеров, касающихся рассмотрения медицинскими учреждениями проектных заданий как на реконструкцию старых производств СОВ (иприта и люизита), так и на строительство новых производств ФОВ (зарина, зомана и советского V-газа).

В послевоенные годы на заводах химоружия активно выполнялись работы по усовершенствованию и перестройке производств СОВ, изношенных за годы войны, в частности в Чапаевске, Сталинграде, Березниках. И, как и в прежние годы, новые проекты оказывались столь же неэкологичными, что и в периоды индустриализации и тяжелой войны. И иногда, в особо вопиющих случаях, врачи даже пытались сдерживать проектировщиков.

В частности, в отношении безопасности производств ОВ первого и второго поколений на заводе № 91 в **Сталинграде** дела обстояли неутешительно. Это стало ясно, например, 6 сентября 1951 г. во время обсуждения в НИИ гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР проекта реконструкции корпуса № 101 производства иприта **(XX)**. Как и десятилетия назад, в проект закладывалась столь варварская «технология», что даже врачам ничего не оставалось делать, как указать МХП СССР на необходимость разработки «более совершенных методов производства иприта, при которых была бы исключена возможность острых и хронических отравлений рабочих».

На примере производства зарина **(XXIII)** в Сталинграде поясним, почему врачам приходилось быть столь осмотрительными. Дело в том, что в одном из проектных заданий на строительство объектов (1952 г.) обсуждались вещи, которые были немыслимы для этого ФОВ нервно-паралитического действия и которые врачи не видеть не могли. Адаптируя производство зарина под реальный уровень технической культуры завода, проектанты предусматривали на складе готовой продукции такие фантастические вещи, как удаление с пола сточных вод и продуктов дегазации, как если бы они заранее ожидали прямые проливы зарина на

пол. Для цеха снаряжения обсуждалась принципиальная необходимость исключения замера зарина в налитой оболочке химбоеприпаса ручным шаблоном (как иприт в войну). Размышляли и над тем, как обеспечить аккуратное опускание запального стакана в заполненную зарином оболочку боеприпаса, с тем чтобы ОВ при этом не расплескивалось. Планировалось также и изменение способа испытаний оболочек на герметичность (не вылеживание в течение 6 часов, а испытание под вакуумом 15–30 минут). И все это происходило как если бы речь шла о выпуске иприта в 1942 г., а не зарина в 1952 г., как если бы не было шестилетних безуспешных попыток соединить низкую культуру советских химических производств с высокотехнологичным трофейным оборудованием из Дихернфурта-на-Одере[428]. Однако, пожалуй, самыми примечательными были наметки проектантов по защите персонала. Для защиты людей планировалось использовать чудо, увиденное в Германии — скафандры. Не все указанные меры проектантов немедленно нашли дорогу в реальную жизнь, на это ушло много лет страданий людей и подковерных споров между «специалистами». Однако скафандры так и остались лишь в мозгу проектантов, их никто никогда не использовал при выпуске ФОВ — ни в 1952–1987 гг. в Сталинграде, ни даже в 1972–1987 гг. в Новочебоксарске[51]. Эти скафандры просто не стали создавать, а «врачи» настаивать на их безусловном внедрении тоже не стали.

В 1953 г. в проектное задание на зариновое производство на заводе в Сталинграде внесли очередные уточнения, относящиеся к технике безопасности: расширение санпропускника, использование на второй фазе снаряжения боеприпасов зарином защитной одежды для рабочих всех профессий, сокращение рабочего дня на третьей фазе снаряжения до 6 часов, изоляцию на ней помещения для наполненных зарином химбоеприпасов и сушильных камер от остальных помещений, которые считались невредными. Что касается выбросов в атмосферу, то все — и врачи, и химики — смирились с неизбежным, и им пришлось пойти на проектирование подъема трубы для выброса воздуха из вытяжной вентиляции до высоты 20 м[51]; в «ипритную» эпоху труба была много ниже.

Подводя итог эпопее внедрения в жизнь производств ФОВ, отметим, что они не были под силу государству со столь низкой культурой химических производств и столь безответственным отношением к человеку (субъекту этих производств), каким был Советский Союз 40–80-х гг. Тем не менее внедрение состоялось. В результате пострадали жители Волгограда, Новочебоксарска, Дзержинска, Вольска, причем в первых двух городах — в массовых масштабах.

А причина проста — активному нажиму проектировщиков противостояло лишь пассивное сопротивление медицины. Приведем еще несколько примеров.

В Чувашии на новом производстве ОВ было то же самое, что и на старых производствах в других городах. Так, 10 сентября 1962 г. НИИ гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР выдал повторное (первое заключение было дано 6 марта 1961 г.) — положительное — заключение на проектное задание III производства ПО «Химпром» в Новочебоксарске по выпуску зарина и зомана и снаряжению ими химических боеприпасов (проектом было продекларировано, что «сточные воды собираются в одно место и подвергаются дегазации и очистке»). Документ подписал директор этого института академик АМН СССР, проф. А.А. Летавет. Проектное задание было рекомендовано институтом к дальнейшей разработке, причем замечаний по существу сделано не было[586].

Впрочем, это разрешение так и не потребовалось — в 1964 г. власти решили выпускать в Чувашии не зарин и зоман (их производство оставили в Волгограде и планировали в Павлодаре), а много более токсичный советский V-газ **(XXV)**[438].

А это новое и в высшей степени опасное производство возводили по документации, практически не согласованной с официальной медициной. Причем к 1966 г. были получены более чем исчерпывающие медицинские данные об отрицательном воздействии советского V-газа на будто бы защищенных рабочих в процессе его опытного выпуска на заводе в Волгограде. Поскольку на самом деле рабочие защищены от ОВ не были, фактически советская промышленность химоружия осуществила массовое испытание этого новейшего ФОВ на людях[579].

Конечно, после переориентации завода в Чувашии на выпуск советского V-газа руководители санитарно-эпидемиологической службы и в Москве, и в Чебоксарах не могли не попытаться хоть как-то попридержать строительство в Новочебоксарске так называемого завода ядохимикатов, где планировался выпуск «продукта» с неизвестным не только назначением, но даже названием. В 1965–1968 гг. они просили о предоставлении хотя бы данных о токсических характеристиках «продукта» и особенно о его долговременном воздействии на людей. Без этих данных было трудно понять, какой рабочий день мог быть разрешен и мог ли вообще этот труд быть разрешен, если учесть фантастическую токсичность V-газа, к тому времени уже известную специалистам[586].

ИЗ САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ:

«В составе Чебоксарского химкомбината запроектировано производство № 3, проектное задание которого в республиканскую санэпидстанцию Чувашской АССР на рассмотрение не поступало и никаких данных о характере вредности этого производства не *имеется. При рассмотрении вновь откорректированного проектного задания химкомбината не учитываются выбросы в атмосферу, водоем и другие санитарно-гигиенические вопросы производства № 3. Республиканская санэпидстанция Чувашской АССР просит дать разъяснения.*

Главный санитарный врач Чувашской АССР В. Георгиев, 18 февраля 1967 г.»

«Республиканская санэпидстанция Чувашской АССР доводит до Вашего сведения о том, что производство ядохимикатов на Чебоксарском химкомбинате строится по не согласованной санслужбой проектной документации. В апреле с.г. республиканская санэпидстанция приостановила *строительство этого производства. Прошу Вас дать разъяснения.*

В. Георгиев, 25 октября 1968 г.»[586].

«Тов. В. Георгиеву. Сообщаю, что надзор за проектированием и строительством производства № 3 на Чебоксарском химкомбинате постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 704–262 от 2.IX.1968 г. возложен на III-е Главное управление при Минздраве СССР.

8 декабря 1968 г.»[118].

Однако когда главный санитарный врач Чувашской АССР В.Н. Георгиев попытался приостановить незаконное строительство III производства ЧПО «Химпром»[884], ему указали на тщету усилий — к тому времени могущественный ВХК провел через ЦК КПСС и СМ СССР иное решение (о передаче надзора за проектированием, строительством и экологическим состоянием производств боевых

ОВ из санитарно-эпидемиологической службы Минздрава СССР в Третье главное управление при Минздраве СССР[118]).

То же самое произошло и в связи с проектом будущего завода химоружия в Павлодаре. В 1967 г. санитарно-эпидемиологические службы в Москве и в Казахстане попытались не согласовать этот проект[588]. Однако вряд ли кто-либо обратил на это внимание и после 1968 г. завод продолжали строить с той же интенсивностью, что и до этого.

Таким образом, ВХК даже не стал больше преодолевать хотя бы пассивное сопротивление государственной санитарной службы СССР — от ее услуг просто отказались. Ну а что согласовывало Третье главное управление (управление секретной медицины) и как оно это делало, вряд ли наше общество узнает в ближайшие десятилетия.

Разрешение на выпуск советского V-газа в Новочебоксарске, против чего в 60-х гг. пыталось возражать даже санитарно-эпидемиологическое управление Минздрава СССР[586], пока вообще не было отстранено, лишь один из следов деятельности Третьего главного управления. Ныне можно подвести некоторые результаты деяний этих «врачей». Общий впечатляющий итог: утрата здоровья всеми участниками выпуска зарина, зомана и советского V-газа в Чувашии и в Волгограде. А их было около 8000. Таким образом, недалеко от истины раздающееся иногда суждение, что разрешение на выпуск V-газа в Новочебоксарске, которое было дано Третьим главным управлением при Минздраве СССР, — **это,** по существу, **преступное деяние**.

Обращаясь к воздействию производств ФОВ на природу, нельзя сказать, что никто не понимал их опасности. В принципе. Случались мягкие возражения и даже легкие споры под ковром. Но не более того.

Конечно, соглашательство медицины не проходило бесследно. Проектные документы, которые появлялись и позже, имели те же недостатки. В порядке курьеза укажем, что 8 августа 1970 г. в своем заключении Госсаннадзор СССР был вынужден не согласовать и возвратить на доработку технологический проект реконструкции II очереди ГСНИИОХТа (Москва) — корпус модельных установок № 2, лабораторный корпус № 3. Причина была вполне банальной — нерешенность отношений будущих сооружений с окружающей средой Москвы (очистки стоков и вентиляционного воздуха), планирование использования женского труда на модельных установках по производству высокотоксичных ОВ и т.д.

Впрочем, это был уже конец. Больше санитарных врачей никто ни о чем не спрашивал — дальнейшие разрешения без задержек давала секретная медицина.

Обращаясь к надзору за безопасностью работы и жизни людей на производствах химоружия, отметим, что выявить какую-либо заинтересованность санитарных служб практически невозможно. Во всяком случае при изучении скорбных документов прошлых лет практически не удалось найти хоть какие-то положительные примеры на сей счет.

Нижеследующий пример из области производств ФОВ характеризует фактический результат такого «надзора».

ИЗ ДОКУМЕНТА МИНЗДРАВА СССР, НЕ СГОРЕВШЕГО В БЕЛОМ ДОМЕ В НОЧЬ С 3 НА 4 ОКТЯБРЯ 1993 Г.:

«Медицинское обследование работающих на ЧПО «Химпром» и ВПО «Химпром» с 1969 г. осуществлялось НИИГП и НИИГТП Минздрава.

Численность пораженных при производстве химоружия с 1969 г. по этим предприятиям составила:

- *по ЧПО «Химпром» — 19 человек, все в легкой степени;*
- *по ВПО «Химпром» — 46 человек, из них: 1 — со смертельным исходом, 2 — тяжелой степени поражения, 3 — средней степени, остальные — легкой степени».*

Прежде чем обратиться к официальной позиции секретной медицины, необходимо учесть несколько принципиальных моментов, которые должны были задавать ей позицию при организации надзора. На примере ПО «Химпром» (Чувашия) они выглядят следующим образом. Во-первых, токсичность V-газа выше зомана в 7–10 раз, когда речь идет о проникновении в организм через органы дыхания, и в 250 раз, когда V-газ попадает в организм через кожу[48]. Во-вторых, на рубеже 60–70-х гг. **не существовало** не только **замкнутой системы норм и стандартов**, но и подходящих технических средств для измерения V-газа в воздухе рабочей зоны. В-третьих, не существовало и уже упоминавшихся скафандров, без которых производить ФОВ без потерь людей было в принципе невозможно[48,51]. Чем закончился такой «надзор», известно. В 90-х гг. только на ЧПО «Химпром» имели статус профбольных более 200 человек, какое-то количество людей было на подходе. А всего через это варварское производство в Чувашии прошли около 3000 человек.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ (1965 Г.):

«Отсутствие в настоящее время достаточно чувствительного метода для определения малых концентраций V-газа в воздухе в значительном мере затрудняет решение вопроса о пороговой и тем более предельно допустимой концентрации в производственных помещениях».

О существовании в Новочебоксарске и Волгограде 8000 людей, которые хронически поражены разными дозами ФОВ, теперь знают даже доктора медицинских наук Ю.И. Мусийчук (бывший руководитель НИИГП в С.-Петербурге) и П.Е. Шкодич (бывший руководитель НИИГТП в Волгограде). На уровне частных разговоров. А официальный Минздрав России все еще не в курсе. Соответственно, чтобы избежать более глубокого разбирательства, Минздраву России было бы целесообразно как можно скорее **пересмотреть** свое **отношение к тысячам людей, отравленным в Новочебоксарске и Волгограде на государственной службе по вине и при участии государственного ведомства секретной медицины и его органов на местах.**

В заключение укажем еще на одно направление работы Третьего главного управления: параллельный (и — тайный) санитарно-эпидемиологический надзор. О нем мало кому известно, однако следы его существования мешают проведению нормальной государственной экологической политики до наших дней.

Качество этого савнадзора секретной медицины можно вновь рассмотреть на примере производства V-газа. Утверждается, что будто бы в Новочебоксарске в «1973–1986 гг. систематически проводилось исследование уровней загрязнения газовых выбросов производства вещества типа VX и его полупродуктов»[647]. На самом деле в жилых района города, куда V-газ мог попадать во время аварий, технологических сбоев и даже при регулярной работе завода, осуществлялись измере-

ния лишь общего уровня загрязнения, связанного с деятельностью «Химпрома». Они проводились с использованием холинэстеразной, интегральной по сути, методики, и от таких измерений трудно было ожидать более или менее конкретного ответа на принципиальный вопрос об источнике загрязнения.

Что касается доступности результатов такого саннадзора, то они «имеют ведомственный характер» и потому все еще ждут «решения вопроса об их публикации»[647]. Публикации фактических данных о нарушениях гигиенических стандартов при выпуске советского V-газа не было, однако, еще очень много лет, а в 2004 г. первое сообщение об этом появилось лишь на тайной встрече среди «своих»[593]. Общественность туда не приглашали.

Государственная бюрократия и здесь оказалась в долгу перед человеком. А ведомство, укрывающее экологическую и медицинскую информацию, все то же — Федеральное управление медико-биологических и экстремальных проблем при Минздраве РФ. Именно оно Указом Президента РФ от 24 марта 1995 г. было определено ответственным за государственный саннадзор за проектированием, строительством и эксплуатацией объектов по уничтожению химоружия[920].

Санэпиднадзору РФ оставили возможность топтаться вокруг.

Для полноты картины следует указать, что рыночные условия побудили Госкомсанэпиднадзор подумать о реализации знаний и опыта своих специалистов, оттираемых от государственной кормушки конкурентами.

ГОСКОМСАНЭПИДНАДЗОР — ГОССОВЕТУ ЧУВАШИИ (3.2.1995 Г.):

*«Высококвалифицированную помощь в проведении санитарно-гигиенической экспертизы состояния окружающей среды в зоне влияния АО «Химпром» и изучении воздействия ее факторов на заболеваемость населения может оказать (*на хоздоговорной основе*) Нижегородский НИИ гигиены труда и профпатологии (директор Ю.П. Тихомиров), специалисты которого знают специфику выбросов предприятия, владеют методикой выявления зависимостей состояния здоровья от факторов среды».*

Насчет знания специфики выбросов ЧПО «Химпром» автор письма, пожалуй, погорячился. Начиная с 1967 г., Нижегородский (Горьковский) НИИ ГТП не имел отношения к ФОВ, и вся эпопея с выпуском V-газа в Чувашии прошла вне его опыта и даже знания. Это было делом Санкт-Петербургского НИИГП, чья принадлежность не к Госкомсанэпиднадзору общеизвестна и чьи санитарно-гигиенические экспертизы (на хоздоговорной основе) не вызывали благожелательного отклика в Чувашии.

Пожалуй, особенно отчетливо подход санитарных служб советской страны к здоровью людей проявился при решении проблемы санитарно-защитных зон (СЗЗ) вокруг заводов химоружия, которые должны были защищать граждан от опасного влияния токсичных выбросов с этих производств.

Обсуждать эту проблему в **Москве** в связи с деятельностью четырех заводов химоружия невозможно в принципе. Все они действовали прямо в городской застройке, и в то время, когда эти заводы выпускали ОВ, вопрос о формировании каких-то зон безопасности вообще не вставал. В первую очередь это относится к заводу № 51 (ГСНИИОХТ), который все 1930-е гг. снабжал армию ипритом и многими другими ОВ. И все время «газил» на соседние дома.

Деятельность завода № 102 в **Чапаевске**, который был, по существу, пионером массового выпуска химоружия, сказывалась на жизни города самым катастрофическим образом. Тем не менее СЗЗ вокруг опаснейшего завода не создавалась в Чапаевске никогда.

В **Дзержинске** изначально СЗЗ вокруг всех химических заводов также не создавались. Так было и перед Отечественной войной, и долгие годы после нее. СЗЗ отсутствовали в городе даже к началу 60-х гг., когда по нормам тех лет (Н-101–54) они должны были составлять 1000 м, а в особо тяжелых случаях (например, для производств ОВ) — 2000 м.

Ситуация в **Чувашии**, где производство химоружия создавалось после войны, аналогична. СЗЗ в размере 2 км не выдерживалась, поскольку она мешала расширению завода. И было предложено сократить СЗЗ в юго-западном и в западном направлениях. Расширение завода состоялось. А когда в 1987 г. производство опасного ОВ на «Химпроме» было остановлено, ситуация была такова, что пришлось обсуждать необходимость расширения СЗЗ до 4 км.

Распространять обсуждение на другие города химоружия вряд ли имеет смысл — санитарная служба в стране была одна и везде одинакова.

14.3. МУКИ РОЖДЕНИЯ ГИГИЕНИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ

Обращаясь к гигиеническим нормам и стандартам при проведении работ с ОВ, а также приборному инструментарию для оценки реальной зараженности производственных помещений и объектов окружающей среды, отметим, что при советской власти нормы могли существовать или не существовать, однако в силу секретности населению страны об этом знать не было положено.

К сожалению, гигиеническими нормами при производстве ОВ и вообще химоружия советская медицина занималась без необходимой дотошности.

Проиллюстрируем этот тезис на примере СОВ, имея в виду, что выпуск иприта **(XX)** в СССР начался в Москве в 1924 г., а люизита **(XXI)** — во второй половине 30-х гг.

Во времена, когда производства иприта и люизита только налаживались, например на заводе в Чапаевске, никаких норм, в частности для воздуха рабочей зоны, не существовало, хотя опасные уровни зараженности были тогда уже достаточно хорошо известны: 1) при воздействии в течение 45 минут концентрация паров иприта 0,012 мг/л приводит к тяжелому поражению глаз и слизистых дыхательных путей; 2) при вдыхании в течение 30 минут иприт в концентрации 0,07 мг/л может привести к гибели человека.

Равным образом в предвоенные годы не было приемлемых методик измерения концентраций иприта и люизита в различных средах, а также средств, которые бы обеспечивали абсолютную защиту персонала от поражения.

Для подтверждения укажем, какие именно концентрации ОВ в воздухе наши военные планировали измерять на поле боя. В 1939 г. были утверждены требования на газоопределитель для танка, и его чувствительность должна была быть таковой:

- фосген **(XIII)** — 0,001–0,003 мг/л;
- дифосген **(XIV)** — 0,001–0,003 мг/л;
- синильная кислота **(XV)** — 0,01–0,02 мг/л;
- хлорциан **(XVI)** и другие галоидцианы — 0,01–0,02 мг/л;

- мышьковистый водород **(XVII)** — 0,01 мг/л;
- иприт (пары) — 0,001–0,002 мг/л;
- люизит **(XXI)** — 0,005–0,01 мг/л;
- азотистый иприт — 0,001–0,002 мг/л;
- хлорацетофенон **(II)** — 0,0006 мг/л;
- адамсит **(III)** — 0,003 мг/л.

Разумеется, ни в 1939 г., ни в годы войны, ни в первые послевоенные годы серьезных газоопределителей у армии не появилось. А промышленность в те годы и не пыталась их создать — это было прерогативой армии.

Возвращаясь к положению в цехах по выпуску ОВ, отметим, что ситуация в Дзержинске, Сталинграде, Березниках отличалась от Чапаевска лишь в деталях.

С этим и вступили в войну.

В первую половину войны вопрос о соблюдении норм просто не возникал, однако быстрый и неуклонный выход из строя персонала спеццехов (более быстрый, чем подготовка замены) потребовал наведения хотя бы минимального порядка. Одна из столичных санитарных комиссий, работавшая на заводе № 102 в Чапаевске в апреле 1943 г., констатировала: за I квартал среди работников цехов №№ 4 и 5 было 8 случаев профзаболеваний, закончившихся смертью, и 17 случаев тяжелых форм профзаболеваний, когда работники были переведены в профинвалиды. Кроме того, 144 работникам было «рекомендовано» работать вне контакта с ипритом[560].

Причина всего этого комиссии была очевидна — зараженность воздуха. По иприту **(XX)** и только во время проверки она доходила до[560]:

- на зачистке налитых боеприпасов в цехе № 5 — 0,00015 мг/л,
- в третьей фазе цеха № 4 — 0,0017 мг/л,
- в санпропускнике — 0,0001 мг/л.

Однако эти цифры зараженности воздуха ипритом не были экзотикой, а были близки к разрешенным. Поскольку официальные санитарные нормы просто отсутствовали, по указанию ПГУ МХП СССР дирекции заводов и цехов должны были добиваться, чтобы концентрация иприта в воздухе рабочей зоны не превышала следующих значений:

- на наливе ОВ — 0,00012 мг/л (фактически в первом полугодии 1943 г. концентрации составляли 0,001 мг/л, по данным ЦЗЛ, заведомо заниженным),
- в кабине смешения — 0,00012 мг/л (фактически — 0,0072 мг/л),
- на чистке и укупорке боеприпасов — 0,00005 мг/л (фактически — от 0,00007 до 0,00012 мг/л),
- на вылежке боеприпасов — 0,00008 мг/л (факт — от 0,00017 до 0,0003 мг/л).

И эти цифры проходили как официальный «гигиенический стандарт», хотя установили его вовсе не врачи-гигиенисты, а администрация. Если учесть данные о концентрациях иприта в воздухе, которые приводят к тяжелым формам поражения и смерти, и о реальных концентрациях иприта в цехах Чапаевска, станет ясно, что весь **персонал был обречен**.

Подчеркнем, что все это происходило на глазах санитарных врачей.

И лишь через 3 года после начала Великой Отечественной войны, после личного решения И.В. Сталина (постановления ГОКО СССР от 1 июля 1944 г.) и последовавшего за ним решения ВЦСПС, советские санитарные врачи пришли, наконец, к мысли о необходимости установления ПДК для СОВ для воздуха рабочих помещений[549].

В общем, лишь через 20 с лишним лет после начала выпуска иприта, 26 февраля 1945 г., Главная ГСИ СССР объявила свой гигиенический стандарт — предельно допустимую концентрацию (ПДК) паров иприта в воздухе рабочих помещений — 0,00002 мг/л (2.10^{-5} мг/л, то есть 2.10^{-2} мг/м^3)[595]. Разумеется, в секретном порядке.

Если исходить из этой запоздалой нормы, естественно сделать вывод, что всю войну администрация (дирекции заводов и руководство МХП СССР) держала людей в заведомо отравленной атмосфере и что их поражение было неизбежным. **Это было организованное перемалывание жизней персонала.**

Остается отметить, что даже через 20 лет после начала работ с ипритом и после фактического отравления ипритом за годы войны порядка 100 тыс. людей на заводах Чапаевска и Дзержинска, Сталинграда и Березников советской медицине оказалось мало поставленного (фактически) опыта на людях — принятый ею в 1945 г. гигиенический стандарт был временным.

Курьез ситуации заключался также в том, что к моменту утверждения временного стандарта работы с ипритом в Чапаевске, Сталинграде, Березниках и Кирово-Чепецке (Кировская обл.) уже прекратились, а в Дзержинске — резко сократились. Таким образом, все годы войны государство и, в первую очередь, люди самой гуманной профессии — медицинская часть ВХК — сознательно не протестовали против нахождения людей в заведомо отравленной атмосфере (без каких-либо гигиенических норм), вследствие чего, повторимся, поражение всех участников работ с ипритом было неизбежным.

Изменения, произошедшие в последующие годы, были минимальными. Даже через полвека, к весне 1994 г., когда в живых осталось лишь около 300 человек, получивших поражение ипритом и люизитом в годы Отечественной войны, утвержденная ПДК для иприта в воздухе рабочей зоны так и не появилась. Существовала лишь не утвержденная, но реально использовавшаяся норма — 2.10^{-4} мг/м^3 (0,0000002 мг/л)[780]. Именно с ней предстояло столкнуться международным контролерам, которые должны были прибыть в пос. Горный (Саратовская обл.) для контроля за работами по ликвидации запасов иприта.

Гигиенического стандарта на иприт в воздухе рабочих помещений у нас не появилось даже в XXI веке, когда иприт просто закончился (табл. 14.1).

Однако мы не можем не подчеркнуть, что неофициальный гигиенический стандарт по иприту 90-х гг. для воздуха рабочей зоны в 100 раз более строг в сравнении с тем, что был установлен в 40-х гг., и это, безусловно, связано с тем опытом на людях, который фактически состоялся в годы войны и предоставил санитарной службе гигантский «экспериментальный материал». Соответственно, стандарт 90-х гг. в 1000–10000 раз более жесткий, чем нормы, объявленные распоряжением ПГУ МХП СССР. Таким образом, расхождение между ныне действующим — неофициальным — гигиеническим стандартом на иприт в воздухе производственных помещений и его фактическими концентрациями в цехах завода № 102 в годы войны доходит до 100000 и даже миллиона раз.

Таким образом, повторимся еще раз, в годы Отечественной войны на заводах химоружия шло **организованное перемалывание жизней людей.**

Остается констатировать, что ныне государство не собирается как-либо компенсировать своим выжившим согражданам их отравление ипритом в процессе его производства, осуществленное практически сознательно. Ведь эти люди были поставлены на выпуск иприта при полном отсутствии технической возможности обеспечения их личной безопасности.

Таблица 14.1

Гигиенические нормативы, введенные Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации в 2003–2007 гг.

Вредное вещество	Рабочая зона	Окружающая среда			
	воздух[600]	воздух[599]		почва[602]	вода[601]
	ПДКр.з.	ОБУВ	ПДК	ПДК	ПДКв.в.
	мг/м^3	мг/м^3		мг/кг	мг/л
Фосфорорганические ОВ					
Зарин **(XXIII)**	2.10^{-5}	2.10^{-7}	–	2.10^{-4}	5.10^{-5}
Зоман **(XXIV)**	1.10^{-5}	1.10^{-7}	5.10^{-7}	1.10^{-4}	5.10^{-6}
Советский V-газ **(XXV)**	5.10^{-6}	5.10^{-8}	–	5.10^{-5}	2.10^{-6}
ОВ кожно-нарывного действия					
Иприт **(XX)**		2.10^{-6}	–		
Люизит **(XXI)**	2.10^{-4}	4.10^{-6}	–	0,1	2.10^{-4}
Смесь иприта и люизита	–	–	–	–	–

Примечание:

ПДКр.з. — предельно допустимая концентрация ОВ в воздухе рабочей зоны объектов хранения и уничтожения химоружия;

ОБУВ — ориентировочный безопасный уровень воздействия ОВ в атмосферном воздухе населенных мест и ЗЗМ объектов хранения и уничтожения химоружия;

ПДКв.в. — предельно допустимая концентрация в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования в ЗЗМ объектов хранения и уничтожения химоружия.

В связи с этим важно подчеркнуть, что таких сложных гигиенических норм, как нормы для ипритно-люизитных смесей, с которыми работали в Чапаевске, Дзержинске и Сталинграде, не существовало никогда. Нет их и сейчас. Между тем боеприпасы с ипритно-люизитными смесями были основой советского химического арсенала, и именно ими было поражено большинство рабочих, поставленных государством на налив этого СОВ в боеприпасы.

Совокупность событий в связи с организацией производств ФОВ — ОВ второго поколения — аналогична, несмотря на совсем иной исторический период.

Одно из последних действий санитарно-эпидемиологической службы СССР, прежде чем она была отставлена от надзора за работами с химоружием, — утверждение ПДК на ОВ нервно-паралитического действия зарина в воздухе производственных помещений (1.10^{-7} мг/л, то есть 1.10^{-4} мг/м^3)[596]. Хотя эта норма была в обращении давно, утверждена она была — в секретном порядке — лишь 30 июля 1968 г., то есть через 9 лет после начала массового выпуска зарина (он начался в 1959 г., а опытные партии зарина выпускались с конца 40-х гг.), и просуществовала долгие годы.

В наши дни ПДК для зарина в воздухе рабочей зоны более жесткая (2.10^{-5} мг/м^3) (табл. 14.1). Однако эта норма если кому и поможет, то только международным гастролерам, которые будут наезжать из Гааги для проверки хода уничтожения в России боеприпасов с зарином и которые будут обеспечены соответствующими приборами. Рабочие Волгограда, работавшие без правил или по очень старым правилам и потерявшие на этом здоровье, вряд ли об этом догадываются. Тем более вряд ли они вообще знают, что были факти-

чески отравлены своей Родиной на вполне законных основаниях.

Сценарий в отношении другого ФОВ — зомана — был тем же самым. Гигиенический стандарт — ПДК на зоман в продовольствии и питьевой воде — санитарно-эпидемиологическая служба СССР утвердила (в секретном порядке) лишь 13 июля 1970 г.: через 5 лет после начала массового производства этого ФОВ нервно-паралитического действия[597]. И стандарт этот тоже был временным.

Положение с нормами, относящимися к V-газу, аналогично. После переписки 1965–1967 гг.[203,598] ПДК паров V-газа в воздухе рабочей зоны 5.10^{-6} мг/м^3 была утверждена в секретном порядке только в 1970 г., хотя опытное производство этого ОВ началось в Сталинграде еще в конце 50-х гг. ПДК для воды водоемов санитарно-бытового пользования 2.10^{-6} мг/л была утверждена (в секретных документах) в 1979 г. — после всех важнейших инцидентов (пожара и аварий), которые сопровождались попаданием V-газа в окружающую среду Новочебоксарска.

Наконец, расчетный ОБУВ (ориентировочный безопасный уровень воздействия) для атмосферного воздуха населенных мест 5.10^{-8} мг/м^3 был зарегистрирован в секретных документах лишь 15 мая 1990 г., когда V-газ уже не мог попасть в воздух Новочебоксарска — производство было три года как прекращено. Впрочем, называть ту норму «расчетной» вряд ли корректно, потому что в соответствии с существующей мировой практикой она просто в 100 раз более жесткая, чем для рабочей зоны. Однако на добавление этих двух нулей государству и работающим у него на службе токсикологам потребовалось 20 лет.

С другой стороны, говорить о том, что в период производства V-газ ни разу не попал в атмосферу г. Новочебоксарска, тоже некорректно, если в тот период не было не только норм, но и адекватных им средств измерения.

То же самое относится к Волгограду. Приказ на разработку методов определения ОВ в производственных условиях ГСНИИОХТ получил лишь в 1961 г.[832], то есть двумя годами позже начала промышленного выпуска зарина в Волгограде. К тому времени завод уже много лет вел опытный выпуск зарина, зомана и даже советского V-газа — в отсутствие приборов для их измерения в воздухе рабочей зоны на уровне гигиенических стандартов. Впрочем, мы не можем не подчеркнуть попутно, что измерительных приборов, способных обнаруживать ФОВ на безопасном для людей уровне, нет и поныне (табл. 8.4).

Остается добавить, что введение этих норм мало чем поможет нынешним жителям Новочебоксарска и Волгограда, пострадавшим при выпуске ОВ. ПДК для V-газа на поверхности кожи человека нет даже в наши дни. Между тем именно через кожу получили поражение подавляющее большинство рабочих, занимавшихся опытным и серийным производством химоружия на основе советского V-газа.

И ныне все эти люди заведомо поставлены в условия, когда они не смогут доказать Государству, что получили необратимое отравление советским V-газом и потому являются профбольными и профинвалидами.

14.4. ТАЙНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПАЛАТА № 13

Выше уже упоминалось, что попытки лечения людей, отравленных ОВ, начались еще в 20-х гг. в палате № 13 ПМКВГ (Москва-Лефортово), а также в Военно-медицинской академии в С.-Петербурге. Единственный значимый результат тех усилий — деятельность по сохранению секретности. И никакого вылечивания.

Вот почему, обращаясь к проблеме лечения поражений от ОВ первого (иприт, люизит) и второго (зарин, зоман, V-газ) поколений, мы вынуждены сразу констатировать, что по отношению к обеим группам отравленных людей врачи Советского Союза/России, по существу, совершили акт предательства.

И ту, и другую группу они лечили, но ни одного человека не вылечили.

Как уже упоминалось, вступая в Великую Отечественную войну, врачи Горьковского НИИ ГТП не знали о признаках отравления людей ипритом и люизитом и тем более о механизме воздействия на них этих опаснейших СОВ. И не только по причине секретности, но и потому, что в те годы советская наука больше интересовалась токсикологией СОВ, чем лечением отравлений ими.

ИЗ ДОКУМЕНТА:

«... До Отечественной войны, во время войны и до 1946 г. лечение рабочих спецхимии и разработка профилактических мероприятий на предприятиях спецхимии г. Москвы и Московской области осуществлялось в бывшем Институте им. Обуха (ныне Институт гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР). Сохранение гостайны обеспечивалось наличием спецклиники с профотделением (для лечения без отрыва от производства)» 10[22].

В годы войны 1941–1945 гг. трудовой «химический фронт» оказался особенно жестоким. Во всяком случае в ту войну **от отравления ипритом и люизитом пострадали все, кто участвовал** в масштабном производстве химоружия по заданию армии. Многие из них погибли непосредственно в годы войны, а также в первые послевоенные годы.

Однако специфическое лечение рабочих цехов иприта и люизита в Дзержинске (завод № 96), который расположен в получасе езды от Горького (Нижнего Новгорода), в годы войны практически не осуществлялось в силу отсутствия такового. Вмешательство врачей ограничивалось в основном констатацией заболеваний, установлением социального статуса отравленных работников и дачей разрешения на их вывод из опасных цехов (дальше этого дело не шло — на администрацию врачи не «давили»).

Еще меньше внимания уделялось рабочим ипритных и люизитных цехов Чапаевска (завод № 102), который отстоял от Горького много дальше. Что касается рабочих Сталинграда (завод № 91) и Березников (№ 761), то вряд ли они вообще получали хоть какое-то лечение.

Когда война закончилась, потребовалось два года, прежде чем СМ СССР определил правовой статус рабочих, утративших здоровье при выпуске в военные годы СОВ первого поколения, — иприта, люизита, их смесей и других рецептур на их основе. В постановлении, датированном 1 июля 1947 г., Минздраву СССР и МХП СССР было предписание обеспечить «систематическое медицинское наблюдение за ними и надлежащее лечение»[1023].

Как известно, от советского постановления до его претворения в жизнь — путь неблизкий. Прошло еще два года, погибло еще много людей, прежде чем часть ВХК — врачи и химики — собралась договариваться. Лишь 16–18 мая 1949 г. в Дзержинске состоялось совместное секретное совещание ПГУ МХП СССР и Минздрава РСФСР, на котором две стороны треугольника ВХК обсудили вопрос «об охране труда и техники безопасности работников спеццехов» в связи с производством в годы войны СОВ. За три дня было произнесено много отчетов и самоотчетов, однако проблема оказалась столь жестокой, что результатов, значимых для здоровья людей, у той встречи практически не получилось. Впрочем, даже минимальные договоренности того совещания не могли быть использованы теми сотнями работников, которые в войну травились СОВ и смогли дожить до 90-х гг. В суде свои права на утраченное по воле и по вине государства здоровье эти люди защищать не могли — они не располагали документами, которые могли бы им помочь в защите своих прав[605].

В течение многих лет атмосфера тайны позволяла советской медицине скрывать свое банкротство в отношении лечения болезней, вызванных ипритом и люизитом. И лишь на конференции 1949 г. стало ясно, что средств лечения этих заболеваний не существует. И неудивительно, что даже на сугубо секретной встрече «врачи» обсуждали лечение людей, которые были поражены, однако, не ипритом и люизитом, а некими продуктами «Н» и «Л». Единственное, что они не могли скрыть друг от друга, так это то, что за четверть века после начала работ с ипритом и люизитом в Советском Союзе не было вылечено ни одного человека. Особо точный итог был дан в выступлении начальника отдела техники безопасности завода № 96 (Дзержинск) Г.Б. Балло: «Мне кажется, что мы вправе сказать на основании предыдущих выступлений представителей врачебного мира, что **никаких радикальных способов** как излечения наших больных, так и приостановки идущего процесса никто не предложил, так как их **на сегодня нет**». Аналогичный вывод был сделан начальником отдела техники безопасности завода № 91 (Сталинград) А.Г. Богдановым: «К вам, товарищи ученые медики, предъявлены серьезные требования.., вы очень мало и недостаточно сделали в области отыскания новых методов лечения профбольных и профинвалидов от продуктов СОВ. Вы не привели ни одного случая выздоровления, а только констатировали смерть»[605].

А что же сделал Горьковский НИИ ГТП за столько лет? Он лишь разработал инструкции для определения, кого считать профбольными и профинвалидами и с какими показаниями направлять людей в спецстационар, а также бланки истории болезни. Зато к 1949 г., как с большой гордостью доложил на конференции директор Горьковского НИИ ГТП доцент А.С. Архипов, была «проведена широкая научная разработка вопросов клиники, профилактики и лечения поражений СОВ, в связи с чем выполнено 30 научных работ»[605].

ИЗ МЫСЛЕЙ «ПРОФЕССИОНАЛА»:

«1. Лечение СОВ заболеваний легких представляет сложную и трудную задачу, так как они отличаются распространенными и глубокими патологическими изменениями органов дыхания, которые нередко сочетаются с недостаточностью кровообращения и серьезными нарушениями обмена веществ.

2. Поскольку в результате патологических изменений в органах дыхания и кровообращения развивается кислородное голодание, одной из центральных задач лечения больных является достаточное снабжение их

кислородом. С этой целью необходимо устранять все препятствия к нормальному носовому дыханию (полипоз носа, синуситы) и для обеспечения компенсации нарушения газообмена проводить у больных с ранними формами пневмосклероза дыхательную гимнастику, тренирующую дыхательную мускулатуру.

3. С развитием у больных легочно-артериальной гипоксемии, к которой в последующем может присоединиться и циркулярная гипоксемия, необходима ингаляционная оксигенотерапия, которая может дать наибольший эффект при проведении ее в специальных кислородных камерах.

4. Тяжесть течения СОВ заболеваний легких и появление при них осложнений (перифокальных пневмоний, абсцессов и пр.) в значительной степени обусловлены инфекцией и снижением иммуно-биологических свойств организма больных.

Поэтому борьба с инфекцией играет очень большую роль в лечении больных с СОВ страданиями легких.

Необходимо устранить у больных депо инфекции (синуситы, кариозные зубы, тонзиллиты) и обеспечить хороший отток гнойной мокроты из дыхательных путей при помощи позиционного дренажа или, еще лучше, при помощи бронхоскопа.

5. При перифокальных пневмониях наибольший эффект может дать комбинированная терапия пенициллином внутримышечно и сульфаниламидами через рот.

Для подавления инфекции в дыхательных путях у больных с СОВ пневмосклерозами в периоде, свободном от вспышки, вызванной перифокальной пневмонией, показана повторная ингаляция аэрозольпенициллина.

6. Курортное лечение больных СОВ страданиями легких показано проводить в условиях сухого климата...

7. В системе комплексного лечения больных большое значение имеет рациональная диета...»

Проф. С.И. Ашбель, 16 мая 1949 г., Дзержинск[605]

К тому же из наукообразного словоблудия, которое было выдано на-гора в докладе проф. С.И. Ашбеля — медицинского лидера по болезням, связанным с отравлениями ипритом (продуктом «Н») и люизитом (продуктом «Л»), — совсем не следовало, что имелись в виду острые поражения ОВ кожно-нарывного действия. В первую очередь и навсегда поражались дыхательные пути — бронхи и легочная паренхима (пневмосклерозы). И заболевания эти были хроническими.

Что касается собственно излечения отравленных, то «лечением» в те годы называли не столько специфические мероприятия, сколько симптоматические — борьбу с инфекцией, диетотерапию, комплексную терапию и т.п. Система реабилитационных мероприятий в отношении профбольных и профинвалидов тоже сводилась лишь к отдыху, усиленному питанию и общеукрепляющему лечению. **Специфического лечения не было**. Оно могло быть только климатическим, и досталось оно лишь тем, кто дотянул до 1947 г. Однако под влиянием лечения процесс в лучшем случае удавалось на некоторое время стабилизировать, но не ликвидировать последствия отравления.

В наши дни из тех 100 тыс. молодых людей, которым в годы войны Родина поручила производить иприт и люизит, осталось в живых несколько человек, которых природа наградила особенно крепким здоровьем. Все они — профессиональ-

ные больные, и все они были брошены и забыты Советской Родиной. К тому же никто из них не может пойти в суд за справедливостью даже в наши дни — «врачи» из руководства Минздрава России твердо решили не рисковать, и данные вышеописанной тайной конференции[605] и иные материалы пострадавшим от иприта и люизита людям не предоставлять.

На рубеже 40–50-х гг. лица, которые называли себя советскими «врачами», вообще перестали искать способы специфического лечения людей от отравлений ипритом и люизитом. Возвращаться пришлось через полвека.

ИЗ ОТКРОВЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 24 МАРТА 1994 Г.:

Генерал А.Д. Кунцевич:

«Иприт и люизит — это не оружие вообще сегодня. *Это вообще не опасная вещь. Нам готовы [имеются в виду американцы, — Л.Ф.] исключить их из-под контроля»*[825].

Доктор медицинских наук Ю.И. Мусийчук:

(Третье главное управление при Минздраве):

«Последние годы ... мы оставили люизит и иприт как неперспективные. И никто не занимался ни средствами защиты, ни современными методами терапии. Эта область канула в Лету и была оставлена. Сегодня все это нужно возобновлять»[825].

Изучать решили на рубеже веков, причем на живых людях — настоящих и будущих больных жителях Камбарки и Горного, где завершили свой жизненный путь советские складские запасы иприта и люизита (забота об уже существующих профинвалидах из Чапаевска, Дзержинска, Волгограда, Березников, Кирово-Чепецка и Москвы не предусматривалась). Причем не только изучать, но и разработать документы по «лечению острых и хронических поражений» от иприта и люизита (именно такая нелепица определена Указом Президента РФ 90-х гг.). Активного участия зарубежных контролеров не предвидится — их национальной безопасности наши иприт и люизит не угрожают, а потому эти ОВ для них тоже не интересны.

Данных о влиянии ФОВ на людей в процессе производства в Советском Союзе было очень мало, особенно в первые годы работы с ними — в 40–50-х гг. Еще меньше у медицинских институтов Минздрава СССР было знаний в отношении лечения отравлений ФОВ. В 60-х гг. в связи с подготовкой к тотальной химической войне к работам с химоружием стали подключать Институт биофизики Третьего главного управления при Минздраве СССР. А после 1968 г. вся деятельность по надзору за благополучием людей и природы при производстве химоружия, включая ФОВ, была передана в исключительное ведение Третьего главного управления[118]. Без видимых изменений в смысле отношения к человеку. В этом ведомстве для работ с людьми, отравленными ФОВ, были определены два института — НИИГП (С.-Петербург) и НИИГТП (Волгоград). Именно там до наших дней сосредоточена вся медицинская и экологическая информация, которая была накоплена в связи с производством химоружия второго поколения. Что до судьбы людей, то эти институты занимались лишь диагностикой и облегчением состояния здоровья пострадавших. Самим лечением они не занимались[48].

ИЗ ОТКРОВЕНИЙ ДОКТОРА Ю.И. МУСИЙЧУКА:

«Удалось установить факт развития ***острых последствий даже после легких отравлений через 5-10 лет****. Вопрос, который в корне пересматривает опасность применения химического оружия. Не в момент применения будут основные потери, траты государства. Начнутся эти траты государства значительно позже. И экономически выльются в колоссальные затраты на лечение и поддержание этих инвалидов, которые появляются через десятки лет после возможного применения»*[825].

Приведенные слова Ю.И. Мусийчука заслуживают нескольких замечаний. Слово **лечение** в связи с ФОВ вкралось в цитату советского доктора лишь потому, что речь идет о «вероятном противнике» и его экономических и медицинских заботах. В отношении жителей России, и в особенности Чувашии, где сосредоточена основная масса людей, которые пострадали при производстве советского V-газа, термин «лечение» неприменим по двум причинам. Во-первых, средств лечения не существовало (их не разработали). Во-вторых, задача на лечение от ФОВ работников, пострадавших при их производстве, не стояла перед медицинскими учреждениями Советского Союза.

Конечно, речь идет не о словах — в этом недостатка не наблюдается.

ПРОЛИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КРОКОДИЛОВЫХ СЛЕЗ:

«Общественная депривация работавших с ОВ остается нескомпенсированной обществом. Значительные группы людей, выполнявших важные государственные задачи, оказались отвергнутыми.»[1024]

Процитированные слезы пролили 5 должностных лиц Медбиоэкстрема при Минздраве РФ, в том числе М.Ф. Киселев — самое высокое должностное лицо из группы. Именно они персонально ответственны за то, что нужды рабочих Новочебоксарска и Волгограда, которые участвовали в производстве ФОВ и пострадали от отравления, до сих пор не замечаются властями. Потому что именно это ведомство монополизировало обследование этих людей и выдачу заключений, позволяющих претендовать на социальную поддержку государства, и до настоящего времени не выпускает из рук эту монополию. Формулируется это так: Медбиоэкстрем «устанавливает связь заболеваний с воздействием токсичных химикатов, относящихся к химическому оружию»[1025].

МИНЗДРАВМЕДПРОМ — СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ:

«Лица, участвующие в производстве химического оружия, при наличии показаний, безотказно госпитализируются в клиники НИИ гигиены и профпатологии (г. Санкт-Петербург) и гигиены, токсикологии и профпатологии (г. Волгоград) для лечения и решения экспертных вопросов.

Заместитель министра В. Агапов.28.3.1995 г.».

Г-н В. Агапов писал неправду. Показаний, как правило, не находится, потому что под этим лежит осязаемый финансовый фундамент (цена поездки Чебоксары-С.-Петербург-Чебоксары, обследования в клиниках С.-Петербурга и Волгограда и надбавок к грошовым пенсиям, если нуждающиеся будут признаны профинвалидами).

Таким образом, реальных признаков того, что у секретной медицины произошла конверсия целей и что она обратилась лицом к проблемам реабилитации здоровья людей и санации земли, еще нет. Во всяком случае новая целевая ориентация, если она вообще существует, еще не декларирована, а имеющаяся в этом ведомстве информация недоступна даже для экологических и медицинских организаций.

Помощь пострадавшим пока практически невозможна.

14.5. МАЛЫЕ ДОЗЫ БОЛЬШОЙ ОТРАВЫ

Выше мы уже неоднократно сталкивались с ситуацией, когда медицина не обеспечивала безопасность людей при выпуске ОВ и вообще химоружия и не защищала тех из них, кто был отравлен на работе. Между тем у этого брака в работе врачей (появления отравленных работников) есть точное название — возникновение когорты профессиональных больных и даже профессиональных инвалидов. И с возможностью этого необходимо было считаться и не допускать. В жизни, однако, все было по-другому, особенно в связи с проблемой действия на работников производств химоружия малых доз токсичных веществ и, как следствие, возникновением больших масс хронических больных.

Связан сей чисто советский феномен был с тем, что проблема отравлений людей малыми дозами ОВ не вышла из тайных коридоров все еще остающегося в силе ВХК (разумеется, прячущегося за «отсутствием данных науки») на просторы реальной практики. Вот почему мы вынуждены рассмотреть этот трудный вопрос специально. Однако прежде чем перейти к людям, отравленным малыми и большими дозами ОВ первого (ипритом и люизитом) и второго (зарином, зоманом и V-газом) поколений, приведем случай из жизни совсем иной социально-политической системы.

10 марта 1991 г. американская авиация разбомбила склады химоружия Ирака, расположенные вдоль иракско-кувейтской границы. Как живописала пресса, в тот день ядовитое облако накрыло и воевавшие армии, и гражданское население. События тех дней не ушли в историю, а их результаты имеют непосредственное отношение к нынешним российским реалиям.

Конечно, о здоровье отравленного ОВ гражданского населения Кувейта и Ирака мало что известно, и вряд ли это кого-либо интересовало. Однако этого не скажешь о здоровье американских солдат, участвовавших в операции «Буря в пустыне». После войны далеко не все американские солдаты зажили нормальной жизнью, и около 100 тыс. ветеранов той войны обратились в медицинские учреждения с жалобами на состояние здоровья. До 1994 г. проблема здоровья тех ветеранов просто отрицалась. Потом специальной комиссией правительства США были подготовлены доклады, доказывавшие отсутствие связи болезней ветеранов с влиянием каких бы то ни было физико-химических воздействий во время операции. Полагали, что болезни, которые стали одолевать ветеранов спустя несколько лет после окончания войны, были вызваны психологическим стрессом.

Было даже введено понятие синдрома малых (локальных) войн, в данном случае — «синдрома войны в Заливе». А самих жалующихся ветеранов пресса стала «награждать» эпитетами вроде «симулянты», «психопаты», «слабаки».

Гром грянул 19 августа 1997 г., когда «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью «Химическое оружие может быть фактором, ответственным за болезни ветеранов Персидского залива». Впервые широкой публике сообщили то, что в научном мире было уже известно после появления в январе 1997 г. в «Журнале американской медицинской ассоциации» (JAMA) серии статей ученых Техасского университета о распространении и встречаемости разных заболеваний у ветеранов войны в Заливе. Симптомы заболеваний ветеранов объединились в шесть групп, из них три оказались основными. Первый синдром — «ослабленное познание» (проблемы памяти, сложность в понимании, бессонница, депрессия, постоянные головные боли), второй — «частичная атаксия» (парезы, нарушения равновесия, дезориентация в пространстве, головокружение, импотенция и др.), третий — «артомио-нейропатия» (мышечные боли и мышечная усталость, трудности в подъеме тяжести и т.д.). Содержание этих синдромов не могло быть объяснено травматическим стрессом, который ранее приписывался ветеранам. Как выяснили ученые, риск возникновения второго синдрома заметно увеличен для лиц, находившихся (по их заявлению) в зоне возможного действия химоружия и получивших профилактические химические препараты. Наиболее выражен он у солдат, которые находились в северо-восточной части Саудовской Аравии на четвертый день воздушной войны. Именно в эти часы авиация крушила иракские склады с зарином — одним из основных нервно-паралитических ОВ в арсенале Ирака тех лет.

Разумеется, министерство обороны США заявило, что ветераны войны в Персидском заливе не могли пострадать от ОВ, в частности от зарина, поскольку его концентрация в воздухе в районе боевых действий была заведомо ниже смертельной в 1000 и более раз. Однако в свете новейших научных данных это утверждение американских официальных военных более не может считаться убедительным. Для того чтобы убедиться в оправданности этого сомнения, достаточно обратиться к экспериментам последних десятилетий, которые были выполнены в Институте биохимической физики РАН. В этом институте много лет изучается воздействие малых и сверхмалых доз разнообразных биологически активных веществ на живые клетки и разнообразные живые организмы. Опыты показали, что многие химические вещества могут проявлять активность в двух интервалах концентраций — в тех, что обычно используются в экспериментах, а также при концентрациях, меньших, чем обычно изучаемые, в тысячи раз. Некоторые вещества были равно (или близко) биологически активными в концентрациях, различающихся в 10 тысяч раз! Таким образом, «обнаруженный» будто бы лишь недавно эффект ФОВ («синдром войны в Заливе») является не более чем частным случаем общего явления — **сверхнизкие дозы таких веществ могут вызывать такой же эффект, как и высокие дозы**[1026].

С позиции всех этих данных результаты, полученные учеными Техасского университета, находят объяснение. Пехотинцы армии США поражались не теми серьезными дозами зарина, которых обычно боятся военные, а малыми и сверхмалыми дозами ОВ. Следует подчеркнуть, что в проведенных научных экспериментах эффект сверхмалых доз проявлялся не сразу, а через некоторое, иногда довольно продолжительное, время. Можно, таким образом, говорить, что такие дозы могут обладать как бы «отложенным» действием. При сверхмалых дозах запоздание реакции — наибольшее. Так же — с большим запозданием — должно проявляться и влияние сверхмалых доз ОВ на людей.

Проблемы с воздействием сверхмалых доз зарина **(XXIII)** на здоровье солдат армии США требуют от нас еще раз взглянуть на дела в России. Дело в том, что ситуация, когда люди оказываются под действием небольших («подкритических») доз ОВ, складывалась в России бесчисленное множество раз, причем задолго до Второй мировой войны. Более того, ограниченная группа руководящих лиц советского ВХК знала об этом и сознательно скрывала от общества.

Несколько десятков тысяч работников химических заводов Волгограда и Новочебоксарска, Чапаевска и Дзержинска, Березников и Москвы многие годы участвовали в производстве кожно-нарывных СОВ и нервно-паралитических ФОВ и, несомненно, — все до одного! — должны были пострадать от воздействия малых доз. Например, работники новочебоксарского «Химпрома» в Чувашии ныне страдают от симптомов хронических заболеваний, очень похожих на симптомы заболеваний ветеранов войны в Заливе. И они требовали, чтобы будущий закон о социальной защите лиц, занятых на работах с химоружием, распространил бы льготы не только на «профбольных» (лиц, получивших это звание в результате острого отравления), но и на **всех** участников выпуска ФОВ. Впрочем, трудно ожидать, что российские официальные лица когда-либо будут гуманнее американских, в частности при решении вопроса о признании вины государства перед людьми, отравленными ОВ. И их отговорки похожи: «патологическое развитие личности с кверулентным поведением», «кляузники» (это — для слишком настойчивых пострадавших), или «рентная психологическая установка», «иждивенчество», «желание поживиться за счет государства», «симулянты» (это в случаях, когда люди требуют материальную компенсацию за утраченное здоровье).

Однако наши люди вовсе не симулянты. Сегодня их заболевания, наконец-то, получают достоверное объяснение данными современной науки. В последнее время вскрылся и такой примечательный факт. Исследователи секретного Санкт-Петербургского НИИГП из ФМБА при Минздраве России, похоже, уже давно обнаружили сходные с синдромами ветеранов «войны в Заливе» эффекты у своих подопечных — работников, которые были заняты на производстве советского V-газа **(XXV)** в Новочебоксарске. Однако они скрывали этот вывод от пострадавших и начали публиковать свои результаты только совсем недавно[1027]. Не потому ли, что американцы стали публиковать данные по своим ветеранам?

В настоящее время в России, как и в США, официально отказываются устанавливать причинную связь между отдаленными заболеваниями и влиянием малых доз ОВ. Такое нежелание понятно — это признание ведет к необходимости пересмотра всей системы защитных мер и от химоружия, и от всей химической промышленности. Однако в первую очередь это должно будет коснуться проблемы уничтожения химоружия. Между тем уроки «войны в Заливе» вместе с экспериментально доказанным теперь влиянием сверхмалых доз ОВ говорят, что этих «допустимых» концентраций окажется достаточно, чтобы медленно, на протяжении десятка лет («отложенный» эффект!), отравить все население, проживающее в десятках км окрест.

В ныне действующей правовой системе этот научный факт так и не был переплавлен в юридическую норму. Во всяком случае федеральный закон России «О социальной защите граждан, занятых на работах с химическим оружием»[975] обходит стороной большую группу граждан, которые подверглись хроническому отравлению малыми дозами ОВ.

Переходя от США, где справедливость была восстановлена в течение шести лет (в 1991–1997 гг.), к родным осинам, мы вынуждены констатировать, что на просторах СССР/России до справедливости пока очень далеко.

Дело в том, что знание о серьезном действии на людей малых доз ОВ было известно советской науке за полвека до опубликования нынешних выводов. Его можно, например, обнаружить в очень высоких официальных документах. Так, 4 июня 1938 г. заместитель наркома обороны СССР И.Ф. Федько (1897–1939) подписал приказ наркома обороны, в котором была объявлена очередная «Инструкция по профилактике интоксикаций в лабораториях РККА, работающих с ОВ»[546] (тот документ пришел на смену инструкциям 1925[516] и 1933[540] гг.). Более поздним поколениям жителей нашей страны, которых государство отравило во время работ с химоружием и не собирается этого признавать и тем более лечить, должно быть интересно одно из указаний той инструкции 1938 г.: «В отношении хронического отравления опасны ОВ кумулятивного действия, способные вызвать весьма серьезные болезненные расстройства даже в очень слабых концентрациях, не имеющих практического значения, при непродолжительном или однократном пребывании в них».

Однако на самом деле подобное знание было известно еще раньше — лет этак за 15 до 1938 г. Так, еще 23 июля 1924 г. на заседании Химкома при РВС обсуждались «полученные сведения от Фишмана», который в то время был военным атташе в Германии. Так вот, Я.М. Фишман сообщил, что «в Германии в настоящее время работают над возможностью боевого применения иприта и других ОВ в слабых концентрациях». Решение Химкома было тоже вполне военное: «просить секцию применения совместно с Главвоздухфлотом провести опыты действия иприта в малых концентрациях»[515].

Дальше — больше. В декабре 1929 г. очень большая группа рабочих и солдат пострадала в Электростали во время приемочных испытаний большой партии ЯД-шашек на Богородском снаряжательном заводе № 12. Оказалось, что люди отравились сверхмалыми дозами адамсита **(III)**, и это знание не только не было упущено, но и получило проверку во время больших войсковых испытаний ЯД-шашек в 1930–1931 гг.[311,313]. Неудивительно, что на состоявшейся в Москве в июне 1931 г. конференции токсикологов Я.М. Фишман обсуждал среди своих единомышленников практические следствия из накопленного за эти годы знания.

ИЗ МЫСЛЕЙ ОСВЕДОМЛЕННОГО:

«... по адамситу считалось 3–4-5 десятитысячных мг на литр — это есть порог действительно раздражающего действия адамсита. И что же? Применяя ядовито-дымные шашки, мы нашли, что действие ядовитого дыма сказывается на таких расстояниях от места выпуска, что концентрации адамсита должны быть там порядка не десятков тысяч, а порядка миллионных и даже десятимиллионных на литр и что там действие адамсита совершенно иное, что там он уже мало раздражает, он отравляет. Стало быть ясно, что мы не знали просто, что собой представляет, с точки зрения токсикологической, адамсит, не знали, что мы принимали за его характеристику преимущественное действие его при высоких концентрациях, а не изучали его действие при малых концентрациях, то есть тогда, когда раздражающее действие ослабляется, а на первое место выдвигается токсикологическое. Мы имели случаи, когда при длительных экспозициях такие концентрации в миллионных долях на литр вызывали отравления.

Дальше — кто из нас видел действие минимальных концентраций иприта в тысячных и десятитысячных [мг] на литр? Мы знали 0,1 [мг] при

10-минутной экспозиции — смертельное действие, и на этом успокоились. А действие маленьких концентраций? А между тем это вопрос исключительно военной важности... если подойти с точки зрения... минимальных концентраций иприта,.. я уверен, что при... экспозиции в 4–5 часов действия... малая концентрация будет действовать...

Я.М. Фишман, 3 июня 1931 г.»[539].

Знание любознательного Я.М. Фишмана (в прошлом эсера, а на тот момент красного командира) и близких ему лиц было скрыто от людей и прошло масштабную проверку. Проверка была сделана в течение нескольких десятилетий на примере жизни и здоровья тех десятков тысяч рабочих, которых представители советской власти без смущения заверяли в безвредности малых концентраций иприта **(XX)**.

Так что нет никаких сомнений в том, что те советские рабочие, которые работали в адамситных и ипритных цехах, были сознательно отравлены своими, то есть советскими же военными и врачами, теми, кому очень хотелось проверить на людях вопрос «военной важности» — о действии малых доз адамсита и иприта на живую силу вероятного противника. А потом повторили эту проверку на новой группе советских людей — тех тысячах работников, кто уже в послевоенное время был поставлен на производство зарина, зомана и V-газа.

А чтобы эта проблема получила необходимую завершенность, укажем на следующее прискорбное обстоятельство. Ниже будет обсуждаться обширный «Перечень вопросов, составляющих военную тайну по военно-химическому вооружению и военно-химической подготовке РККА», утвержденный 19 мая 1933 г. заместителем председателя РВС СССР М.Н. Тухачевским[703]. Так вот, тем перечнем было предписано держать под грифом «совершенно секретно» именно данные о действии ядовитых дымов «в сверхминимальных концентрациях».

Наследники маршала берегут ту тайну до сих пор. Во всяком случае даже в издании 2000 г. мы не найдем этой информации об адамсите[7], хотя адамсит и в наши дни входит в число находящихся на армейском вооружении ирритантов.

* * *

Советские деятели медицины, поставленные на защиту людей (и участников производств химоружия, и жителей, не имевших отношения к этим производствам), а также охрану природы, не были рыцарями своей профессии. Трудно найти положительные примеры успешности заботы советской медицины в облегчении тяжелейших условий труда работников производств химоружия. Не говоря уж об условиях жизни людей, живших вокруг многочисленных производств ОВ. Люди, которых советская медицина была призвана опекать и защищать, по существу, оказались брошенными. Тем более оказалась без присмотра природа, которая тоже пострадала от масштабной подготовки к наступательной химической войне.

«Каждый убийца, вероятно, чей-то хороший знакомый».
Агата Кристи

ГЛАВА 15. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЛЮДИ (МЕНГЕЛЕ ОТДЫХАЕТ)

Данные о подготовке к боевому применению химоружия на полях сражений нельзя оценивать в отрыве от информации о целенаправленных испытаниях его непосредственно на живых — своих (невражеских) — людях. Для двух ведущих ветвей советского ВХК — и Красной/Советской Армии, и советской промышленности — эта практика была делом обыденным. Равно как и для его третьей ветви — истово их обслуживавшей секретной медицины.

15.1. СОВЕТСКИЙ «ГУМАНИЗМ» — ВИД СВЕРХУ

Время от времени пресса обвиняет маршала Г.К. Жукова в том, что он, не смущаясь, бросал солдат на нерасчищенные минные поля и под смертоносные атомные взрывы. Вряд ли стоит лукавить. Конечно, Г.К. Жуков не относился к числу военных, способных воевать не числом, а уменьем — этого драгоценного качества великого А.В. Суворова у нас в стране не унаследовал пока никто.

Однако необходимо иметь в виду, что задолго до Г.К. Жукова в Красной (Советской) Армии активно действовала когорта генералов, маршалов и иных лиц чином поменьше, для которых не доставляло душевных трудностей послать беззащитных солдат под облака ОВ. И появились эти лица задолго до немецкого доктора Менгеле, на котором только и сфокусировались все обвинения в проведении химических опытов на людях. И до Г. Гиммлера, который лишь 7 июля 1942 г. разрешил проводить медицинские опыты над узниками концентрационных лагерей.

В своем отношении к человеку, зарабатывающему на жизнь участием в работах по подготовке к химической войне, наша армия не могла отличаться от жестокой государственной машины, ее породившей. **Испытания всех, в том числе новейших, ОВ на живых людях были стандартной практикой во все эпохи существования советского социалистического государства** — не только в эпоху Ленина-Сталина (20–40-е гг.), но и во времена Хрущева-Брежнева (50–80-е гг.).

НАМ БЫ ИХ ЗАБОТЫ:

ЛОНДОН, 9 февраля 2001 года. (Корр. РИА «Новости» Сергей Кудасов). В Великобритании человеческая кожа использовалась в исследовательских центрах, связанных с химическим оружием. Об этом сообщила в пятницу британская телерадиовещательная компании Би-Би-Си. Как передает корреспондент РИА «Новости», по признанию руководства Селисберского центра поддержания здоровья, до недавнего времени он продавал для таких исследований человеческую кожу своих пациентов, которая оставалась после проведенных пластических операций. Люди, невольно оказавшиеся в роли доноров, даже не подозревали, куда уходят остатки их кожи. За ее

регулярные поставки британское правительственное Агентство разработок и исследований в области обороны выплачивало центру ежегодно 17 тыс. фунтов стерлингов.

Как заявил британским СМИ представитель Минобороны, полученный «материал» использовался исследователями, занимающимися проблемами химического оружия. В частности, отметил он, с помощью полученной от медицинского центра человеческой кожи проверялась степень воздействия на нее химического оружия, которое может быть применено противником против британских солдат.

Разумеется, информация об испытаниях химоружия на подопытных людях и о последствиях этих испытаний публикуется неохотно во всех странах. Однако вряд ли могут быть сомнения в том, что в этом малопочтенном деле наша страна была безоговорочно впереди планеты всей. В Советском Союзе племя лиц, не обремененных сомнениями, было особенно велико.

Появление больших количеств людей, отравленных ОВ, советские военные химики и медики прогнозировали задолго до того, как производства ОВ и вообще химоружия были поставлены на поток и начались их масштабные испытания. Однако подготовка к появлению этого массива пораженных выглядела совсем не так, как принято в цивилизованных государствах. Исторически постановка проблемы восходит к далекому 1923 г., когда Советский Союз и Германия уже договорились о начале совместных работ с химоружием (имеются в виду и совместные испытания, и совместный выпуск в Чапаевске), а в Москве промышленность параллельно готовилась к производству иприта и хлорацетофенона по заданию армии и независимо от Германии.

Уже 24 сентября 1923 г. при обсуждении вопроса «Об организации медицинских исследований» Межсовхим заслушал планы А.И. Пахомычева. Этот доктор-инициативник для «исследования действия ОВ на организм человека» предложил всего лишь установить надзор «за местами, где идут работы с ОВ». Участники того совещания охотно согласились с идеей, что даже присутствие на подобных опытах даст возможность «использовать их для изучения действия ОВ на организм»[515]. А 22 декабря 1923 г. Межсовхим по докладу уже не доктора-инициативника, а работника военно-медицинской службы РККА врача З.М. Явича заслушал сообщение о работах Главного санитарного управления РККА в области военно-химического дела. Формула участия военных врачей и их подручных из промышленности выглядела, по-видимому, дико по нынешним временам, однако вполне нормально по стандартам тех тяжелых лет: «Считая, что **случаи отравления на заводах могут дать богатый материал для изучения**, Главсанупр совместно с ЦК союза химиков разработал анкетную карточку для обследования работников, занятых на производстве ОВ»[515].

Инициатива изучения отравленных помимо, а иногда и вместо лечения была переплавлена в систему конкретных действий. И все последующие десятилетия токсикологи (врачи-наоборот) из цивильных и армейских институтов и медико-санитарных частей (МСЧ) осуществляли постоянное наблюдение за симптомами отравления людей, брошенных на работы с ОВ, — разработку, испытания, производство, хранение. Полученная информация обобщалась и использовалась в армейской практике, однако эти обобщения так и не были представлены обществу в виде открытых публикаций. И уже не будут.

Здесь мы вынуждены подчеркнуть, что с самого начала советские врачи, а также врачи-наоборот (токсикологи) не хотели полагаться только лишь на случай-

ные события (и это понятно, поскольку во время случайных отравлений людей далеко не всегда известны два важнейших параметра — концентрация и экспозиция) — отравления стали активно планировать.

Так, 3 июля 1924 г. Химком при РВС СССР принял решение разрешить проф. А.А. Лихачеву — заведующему (с 1899 г.) кафедрой фармакологии 1-го Ленинградского мединститута — проводить **испытания токсичности** лакриматоров **на студентах** под предлогом «полной безвредности испытаний». Речь шла о хлорацетофеноне **(II)**, бромбензилцианиде **(VI)** и других ОВ слезоточивого действия. Одновременно проф. А.А. Лихачева просили организовать «клинику для животных по изучению лечения, главным образом, от иприта и люизита»[515].

А.А. Лихачев — один из основоположников советской токсикологии боевых ОВ — был организатором и заместителем директора по науке Санитарно-химического института (нынешнего Института токсикологии Минздрава России). По официальным данным, в 1924–1926 гг. им было изучено действие на людей не менее четырех ОВ — хлорпикрина **(I)**, хлорацетофенона, бромбензилцианида и дихлорацетона. На кошках и кроликах также был получен обширный объем информации, однако ее проф. А.А. Лихачеву было недостаточно. И уже через полгода после получения разрешения на проведение «безвредных» опытов на людях профессор констатировал нечто не ожидавшееся: «Продолжалось исследование лакриматоров на студентах, причем обнаружилось явление, затруднявшее исследование: при пребывании в струе воздуха в течение одной минуты невозможно создать невыносимую концентрацию, увеличение же ее влечет конъюнктивит. Ввиду этого меняется методика исследований».

«Трудности» эти, впрочем, никого не остановили. Уже в начале октября 1924 г. санитарно-лечебная секция Химкома при РВС СССР утвердила план работ на 1924–1925 гг., первым пунктом которого значилось «**экспериментальное изучение действия ОВ на организм** животного и **человека**»[515]. Да и в плане Химкома на 1924–1925 гг., среди прочего, значилась организация **испытаний ОВ на людях**: «Систематическое исследование раздражающих веществ на людях (раздражающих, чихательных ОВ)»; «Для изучения действия ОВ на людей предполагается использовать случайные отравления»[67].

Между тем практика плановых испытаний ОВ на людях к тому времени уже существовала, причем люди были объектом экспериментов не только раздражающих и чихательных ОВ и прочих ирритантов, но и много более опасного иприта — ОВ кожно-нарывного действия. Так, 25 ноября 1924 г. Химком рассмотрел результаты обширных токсикологических исследований ОВ, выполненных проф. А.А. Лихачевым. Формулировались они бесстрастно: «Кроме опытов на кроликах, ставились опыты и над людьми смазыванием кожи руки 1% раствором иприта. Получились волдыри, зажившие через месяц, лечение пока не применялось»[515]. Заметим попутно, что опыты с ипритом **(XX)** А.А. Лихачев поставил по своей инициативе — за полгода до этого доклада Химком поручал ему ставить опыты с ипритом и люизитом **(XXI)** на животных, а не на людях. Что до лечения от поражений людей ипритом, то лучше б он об этом не вспоминал — вылечивать от ипритных поражений в Советском Союзе не могли никогда.

Под удовлетворение любопытства советских токсикологов, приведшее к активным многолетним испытаниям кожно-нарывных ОВ на людях, подводилась не только научная, но и государственническая мотивация. В частности, 5–6 ноября 1925 г. сравнительная токсичность важнейших кожно-нарывных ОВ — иприта и люизита — явилась предметом обсуждения различных инстанций Химкома ВОХИМУ — его санитарно-биологической секции, а также пленума Химкома[518].

Причина дискуссии носила высокий характер, поскольку предстоял выбор при сооружении первых советских производств ОВ — иприта или люизита. Докладчик — только что пришедший на высокий пост первый начальник ВОХИМУ и «дипломированный химик» Я.М. Фишман — указал, что «результаты, полученные при испытании на животных, могут быть иными при действии на человека», после чего секция решила «**признать необходимым произвести необходимые испытания иприта и люизита на людях в отношении их кожно-нарывного действия**». Осуществление поручили двум уже известным нам «врачам» — проф. А.А. Лихачеву (Ленинград) и д-ру З.М. Явичу (Москва). Каждому было отпущено по 200 новых — полновесных, нэповских — рублей.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Произведена сравнительная оценка действия иприта и люизита на кожу человека и установлена токсическая доза каждого из них. Испытана токсичность смеси иприта и люизита — установлено, что смеси не дают никаких преимуществ перед чистыми ОВ», 27 сентября 1926 г.

Те деньги были потрачены с пользой для советской державы. Оказалось, «что сравнительное исследование действия люизита и иприта на кожу людей дало неожиданный и в то же время имеющий большой практический интерес результат — действие их примерно одинаковое, а по некоторым исследованиям (лаб. проф. Лихачева) люизит действует слабее иприта», о чем и было доложено руководящим инстанциям[76]. В результате было решено начать с возведения цехов по выпуску иприта. А строительство люизитных цехов было отложено на «потом», правда, ненадолго — до тех пор, пока военные химики не поняли, наконец, что физические свойства ОВ не менее важны, чем их токсичность.

Следует, впрочем, попутно спросить себя, а можно ли было проводить химические опыты не на людях, а хотя бы на обезьянах. Теоретически можно. Однако были два обстоятельства, которые этому препятствовали. Во-первых, как уже упоминалось, довольно часто люди и животные (даже обезьяны) имеют разную чувствительность к тем или иным ОВ, что не позволяет автоматически переносить на людей токсикологические данные, полученные на животных. Во-вторых, у советской власти в условиях «враждебного капиталистического окружения» были трудности с добычей обезьян. Попытка их преодоления в 1927 г. завершилась созданием в Сухуми знаменитого впоследствии питомника обезьян (ныне он находится в пос. Веселое возле Сочи). Однако путь к этому был труден. Во всяком случае из 20 обезьян, которые были куплены в 1927 г. в Африке за золото и отправлены на новую родину, в СССР, добрались лишь 4 — столь чудовищны были условия перевозки. Впрочем, делу химической войны тот питомник, по существу, принес лишь минимальную пользу — сухумские и все иные обезьяны оказались более нужны при подготовке к войне биологической.

А тем временем химические опыты на людях были продолжены, а их активное обсуждение — тоже. Для примера укажем на резолюцию, которую начертал Я.М. Фишман на документе, который касался обсуждения 23 декабря 1927 г. на Химкоме «возможных концентраций ядовитых и раздражающих дымов». Поскольку возникли разногласия насчет реального содержания ОВ в воздухе, Я.М. Фишман нашел способ их разрешения: «В ближайшее время организовать испытания на дифенилхлорарсин на людях»[515].

Впрочем, это был всего лишь эпизод. В целом проблема к тому моменту была решена в комплексе. Во всяком случае к концу 1927 г. при подведении итогов научно-исследовательской работы ВОХИМУ РККА в соответствующий документ была впечатана гордая фраза: «**Изучена токсикология важнейших боевых ОВ и составлена таблица действия их на человека**». Те данные оказались действительно впечатляющими[519]. Некоторые из них приведены в нижеследующей табл. 15.1.

Таблица 15.1

Советские токсикологические данные, полученные до 1927 г.[519]

ОВ	Объект испытаний	Орган	Испытатель
Дифосген (**XIV**)	Кошки		А.А. Лихачев
Иприт (**XX**)	Кошки	Дыхание	З.М. Явич
		Печень	
		Почки	
Люизит (**XXI**)	Кролик		З.М. Явич
Хлорпикрин (**I**)	Люди	Глаза	А.А. Лихачев
		Легкие	
Хлорацетофенон(**II**)	Люди	Глаза	А.А. Лихачев
Хлорацетофенон (**II**)	Кошки	Глаза	А.А. Лихачев
		Легкие	
Бромбензилцианид (**VI**)	Люди	Глаза	А.А. Лихачев
	Кошки	Глаза	

Однако это было лишь начало.

Не лишним будет напомнить о заседании научного совета ИХО РККА от 13 апреля 1929 г., на котором д-р З.М. Явич доложил о работе своего V (токсикологического) отдела. Среди прочего отделом «было проделано большое количество опытов по сравнению дифенилхлорарсина и адамсита. Опыты проделывались над животными и людьми (12 чел.). Испытания на людях дают совершенно иные результаты, чем над животными». Дальше в докладе зашла речь о сухих деталях. Среди прочего было упомянуто, что «у некоторых адамсит вызывает интенсивную зубную боль»[515]. Руководил тем заседанием научного совета лично Я.М. Фишман.

Власть везде власть. И для увеличения масштаба химических опытов на людях, с переносом испытаний ОВ с отдельных людей на «широкие народные массы», все-таки требовалось решение на государственном уровне.

Описание этой стороны дела стоит начать с первого решения такого рода — приказа Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики от 22 июля 1922 г. об образовании окуривательных отрядов «для непосредственного ознакомления войсковых частей округов, фронтов и отдельных армий с боевыми химическими средствами и для обучения надлежащему пользованию противогазами и другими методами противогазовой защиты»[296]. Хотя в самом распоряжении не говорилось ни слова об организации опытов на людях во всеармейском масштабе, во многих воинских частях его прочитали именно таким образом. И начали реализовывать.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Командующему войсками МВО

Доношу, что при практических занятиях по окуриванию войск удушающими газами в Твери и Ярославле произошел ряд довольно тяжелых отравлений занимающихся.

Причиной этого было то обстоятельство, что занимающихся проводили через струю газа, заставляя их снять противогазы.

Такой способ занятий совершенно не предусмотрен приказом Вашим № 607 с.г. и инструкциями, к нему предложенными.

Руководители занятий не могли не знать опасности занятий без противогазов.

Прошу назначить расследование...

Начканокру Вольпян, 6 сентября 1922 г.»[533].

К сожалению, эти опыты имели многочисленные печальные последствия. Впрочем, в тот раз «химический энтузиазм» удалось остановить.

Проблема «огосударствления» опытов на людях, однако, оставалась. И когда она созрела, ее начали решать более чем спешно. Толчок был задан снизу. В октябре 1929 г. начальник военно-химического полигона в Кузьминках обратился в ВОХИМУ с предложением легализовать опыты на людях, которые до того проводились уже много лет вроде бы на общественных началах — без государственного освящения и... без материальной и иной заинтересованности подопытных людей.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Начальнику ВОХИМУ УС РККА
Копия: начальнику ИХО

Рапорт

В целом ряде опытных полевых работ нами в качестве биологического контроля применяются кошки, собаки, кролики и т.п. Для известных работ животные дают или слишком сомнительные результаты или дают заведомо неправильные показания или совсем не реагируют при тех же концентрациях, которые мы считаем боевыми для человека...

Несовершенство биологического контроля нами своевременно ставилось в известность как Химком, так и ИХО, которые как будто бы ставили эти вопросы в порядок дня, но результатов нет...

Все указанные обстоятельства заставили возбудить перед Вами проблему перехода в ряде опытных работ на контроль по человеку, как контроль неоспоримый, несомненный и дающий быстрое и окончательное решение вопросов...

Конкретно мы могли бы допустить контроль на человеке в следующих случаях: 1) заражение ипритом почвы, 2) дегазация иприта, 3) действие раздражающих ОВ в состоянии дыма и паров, 4) определение запахов на местности.

Например,.. для определения результатов заражения или дегазации в чулке костюма делается прорез в таком месте, где поражение кожи будет иметь наименьшую болезненность и принесет меньший ущерб работоспо-

собности. При переползании вырезы можно делать только на руках или в верхней части ног, защитив конечности сапогами и перчатками. Таким образом, мы будем допускать поражения на небольшом участке кожи. Такие поражения получаются в процессе работы неоднократно... Раздражающие ОВ контролируются теми же методами, которые у нас были и до сих пор...

Разумеется, риск и здоровье экспериментаторов должны компенсироваться: денежным вознаграждением (начсостав), усиленным питанием (красноармейцы), увеличением отдыха, а для лиц, подвергающихся экспериментам часто, обязательной ежегодной отправкой на курорты в дома отдыха.

Необходима легализация применения контроля.., тем более что это в практике работ уже применялось. Компенсация даст добровольное участие людей в опытах... С другой стороны, ИХО должен дать конкретные указания о методах контроля...

Начальник полигона В.И. Бузанов, 11 октября 1929 г.»[521]

Я.М. Фишман отреагировал мгновенно, причем он запланировал обсудить проблему и получить разрешение лично от наркома К.Е. Ворошилова[521]. Дальше все покатилось очень быстро, хотя реальный сценарий событий несколько отличался от того, что планировалось изначально, то есть без участия военного наркома. Так что не удивительно появление письма от 17 января 1930 г. председателя НТК ВОХИМУ П.Г. Сергеева — респектабельного химического профессора в будущем, а на тот момент большого энтузиаста химической войны. Именно он обратился от имени своего ведомства к руководителю «заинтересованного» смежного ведомства, а именно к начальнику Военно-санитарного управления РККА М.И. Баранову с предложением об осуществлении крупномасштабных испытаний химоружия на людях[522]. К письму были приложены два детально проработанных документа — инструкция и программа испытаний ОВ на людях.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА

«Начальнику Военно-санитарного управления.

Об испытаниях на людях.

Необходимость испытания ОВ на людях ясна для всех. Многочисленные наблюдения показывают, что незнакомство с ОВ и ядовитыми дымами приводит нередко к массовым психозам.

Все население СССР и, в первую очередь, весь состав Красной Армии должны быть окурены минимальными количествами дифенилхлорарсина, адамсита и хлорацетофенона.

Далее необходима проверка чувствительности красноармейцев к иприту. Это позволит выделить субъектов, сверхчувствительных к кожному действию иприта, и выявить малочувствительных людей.

Наконец, при биологических испытаниях средств защиты и нападения нередко контроль на животных дает сбивчивые результаты.

О необходимости перечисленных испытаний с целью ознакомления людей с ОВ при изучении военно-химических средств уже неоднократно докладывалось в Химкоме ВОХИМУ, но вопрос не двигается с места.

При рационально поставленных испытаниях опасность для людей имеется такая же, как при применении сильнодействующих лекарств.

НТК ВОХИМУ, прилагая при сем проект инструкции и программу испытаний ОВ на людях, просит Военно-санитарное управление высказать свои соображения по данному вопросу.

Председатель НТК Сергеев, 17 января 1930 г.»[522]

Как видим, мотивация известному профессору-химику далась легко, хотя из песни слова не выкинешь, и мы вынуждены констатировать, что истовое служение Советской Родине не очень тогда помогало (по крайней мере, во время Отечественной войны профессор делал ту же самую работу в ином звании — з/к из НИИ-42). Причем не только общая мотивация (**«Необходимость испытания ОВ на людях ясна для всех»**), но и пассаж насчет того, что **«все население СССР** и... весь состав Красной Армии **должны быть окурены»**. Тем более что «контроль на животных дает сбивчивые результаты». Так что соответствующая инструкция выглядела вполне логично.

«ИНСТРУКЦИЯ ПО ИСПЫТАНИЮ ОВ НА ЛЮДЯХ (13.1.1930 Г.):

1. Испытание ОВ на людях допускается или в качестве составной части практического обучения военно-химическому делу или для целей биологического контроля (полевые испытания ОВ, испытания противогазов, защитной способности тканей и объектов дегазации), если это требуется условиями опыта...

2. Испытания ОВ на людях могут проводиться только при условии полной безопасности для испытуемых.

3. Испытанию ОВ на людях должно предшествовать ознакомление с действием данного ОВ и по возможности с учебно-воспитательной целью испытания и даны инструкции о мерах защиты и поведения на случай аварии и возникновения опасности отравления.

4. Подвергающиеся испытанию предварительно освидетельствуются врачом в соответствии с требованиями предстоящего опыта.

5. Испытания на людях проводятся при обязательном присутствии медицинского персонала...

6. Людям, участвующим в испытаниях ОВ, ведется соответствующая регистрация с указанием даты и характера испытания. Для военнослужащих отметка об участии в испытании делается в их сан.-статист. картах.

К испытанию на себе раздражающих веществ или противогазов на хлор и фосген один и тот же человек не должен допускаться в общей сложности чаще 3 раз в месяц.

Повторные испытания нарывных ОВ на коже допускаются не чаще 3 раз в месяц. При наличии поражения от предыдущих испытаний последующие испытания допускаются только после окончательного выздоровления...

8. Лицам, подвергающимся испытаниям ОВ, может в случае необходимости выдаваться добавочное питание или денежное вознаграждение...

11. Нарывные вещества испытываются только по их действию на кожу... Биологический контроль с нарывными ОВ на коже человека допускается на участках не больше 2–3 см диаметром и одновременно не больше, чем на 2–3 участках; причем участки кожи для испытания выбираются

соответственно с интересами сохранения функций органа и работоспособности.

ПРИМЕЧАНИЕ. При наличии уверенности экспериментатора в том, что данный биологический контроль не вызовет поражения выше легкой формы эритемы, допускаются испытания и на больших участках.

12. Испытания новых веществ и биологический контроль с ними производятся осторожно, только начиная с самых малых концентраций и экспозиций, и переход к сильнее действующим дозам производится лишь постепенно.

13. Полевые испытания на людях производятся в научно-исследовательских учреждениях по программам, утверждаемым Начальником учреждения, а в частях по строго разработанным ВОХИМУ программам и с указанными веществами.»[522]

Хотя письмо П.Г. Сергеева[522] носило скорее формально-ритуальный характер (и задолго до, и многие годы после этого демарша в армии велись широкие испытания ОВ всех типов на людях вне зависимости от каких-либо решений и разрешений военных или гражданских медицинских органов), оно было показано всенародно известному наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Врачнарком ничуть не засомневался в планируемом варварстве, а лишь отметился на письме-обращении вполне благожелательной визой-резолюцией: «Вопрос нужно научно проработать и уточнить. 21.I.30 г.»[522]. За уточнениями дело не стало, и 16 февраля 1930 г. Военно-санитарное управление РККА направило в адрес ВОХИМУ РККА искомый ответ — согласие на проведение масштабных химических опытов на людях: «**применение испытаний ОВ на людях**, не только в целях уточнения имеющихся выводов о действии ОВ на организм, но и в целях ознакомления личного состава Красной Армии с ОВ и мерами борьбы с ними, **возражений принципиально не встречает**»[521].

Следует, однако, остановить внимание на форме переписки, состоявшейся по столь важному вопросу, как испытания химоружия на живых людях. Письмо от имени ВОХИМУ подписал не руководитель ведомства Я.М. Фишман, а его заместитель председатель НТК П.Г. Сергеев. Ответное письмо тоже подписал не сам руководитель ВСУ РККА М.И. Баранов, а его заместитель Б.К. Леонардов. Остается добавить, что оба руководителя военных департаментов — Я.М. Фишман и М.И. Баранов — отнюдь не страдали излишней скромностью, и все важнейшие документы старались подписывать лично. За исключением этого, столь важного, случая, когда безопасней было укрыться за спинами заместителей.

Во всяком случае за месяц до той январской переписки 1930 г. главы ВОХИМУ и ВСУ переписывались по столь же актуальному вопросу лично. Начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман в деловом письме своему коллеге из ВСУ РККА, упомянув о случае массового (пострадало более 40 человек) отравления рабочих от ЯД-шашек, который произошел 6 декабря 1929 г. на Богородском снаряжательном заводе № 12, попросил командировать на место представителя ВСУ для всестороннего выяснения и изучения причин отравления. Мотив был более чем деловой: «О результатах наблюдения за ходом лечения отравленных просьба сообщить в ВОХИМУ, поскольку в данном случае имеет место действие ОВ мало изученного». Другими словами, состоялся «счастливый случай», так что грех было его не использовать. Я.М. Фишман не забыл этот случай отравления адамситом **(III)** на большом расстоянии чрезвычайно низкими концентрациями, и потом он неодно-

кратно возвращался к проблеме, подняв ее на принципиальную высоту. Это явление не только стало предметом изучения во время больших испытаний ядовитых дымов в Астраханской[311] и Ново-Орской[313] экспедициях 1930–1931 гг., но и было впоследствии как важнейший научный результат надолго заключено под гриф «совершенно секретно».

Реальная жизнь требовала от таких политиканов, как Я.М. Фишман, очень хитромудрого поведения. Дело в том, что через месяц после письма П.Г. Сергеева от 17 января 1930 г. в ВСУ об организованном проведении химических опытов на людях, появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г., в котором была поставлена задача на активный поиск «вредителей». И под это дело Я.М. Фишман сумел избавиться от всех своих конкурентов, включая проф. Е.И. Шпитальского. Не исключено, что под это дело он планировал зачислить во вредители и проф. П.Г. Сергеева.

Любопытно в связи с этим решение химической секции НТК ВОХИМУ, которая заседала 8 июня 1930 г.[521]. Было то заседание посвящено важной и плохо находившей решение теме — «методике химического и токсикологического определения плотностей заражения ипритом». Среди прочего на том заседании постановили «считать необходимым возбудить ходатайство о разрешении проводить испытания на людях» — с другими способами определения иприта были постоянные трудности. На том заседании присутствовал и П.Г. Сергеев, который ни слова не сказал о том, что он уже заручился поддержкой армейских верхов в резком расширении химических опытов на людях. Ему нужно было получить соответствующее решение от «своих», хотя бы задним числом, тем более что высокой должности руководителя НТК ВОХИМУ он к тому времени уже лишился (а 17 июня 1930 г. в штабе начальника вооружений РККА было даже решено «работу НТК ВОХИМУ считать неудовлетворительной»).

Однако решения — решениями, а жизнь — жизнью. В июне 1930 г. на химическом полигоне МВО во Фролищах при испытании приборов заражения местности получили поражение от иприта **(XX)** 24 человека. Донос об этом тут же достиг наркома НКВМ К.Е. Ворошилова, и он издал сердитый приказ от 7 июля[530]. А Я.М. Фишман, в свою очередь, издал разгромный приказ по ВОХИМУ от 19 июля, где осуждал июньские опыты по «испытанию защитной одежды на людях» на полигоне в Кузьминках, которые предполагали многочасовое пребывание людей в «защитной» одежде, облитой ипритом, и которые привели к поражению ряда участников испытаний (а те опыты получили поддержку НТК).

В общем, тогда, в 1930 г., проф. П.Г. Сергеев удержался, тем более что срочно потребовался его профессорский опыт для налаживания производств ОВ на химическом заводе № 1 (Москва): проф. Е.И. Шпитальским к этому времени уже пожертвовали (работа в звании з/к ему, по-видимому, не удалась, и он умер в 1931 г.). Посадили П.Г. Сергеева позже.

Возвращаясь к проблеме выбора — использование «счастливых случаев» и/или проведение прямых опытов на людях — отметим, что среди своих единомышленников Я.М. Фишман людоедских убеждений не прятал и уже упоминавшуюся проблему «счастливых случаев» развил подробно. На конференции по токсикологии ОВ, проведенной 3–7 июня 1931 г. ВОХИМУ совместно с ВСУ, Я.М. Фишман во вступительном слове изложил то, что ожидал в будущем от участников: «Я считаю, дальше, что одной из важнейших задач токсикологии в военно-химическом деле является задача изучения механизмов действия ОВ… Нужно в лаборатории создать такую методику, при которой мы в миниатюре будем получать то, что будет реально в поле… Надо, наконец, приблизиться к тому,

как это будет отражаться на человеке. Мы все время оперируем кошками, баранами, лошадьми, козами и т.д. Но как это будет отражаться на человеке, мы не знаем. Я считаю, что нам необходимо разработать… такую методику, которая бы позволила… производить испытания над человеком… Нам нужно, по возможности, расширить масштаб испытаний на самом человеке. Наконец, к сожалению, у нас бывают несчастные случаи… Но **если несчастный случай произошел, мы должны всесторонним образом изучить этот счастливый случай**, потому что до войны где же его найдешь.»[539].

Вслед за военным химиком Я.М. Фишманом проблему испытаний ОВ на живых людях рассмотрели на конференции и многочисленные профессионалы — токсикологи врачебного происхождения. В установочном докладе доктор В.А. Саноцкий твердо объявил: «мы должны дать ответ, ну а как же отравляющие вещества при том или ином применении действуют на организм человека?». Ответ был дан конкретными делами. Один доктор поведал о разработке специальной методики: «Объект опыта включается непосредственно в камеру через специальное отверстие в стенке камеры, которое по размерам и по форме соответствует лицу человека. Прикрепленная к краям этого отверстия резиновая маска одевается на лицевую часть головы таким образом, что лицо объекта находится в одной плоскости со стенкой камеры… Размер камеры 1300 литров. Частота и глубина дыхания контролируются водяным затвором. Исследования ведутся статистическим методом (возгонка, распыление ОВ)… Таким образом,.. объект непосредственно и немедленно подвергается воздействию находящегося в камере ОВ… Объектами при испытании раздражающих ОВ должны быть только люди… Мы в своей практической работе предпочитаем пользоваться системой однократных, всякий раз свежих, объектов из красноармейцев Московского гарнизона». Другой доктор в связи с «необходимостью глубокого изучения ОВ кожного действия» посетовал на то, что «человеческим материалом мы располагаем в чрезвычайно малом количестве». Вряд ли эти сетования были основательными. Выступившая после него женщина-доктор рассказала иное — она располагала достаточным количеством материала при изучении чувствительности к иприту кожи кролика и человека: «Всего под опытом было 24 человека и 135 кроликов… В опытах участвовали люди в возрасте от 19 до 45 лет и пять подростков от 12 до 15 лет, разных полов, разной окраски как кожи, так и тела». Дальше — обычные подробности научного свойства: «Подростки обоих полов… реагируют еще сильнее, чем женщины. По своей реакции они больше подходят к кроликам».[539]

После той конференции пошла дружная совместная работа химиков и токсикологов, растянувшаяся на много десятилетий, — до самой кончины страны.

Некоторые результаты развернутых работ по испытанию ОВ на людях были приведены в отчете, который ВОХИМУ подготовил по итогам работы за первую пятилетку. Из того документа 1933 г. следует, что многочисленная когорта советских врачей, ставших по заданию Родины токсикологами, тратила средства бюджета не напрасно. Были «привлечены крупные научные силы», виднейшие профессора: Сперанский, Снесарев, Ловицкий, Лихачев, Лондон, Черкес, Байль, Альперин, Гринштейн, Вейнберг, Розенков и др. Работы были организованы в 42 учреждениях — Институте экспериментальной медицины, Ленинградском институте усовершенствования врачей, 1-м ЛМИ, Харьковском институте патологии и гигиены труда, Киевском, Одесском и Днепропетровском мединститутах, Институте им. Обуха (Москва) и т.д.[91]

Результаты ударного труда виднейшей советской профессуры следующие: «Систематически изучены токсические свойства важнейших ОВ общетоксиче-

ского и удушающего действия (в отношении различного рода животных), раздражающего и кожного действия (на людях) и смесей ОВ с составлением сводных таблиц токсических свойств всех важнейших ОВ.»[91]. Подчеркнем, что упоминание об исследованиях влияния на людей ОВ кожного действия означает, что опыты на людях с ипритом и люизитом стали массовыми.

О лечении людей, пострадавших от ОВ, в том отчете не упоминалось.[91]

Помимо военных химиков в ИХО-НИХИ, опыты на людях выполняли также военные врачи из НИИСИ — Научно-исследовательского и испытательного санитарного института Санитарного управления РККА (предыдущее название — ВСИ РККА)[543]. Он размещался в Лефортове (Москва) на территории ПМКВГ и работал в 13-м отделении этого госпиталя, где лечились люди, отравленные во время работ с ОВ. С 1930 г. этот институт имел также собственную токсикологическую лабораторию на химическом полигоне в Шиханах.

Эксперименты на людях с использованием всего арсенала ОВ, имевшегося в распоряжении военных химиков, продолжались многие десятилетия, причем их результаты были обобщены в многочисленных секретных отчетах и монографиях, впрочем, пока не ставших достоянием общества.

В заключение этого раздела необходимо подчеркнуть, что руководители предвоенных лет двух дружественных военных управлений — химического и санитарного — исходили из будто бы лишь кожного действия иприта (хотя в своих опытах они активнейшим образом использовали также действие иприта на глаза и органы дыхания). Однако в 1943 г. было показано, что на самом деле иприт является мощнейшим мутагеном. Более того, как уже говорилось, иприт является не столько кожно-нарывным ОВ, сколько калечащим — калечащим навсегда[8].

Впрочем, ни это, ни многие иные обстоятельства не помешали армии в лице ее особо боевитых представителей применять живых людей в качестве объектов испытаний всех без исключения рецептур ОВ, по крайней мере, до последнего года существования советской власти — 1991 г.

Посмотрим подробнее, как все это осуществлялось на практике.

15.2. ЛЮДИ-НЮХАЧИ ОВ

Нос не как объект литературы, а как устройство для измерения ОВ — дойти до такой идеи дано не любому. Тем не менее в Красной Армии эта идея была реализована. Предпосылки таковы. Известно, что в 20-х гг. не существовало не только серьезных токсикологических данных о различных ОВ, но и технических средств измерения их концентраций в воздухе, в том числе слезоточивых и раздражающих. Вот почему средством измерения ОВ армия определила обоняние живых людей, определила без особых обращений к совести, клятве Гиппократа и прочим химерам. Ограничимся лишь несколькими примерами, хотя сама практика была повсеместной.

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«...Если в хранилище нет скоро отравляющих снарядов, то при входе в него и разыскивании протекающих снарядов можно пользоваться непосредственным ощущением, по резкому запаху и по раздражению глаз. Если

эти ощущения вызывают кашель и вообще причиняют беспокойство, то следует надеть противогаз...

Приказ РВС СССР № 618/129 от 4 июня 1925 г.»[486]

Нынешнее поколение химического генералитета не знает, что первый советский военно-химический лагерный сбор 1926 г., состоявшийся на полигоне в Кузьминках, выявил, что запах иприта может быть обнаружен на расстоянии до 1 км от зараженного участка. Так в Красной Армии родился способ обнаружения зараженных ипритом участков — по запаху[298].

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«...Основным признаком заражения местности является наличие запаха ОВ, которым заражен данный участок...

Самая техника разведки зараженных участков, в общем, заключается в следующем: химик, идя по данной местности в противогазе, внимательно осматривает растительный покров данного участка и одновременно через каждые 1/2–1 минуту пробует окружающий воздух на запах, для чего слегка оттягивает шлем за ушами и слегка втягивает окружающий воздух под шлем...

Временное руководство по дегазации местности,
зараженной ипритом, 1928 г., ВОХИМУ»[645].

В дальнейшем эти «нюхательные» опыты стали армейской нормой. В частности, во время испытаний модернизированной осколочно-химической 76 мм артиллерийской гранаты и 107 мм осколочно-химического артснаряда, выполненных 28 февраля 1928 г. на полигоне в Кузьминках, биологический контроль ядовитого дыма осуществлялся с использованием людей, которые были выставлены в 60, 100 и 150 м от места подрывов с подветренной стороны (в их числе, кстати, был и энтузиаст — проф. А.А. Дзержкович). Выяснилось, что в 60 м от места подрыва 76 мм гранаты находиться без противогаза в облаке раздражающего ОВ невозможно в первые 30 секунд (до рассеивания облака), а после испытания 107 мм снаряда — на расстоянии 100 м в течение 59 секунд. Сделанные исполнителями выводы были конкретны. После испытания 76 мм гранаты они звучали так: «Существующая методика определения на глаза и нос раздражающего действия осколочно-химических снарядов не может служить мерилом ценности получаемого облака, так как не дает данных о величине частиц ОВ». А после испытания 107 мм снаряда — иначе: «Можно полагать, что на расстоянии 150 метров данный снаряд обладает достаточным токсическим эффектом»[221].

Еще один пример — серия испытаний 76 мм артснарядов в снаряжении трех ОВ раздражающего действия, которые были осуществлены методом подрыва 1–5 декабря 1929 г. на полигоне в Кузьминках с целью определения «времени, в течение которого можно находиться у места подрыва без противогаза». Биологический контроль эффективности и быстроты действия ОВ осуществлялся на людях, выставленных на различных расстояниях от места подрыва («люди располагались в окопах по направлению движения волны и после подрыва выходили из окопов навстречу идущей волны и становились на разных дистанциях от подрыва»)[221].

Человеческое обоняние нашло применение и в складской практике. Так, в январе 1929 г. в ВОХИМУ поступил документ под названием «Инструкция по качественному распознаванию отравляющего вещества в протекающих снарядах, налитых 5, 6 и 7 рецептами». В нем работник склада № 136 поделился не только знаниями о видах встречающихся по службе запахов (редьки, лука, чеснока, гнилой капусты), но и соображениями о практике конкретной работы на складах химоружия. Было, в частности, указано на возможность притупления обонятельных способностей у людей, особенно у простуженных лиц[521].

Возвращаясь к испытаниям химоружия, следует подчеркнуть, что опыты по испытаниям химических боеприпасов на основе таких ОВ, как адамсит, дифенилхлорарсин и хлорацетофенон, с использованием человеческого организма в качестве основного тест-средства стали системой. Это тем более понятно, что упомянутые ОВ на животных практически не действуют.

Переходя к другим типам ОВ, укажем, что той же зимой 1929–1930 гг. на полигоне в Кузьминках при проведении подрывов 152 мм артхимснарядов в снаряжении дифосгеном было сопоставлено восприятие этого удушающего ОВ животными и людьми. Как оказалось, «животные, участвовавшие в опыте 25/XII-29, за все время наблюдений дали норму, несмотря на то, что люди через 8–10 минут после подрыва не могли находиться без противогазов, начиная от места подрыва и до 5–60 м в направлении ветра, ввиду сильного действия ОВ на глаза и дыхательные пути»[222].

Своим чередом шли испытания ОВ и в ИХО РККА, причем обоняние и другие органы чувств людей использовались при испытании ОВ на всех стадиях — как уже поставленных на производство, так и вновь созданных.

Разумеется, впереди шагала наука. Во всяком случае уже в отчете ИХО за 1928/1929 гг. значилось, что «разработана и поверяется опытом методика испытания минимальных концентраций ОВ на людях». А в плане докладов на научном совете ИХО на 1930-й г. мы находим запись, относящуюся к маю того года: «Методика биологического контроля и испытаний нарывных свойств ОВ». В те годы это был такой эвфемизм: токсикологический контроль был двоякого рода — или на животных, или же биологический, под которым подразумевались опыты на людях.

Не отставала и практика. Так, летом 1929 г. в ИХО проводилась токсикологическая проверка образцов адамсита **(III)**, выпуск которого только что был налажен. Как указывалось в соответствующем отчете доктора З.М. Явича, «все опыты были поставлены исключительно на людях, и каждая концентрация во избежание субъективности в оценках проверялась на нескольких объектах. Протокольная запись возникавших в результате воздействия вещества и страданий велась по минутам и отдельно для каждого объекта»[521].

Тем же летом, тем же способом и тем же доктором был исследован также хлорбензилцианид, который структурно был родственником широко известного бромбензилцианида **(VI)**, однако не был токсикологически известен нашей «науке». Соответственно, в отчете было указано, что «все опыты поставлены на людях — красноармейцах 2-го химического батальона»[521].

Красноармейцы химического батальона были для «ученых» из ИХО РККА постоянным объектом опытов. Летом следующего 1930 г. их использовали при выполнении срочного задания начальника вооружений РККА И.П. Уборевича. Тому очень захотелось применить в качестве химоружия то, что содержится в красном перце, — алкалоид капсаицин. И хотя до постановки этого ОВ на вооружение дело не дошло, 19 красноармейцев все-таки стали объектом опытов, которые потом были подробно описаны в соответствующем докладе.

На полигоне в Кузьминках живые люди были стандартным объектом непрерывно проводившихся испытаний образцов ЯД-шашек. Так, 9 октября 1929 г. был выполнен выбор между шашками на основе дифенилхлорарсина **(IV)** двух марок — К-7 и К-15. Как указывалось в отчете, «наблюдатели должны были определить раздражающее действие, будучи не защищенными противогазами». Выбрали: ядовитая волна у шашки К-7 оказалась лучше. На этом интерес к ЯД-шашкам на основе дифенилхлорарсина не пропал. И 26 ноября 1929 г. была испытана серия из 300 шашек ЯД-1 в наполнении другой рецептурой на основе дифенилхлорарсина. На дистанциях в 100, 300, 500, 700 и 1000 м были выставлены наблюдатели, которые «должны были определить раздражающее действие будучи не защищенными противогазами, а также испытать действие самих противогазов на случай проскока ОВ». Во время того опыта была установлена боевая концентрация ОВ — 0,001 мг/л. А 20 ноября была испытана пара шашек на основе хлорацетофенона **(II)** — ЦИ-2 и ДЦИ-2. И на этот раз, как ненавязчиво сказано в отчете, «токсикологический эффект определялся на дистанции 1000 метров органолептическим способом.»[5].

Опыты эти — и в ИХО, и на полигоне в Кузьминках — продолжались несколько десятилетий, пока «ученых» не попросили из столицы.

Москвой, однако, дело не ограничивалось. Люди-нюхачи использовались для решения военно-химических проблем по всей стране. Приведем примеры испытаний, выполненных в 1930–1931 гг.

В марте-апреле 1930 г., во время экспедиции по проведению опытных работ по заражению и дегазации средств железнодорожного транспорта на ст. Шуерецкая (Карелия), среди прочего объектом химического нападения был избран железнодорожный состав с людьми и животными (лошади, овцы), следовавший через облако ОВ. Его целью была проверка герметичности вагонов — «с людями на хлор, с животными — на иприт». Методика проверки герметичности подвижного состава на проникновение в них ядовитых дымов хлора и хлорацетофенона была такова: «в момент пуска дыма все люди сидят, не надевая противогаза, и надевают их только в том случае, когда сидение без противогазов станет невозможным». Выводы были более чем научные: «ОВ проникает в вагон непосредственно по окутыванию его волной»; «уязвимым местом является нижний и задний край дверей»; «концентрация ОВ внутри негерметичного вагона в 2 раза слабее, чем вне его». Кстати, выполненное несколько позже, в июле, обследование показало, что продегазированные после ипритного заражения объекты «вполне обезвреженными считать не представляется возможным», а уровень опасности отобранных образцов вновь был проверен на людях[307].

2 марта 1930 г. состоялось испытание эффективности газовых волновых атак на артиллерийском полигоне АКУКС им. III Интернационала возле г. Луга (Ленинградская обл.). Всего было выпущено три ЯД-волны — две адамситовых и одна хлорацетофеноновая. На дистанциях 1000, 2000 и 4000 м от места пуска по направлению ветра были выставлены люди-нюхачи без противогазов для определения степени раздражающего действия ядовитого дыма. Получивший поражение руководитель волновых испытаний В.И. Бузанов (начальник НИХП в Кузьминках, Москва) был госпитализирован в Военно-медицинской академии в С.-Петербурге. Подопытные лошади не пострадали[308].

В том же 1930 г. измерение концентрации в воздухе ядовито-дымных ОВ с помощью обоняния живых людей был поставлено на научную основу. Только что образованный Военно-санитарный институт ВСУ РККА немедленно включил в свои планы актуальную тему «определение ОВ по запаху в связи с выделением

в частях так называемых химиков наблюдателей-нюхачей». Обосновывалось это тем, что «до настоящего времени не открыто еще ни одного более тонкого, чем обоняние, индикатора на большинство ОВ, определяющего присутствие их в полевых условиях». В рамках этой задачи предполагалось создать группу военных химиков-нюхачей и вести с ней регулярные занятия «в направлении и по указаниям ВСУ и ВОХИМУ»[521].

Большие полевые испытания ЯД-шашек были выполнены в сентябре 1930 года в районе Астрахани[311] и 1–23 марта 1931 г. в районе Ново-Орска (Оренбургская обл.)[313] во время масштабных экспедиций ВОХИМУ.

В период астраханских испытаний были сделаны достаточно серьезные наблюдения. В процессе непродолжительных пусков «незащищенные бойцы в той или иной степени теряют боеспособность на сравнительно короткое время, не превышающее 2–3 часов». Было показано также, что при стандартной норме (одна шашка ЯМ-21 на 1 м на фронте 5 м) на расстоянии 1000 м от места пуска создавалась концентрация адамсита 0,01 мг/л, и она была «невыносима». Авторы отчета раскрывают и «кухню» испытаний: «...постоянным затруднением является необходимость поверки действия адамсита на людях, так как ни одно животное не реагирует одинаково с человеком. И, кроме того, определению подлежат такие «тонкие» вопросы, как степень потери бойцами способности вести бой. Эксперименты только с животными, конечно, не дадут нужных ответов». После тех опытов в полевой пункт за медицинской помощью были вынуждены обратиться 73 человека. Один вопрос, впрочем, остался для организатора не очень проясненным. Признавая очевидное, что «при продолжительном воздействии адамсита не исключена возможность заболевания (может быть, тяжелого)» он в своем отчете все-таки нашел возможным заявить: «Полагаю все-таки нужным испросить разрешение на проведение испытаний шашек ЯД с продолжительной экспозицией на незащищенных людях-добровольцах»[311].

По результатам ново-орских испытаний их руководители сочли доказанной «значительную боевую эффективность» ЯД-шашек, в том числе возможность распространения ЯД-волн на основе адамсита **(III)** на расстояния 80 км и больше. Вывод руководителя экспедиции был вполне оптимистичен: «Случаи сверхдальнего распространения ЯД-волн свидетельствуют о том, что ЯД-средства являются не только важным фактором тактического порядка, но и химическими средствами оперативного значения». Распространение ЯД-волн фиксировалось с использованием подопытных людей. Отмеченные в докладе о результатах экспедиции «высокая сознательность и самоотверженность» имели свои следствия — 26 человек обратились за медицинской помощью[313].

ИЗ ОТЧЕТА РУКОВОДИТЕЛЯ БИОКОНТРОЛЯ НОВО-ОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1931):

*«**Все испытания проведены на людях**. Методика заключалась в следующем. Посты биоконтроля выставлялись на каждом километре, начиная с первого по пятый и частично по десятый... Наблюдения за подопытными субъектами осуществлялось врачами-токсикологами от начала до конца раздражения. Весь процесс протоколировался.*

Нахождение в противогазе после уже полученного раздражения очень часто делается невозможным.

Симптомокомплекс отличался особенно сильным и тяжелым течением, доставляющим объекту боли и страдания».

Много работы предстояло нюхачам во время больших испытаний новых средств химической борьбы на военно-химическом полигоне во Фролищах. При испытании ЯД-шашек с рецептурами на основе дифенилхлорарсина **(IV)**, которые состоялись в июле 1931 г., раздражающее действие определялось на людях, которые были выставлены на поле без противогазов. По результатам тех опытов токсикологи отчитались вполне квалифицированным заключением: «Объективно наблюдались кашель, насморк, отделение носовой слизи, слезотечение, чихание, в отдельных случаях тошнота и рвота. Субъективные жалобы сводились к головной боли, нытью зубов, жжению в груди. Весь этот симптомокомплекс соответствует тому, что мы обычно наблюдаем от воздействия дифенилхлорарсина, адамсита и других ОВ раздражающего действия»[312]. Опытами с дифенилхлорарсином и адамситом дело не ограничилось. Потом дошла очередь и до дифенилцианарсина и фенарсазиноксида. Их испытывали во Фролищах в августе 1931 г. Для определения их раздражающего действия на дистанциях 500, 1000, 2000 и 3000 м «выставлялись по 3–4 человека на каждую дистанцию и каждую волну»[312]. Продолжились те опыты на людях и в декабре[194].

Нюхательные возможности живых людей были приспособлены к военно-химическим делам и во время испытательных работ на полигоне в Шиханах. Так, летом 1932 г. начальник ВОХИМУ дал задание полигону выяснить «вопрос, на каком расстоянии от зараженного района удается иприт обнаружить по запаху и другими способами, а также указывает ли безусловно наличие запаха на опасное поражение или нет»[521]. А чтобы не было разночтений в понимании приказа, Я.М. Фишман распорядился: «результаты проверять в ряде случаев на людях».

В продолжение темы использования «нюхачей» при испытании образцов химоружия напомним, что в 1934 г. на полигоне в Шиханах были выполнены испытания нескольких типов КРАБ — курящихся авиабомб ядовитого дыма. Во время опытов с бомбой КРАБ-200, проведенных в апреле 1934 г., «для проведения биоконтроля... установлены были 3 поста на дистанциях 250, 500 и 1000 метров. Каждый пост биоконтроля состоял из 3-х подопытных красноармейцев». А эффективность авиабомб КРАБ-50, изучавшаяся летчиками и химиками в течение недели в октябре того же года, «проверялась на людях, выставленных на дистанции. Каждый пост биоконтроля состоял из 5–6 подопытных красноармейцев и врача. Биопост находился в волне до получения нетерпимого раздражения»[230].

От летчиков не отставали и танкисты. Для примера укажем на две работы, выполненные в 1935 г. на полигоне в Шиханах.

В рамках опыта «Действие ядовитого дыма на команду танка (водителя машины) при движении машины в ядовито-дымной волне адамсита с закрытыми люками» была применена стандартная методика. «Для определения результатов раздражения у незащищенного противогазом водителя рядом с водителем в танке находился врач, который регистрировал раздражения, получаемые водителем во время движения танка в дымволне, на обычном листке биоконтроля». Результат таков: водитель, «достигнув дистанции 700–750 метров от позиции дымопуска,.. получил раздражение сильной степени и больше не мог вести танк».

В аналогичном эксперименте по преодолению танком опытного поля в Шиханах оно было заражено бромбензилцианидом (ББЦ). «Для определения раздражающего действия ядовитой волны ББЦ на людях: а) Вне танка был выставлен подвижной пост биоконтроля в количестве 3-х бойцов,.. б) Внутри танка. Подопытные, незащищенные противогазом, водитель и командир машины, находились в машине танка,.. на расстоянии 500 м от подветренного края площадки». Результаты таковы: «Вне танка — подопытные лица... получили сла-

бое раздражение глаз на дистанции 630 метров.., среднее раздражение глаз на дистанции 270 метров и нетерпимое раздражение глаз на дистанции 200 метров. В танке. При движении танка со скоростью 10 км/час... находившиеся в танке водитель машины и командир т.т. Семов и Савинов включились в волну через 2 минуты... и получили раздражение глаз средней степени, а через 4 минуты... получили раздражение глаз сильной степени (нетерпимое) — машину вести не могли».

Обоняние людей использовалось для военно-химической разведки и иных дел не только на суше.

В мае 1937 г. были проведены два опытных химических учения кораблей Черноморского флота по теме «Применение ядовито-дымных завес.»[339] Во время первого эскадренный миноносец «Дзержинский» поставил ЯД- завесу (ЯДЗ) против крейсера «Красный Кавказ», во время второго — вошел в свою собственную ЯДЗ. С точки зрения тактики, учения показали, что при 40–50-минутном дымопуске глубина проникновения ЯД-волны может достигать 16 км при фронте дымопуска 10–12 км и расходе ОВ — 1400 кг. Был и другой результат. «С целью проверки эффективности действия ЯДЗ с хлорацетофеноном на личный состав кораблей и дальности проникновения ЯДЗ биоконтроль проводился на людях». На первых учениях для биоконтроля было выделено 110 человек, на вторых — 58 человек. Запах ОВ ощущался не только на верхней палубе, но и в нижних помещениях, кочегарках и машинных отделениях. Однако что-то все-таки помешало продолжению подобных опытов. Во всяком случае в отчетах по этому учению содержались записи, рекомендовавшие опыты с реальными ядовитыми дымами приостановить, а планировавшееся учение с дифенилхлорарсином **(IV)** не проводить, пока соответствующий химический институт ВМС (НИХИМ) не даст гарантии безопасности кораблю и людям.

В начале 1939 г. начальник ХИМУ П.Г. Мельников утвердил указания по химической подготовке всех родов войск Красной Армии. И первым пунктом в том документе всей армии было велено учиться важному делу — «определению ОВ по запаху»[353]. Среди последних предвоенных опытов по использованию людей-нюхачей, были «испытания проникновения боевых отравляющих веществ и огнесмесей через амбразуры укрепленных огневых точек». Они были выполнены в феврале 1940 г. на полигоне в Кузьминках, где была оборудована специальная огневая точка. Один из опытов выглядел так: «Степень проникновения ядовитого дыма проверяется путем одиночного сжигания шашек ЯМ-11 в 10–15 метрах от огневой точки с целью создания концентрации, близкой к концентрации ядовито-дымной волны на больших дистанциях. Биоконтроль осуществляется людьми, находящимися в огневой точке»[207].

Так и «пронюхали» до самой Великой Отечественной войны. Более эффективного метода химической разведки армия тогда так и не получила.

Было бы наивным, однако, полагать, что после войны дела пошли лучше. Этого не случилось. Приведем воспоминания о «нюхательной» практике уже середины 50-х гг., о которой поделился житель Кировской обл. Б.И. Лапин, служивший на авиахимскладе в районе Мирный (Марадыковский).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Б.И. ЛАПИНА:

«Я служил в должности зав. хранилищем для боеприпасов с ипритом и люизитом. Бомбы по 100 кг каждая на открытых площадках в штабелях, как круглый лес.

В мае 1956 г. я зашел в хранилище и почувствовал специфический запах. Вернулся в штаб, доложил начальнику отдела об утечке. Он направил меня снова в хранилище искать, какая бомба повреждена. На мне не было костюма химзащиты. Я зашел в хранилище, там было темно, почти ничего не видно, и ***начал искать по запаху****. Нашел, в каком ряду был сильный запах, определил место и пошел на выход. Там уже стоял весь отдел — 5 человек, все в костюмах химзащиты, ждали, когда я сообщу координаты. Я доложил и упал без сознания.*

Очнулся я в санчасти примерно через неделю. Не знаю, чем меня лечили и сколько я лежал...

За все время во время моей работы в части я ни разу не надевал химзащиту, даже не представляю, что это такое. Некоторые сослуживцы, с которыми я работал, давно уже умерли. Молодыми умерли.»[961]

Впрочем, это уже относится к следующему разделу настоящей главы.

15.3. ИПРИТ И ЛЮДИ

Попробовать иприт на живом человеке — это дано не каждому.

К сожалению, испытаниями раздражающих ОВ дело не ограничивалось — у руководства Красной Армии были куда более лакомые цели. Очень скоро после начала работ с ОВ всеобщей системой стали также опыты, в которых на незащищенных людях испытывался иприт — ОВ не только кожно-нарывного, но и общетоксического действия. Равно как и люизит, дик, пфификус и т.д.

Как уже упоминалось, эксперименты с использованием кожи людей в качестве теста на иприт и люизит начались еще в 20-х гг. Так, еще отчет токсикологической секции Химкома ВОХИМУ за 1926–1927 гг. содержал удовлетворение проведенными опытами: «Кожное действие проверялось на добровольцах-**людях**,.. что вместе с наблюдениями за случайными отравлениями дало секции настолько исчерпывающий материал.., в дальнейшем систематическом изучении токсикологии иприта уже нет надобности». Кстати, помимо иприта, в 1926–1927 гг. в опытах на людях были изучены также продукты его окисления (соответствующие сульфоксид и сульфон), образующиеся при дегазации с помощью ряда окислителей, в частности хлорной извести. Как оказалось, продукты также имеют «довольно значительную токсичность»[515].

Впрочем, удовлетворение изученностью вопроса было явно поспешным. Во всяком случае дальнейшие опыты с участием иприта **(XX)** и людей были активно продолжены. Для примера укажем на опыт по проверке действия иприта на телефонно-телеграфную аппаратуру, который был выполнен 22 августа 1928 г. на военно-химическом полигоне в Кузьминках (Москва). Комплект приборов был размещен в 25 м от зараженного ипритом участка. Через 3 часа после заражения была выполнена проверка того, как осели пары иприта на поверхность аппаратуры. «Проба на присутствие паров иприта на различных частях аппаратуры (чашки звонка, микротелефонная трубка...), произведенные посредством прикосновения **кожей рук сотрудников** НИХП к перечисленным частям в продолжении 25 минут никакой положительной реакции в течение трех дней не дала.»[5]

После того как было получено формальное разрешение на опыты с ипритом и люизитом на людях (февраль 1930 г.), к их постановке на военно-химическом полигоне в Шиханах отнеслись очень тщательно. И уже в декабре 1930 года в план ИХО на следующий год была внесена тема «сравнение чувствительности кожи различных животных и **человека** к иприту»[521]. Один из первых опытов состоялся в сезон с 17 июля 1930 г. по 15 января 1931 г., когда в Шиханах были выполнены очередные **советско-немецкие** испытания химоружия[677]. Именно тогда состоялись также и **совместные испытания иприта на живых людях**. Немецким военным химикам понадобилось испытать на людях так называемый сульфоликвид, который они разработали для лечения ипритных поражений. Для создания таковых советская сторона охотно предоставила им «7 объектов» в военной форме, на чью кожу и наносились капли иприта размером 2 мм^3. Образовавшийся пузырь и пытались лечить немецким сульфоликвидом, впрочем безуспешно — средств лечения нет и поныне.

Под опыты на людях подкладывалась и научная основа. Этот вопрос стал даже предметом одной из резолюций конференции по иприту, состоявшейся в апреле 1931 г. в Москве[180]. Касаясь проблемы дегазации почвы, участники конференции, помимо прочего, решили: «3. Расширить постановку опытов по дегазации почвы на полигоне с токсикологическим контролем **на людях**». Другим способом качество дегазации почв проверить не удавалось.

Большая группа опытов была выполнена на полигоне во Фролищах во время войсковых испытаний новых средств химической борьбы, состоявшихся в августе 1931 г. При проверке качества новых импрегнированных тканей для каждого опыта выделялось по два человека. А после экспериментов (и люди, и иприт были настоящими) «проводился медицинский осмотр людей через 6, 24 и 30 часов». Новые защитные накидки тогда также проверялись на людях, на что было выделено 7 человек. Причем, как сухо написано в методике испытаний, «выпуск ОВ с самолетов производится с высоты 50 метров последовательным перекрыванием колонны дождем иприта»[312].

Особенно активные экспериментальные работы были развернуты в 1932 г. на полигоне в Шиханах[164]. В частности, в 1932 г. токсикологическая лаборатория этого полигона (лаборатория «Г») решала следующие задачи: роль воздушной прослойки при проникновении иприта через обмундирование; сравнительная чувствительность кожи кролика и человека к парам иприта; проницаемость сапог для иприта; сравнительное изучение стойкости различных рецептур на основе иприта и т.д. Все эти опыты — и насчет обмундирования, и в отношении сапог — относились к ничем не защищенному телу бесправного красноармейца. Вывод насчет проницаемости СОВ сквозь обычную одежду военного был пессимистичен. Капля иприт-люизитной смеси размером 25 мм^3 через полушубок и суконную гимнастерку, а также через шинель и гимнастерку, равно как через сапог, достигает тела человека через 15 минут («**опыт на людях**», как честно указано в отчете). Та же капля через летнюю гимнастерку достигает тела в течение одной минуты. Методика опытов по воздействию паров иприта на незащищенную кожу людей напоминала упоминавшиеся опыты по действию раздражающих ОВ на людей-нюхачей. Для этого подопытные люди были выставлены на расстоянии 0, 200, 300, 400, 500, 600, 750 и 1000 м от зараженного ипритом участка. У каждого из 75 задействованных человек мишенью была обнаженная рука. Что до сравнительных достоинств различных ипритных рецептур «по кожному действию», то наиболее сильным оказался сам иприт.

Среди конкретных опытов боевого лета 1932 г., субъектами которых были технический иприт и незащищенные люди, укажем следующие: при плотности заражения 25 и 50 г/м^2 проводка людей в обычных кожаных сапогах через 2 часа после заражения не дала поражений (на взгляд врачей-токсикологов тех лет); при средней плотности 10 г/м^2 при величине зараженной площадки 2500 м^2 при температуре около 20^0 имелись поражения людей средней тяжести вне зараженной площадки. Вывод, который сделал начальник лаборатории полигона на основании этих опытов с участием людей, таков: «для летних условий наилучшим средством заражения местности... является технический иприт по сравнению» с его рецептурами.

Поскольку постановка подобного рода опытов была в те годы системой, эксперименты сначала становились предметом анализа методистов. Для примера укажем приказ Я.М. Фишмана 1933 г. с оценкой результатов инспектирования полигона в Шиханах. Обращаясь к путям улучшения работы полигона, автор без излишнего смущения распорядился «особенно тщательно» относиться к опытам, в которых «**действие ОВ проверяется на людях**».

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА:

«Приказ начальника военно-химического управления РККА и химических войск РККА № 001 от 14 января 1933 г.

...5. Усовершенствовать методику полевых испытаний. Особенно тщательно должны быть поставлены опыты, в которых действие ОВ проверяется на людях (испытания средств защиты кожи, действие паров ОВ, преодоление зараженных участков). Экспозиции таких опытов должны быть строго обоснованы в соответствии с данными предварительных лабораторных и полевых испытаний, тщательно продуманы все меры предосторожности. За всякое проявление невнимательности, халатности при постановке таких опытов немедленно привлекать к ответственности...

Начальник ВОХИМУ и химических войск РККА Я.М. Фишман».

Методика была усовершенствована, и опыты с ипритом продолжили свою жизнь на советской военной службе. Приведем примеры следующих лет.

В опытах 1933 г. в Шиханах по «преодолению участка заражения одиночными бойцами в обычном армейском обмундировании» испытывались две рецептуры иприта — обычный (май-октябрь) и незамерзающий (февраль-март). Способы заражения СОВ были разные — из носимого прибора НПЗ-3, из химического танка ХТ-26, из ВАПов. Плотности заражения ипритом тоже варьировались — от 10 до 72 г/м^2. Менялось время нахождения людей на зараженном участке — от 11 до 25 минут. Изменялось и количество залеганий, которые красноармейцы делали на зараженном поле — от 3 залеганий по 2 минуты до 10 залеганий по одной минуте. Неизменным оставалось одно — все 43 бойца, которые прошли через эту процедуру, были «без специальных средств защиты».

На следующий год внимание было сосредоточено на незамерзающем иприте. Перед работниками полигона стояла задача — «установить предельную мощность красноармейского обмундирования по отношению к незамерзающему иприту». Как она решалась, легко видеть из отчета об опыте, проведенном 5 февраля 1934 г., когда двум красноармейцам было приказано **преодолеть участок земли, зараженный ипритом, без средств защиты** при большой плотности заражения —

34–70 г/м^2. Пребывание подопытных людей на самом участке заражения продолжалось 15 минут, а после выхода с него — еще 3 часа в зараженной одежде. Результат был печален: оба солдата получили поражение ипритом тяжелой степени, так что отлеживаться в госпитале им пришлось очень долго — 38 и 57 дней. А еще были опыты 13 («три подопытных красноармейца») и 27 февраля («четыре подопытных красноармейца»)[322]. В мае того же года опыт был масштабирован: большая группа солдат была направлена преодолевать зараженный ипритом участок полигона через час после его создания. Как и планировалось, направлена без затей — в обычном армейском обмундировании[322].

Экзотический пример можно найти в годовом отчете военно-химического полигона в Шиханах за 1934 г.[165], а также в специальном отчете «врачей» Столярова и Власова № 1048. В них констатируется, что отнесенные по ветру мелкие капли иприта, вылитого с больших высот (порядка 1000 м), могут вызывать поражения незащищенных частей тела «в легкой степени, не выводящие бойцов из строя». В подтверждение, однако, были приведены фотографии не бойцов Красной Армии, а ни в чем не повинных детей села Ключи, расположенного в 11 км от «зараженного» участка полигона.

На самом деле в том опыте звено самолетов, вылившее иприт из ВАПов 16 октября 1934 г., просто промахнулось. И это немудрено, если учесть, что предельно допустимая высота выливания ОВ, которая была установлена приказом наркома обороны СССР для этого полигона, составляла лишь 500 м. Соответственно, сформировавшееся в момент выливания с высоты 1000 м облако иприта попало не на опытное поле полигона, а на школу далеко вне полигона. В результате 66 жителей села Ключи, в том числе 61 школьник, стали фактическими объектами опыта, причем поражения случились не только в первый день, но и много позже. Некоторые дети вылечились лишь на 13–18 день, были случаи осложненного течения. Однако «военные ученые» были на высоте и провели работу по полной форме. Как оказалось, мелкими каплями иприта весом 0,05–0,2 мг были вызваны поражения открытых частей тела детей в виде множества пузырьков от 9 до 53 шт. на лице, шее и на ногах. Иногда были поражены глаза и органы дыхания.

Это событие оказалось не совсем обычным даже для жестоких нравов тех лет, и военно-химическому начальнику пришлось писать приказ на традиционную тему «поиска невиновных и наказания непричастных»[536]. Наказан был начальник штаба полигона за то, что «при проведении опыта не были выполнены указания ВОХИМУ РККА от 23/I-34 г. № 160с об исключительном внимании к этим работам, а также не были учтены результаты ранее произведенных аналогичных испытаний». Вот таким оказался фон у поражения детей села Ключи — не наказанный майор нарушил предельную высоту 500 м при выливании иприта, а ему приказал это сделать начальник ВОХИМУ РККА Я.М. Фишман, которому очень хотелось повысить высоту выливания ОВ из ВАПов (именно он при летней инспекции полигона пенял руководству за невыполнение важной работы по «выливанию СОВ с больших высот»). И сделал он это, несмотря на то, что годом раньше, в августе 1933 г., во время аналогичного опыта по выливанию иприт уже относило от места опыта, причем на те же 11 км.

Кстати, в отчете полигона 1934 г. содержалась констатация об отсутствии методики биоконтроля за полнотой дегазации, и что применение для биоконтроля животных не дает положительных результатов. Вывод дался авторам без психологических затруднений: «От применения животных в качестве основного вида контроля необходимо отказаться и **перейти на людей как на новый вид контроля полноты дегазации**, оставив животных лишь для предварительной работы»[165].

Попутно отметим, что в деле испытания ОВ на людях моряки не отставали от сухопутных коллег. В качестве примера укажем авиахимическое заражение миноносца «Карл Маркс» с использованием 200 кг иприта, которое было выполнено 30 августа 1934 г. на Балтийском море в районе Копорской губы. «**Для биологического контроля над концентрацией паров иприта** на верхней палубе корабля и выявления степени их действия на кожные покровы» **было выставлено 4 краснофлотца** — П.В. Тарабашин, Н.В. Гжибовский, Н.А. Зайцев и Г.М. Русаков. «Цель: выяснить, насколько опасно для человека нахождение на зараженной палубе корабля в обычной одежде». В результате авиационной атаки, выполненной с высоты 50–75 м, заражению ипритом подверглась верхняя палуба со всеми надстройками и предметами вооружения (средняя плотность заражения составила 8–9 г/м^2). Дальше все было просто: «Подопытные краснофлотцы отправлены в Кронморгоспиталь под наблюдение врачей»[320]. Неудивительно, что следующий опыт, выполненный 29 сентября 1934 г. в Севастополе, пришлось выполнять на кроликах. На этот раз обливали ипритом миноносец «Незаможник». Один самолет промахнулся, и весь иприт оказался в воде Черного моря (судно стояло на якоре в 7–10 милях от берега). С другого самолета в бреющем полете все 200 кг иприта попали на верхнюю палубу и залили ее от полубака до 2-й трубы (плотность — 8–9 г/м^2). И хотя моряки занимались дегазацией в защитной одежде, «у одного химика... обнаружился ипритный пузырь на лбу». Кстати, иприт в том опыте наливали в ВАПы с помощью ведер[321].

Биоконтроль на людях активно применялся и во время больших февральско-мартовских войсковых учений 1935 г. с широким применением химических средств, которые были проведены ВХА им. Ворошилова на полигоне во Фролищах. В зимних условиях использовались, главным образом, рецептуры иприта: 1) при стрельбе минами из химических минометов; 2) при выливании с самолетов из ВАПов; 3) при заражении местности из БХМ и НПЗ; 4) при заражении местности химическими фугасами и т.д. Степень опасности снега через различные периоды после заражения местности ипритом определялась путем **биоконтроля на людях**[323].

В заключение этого раздела упомянем еще о нескольких упражнениях 1935 г. из нескончаемой череды армейских опытов в противоестественной связке **иприт-человек**. Так, 22 апреля 1935 г. группа красноармейцев была послана на зараженный ипритом участок полигона в Шиханах через час после заражения без нормальных средств защиты. Их нахождение в течение 10 минут и более на этом участке сопровождалось поражениями открытых участков тела (шея), а также закрытых армейским обмундированием (половые органы, ягодицы и др.). В отчетах полигона «результаты» были изложены более подробно. Через неделю, 29 апреля 1935 г., опыт был видоизменен, и группу красноармейцев разместили в 400–1000 м от зараженного ипритом участка без средств защиты кожи (защищены были лишь глаза и органы дыхания). Все, кого экспонировали в том опыте в течение 30–60 минут, получили поражения кожи[166].

15.4. ОПЫТЫ НА ЛЮДЯХ ПОСЛЕ ИХ «ЗАПРЕТА»

Многочисленные испытания иприта на людях не ограничивались лишь армией. В это грязное дело пришлось втянуться и промышленности.

В середине 30-х гг. встал вопрос об организации промышленного выпуска зимнего иприта, производившегося на основе пропилового аналога обычного (этилового) иприта. И тогда выявилось отсутствие средств проверки его качества. Как оказалось, по химическому анализу новый иприт был вполне пригоден, тогда как его токсичность при проверке на людях была в 3–4 раза ниже обычного иприта. Военные химики думали недолго и снабдили в 1934 г. технические условия (ТУ) на выпуск зимнего иприта требованием об осуществлении его проверки опытами на людях. В секретном ТУ была указана и норма — 0,5–0,8 мл/см^2 кожи человека. Соответственно, с начала 1935 г. военпреды начали активно применять новый способ проверки иприта.

Так проблема вышла за рамки армии и стал общесоюзной. Реакция не заставила себя ждать — в конце 1935 г. заместитель наркома НКТП Г.Л. Пятаков потребовал исключить из ТУ требование об испытаниях иприта на токсичность на людях. Дальше развилась интрига. В ноябре ХИМУ доложил начальнику вооружений М.Н. Тухачевскому, среди прочего, и этот вопрос[545]. Однако именно насчет столь трудной проблемы напротив доклада военных химиков надпись «разрешаю» не появилась — маршал распорядился подготовить доклад для другого маршала, то есть для наркома обороны К.Е. Ворошилова.

В общем, «результаты», по-видимому, стали слишком досаждать властям, и осторожный «первый маршал» был вынужден ограничить слишком разросшиеся аппетиты энтузиастов военной химии. И запретил проверку иприта на людях.

Обращаясь к опытам с химоружием 1936 г., укажем, что они проходили уже в условиях, когда с начала 1936 г. в армии будто бы существовал запрет на проведение испытаний иприта на людях. Это — неправда. Для иллюстрации активных трудовых усилий военных химиков и токсикологов («врачей наоборот») приведем несколько дополнительных примеров.

25 мая 1936 г. был поставлен опыт по преодолению участка заражения (УЗ) на полигоне в Шиханах группой красноармейцев, направленных на политый ипритом (плотность — 50 г на м^2) участок **без средств защиты** органов дыхания и кожи — только с подручными средствами (маты, прорезиненная накидка, ватное обмундирование, шинель). Цель была достигнута: «Опыт показал, **возможность** преодоления такого УЗ при пользовании импрегнированным обмундированием и подручными средствами защиты без поражения людского состава капельно-жидким и парообразным ипритом»[168].

А в июне-июле 1936 г. произошло качественное изменение в подходе к постановке опытов на людях. На полигоне в Шиханах были проведены уже войсковые учения на тему «Создание и преодоление районов заражения». Расход иприта при заражении двух больших участков (1,8 и 4 км^2) составил около 2 т на км^2. Солдаты без средств защиты преодолевали районы заражения пешком, на машинах, на лошадях. Их также от 30 до 60 мин. держали на участках, зараженных ипритом с плотностью 25 г/м^2, причем в обмундировании были оставлены «окна» открытой кожи. Результаты были подробно и очень профессионально описаны в отчетах[167]. Во время тех же учений было выяснено, что «пребывание людей в отравленной атмосфере без противогаза в зоне первых 6 км следует считать безусловно опасным». Выяснено это было методически просто: трижды в течение года — весной, летом и осенью — создавался участок заражения ипритом размером 400х400 м^2 и плотностью 50 г/м^2, возле которого размещались солдаты без средств защиты. Именно так было выяснено, что «иприт во все сезоны проникает на глубину до 6–10 км»[168].

Среди других «достижений» ипритного лета 1936 г. в Шиханах отметим вывод, сделанный с участием незащищенных танкистов: «экипаж танка при пре-

одолении участка заражения в летнее время будет поражен парами иприта, которые проникают в танк через щель для водителя и через щели башни, причем наибольшее время пары ОВ задерживаются в башне танка»[168].

Аналогичный опыт с участием солдат-нюхачей был поставлен на опытных учениях на окружном химическом полигоне БВО, проведенных 21 августа 1936 г. Посылая несколько танков на участок, зараженный ипритом, руководители хотели выяснить, «на каких расстояниях от участка заражения можно **определить запах ОВ экипажем танка** на боевых скоростях на марше с открытыми люками, а при атаке переднего края — с закрытыми». Из трех экипажей (8 человек), не знавших о месте заражения и не имевших противогаза, 4 человека обнаружили запах ОВ в 45–50 м от границы участка, а 2 человека — в 10–15 м. Двое танкистов почувствовали запах иприта лишь на самом зараженном участке: у одного был насморк, другой увлекся процессом вождения машины[331].

В тот же период действия «запрета» на ипритные опыты на людях серию опытов поставили в НИХИ РККА. С 16 ноября по 5 декабря 1936 г. была осуществлена масштабная проверка способа дегазации кожи людей. Проведены те опыты были на людях, у которых заражалась различными рецептурами СОВ (иприта, люизита или смеси иприта с люизитом) и затем дегазировалась или открытая кожа рук, или кожа, прикрытая обычной одеждой. Методически все было организовано честь по чести, даже размер капли ОВ, наносимой на кожу, тщательно выверялся — 5 мм^3. Всего в том опыте было подвергнуто испытаниям 20 человек, и это позволило «врачам» выбрать способ дегазации кожи[545].

Способ был не только выбран, но и немедленно распространен в войска. Проиллюстрируем случаем из практики химических учений 44-й химизированной авиационной бригады, которые прошли в сентябре 1937 г. в Красноярске «на основе директив Управления ВВС». В рамках тех самых «директив» одним из упражнений, через которое прошел личный состав всех авиационных эскадрилий, было «нанесение капель иприта на руки и обработка кожи химическим пакетом».

Эти опыты не были единственными, их было множество, проводились они в разных местах Страны Советов и в разные временные периоды. Вряд ли стоит удивляться этому варварству, если учесть, что в те годы для определения качества дегазации военной техники после ее заражения ипритом применяли только один «технический» способ — прикладывали руку живого человека. Кожа собаки, кошки и кролика, как без особого сожаления выяснили «врачи», для этих целей не годилась. И способ этот был освящен высшими властями страны.

Однако военные химики все-таки попытались упорядочить проведение опытов на людях. Например, на совещании у начальника вооружений (январь 1937 г.) было решено, что начальники ХИМУ и СУ подготовят для доклада военному наркому специальное положение и методику о порядке и правилах проведения испытаний, разумеется «с применением всех необходимых мер для охраны здоровья испытуемых»[545]. Быстро это не получилось, а вскоре и сам энтузиаст Я.М. Фишман был арестован. Однако проблема осталась.

Вот почему 19 июня 1937 г. второй начальник ХИМУ РККА М.И. Степанов был вынужден испросить у К.Е. Ворошилова следующее: «В связи со срочной необходимостью испытать целый ряд вновь предложенных рецептур кожного и раздражающего действия прошу Вашего разрешения возобновить производство **испытаний на людях**»[545]. В объяснение просьбы было указано, что в 1930–1935 гг., когда действовало предыдущее разрешение на опыты на людях, только лишь «в НИХИ РККА было произведено около 6000 испытаний действия различных ОВ в минимальных дозах на кожу людей», в основном рецептур на основе иприта (под-

черкнем еще раз, что речь идет лишь об одном типе испытаний и только лишь в одном учреждении). К письму прилагался и проект новой инструкции.

«ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОПЫТОВ С ОВ НА ЛЮДЯХ

1. Разрешение на постановку опытов с ОВ на людях дается в каждом отдельном случае Начальником НИХИ РККА или лицом, его замещающим.

2. Опыты с кожными ОВ разрешается ставить лишь на тех людях, в отношении которых санчасть Института постановку опытов не считает противопоказанной по состоянию их здоровья.

3. Опыты на людях ставятся только врачами — научными сотрудниками 2-го отдела НИХИ РККА.

4. Подопытные люди непосредственно перед постановкой опыта должны быть осмотрены и опрошены врачом-экспериментатором на предмет выяснения состояния их здоровья...

5. Опыты с неизученными, с точки зрения их действия на организм, веществами ставить с особыми предосторожностями: начинать испытания с пороговых доз (концентраций), известных для наиболее сильно действующих веществ данной группы ОВ и только затем постепенно переходить к более высоким дозам (концентрациям)...

6. Биоконтроль дегазированных объектов на людях допускается лишь в тех случаях, когда биоконтроль на животных или вовсе не дает поражений, или дает слабые поражения в связи с повышенной чувствительностью кожи кролика к химическим агентам.

7. Биоконтроль проницаемости тканей для ОВ кожного действия допускается только после проверки тканей на животных, начальные экспозиции при этом на людях не должны превышать 1/3 срока максимальной защиты, полученного на кроликах.

8. В случаях, если, несмотря на принятые меры предосторожности, подопытные люди дают извращенную реакцию или первоначальные поражения у них осложняются вторичными моментами, они должны быть направлены в санчасть, которая в случае необходимости освобождает их от работы, назначая амбулаторное лечение, или помещает их в госпиталь для стационарного лечения.

9. За постановку каждого опыта испытуемый получает денежное вознаграждение...

Начальник ХИМУ комдив Степанов
Начальник НИХИ РККА полковник Брынков», июнь 1937 г.[545]

К.Е. Ворошилов оказался в трудном положении. Оставить в расстрельном 1937 г. на подобного рода письме положительную резолюцию не мог даже непотопляемый любимец товарища Сталина. И он, несмотря на четырехклассное образование, догадался задать вопрошающему встречный вопрос: «А лечение?». В общем, официальное разрешение на тот момент получено не было (что до неформального согласия, то оно существовало всегда).

ИЗ СТАРОГО ДОКУМЕНТА (1937 Г.):
СПРАВКА
«О сравнительном действии ОВ кожного действия на кожу животных и человека»

1. Минимальная доза, вызывающая поверхностный некроз (или пузырьки) на коже кролика для таких веществ, как метилдихлорарсин и фенилдихлорарсин, примерно одинакова — 0,05 мг вещества на квадратный сантиметр кожи. На коже человека соответствующий эффект получается от фенилдихлорарсина при нанесении 0,1 мг на квадратный сантиметр и от метилдихлорарсина при нанесении 3,0 мг на квадратный сантиметр. Таким образом, если по опытам на кроликах оба вещества оказываются одинаково активными, по данным опытов на людях, метилдихлорарсин оказывается в 30 раз слабее фенилдихлорарсина и, следовательно, не может рассматриваться как боевое ОВ.

2. Аналогичная картина наблюдается при сравнении ряда других ОВ кожного действия. В частности, незамерзающий иприт (ИП), изготовленный из крекинг-газов, по данным опытов на коже кроликов, практически не уступает по силе действия химически чистому иприту. Опыты же, проведенные на коже людей, показали, что этот продукт примерно в 3 раза слабее иприта и, следовательно, необходимо значительное улучшение технологического процесса при получении данного продукта.

Такое же резкое несоответствие данных опытов на животных и на людях имеется по ряду других ОВ кожного действия (кантаридин, «пфификус», продукты хлорирования иприта и многие другие).»[545]

На самом деле упомянутый в переписке институт проводил опыты на людях все время своего длительного пребывания в Москве (под названиями ИХО РККА, НИХИ РККА и ЦНИВТИ СА) и вовсе не прерывал их в 1935–1937 гг. Практика использования людей для так называемого биоконтроля действия ОВ продолжилась и после 1961 г., когда институт был перемещен в поселок Шиханы Саратовской обл. и стал в секретных сферах именоваться как 33 ЦНИИИ МО.

Приведем лишь несколько примеров из более чем богатой практики. Так, 2–23 ноября 1937 г. на полигоне в Кузьминках были испытаны технические средства дегазации одежды (автомобильные установки АГВ-2 для дегазации воздухом и паром и автомобильные установки БУ-2 для дегазации кипячением) с **использованием** на заключительной стадии **людей — в качестве средства биоконтроля** качества дегазации. Результат превзошел все ожидания: «Суконные гимнастерки, зараженные ипритом плотностью до 15–15 г/м^2 и дегазированные горячим воздухом, не вызывают у кроликов никаких поражений, но при опытной носке» людьми сопровождались их поражением (статистика: 3 случая из 23)[545].

Годом позже, в январе 1938 г., на полигоне в Шиханах состоялись «Испытания работы по дегазации автодегазационной машины АДМ-600 в зимних условиях». Танки и оружие, облитые с самолета на бреющем полете смесью иприта и люизита, подвергались дегазации. И в этих опытах их окончание было «человеческим»: «Через 30 минут после дегазации производился **биоконтроль** путем прикладывания к дегазированному объекту верхней трети сгибательной поверхности руки человека на 10 минут». Люди, конечно, не были единственными участниками тех испытаний: «Одновременно к данным объектам прикладывались на 10 ми-

нут морские свинки, выстриженные спинками. За всеми подопытными людьми и животными производилось клиническое наблюдение в течение 10 суток… В данном испытании участвовало 5 подопытных людей и 4 морских свинки»[545].

В связи с этими результатами полезно привести, как на взгляд токсиколога из далекого 1938 г. выглядело действие иприта на человека.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗНАЮЩИХ ЛЮДЕЙ:

«…площадь выстриженного участка спины собаки, по которому в основном приходилось судить о поражающем эффекте капель ОВ, во много раз меньше площади тела человека, обращенного в подветренную сторону (0,8–1,0 квадратных метра). Это значит, что на собаку попадает значительно меньшее количество капель, чем это было бы при пересчете на площадь попадания человека. К тому же несомненно было немало случаев, когда к моменту попадания капель собака не стояла выстриженным участком спины в подветренную сторону, а это уменьшало количество капель, попадающих на контрольный участок кожи…

… самое важное — чувствительность кожи собак к СОВ значительно ниже чувствительности кожи человека; кожа собаки отличается от кожи человека по своей реакции на ОВ. Поэтому и степени кожных поражений собак… не могут быть перенесены на человека без того, чтобы не считаться с особенностью реакции кожи человека и большей чувствительности ее к ОВ, сравнительно с кожей собаки…

… капля иприта весом 0,0003–0,0005 мг, нанесенная на кожу человека (сгибательная сторона предплечья), вызывает кожное поражение слабой степени (балл 1–2), эта доза называется «минимально действующей каплей».

Для люизита минимально действующей каплей на кожу человека является капля в 0,003 мг.

Капля иприта весом в 0,02 мг на коже человека дает уже мелкие пузырьки (балл 3), люизит же такую же степень поражения вызывает каплей весом в 0,005 мг.

Иприт в 0,2–0,3 мг, нанесенный на 1 см² кожи, вызывает уже сливные пузыри; люизит такую же реакцию кожи вызывает при нанесении 0,5 мг на см²… капля иприта весом в 0,0002 мг, будучи нанесена на кожу отдельной каплей, обычно поражений не вызывает; множественное же нанесение таких же капель в различные точки площади квадратного сантиметра вызывает заметное поражение — при 10 каплях — легкую гиперемию, а при 50 каплях — гиперемию и отек кожи (балл 1–2). В отличие от иприта, множественное нанесение (до 50 капель на квадратный сантиметр) мельчайших капель люизита (0,0015 мг) столь же заметного повышения степени поражения не давало…»

В заключение приведем работу, выполненную токсикологами на полигоне в Шиханах в 1939 г. В то лето испытывался новый способ авиахимического поражения масс людей, находящихся на земле (войска «вероятного противника» на марше и т.п.) — высотная поливка СОВ из ВАПов с помощью тампонов. При этом иприт-люизитная смесь выливалась не в виде жидкости (в результате чего «противник» поражался каплями СОВ), а в виде тысяч тампонов, загруженных

в приборы ВАП вместе с СОВ. У военных химиков и их подручных токсикологов те испытания вызвали методические неудобства — достигнув равномерности разливки ОВ, они не могли провести токсикологическую оценку прямого влияния тампонов, пропитанных СОВ, на живые организмы. В первом опыте, выполненном 27 июня 1939 г., смесь иприта с люизитом была вылита из трех ВАП-500 с высоты 500 м. При этом, хотя тампонами удалось равномерно накрыть площадку в 2,1 га, ни один тампон не попал непосредственно ни в одну из 16 выставленных собак (плотность — 10 тампонов на 1 $м^2$) и пришлось потом прикладывать отравленные тампоны к увертливым подопытным псам. Что до людей, то авторы отчета тоскливо заметили, что «поражающее действие на живую силу не выяснено, так как случаев прямого попадания не наблюдалось». Более «удачным» для экспериментаторов оказался опыт, выполненный 14 июля 1939 г. В тот день на площадку 47,5 га с высоты 5000 м из трех ВАП-500 было сброшено 201600 тампонов: в среднем 3 тампона пришлись на 1 $м^2$. И на этот раз «прямых попаданий тампонов по выставленным животным» не наблюдалось, зато с людьми получилось более удачно: «На людей (50 человек), находящихся на площадке интенсивного заражения, отмечено попадание только в одном случае». Впрочем, и один не увернувшийся красноармеец позволил «навести науку» на результаты тех испытаний — отчет оказался вполне впечатляющим[239].

Что касается лечения врачами людей, пораженных ипритом и люизитом, то такого уровня знаний, которое было добыто их антиподами — токсикологами — при проведении опытов на людях, в предвоенные годы достигнуто не было — к этому не очень-то и стремились. Не появилось это знание и позже.

15.5. ВОЙНА И ПОСЛЕ

Неслучившаяся химическая война мало кого отрезвила и успокоила. И в последующие десятилетия — в 40–80-х гг. — никаких особенностей в стандартной советской практике испытаний химоружия на людях не было. Разве что методики у военных химиков стали изощреннее. Ограничимся поэтому лишь несколькими примерами.

В 1944 г. на полигоне в Шиханах была испытана боевая эффективность трифторнитрозометана **(XIX)** — ОВ, предназначавшегося для преодоления («пробития») противогазов противника, по ожиданиям советских создателей, немецкого[189]. Для испытаний в годы войны с большими трудами была произведена 1 т этого ОВ. После широкой серии опытов армия заключила, что это ОВ является мощным средством химического нападения, от которого вероятный противник не имеет защиты. Попутно, однако, не могло не выясниться, что советский противогаз (а не только немецкий) также не защищает от нового ОВ. И этот результат с несомненностью указывает на объект испытаний «достоинств» нового ОВ — живых красноармейцев. Что до самого трифторнитрозометана, то он стоял на вооружении Советской Армии в 1955–1960 гг., однако дополнительный патрон к советскому противогазу, который был способен хотя бы ненадолго защищать от этого ОВ, был поставлен на вооружение лишь в 1958 г.

Живым примером опытов на людях времен 40–50-х гг. может служить Э.И. Вилятицкий, ныне полковник химических войск в отставке. Опыты над ним были необходимым элементом службы на полигоне в Кузьминках. Среди прочего военно-химические «ученые» наносили на его кожу иприт, а потом изучали

на ней весь процесс дегазации. Было это много позже Второй мировой войны. К тому времени из открытых публикаций ученых США (C. Auerbach и др.), выполненных в 1943 г. и в последующие годы на мухе-дрозофиле, уже было известно о мощном мутагенном действии серного иприта и родственных соединений. Соответственно, советские «ученые» должны были прекратить свое варварство, однако же не прекратили.

Опыты над Э.Е.Вилятицким получили неожиданное окончание. Уже в новом тысячелетии развернулась долгоиграющая тяжба между ним и Минобороны России. Полковник в отставке не требует денег и наград, он лишь настаивает на документальной констатации, что изменения в его в прошлом могучем организме произошли не просто **во время** службы в советских военно-химических войсках, но **вследствие** этой самой службы, то есть в результате опытов на нем. Кстати, сослуживцев полковника уже нет в живых. Отрицать очевидные последствия для организма подопытного полковника могут разве что выдающиеся «ученые» из Московского института биофизики. Им показался недостаточным тот факт, что у полковника Э.И. Вилятицкого специалистами из Института генетики РАН найдены необратимые изменения в хромосомном аппарате — те самые хромосомные аберрации, которые были обнаружены еще в 1943 г. в США на мухе-дрозофиле. Причем хромосомные изменения у Э.И. Вилятицкого оказались именно химического происхождения (впрочем, попутно были обнаружены и другие — ядерные — изменения, связанные еще с одним эпизодом его службы в химических войсках Советской Армии).

БУДНИ ДУХОВНЫХ БРАТЬЕВ ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ (1965 г.):

*«В ориентировочных **опытах на людях** с воздействием малых доз V-газа было установлено, что при нанесении на незащищенную кожу человек является примерно в такой же мере восприимчивым к действию, как и обезьяны макаки. К воздействию паров через органы дыхания человек оказался в 2 раза более чувствителен по сравнению с высокоорганизованными животными — собаками и обезьянами»*[203].

А вот пример из более поздних лет — деловая переписка между знающими людьми. 30 марта 1965 г. в ответном письме на имя Главного санитарного врача СССР Ю.Е. Данилова тогдашний директор головного института по разработке химоружия ГСНИИ-403 И.В. Мартынов (нынешнего ГСНИИОХТа) был вынужден сообщить запрошенные данные о токсических характеристиках «продукта» — высокотоксичного советского V-газа[203]. ОВ было предусмотрено к выпуску на ПО «Химпром» в Чувашии вместо ранее планировавшихся зарина и зомана, однако о его токсичности санитарно-эпидемиологическая служба не была извещена в момент рассмотрения новой проектной документации, представленной взамен документации на выпуск зарина и зомана.

Тогдашний директор и будущий член Академии наук СССР без обиняков сообщал санитарному врачу, что при нанесении V-газа на незащищенную кожу **человек столь же восприимчив к действию ОВ, что и макака**. Тем же письмом было сообщено, что органы дыхания человека к действию паров V-газа вдвое более чувствительны, чем органы дыхания собаки и обезьяны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ (70-Е ГГ.):

«В Ленинграде существовал военный институт, где синтезировались ***психотропные соединения*** *для временного вывода людей из строя. Там проводились испытания на добровольцах из числа заключенных. Нам показывали даже учебный фильм, где были продемонстрированы эти эксперименты: люди до вдыхания паров такого типа соединений, их поведение после вдыхания дозы и, наконец, поведение этих же людей после окончания действия дозы. Мы были потрясены тем, что в нашей стране военным химикам разрешили ставить такие* ***эксперименты на людях****»*.

В 33 ЦНИИИ Минобороны СССР после перемещения этого института из Москвы, где он проживал на Богородском Валу под именем ИХО-НИХИ-ЦНИВТИ, в Шиханы (Саратовская обл.) никогда не прерывалась практика испытания новейших ОВ, в том числе V-газов и других столь же токсичных веществ, непосредственно на людях. Даже в начале 80-х гг. испытания новейших ОВ проводились с привлечением десятков людей.

БУДНИ ДУХОВНЫХ БРАТЬЕВ ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ:

Ученик доктора Менгеле

«ОБЪЯСНЕНИЕ. По поводу заданных мне вопросов поясняю, что в 1982 г., выполняя плановую НИР, познакомился с Петренко Владимиром Федоровичем, который дал добровольное согласие на участие в эксперименте, осуществляемого с целью определения внешнедействующей дозы фосфорорганического вещества, вызывающей первичную ответную реакцию организма в виде изменения некоторых биохимических показателей в системе крови.

При собеседовании с Петренко В.Ф. было обещано, что никакого ущерба его здоровью в ходе эксперимента не будет нанесено, поскольку создаваемые концентрации вещества и кратковременный контакт с ним могут вызвать незначительные изменения только в активности некоторых ферментов крови.

Перед экспериментом, в день проведения работы и в последующие сроки наблюдения, если не изменяет память, где-то в течение 7–10 дней врачами-специалистами проводилось системное обследование организма Петренко В.Ф. и, учитывая, что у него были выявлены только начальные изменения в активности ацетилхолинэстеразы крови, несколько превышающие чувствительность используемой методики, а также отсутствие каких-либо сдвигов в функциональном состоянии организма, превышающих пределы колебания физиологической нормы, он был выписан из стационара научно-исследовательского отдела с диагнозом «здоров».

Следует отметить, что воздействие таких же концентраций при тех же временных сроках контакта с веществом подвергались также лица, которые в настоящее время продолжают нести службу и не предъявляют никаких жалоб на состояние своего здоровья.

А те, которые участвовали в качестве контроля, т.е. участвовали в эксперименте, но не подвергались воздействию вещества, о чем знали только непосредственные исполнители, в день работы, сразу после мнимого кон-

такта с веществом, которого, естественно, не было, предъявляли некоторые жалобы на изменение в общем состоянии, но объективно у них ничего, конечно, не должно было меняться, что и подтвердилось результатами системного медицинского обследования организма в соответствующих кабинетах функциональной диагностики...

За участие же в этой работе он получил денежное вознаграждение в размере где-то 200–400 рублей.

25 января 1993, подполковник м/с Поспелов.
Объяснение отобрал: военный прокурор отдела ВП При ВО майор....

Подопытный кролик

«ВОСПОМИНАНИЕ. Летом 1982 г. меня, тогда еще лейтенанта, вызвали в отдел. «Лейтенант Петренко, готовы ли вы к выполнению ***секретного задания Родины****?» Тогда я вполне верил всему сказанному и был горд. Секретный эксперимент начался с заполнения страхового полиса на имя жены и матери. Через несколько дней вызвал заместитель начальника института: надо испытать на себе действие ОВ. Специальной защитной тканью мне обвязали голову — маска закрывала все, кроме носа и рта. Затем я должен был просунуть лицо в окно прозрачной камеры. Дышать я должен был по команде. Затем произвели пуск ОВ в камеру. Сразу же сперло дыхание, как будто ударили или разом выкачали воздух из легких. Я дышал этим почти минуту. Потом меня заставили стрелять, бегать, прыгать. На восьмой день закончилась «командировка в другой город». Был награжден денежной премией в 300 рублей. Расписываясь в бухгалтерии за деньги, обратил внимание, что со сходной формулировкой в бумаге было записано еще около сорока офицеров.»*

«Столица», Москва, 1993 г., № 36

Результат

«По заключению экспертов из Саратовского медуниверситета, симптомы соответствуют воздействию «фосфороорганических боевых отравляющих веществ»... Никакой медицинской помощи военным оказано не было. Через два месяца врач диагностировал у Петренко заболевания желудка, дыхательных путей и кожи. Сегодня его диагноз включает 30 хронических заболеваний.»

«Сегодня», Москва, 23 апреля 1999 г.

Практическую организацию испытаний ОВ на людях возглавляли начальники 33 ЦНИИИ МО этих лет — генералы Н.С. Антонов (после 1961 г.) и А.Д. Кунцевич (в 1975–1984 гг.). И этими фамилиями число организаторов далеко не исчерпывается.

Ныне испытания над десятками тысяч людей (точное число вряд ли знают сами химические генералы), которые наша армия проводила при подготовке к наступательной химической войне, подтверждены документально, и назад дороги уже нет. Тем удивительнее выглядит то тщание, с коим Минобороны России открещивается от химических опытов на людях, которые выполнялись его советским предшественником.

Остается добавить, что советские военные не были одиноки на этой планете. Летом 2003 г. министерство обороны США рассекретило и передало в прессу данные об испытаниях химоружия на людях, которые были проведены в 60–70-е гг. Было сообщено, что многие из 5842 военнослужащих армии США, которые были подвергнуты воздействию ОВ и биологических средств, были не в курсе проводившихся над ними опытов. В ходе некоторых из опытов были применены смертельные химические вещества и биологические средства.

15.6. ЧЕКИСТЫ НА «ХИМИИ»

Было бы несправедливо не упомянуть в связи с химическими опытами на людях и чекистов из ГПУ-НКВД-КГБ, хотя основной разговор о них пойдет ниже.

Чекисты тоже хотели располагать для своей «работы» смертельным химоружием более индивидуального наведения и совсем не оставляющим следов. Иногда же им требовалось химоружие по возможности несмертельного действия — для временного «отключения» людей или же для развязывания языка (так называемая «сыворотка правды»). Как правило, свои опыты чекисты и их подручные проводили на людях-заключенных, приговоренных к смертной казни.

Как уже говорилось, работать над использованием ядов и наркотиков в ОГПУ начали еще с середины 20-х гг. (лаборатории Г.М. Майрановского и С.Н. Муромцева). Однако в отличие от армии в спецотделе ГПУ-НКВД не было трудностей с испытаниями на «боевых мишенях». И сомнений в праве на их использование тем более не было.

С конца 30-х гг. многие годы лаборатория НКВД разрабатывала яды, которые убивали людей без идентифицируемых следов, а также наркотики, которые могли бы стимулировать откровенность допрашиваемых. Руководил опытами и проводил их Г.М. Майрановский. Почти ежедневно ему поставляли заключенных. Процедура походила на медицинский осмотр. Доктор участливо расспрашивал о самочувствии, давал советы, предлагал лекарство. Обычно действие вещества опробовалось на 10 подопытных людях. За мучениями жертв, не умерших сразу, наблюдали в течение 10–14 дней, после чего их убивали[713].

Трудностей с материалом для опытов Г.М. Майрановский не испытывал.

Известно, что в 40-х гг. за поставку подопытных людей в лабораторию Г.М. Майрановского отвечало 1-е Специальное управление НКВД-МГБ. Отбором среди приговоренных к смертной казни в Бутырской тюрьме занимался многолетний начальник управления А.Я. Герцовский и несколько других сотрудников. В Лубянской тюрьме жертв отбирал генерал В.М. Блохин (1895–1955) и его специальный помощник П. Яковлев. Общее число погибших в ходе тех экспериментов, по разным источникам, составило от 150 до 250 человек[713]. Однако, скорее всего, это заниженные данные.

Частью жертвами химических опытов были уголовники, но большинство — политические заключенные, жертвы ст.58 УК СССР. Были среди жертв немецкие и японские военнопленные, поляки, корейцы, китайцы. Указывается, что в конце 1945 г. три немецких гражданина (это были антифашисты-политэмигранты, бежавшие из нацистской Германии) были предоставлены для опытов с ядами, не оставляющими следов. Все трое умерли через 15 секунд после введения дозы. Тела двоих кремировали, а третьего — привезли в Институт им. Склифосовского. Вскрытие указало на смерть от паралича сердца; следов яда патологоанатомы не нашли[713].

В 1942 г. Г.М. Майрановский обнаружил, что при определенных дозах рицина — вещества из класса токсинов — подопытный начинает более откровенно говорить. После одобрения руководства НКВД-НКГБ он начал работать и над проблемой откровенности на допросах. Среди прочего в этих опытах использовались военнопленные из Японии, а также арестованные японские дипломаты. Допросы с химическим развязыванием языка проводились не только в помещении лаборатории, но и в обеих тюрьмах Лубянки[713].

Стрельбой отравленными пулями в затылок жертвы занимался начальник спецотдела М.П. Филимонов (1910–1958). Пули были легкие, с полостью для яда, поэтому убийства не всегда проходили гладко[713].

Первое упоминание о специальной лаборатории МГБ, где проводились опыты на людях, появилось в 1983 г. в книге сбежавшего на Запад сотрудника КГБ П. Дерябина. Были и другие свидетельства. Однако полного обобщения всего этого материала пока не проведено.

* * *

На территории института, где множество лет проработал великий русский ученый-физиолог академик И.П. Павлов (1849–1936), установлен памятник собаке. Как известно, именно этот вид подопытных животных был основным объектом экспериментов, приведших к созданию теории условных рефлексов и к присуждению Нобелевской премии ее автору.

Догадаются ли многочисленные представители наших «токсикологов» когда-нибудь поставить памятник другому биологическому виду — человеку (homo sapiens), опыты над которым дали им обширные и поныне секретные знания об особенностях действия различных ОВ на организм людей? А также — престижные премии, научные степени, жирные зарплаты, ну и осознание своей избранности. Конечно, человек — мера всех вещей. Только не для пролетарского государства с тоталитарным и иными режимами.

«Я вам все равно не сказал всего. И никогда не скажу».
М.С. Горбачев, август 1991 г.

ГЛАВА 16. ХИМИЧЕСКАЯ ЗОНА

В 1956 г. по окончании Костромского военно-химического училища автор настоящей книги получил погоны лейтенанта химических войск. Вручал погоны сам начальник училища генерал-майор П.Г. Вершинин[325] — очень активный человек и на редкость заботливый командир. И лишь в XXI веке, роясь в документах советского военного архива предвоенных лет (в прошлом очень секретных), автор обнаружил, что это была улыбка истории. На самом деле наш генерал не мог вручать нам погоны в 1956 г., потому как еще в 1937 г. майор П.Г. Вершинин по доносу должен был быть расстрелян как лицо, будто бы служившее в Гражданскую войну в белой армии А.И. Деникина. Но... тогда пронесло (возможно, план по расстрелам был выполнен и без него). В общем, закончил свой жизненный путь наш костромской отец-генерал уже в Москве в Военно-химической академии.

Вот такая была в Советском Союзе секретная военно-химическая зона.

Дело в том, что создание советского химоружия не избежало тех же тяжких драм, что и любая иная отрасль деятельности в первом в мире «государстве рабочих и крестьян». В целом оно стало полигоном для проведения большевистских социальных опытов, а область химоружия, где свирепствовала секретность, была захвачена этим не менее, чем вся остальная страна.

Полную, документированную правду о подготовке Советского Союза к наступательной химической войне общество не узнает никогда. Потому что «законопослушные» армия и спецслужбы менее всего расположены полностью открывать обществу материалы архивов. А несекретных документов по этой теме не было никогда.

На рубеже 80–90-х гг. можно было подумать, что система секретности химической и биологической войны лопнула. И, как всегда, продали эту систему «свои». Это произошло, когда за границу вместе с секретами перебежало немало высокопоставленных лиц из ВХК и ВБК. В своей прежней жизни эти лица зарабатывали на жизнь активным выгребанием из бюджета народных денег на выполнение работ, ненужных ни государству, ни обществу. Сейчас они стали борцами за мир во всем мире, против угрозы химической и биологической войны.

В наши дни все вернулось на круги своя. И ныне сберегшаяся система секретности в области химической и биологической войны все еще в немалой степени несет прежние антиобщественные функции.

16.1. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Химоружие и наступательная химическая война состояли в ранге самых больших тайн советской власти. И ее густо заселенной номенклатуры.

Конечно, снарядил Советский Союз в долгую дорогу к наступательной химической войне не такой уж великий круг людей — Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин, Э.М. Склянский и И.С. Уншлихт, А.И. Рыков и П.А. Богданов, Г.Г. Ягода и

В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак и В.В. Куйбышев. Остальные истово исполняли то, что от них требовалось в тот или иной момент Истории.

И была эта советская номенклатура более чем многоголовая.

Как и помянутые лица, столь же истово действовали на своих постах крупные советские военачальники, готовившие страну к большой химической войне, — М.В. Фрунзе, С.С. Каменев, Б.М. Шапошников, П.П. Лебедев, А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, П.Е. Дыбенко, В.К. Триандофилов, С.М. Буденный, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, С.К. Тимошенко, В.М. Примаков, К.А. Мерецков, В.К. Блюхер, Г.К. Жуков, А.Д. Локтионов, А.И. Корк, И.С. Конев, Г.И. Кулик, М.В. Захаров, П.Ф. Жигарев, М.Г. Ефремов, И.Г. Захаркин, И.П. Белов, П.И. Баранов, Н.Ф. Ватутин, А.М. Василевский, М.Ф. Лукин, Я.П. Гайлит, И.И. Гарькавый, Г.Д. Гай, И.К. Грязнов, М.П. Ковалев, П.В. Рычагов, И.Т. Смилга, П.М. Филатов, М.С. Хозин, Ю.М. Шейдеман, Г.М. Штерн, И.Ф. Федько, Г.П. Софронов, С.К. Ремезов, М.Д. Великанов и многие другие.

По части боевой «химизации» страны столь же старательно поступало и племя гражданских руководителей — А.Д. Цюрупа, Н.А. Семашко, М.Г. Первухин, А.И. Микоян, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, М.М. Лашевич, А.Н. Косыгин, Л.А. Костандов, М.Ф. Денисов, Д.П. Новиков, Л.М. Каганович, М.М. Каганович, В.Н. Антонов и т.д.

Не отставала и наука (старая и новая) — В.Н. Ипатьев, А.Н. Бах, Е.И. Шпитальский, Н.Д. Зелинский, Н.А. Шилов, В.Г. Хлопин, А.Е. Фаворский, П.А. Ребиндер, С.С. Наметкин, Н.А. Изгарышев, А.А. Дзержкович, А.Е. Арбузов, А.Н. Несмеянов, А.А. Лихачев, А.А. Летавет, Н.С. Курнаков, М.И. Кабачник. С этой тропы химической войны сошел лишь академик В.Н. Ипатьев, да и то не сразу. А вообще не стал становиться на эту дорогу академик А.Е. Чичибабин.

Вся эта бесчисленная «народная» рать делала свое дело и помалкивала. Во всяком случае из гигантской номенклатуры ВХК воспоминаниями поделился лишь один человек — выброшенный из страны академик В.Н. Ипатьев[59]. Кстати, в документах прежних лет удалось найти относящуюся к 1930 г. лишь одну-единственную попытку ВОХИМУ информировать военное сообщество о своих делах[130]. О всем советском обществе речи не было. Жителей страны, ее народ, который оказался единственной стороной, пострадавшей от советского химоружия (других противников так и не нашлось), просили не беспокоиться. Если исключить тех представителей номенклатуры ВХК, кто погиб в процессе внутривидовой борьбы, остальные даже в мемуарах на закате жизни не стали поминать достижений (своих и общесоветских) на ниве химической войны. Г.К. Жуков тому яркий пример[767].

В общем, тайну химоружия советская и постсоветская номенклатура сберегла. От граждан и всего общества.

Обращаясь к механизму упрятывания военно-химических секретов и тайн от любознательности богатой когорты представителей «вероятного противника», отметим, что эта сторона дела была доведена в Советском Союзе до совершенства. Поскольку вся многолетняя деятельность по подготовке к наступательной химической войне велась в нарушение Женевского протокола 1925 г.[55], в первую очередь скрывалось все, что касалось производства ОВ и вообще химоружия, а также работ с химоружием в армии и на флоте[686]. Не говоря уже о перевозках ОВ по общегражданским транспортным путям[697].

Разумеется, в первую очередь эти меры затронули всю деловую переписку.

С тех пор сами ОВ и полупродукты, с которыми велась работа, даже в секретной переписке ведомств между собой, как правило, не назывались, а **зашифровы-**

вались[698,702,704,706,1028]. Точно так же кодировались заводы химоружия, склады хранения ОВ и химбоеприпасов и даже сами боеприпасы, включая артиллерийские и авиационные. Нумеровались медсанчасти соответствующих учреждений. При этом шифрованные обозначения регулярно изменялись. Даже одно и то же ОВ имело разные шифры в пределах одной исторической эпохи в документах разного уровня. При этом военные и гражданские ведомства могли иметь разные системы шифровки химоружия.

Посредине всего этого пиршества секретности в каждом учреждении стоял секретный (первый) отдел, через который только и велась переписка по вопросам химоружия. А там все документы тоже имели разный уровень секретности — «секретно», «совершенно секретно», «совершенно секретно особой важности». И чем выше был уровень секретности, тем более узким был круг лиц допущенных. Все особо важные документы имели один из последних грифов.

Реально эти меры выглядели примерно так.

В отношении ОВ от старой русской армии в секретном обиходе остались такие буквенные обозначения: фосген **(XIII)** — это вещество «Ю», дифосген **(XIV)** — «Я», хлорпикрин **(I)** — «Ж», треххлористый мышьяк — «М». Адамсит **(III)** в рамках той системы тайн проходил как вещество «R". Были даже мисс «Х» — синильная кислота **(XV)** и ее близкий родственник хлорциан **(XVI) —** вещество «К»[1028]. И названия эти, оставшиеся от царских времен, поначалу продолжали служить шифровке уже советского химоружия. Скажем, в середине 20-х гг., когда развертывались первые производства ОВ в Москве, то обычный иприт **(XX)** обозначался веществом «Н», хлорацетофенон **(II)** — «А», а дифенилхлорарсин **(IV)** — «Л».

Впрочем, в 1926 г. у военных начала действовать также другая система буквенных прикрытий их деятельности. СОВ иприт обозначался как вещество «Т», люизит **(XXI)** — «Ю», а дик (этилдихлорарсин) — «Ж». НОВ фосген шел как «Б», а дифосген — «В». Среди раздражающих ОВ хлорацетофенон шифровали как «Ц», дифенилхлорарсин — «С», хлорпикрин — «Г». Однако в жизни эта система продержалась недолго. Подчеркнем, что промышленность имела свои представления о секретности и шифровке и не отставала от военных. Во всяком случае в марте 1926 г. недолго просуществовавший в Москве завод Эксольхим был настолько озабочен вопросами секретности, что ввел собственные обозначения-прикрытия. И распространялись они не только на ОВ (хлорацетофенон они начали называть «унемит», а дифенилхлорарсин проходил у них как «норин»), но и на сырье для их выпуска. В частности, использовавшиеся при производстве на Триумфальной площади обычного иприта этиловый спирт шифровался как «ликвит», хлор как «уоллит», а этилен как «аддит»[1028].

После 2 декабря 1927 г., когда Советский Союз официально присоединился к Женевскому протоколу, проблема засекречивания и зашифровывания обрела системный характер. Отныне все ОВ получали условные то словесные, то цифровые обозначения в рамках более широкой системы химических веществ, поставлявшихся из промышленности в армию.

Так, в одной из первых словесных систем шифрования, утвержденной в ВОХИМУ 7 января 1927 г., слова-прикрытия были такими: иприт — это римит, люизит — брагон, фосген — фаркон, дифосген — аркос, дик (этилдихлорарсин) — мидан, адамсит — брокон, дифенилхлорарсин — мотрон, хлорацетофенон — литин, хлор — арит, треххлористый мышьяк — гален[698]. А использовать эту систему должен был «при письменных сношениях между собой... следующий круг учреждений: ВОХИМУ, ОГПУ, ВПУ, Вохимтрест и заводы, изготавливаю-

щие ОВ». Кстати, сама эта система, по существу, отражала общее состояние дел при подготовке к химической войне.

Однако не прошло и полутора лет, как Я.М. Фишман распоряжением от 4 мая 1928 г. ввел новую систему шифровки ОВ[701]. Теперь в переписке они стали обозначаться так: иприт — это бентар, введенный в оборот бромистый иприт — ронсар, люизит — галит, фосген — лотар, дифосген — марин, синильная кислота — гостан, дик (этилдихлорарсин) — циклит, еще одно новое ОВ метилдихлорарсин — аргон, адамсит — фентар, дифенилхлорарсин — интар, хлорацетофенон — орлит, бромбензилцианид — шамор, хлорпикрин — пантус, хлор — тибор, а треххлористый мышьяк — вотан. Эта система заменила ту, что была утверждена до ратификации правительством СССР Женевского протокола о запрещении химоружия[55]. После ратификации, которая состоялась 5 апреля 1928 г., потребовалось ужесточение мер секретности для сокрытия подготовки к наступательной химической войне. И она, безусловно, дала результаты. Вот, например, как выглядели рассматривавшиеся в 1928 г. планы создания мощностей по выпуску ОВ на первую пятилетку: бентар — 5 тыс. т, лотар — 18 тыс. т, марин — 100 т, фентар — 240 т, интар — 15 т, орлит — 300 т, пантус — 360 т, вотан — 300 т, тибор — 600 т. При такой постановке дела даже в секретных документах могли разобраться лишь отдельные доверенные лица. Для остальных все это было лишь абракадаброй.

Впрочем, и эта система продержалась лишь до мая 1929 г. Дело в том, что 23 апреля 1929 г. Я.М. Фишман утвердил ставшую наиболее популярной систему шифровки индивидуальных ОВ — цифровую (систему литер «А»)[702]. Вот какие ОВ крутились в документообороте армии, ОГПУ и промышленности в те годы: дифосген — это вещество № 5, обыкновенный серный иприт — № 6, бромбензилцианид — № 8, дик — № 9, треххлористый мышьяк — № 10, синильная кислота — № 11, дифенилхлорарсин — № 12, адамсит — № 15, люизит — № 17, метилдихлорарсин — № 19, хлорпикрин — № 20, фосген — № 25, хлор — № 30, хлорацетофенон — № 34, бромистый иприт — № 37.

Однако параллельно действовало несколько иных систем обозначений.

У широких военно-химических масс были свои хлопоты, и многие решали их по-своему. Скажем, в 1929 г. в среде военных приемщиков была забота, как обозначить в несекретном документе секретное имущество при получении его на заводе-изготовителе. Выход нашли простой: при принятии специмущества выдавать бумагу с шифрованными данными. И вот в рамках той инициативы химические снаряды упрятывались под такую абракадабру: 76 мм химснаряды — это жакон, 107 мм — зарзал, 122 мм — изран, 152 мм — курон. Авиационные химические бомбы имели свои тайные слова: химбомбы калибра 8 кг шли как лакур, а калибра 16 кг — как мукрон[1028]. К тому же в том же 1929 г. ВОХИМУ использовал систему цифровых обозначений для ОВ с применением только двузначных чисел: иприт — это вещество № 38, люизит — 18, дик — 36, фосген — 14, дифосген — 28, синильная кислота — 27, адамсит — 53, хлорацетофенон — 55, дифенилхлорарсин — 57, бромбензилцианид — 46. Разумеется, система эта не могла не наложиться на предыдущую. Во всяком случае, когда осенью 1929 г. ВОХИМУ активно создавало программу применения химоружия против «китайских милитаристов» в районе Маньчжурии, то в версиях одного и того же документа ОВ кодировались и по той, и по другой системе. Например, обычный иприт прятался от взгляда шпионов и как вещество № 6, и как вещество № 38.

Конечно, помимо самих ОВ, существовали и так называемые рецептуры, поскольку все ОВ применялись в виде самых различных смесей как с другими хи-

мическими веществами (например, растворителями), так и друг с другом. Так, поначалу в армии и промышленности стали использовать в секретной переписке и наносить на химические боеприпасы «рецептурную» систему обозначений такого вида: синильная кислота — это Р-2, азотистый иприт — Р-3, хлорциан — Р-4, обычный иприт — Р-5, хлорацетофенон — Р-6, люизит — Р-7, вязкий иприт — Р-9, фосген — Р-10, дифосген — Р-10–2, смесь иприта и люизита — Р-5–7, смесь иприта и азотистого иприта — Р-5–3, раствор хлорацетофенона в дихлорэтане — Р-6–8, смесь синильной кислоты с хлорцианом — Р-2–4 и т.д.

Однако чистота жанра не выдерживалась никогда, и иногда параллельно существовали многие другие системы обозначений ОВ и их рецептур. Скажем, в начале 30-х гг. действовала такая система рецептур на основе ОВ: Р-12 — это дифенилхлорарсин, Р-14 — хлорацетофенон, Р-15 — адамсит, Р-16 — смесь иприта с дифосгеном (в соотношении 50%:50%). Во всяком случае именно она была использована при формулировании решения РВС СССР от 27 февраля 1927 г. Однако в том же решении была применена и более древняя система, где такие НОВ, как фосген и дифосген, были по старинке обозначены как «Ю» и «Я».

Конечно, к концу 30-х гг. масштабы работ с химоружием развились настолько, что для обозначения ОВ и рецептур на их основе стали применять и более богатые по возможностям системы обозначений. В частности, 15 мая 1936 г. Я.М. Фишман утвердил систему трехзначных чисел, с помощью которых в своей переписке под грифами «секретно» и «совершенно секретно» руководство РККА, ГУГБ и промышленности прятали данные об обсуждавшихся «обычных» ОВ: иприт Левинштейна — это вещество 125, зимний иприт на основе пропилена — 126, вязкий иприт — 127, смесь иприта с дифосгеном — 130, смесь иприта с люизитом — 131, люизит — 133, фосген — 134, дифосген — 135, хлорфосген — 136, синильная кислота — 137, хлорциан — 138, смесь синильной кислоты с хлорцианом — 139, дифенилхлорарсин — 140, дифенилцианарсин — 141, адамсит — 142[704]. Стоит, однако, иметь в виду, что в организациях химической промышленности была иная система шифровки, а в переписке ХИМУ РККА с войсковыми частями применялись реальные названия ОВ. Добавим также, что существовали особо секретные ОВ, по которым переписка велась только среди особо избранных лиц, только по особому шифру «ТОС» (и только под грифом «совершенно секретно»).

У этой системы шифровки был явный недостаток — неслучайный порядок чисел («враг мог догадаться»). И закрепилась она ненадолго. В марте 1938 г. ХИМУ ввел в оборот систему шифрования переписки на основе другой системы трехзначных обозначений рецептур ОВ и иного имущества: иприт технический — это 719, иприт В.С. Зайкова — 425, смесь иприта с дифосгеном — 217, люизит — 297, смесь иприта и люизита в дихлорэтане — 928, азотистый иприт — 195, дифосген — 435, синильная кислота — 381, хлорциан — 673, шашка ЯМ-21 — 625[1028].

Впрочем, и эта система кого-то не устроила, и в октябре 1939 г. ХИМУ возвратился к двузначным и достаточно случайным числам для обозначений ОВ, заказывавшихся на химических заводах[705]. Теперь в переписке между армией и химической промышленностью необходимо было рецептуры ОВ обозначать так: иприт технический — это номенклатура 96, иприт незамерзающий — номенклатура 56, иприт по В.С. Зайкову — 94, смесь иприта с люизитом — 43, люизит — 74, фосген — 63, дифосген — 55, синильная кислота — 41, хлорциан — 85, смесь синильной кислоты с хлорцианом — 75, дифенилхлорарсин — 65, трихлортриэтиламин — 42, адамсит — 70, хлорацетофенон — 83. Получил свое наименование даже дифенилхлорстибин (детище будущего академика А.Н. Несмеянова), названный номенклатурой 40. А шашка ЯМ-11 стала проходить под номенклатурой 68.

Возвращаясь к промышленности, отметим, что внутри нее были свои хитрости. Во всяком случае в 1934 г., когда Чапаевскому заводу № 102 было поручено срочно изготовить 400 т вещества № 6 (иприта Левинштейна)[500], цех № 4 клал свою жизнь на химический алтарь не по линии выпуска иприта и даже не вещества № 6, а по линии производства вещества Б-2.

И так было везде. За несколько лет до большой войны в системе военной промышленности (НКОП) была введена система шифровки рецептур ОВ, которая действовала лишь на линии промышленность-армия: иприт В.С. Зайкова — это рецептура 719, вязкий иприт (ВИР-16) — 679, люизит — 297, азотистый иприт — 195, хлорацетофенон — 324, синильная кислота — 381, хлорциан — 673, дифосген — 435. А в начале 1939 г. ту систему еще более усложнили, и в промышленности в документах те же рецептуры проходили под иными шифрами: смесь иприта В.С. Зайкова с люизитом — Р-133 для бомб ХАБ-200 и Р-134 для бомб ХАБ-500, вязкая ипритная рецептура (ВИР-16) — Р-138 для бомб ХАБ-100, Р-140 для бомб АОХ-10; раствор хлорацетофенона в дихлорэтане — Р-159 для бомб ХАБ-25 и Р-160 для бомб ХАБ-200 и т.д.[1028].

Нелишне подчеркнуть, что письменная и телеграфная переписка также имели отличия. Во всяком случае в 1935 г. Я.М. Фишман издал приказ, по которому в пределах армии (склады, начальники военно-химической службы) при решении по телеграфу вопросов поставок ОВ действовала иная, чем в переписке, система шифровки. При этом вещество № 6 (иприт) обозначалось в телеграммах как 01, вещество № 11 (синильная кислота) — как 013, вещество № 17 (люизит) — как 014, вещество № 5 (дифосген) — как 015... Фантазии хватало на все случаи жизни.

Отечественная война внесла свои коррективы. Уже в ее начале обычный иприт в документах промышленности начали скрывать под словом Р-10, «тролит» и «тролит-10», иприт В.С. Зайкова — «продукт М-01», «тролит-74» и Р-74, люизит — «продукт К-01» и «персил», синильную кислоту — «розамин», фосген — «фактис-1», дифосген — «фактис-2», адамсит — Р-15 и «фиксол». А 20 марта 1943 г. нарком НКХП СССР М.Г. Первухин написал от руки приказ об установлении иной системы шифровки в секретной переписке по вопросам производств ОВ, которые выпускались фактически[706]. И с 1 апреля 1943 г., и в первые послевоенные годы в секретном химическом подполье действовали такие обозначения[431]: синильная кислота — продукт «А», фосген — «Б», дифосген — «В», адамсит — «Д», дифенилхлорарсин — «Е», иприт В.С. Зайкова — «К», иприт Левинштейна — «Н», люизит — «М», хлорацетофенон — «С», мышьяковистый водород — «Т».

После войны настали новые времена, и к старым добрым ОВ Первой мировой войны добавились новые, почти трофейные — нервно-паралитические. Разумеется, и это обстоятельство имело следствия на секретно-шифровальном фронте: новые ОВ зарин **(XXIII)** и зоман **(XXIV)** стали именовать в документах промышленности как «ордоваль-1» и «ордоваль-2». Впрочем, у зарина бывали и иные имена (например, «молит» и «пласкон»), а у зомана — «титанит»[431].

В послевоенные годы в промышленности произошли большие изменения и в отношении старых ОВ. Уходящий в прошлое адамсит **(III)** получил новую кличку «кумол». Имена «карботан» и «дюрец» носил хлорацетофенон **(II)**. Синильная кислота **(XV)** проходила в бумагах как «морфолин». Многие годы, пока имелись мощности по выпуску долгохранимого иприта в Дзержинске, его в переписке именовали как «скатол-3» (иногда «нератол»). А люизит проходил как «фуран». Немало имен носило и малоизвестное ОВ трифторнитрозометан **(XIX)** — вещество «Ф», «фармакон», «синтан».

А в разгар «холодной войны», когда на мировой арене появились такие «новинки», как токсичнейшие ОВ из группы V-газов, а также полицейский газ CS **(VII)**, документы промышленности и армии обогатились новыми шифровками: советский V-газ **(XXV)** — рецептура Р-33, газ CS — Р-65, зарин — Р-35, зоман — Р-55[12]. Вязкие рецептуры именовались, соответственно, ВР-33, ВР-55...

Разумеется, в переписке шифровалось все, в том числе данные о заводах-производителях химоружия. Как уже упоминалось выше, специализированные военно-химические заводы имели цифровые обозначения для переписки и жизни: Москва — № 51 (на шоссе Энтузиастов) и № 93 (на Угрешской улице), Чапаевск — № 102, Сталинград — № 91, Дзержинск — № 96 (нынеший «Капролактам») и № 148 (нынешнее «Оргстекло»), Кинешма — № 756, Березники — № 761, Сталиногорск — № 100, Кирово-Чепецк — № 752 и т.д. И эта система сохранялась многие годы после войны. Хотя многочисленные химические заводы под безликим именем «Сода» тоже мало что давали любопытным, равно как и обширная когорта предприятий под названием «Химпром».

Впрочем, и этого армии показалось мало, и в 1936 г. ХИМУ ввело для секретной переписки свои обозначения заводов: Чапаевск — индекс 1 (завод № 102), Сталинград — 2 (№ 91), Москва — 3 (№ 51), 4 (№ 93) и 9 (Дербеневский завод), Чернореченск — 5 (Дзержинск, ЧХЗ), Березники — 6 («Сода»), Щелково — 7, Рубежное — 8, Кинешма — 10, Сталиногорск — 14 (№ 100)...

В отличие от деловой переписки живая жизнь поддавалась подобному регулированию много труднее, и тем не менее успешно опреснялась и она. Так, в армии, где подготовка к наступательной химической войне затронула жизнь сотен тысяч людей, делалось немало, чтобы новые задачи и большие масштабы работ с химоружием не были узнаны «вероятным противником». За этим следили все — и военная разведка, и НКВД. А за тем, чтобы тайна так и оставалась тайной, бдительно следила цензура.

Обращаясь к **проблемам становления цензуры**[699,700,703], отметим, что 19 августа 1927 года, в преддверии присоединения СССР к Женевскому протоколу 1925 г.[55], Главлит начал подготовку к двойной жизни. Он разослал по всей стране специальный документ «О секретных сведениях по военно-химическому делу», где было однозначно установлено, что «сведения по военно-химическому делу являются секретными и потому не должны разрешаться к печати»[699].

Приведем некоторые из запрещенных тем:

«Средства химического нападения».

«1. Все ОВ (наименования, марки, химические формулы и характеристики действий)...

3. Ручные и ружейные химические снаряды (гранаты и пр.).

4. Газометные мины, дымовые шашки и ядовитые свечи.

5. Все средства для заражения местности как с самолета, так и наземные.

6. Газометы.

7. Оригинальные сосуды для перевозки и хранения ОВ (баллоны, цистерны и т.п.)».

Тем же документом были запрещены для публикации в прессе также «все сведения о бактериологической войне, которые не носят научного характера и которые не позаимствованы из иностранной прессы, но каждый раз по согласованию с Военно-химическим управлением».

И «Перечень сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих оглашению в целях охранения интересов СССР (на мирное время)», который был утвержден в 1928 г. не только главным цензором (начальником Главлита), но и

заместителем председателя РВС СССР И.С. Уншлихтом, запретил упоминание в открытой печати названий, нумераций и местонахождения войсковых частей, в том числе и у только что образованных химических войск[700]. Пока этот запрет распространялся на отдельные химические роты и батальоны — ничего другого в химических войсках тогда еще не было. Среди других запретов укажем такие: «все сведения о военно-химической службе», «все сведения о военно-химической промышленности» (она еще только возникала) и даже «сведения о количестве газов, газовых снарядов и т.п., оставшихся от царской армии». Кстати, именно в том документе, по-видимому, впервые был установлен запрет на упоминания в прессе о «чрезвычайных событиях», то есть «сведения о взрывах, поджогах и эпидемиях в воинских частях, учреждениях и заведениях, кроме официально сообщенных».

В последующие годы подобного рода перечни обрастали все новыми и новыми подробностями, по мере того как военные химики обрастали новыми знаниями и «достижениями». Так, еще 19 мая 1933 г. с их подачи заместитель председателя РВС СССР М.Н. Тухачевский утвердил обширнейший «Перечень вопросов, составляющих военную тайну по военно-химическому вооружению и военно-химической подготовке РККА»[703], по существу, отражающий весь арсенал военно-химических неожиданностей, которыми Советский Союз собирался познакомить любого врага. Перечень этот заслуживает описания, поскольку он очень выпукло характеризует его создателей.

Так, о боевых химических машинах от БХМ-1 до БХМ-4 враг не должен был знать из открытых источников абсолютно ничего (то есть детального технического описания, ТУ, наличия распылителей для иприта и люизита, тактико-технических данных, норм расхода). Даже внешний вид для машин БХМ-2, -3 и -4 составлял тайну уровня «совершенно секретно»[704]. Единственное послабление касалось рабочей емкости машины БХМ-1 — всем дозволялось знать число 1000 л, да и то потому, что «в миру» под названием АРС эти машины могли быть использованы не для перекачки и распыления СОВ, а для перевозки бензина и поливки улиц водой. С чем успешно справляются и поныне.

О ЯД-шашках ЯМ-11 (хлорацетофенон) разрешалось знать только внешний вид, вся остальная информация шла под грифом «секретно». А о ЯМ-21 (адамсит), ЯМ-31 (дифенилхлорарсин) и ЯМ-41 (дифенилцианарсин) и об их применении никто не должен был знать абсолютно ничего — все шло только под грифом «секретно». За исключением того, что пряталось под гриф «совершенно секретно», а на этот уровень тайны тянула такая информация, как «действие дымовой волны на дальности свыше 10 км и в сверхминимальных концентрациях». Напомним, что дальность могла достигать 80 км и более[703].

О таком химоружии, как химический фугас ХФ, можно было знать не очень много — внешний вид и учебные нормы, да и то в режиме «для служебного пользования». А вот боевые нормы — это было «секретно», не говоря уж о «телемеханическом способе подрыва», который проходил как тайна уровня «совершенно секретно»[703].

И так до бесконечности. В отношении ВАПов как химоружии авиации нельзя было знать ничего. Причем применение этого средства распыления ОВ до высот 1000 м было тайной уровня «секретно», а вот использование с высот выше 1000 м было тайной класса «совершенно секретно». Столь же строгой тайной была окружена сама возможность применения авиацией из ВАПов таких ОВ, как синильная кислота и фосген.

Разумеется, под грифом «совершенно секретно» проходили тогда любые рецептуры ОВ — для химических и осколочно-химических авиационных бомб и

артиллерийских снарядов, а также для применения всеми иными способами.

Что касается самих ОВ, то о ранее известных из прессы широкой публике дозволялось знать то и только то, что уже было опубликовано после Первой мировой войны, и ни на йоту больше. Приведем примеры, характеризующие уровень тотальности в секретной сфере тех лет.

Скажем, в отношении люизита режим «секретно» действовал по таким неожиданным вопросам, как «действие на организм животных и человека, меры первой помощи». В отношении синильной кислоты режим «секретно» распространялся на «все работы, проводимые в СССР, и вопросы боевого применения», а режим «совершенно секретно» — на «применение синильной кислоты авиацией и другими холодными способами». В отношении адамсита и дифенилхлорарсина режим «совершенно секретно» действовал по такому боевому вопросу, как «действие на организм сверхминимальных концентраций». В отношении практически всех известных ОВ (иприта, фосгена, дифосгена, хлора, адамсита, дифенилхлорарсина, хлорацетофенона, бромбензилцианида) в режиме «секретно» должно было оставаться все, что касалось усовершенствования технологических процессов, а в режиме «совершенно секретно» — сведения о боевых рецептурах. Что касается новых, ранее неизвестных ОВ, то публикации о них запрещались вообще, даже под грифом «совершенно секретно»[703].

Разумеется, о химических войсках и об их работе в режиме химического нападения нельзя было знать практически ничего. В отношении самого факта существования «химических частей и подразделений больше взвода», равно как и об их технике и тактике при заражении местности, действовал режим «секретно». В отношении мест размещения химических войск нельзя было знать ничего даже для таких военных единиц, как взвод[703].

В последующие годы секретность еще больше ужесточалась. Для примера укажем изданный 29 апреля 1936 г. на основе общей директивы НКО СССР приказ войскам ЗабВО по вопросам военной цензуры (в других округах и на флотах были изданы аналогичные документы). В рамках общей политики страны командующий войсками комкор И.К. Грязнов (1897–1938) приказал обеспечить недопущение в печати «сведений, из которых вытекало бы применение частями Красной Армии активных средств химического нападения». А в порядке контрпропаганды химическую подготовку к будущей войне было предписано преподносить лишь «под углом зрения химической обороны». Среди прочих запретов отметим следующий: «не подлежат выявлению БХМ, даже как дегазатор, а равно и другие приборы химического нападения». Было указано также, что воинские части химического профиля «вовсе не должны упоминаться ни в каком виде».

Кстати, на востоке страны, где химоружие считалось принципиальным средством для «сдерживания врага», а граница была более чем протяженной, действовали и географические ограничения. Вот какие рамки были установлены будущим маршалом В.К. Блюхером в приказе по ОКДВА от 19 сентября 1934 г. «во избежание пограничных инцидентов, связанных с боевой подготовкой войск». Было предписано «в пограничной полосе производить учения и занятия» с ОВ от границы не ближе: «I. 50 км — с ядовитыми дымами при вводе одновременно или сериями до 100 шашек ЯД и более на узком фронте…; II. 10 км — с СОВ типа иприта; III. 15 км — с НОВ». Более всего в этом приказе привлекает число 50 км применительно к ядовитым дымам. Столь большое число, очень близкое к правде и потому являвшееся тайной высшего уровня, использовано потому, что приказ предназначался только для высших военачальников армии и имел высший гриф — «совершенно секретно» (приказ № 00291).

Осталось выяснить, а достигла ли та система секретности цели, хотя бы применительно к проблеме химоружия. Об этом можно судить по литературе, появившейся до и после признания М.С. Горбачевым факта существования советского химоружия[11]. Речь идет, например, о двух изданиях 1985 г.[35] и выпущенной в 1992 г. в США монографии[34]. Эти издания опираются, главным образом, на два массива информации: 1) данные разведки Германии, пропустившей за годы Второй мировой войны через себя миллионы советских военнопленных; 2) данные разведки США, полученные ею в послевоенные годы.

Оговоримся сразу, что в целом **результаты для разведок Германии и США и других стран неутешительны.**

По данным указанной книги[34], в список мест, где в 1920–1943 гг. размещались советские производства ОВ, входят такие города, как Чапаевск, Сталинград (Волгоград), Дзержинск, Березники, Новомосковск, Воскресенск, Кинешма. Кроме того, авторами было названо множество других мест, которые не имели отношения к выпуску химоружия: Артемовск (приписано производство фосгена, синильной кислоты, иприта и др.), Ереван (иприт), Кемерово (иприт, фосген, синильная кислота и др.), Кировакан (синильная кислота, иприт), Кировск (иприт), Красноярск (иприт), Магнитогорск (вязкий иприт, синильная кислота), Нижний Тагил (иприт, люизит), Омск (иприт), Ташкент (иприт, синильная кислота), Томск (иприт, люизит, синильная кислота), Уральск (фосген, синильная кислота) и многие другие. Разумеется, в той книге не упомянут ни мощный послевоенный завод химоружия в Новочебоксарске (а он начал работать за 20 лет до выхода книги)[12], ни те заводы, где в преддверии перестройки уже начали разворачиваться мощные производства новейших ОВ, в том числе несмертельного типа (Павлодар, Запорожье, Славгород).

Советские склады химоружия в начале Великой отечественной войны располагались, по данным книги[34], в следующих пунктах: Анушкин, Воронеж, Дербишки, Задонск, Золотоноша, Комсомольск, Красноярск, Кривой Рог, Липецк, Миловахова, Никольск, Татищево, Фастов… Список этот настолько далек от реальности, что самим его существованием обесценивалось упоминание в нем населенных пунктов, где химоружие и в самом деле хранилось (Москва, Ленинград, Чита, Гороховец, Чапаевск, Дзержинск, Шиханы, Камбарка, Уссурийск). Что касается великого множества арсеналов, где ОВ и химические боеприпасы Советской Армии были реально складированы, то эта информация немецкой армии была, по существу, неведома.

Не лучше обстояли дела и с военно-химической наукой. В числе советских ученых, которые были выявлены разведкой Германии, оказались В.Н. Ипатьев, А.Н. Бах, Н.А. Шилов, А.Е. Фаворский, Н.С. Курнаков, Е.И. Шпитальский, Н.Д. Зелинский. Все они были публичными фигурами советской науки и в то же время имели прямое отношение к работам по ОВ в 20-х гг., однако потом были от этих работ отставлены. А вот о среднем звене исследователей, фактически занимавшихся химоружием в 30-е гг., немецкая разведка не знала ничего.

Не знала немецкая разведка и о тех многочисленных кандидатах в ОВ, которые проходили испытания в советских лабораториях и на полигонах в 30-х гг. Она не знала абсолютно ничего об опытах по использованию в Красной Армии многих производных свинца (например, тетраэтилсвинца), окиси углерода (самой окиси углерода и карбонилов ряда металлов) и других соединений для «пробития противогаза» противника. Не были ей ведомы и опыты по применению производных селена (например, селенового аналога иприта) и фтора (в частности, фторных аналогов иприта и азотистого иприта) в качестве средств химического нападения.

В качестве курьеза можно упомянуть, как в 1934 г. в период непродолжительной военно-химической дружбы СССР — Италия начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман предлагал заместителю председателя РВС СССР М.Н. Тухачевскому поделиться с «друзьями» данными о ряде ОВ. В рапорте предлагалось рассказать об аналоге хлорпикрина тетрахлординитроэтане, о ряде производных алкалоида капсаицина, о многих аналогах иприта (на основе фтора, брома и селена) и ряде других веществ. У всех них была одна особенность — уже было доподлинно выяснено, что они не имели какой-либо ценности для Красной Армии, так что можно было поделиться и с «друзьями».

Продолжая разговор о знании немецкой разведкой персонала военно-химической науки, отметим, что и о «химических» делах времен Второй мировой войны в книге никаких серьезных данных также не приводится. В связи с военно-химическими исследованиями первых послевоенных лет авторами были названы (теперь уже разведкой США) академики С.И. Вольфкович и В.А. Каргин, которые были далеки от реальных проблем химоружия тех лет. Из послевоенных ученых разведчики США знали, пожалуй, только лишь публичных ученых — академиков А.Е. Арбузова да М.И. Кабачника, которые в самом деле занимались ФОВ, однако многие годы абсолютно не определяли фактического хода событий. Остальные персоны были разведкам неведомы.

Что касается описания персонала советской военно-химической службы, то в книге оно ограничено лишь официальными фигурами высокопоставленных лиц: В.Н. Баташев, Я.М. Фишман и П.Г. Мельников — до Второй мировой войны, а В.Н. Аборенков, В.К. Пикалов и С.В. Петров — после. Другими словами, разведкам Германии и США был абсолютно неведом реальный состав руководящего слоя советского военно-химического генералитета. Тем более им не мог быть известен средний уровень советского химического офицерства.

Таким образом, если «играть за противника», то результат деятельности советских контрразведчиков обернулся для разведок стран из капиталистического окружения Советского Союза информационной катастрофой. Они, по существу, не знали ничего — ни о заводах химоружия, ни о его складах и объемах запасов, ни о персонале в науке и в армии.

Во всяком случае реальное положение дел в области подготовки СССР к наступательной химической войне не имело ни малейшего отношения ни к тем сообщениям, что докладывали разведки стран Запада своим руководителям, ни тем более к тому вздору, что время от времени несли в годы «холодной войны» в своих «независимых» обобщениях организации по изучению «проблем мира».

Тем не менее кое-что в указанной американской книге[34] дано с немалой точностью. Во-первых, точно дана номенклатура ОВ предвоенных и военных лет, хотя сделать это было не так уж сложно, поскольку советская номенклатура ОВ, по существу, воспроизводила зарубежный опыт Первой мировой войны. Во-вторых, разведками сравнительно полно дана довоенная номенклатура советских химических боеприпасов. Это значит, что какой-то советский склад химических боеприпасов или несколько складов все-таки попали в 1941 г. в руки немецкой армии вместе, по крайней мере, с частью содержимого.

Отметим несколько примеров неуспехов немецкой разведки.

После 1941 г. немецкие военные специалисты немало подивились успехам Красной Армии в готовности к эффективному применению синильной кислоты из ВАПов — они эту проблему полагали технически трудно разрешимой. В то же время немецкая разведка всерьез полагала, что Красная Армия будто бы готовилась к использованию для целей химического нападения фосгеноксима и что в

СССР якобы были созданы цеха по его выпуску (на мифических предприятиях в Кислотном, Верхотурье и Магнитогорске)[34]. Между тем на самом деле в советской системе химического вооружения 1940 г. фосгеноксим вообще не упоминался ни в какой форме. К тому же нормативные документы о «предметах химического вооружения», утвержденные в 1940 г. руководителем советской военно-химической службы П.Г. Мельниковым, также не упоминали это ОВ, а обсуждали лишь реально существовавшие[73,505,506]. О серьезных работах с фосгеноксимом как ОВ можно найти лишь в более поздних документах[728].

Немецкая разведка практически ничего не выяснила ни о предвоенной организации химических войск Красной Армии, ни тем более об организации сил химического нападения в ее ВВС.

Что касается послевоенных лет, то разведкам США и других стран НАТО не были ведомы никакие советские военно-химические секреты. Ну разве что они смогли выведать обозначение рецептуры одного из послевоенных советских ОВ — рецептуры ВР-55[35]. И это все. Впрочем, и это им никак не помогло, потому что о существовании стоящего за этим обозначением вязкого зомана они узнали не в 1970 г., когда услышали о его обозначении, а лишь после того, как советские власти известили об этом Запад[828]. Между тем своего зомана у США не было — ни жидкого, ни вязкого. Тем более не было эффективных средств его доставки.

В целом скрывать от империалистических разведок у Советского Союза было что. Как уже упоминалось, для ведения активной подготовки к наступательной химической и биологической войне в Советском Союзе было сформировано громадное отдельное секретное пространство «Ф», разделенное на многочисленные подпространства. Обитатели отдельных подпространств могли не знать о существовании друг друга. В том спецпространстве действовали иные правила, чем те, что характерны для общеизвестных уровней вертикально дифференцированного прятания правды («секретно», «совершенно секретно» и «совершенно секретно, особой важности»). Для попадания в это спецпространство нужен был специальной вход — допуск по форме «Ф». Документы в нем тоже проходили отдельно — по «серии Ф». А еще не забудем, что многие Ф-шифры имеют в слове еще одну букву «Т».

Таким образом, в целом империалистические разведки не были в курсе наступательных возможностей Советской Армии по части химического и/или биологического оружия. И, соответственно, их занижали. Остается добавить, что армия США напрасно прятала от своей и международной общественности доклад немца W. Hirsh о советском химоружии[34,35], — в целом он был далек от реалий.

Подводя итог этого раздела, еще раз подчеркнем, что полное незнание разведками США и других стран Запада реальных достижений Советского Союза в подготовке к наступательной химической войне — свидетельство эффективности работы спецслужб (НКВД, военной контрразведки и всей системы тотальной секретности) по части укрытия советских военно-химических и родственных им тайн от нескромного вражеского глаза.

В общем, великую тайну наступательной химической войны советская военно-химическая бюрократия сберегла. И старается беречь до сих пор.

В заключение стоит упомянуть о том, что в 1990 г. генерал С.В. Петров заговорил о советском химоружии как об оружии устрашения[18]. Это в высшей степени малоосмысленное и лживое заявление — нельзя устрашить тем, о существовании чего вероятный противник был не в курсе. Иначе США вряд ли, начиная с 1969 г., стали бы освобождаться от своего химоружия.

16.2. БОЛЬШАЯ ЗОНА

Выше уже говорилось, что в 1956 г. генерал-майор П.Г. Вершинин[325] не должен был вручать автору настоящей книги погоны лейтенанта химических войск, а должен был погибнуть в мясорубке 1937–1938 гг. Такая была в 30-х гг. жизнь. Химоружие создавалось, испытывалось, производилось и хранилось фактически во всех частях Большой Зоны, в которую постепенно превратился Советский Союз, — и в военной, и в промышленной ее составляющих. И во всех них шла жестокая борьба властной бюрократии на самопожирание[12].

Первый удар колокола создатели нарождавшегося военно-химического комплекса услышали в 1923 г., еще при жизни В.И. Ленина. Тогда по «делу кооператоров» были осуждены, среди прочих, Г.Ф. Курагин и М.Н. Леплейский. В наши дни трудно установить реальную цену этих людей, однако в 20-х гг. «в кругах» считалось, что это были военно-химические специалисты с многолетним стажем и с серьезным знанием военно-химических проблем тех лет — проблем полигона в Кузьминках, склада в Очакове и московских заводов химоружия.

Впрочем, профессорская и военная элиты не решились и подумать, что колокол зазвонил по ним. И они не кинулась защищать своих людей от навета. На заседании Межсовхима РККА, состоявшемся 5 июня 1923 г., обсуждался совсем иной вопрос — «об использовании для работ по военно-химическому делу инженера Курагина и младшего артиллерийского инженера Леплейского, присужденных по процессу «кооператоров» к 2 с 1/2-летнему заключению». Отсюда и результат — было решено всего лишь просить начальника артиллерии РККА возбудить ходатайство перед Главным управлением мест заключения о предоставлении Г.Ф. Курагину и М.Н. Леплейскому «права работать в служебное время в своих учреждениях»[149]. Этим решением был потрясен, кстати, даже комиссар военно-химического органа управления тех лет — ему идея «химической шарашки» в голову пока еще не пришла. Однако, однажды родившись, эта идея не могла не захватить номенклатуру ВХК.

Мы не знаем, чем закончилось то дело Курагина-Леплейского (в архиве нужные бумаги не попались), однако отметим, что первый, Соловецкий, лагерь особого назначения (СЛОН) гостеприимно распахнул свои ворота как раз на другой день — 6 июня 1923 г. Как известно, через него прошли священник П.А. Флоренский (1882–1937), будущий академик Д.С. Лихачев и множество менее известных представителей интеллигенции. Прошел его и дядя автора настоящей книги — Федор Владимирович Федоров, обитатель чувашской глубинки.

Две последующие волны самопожирания советской бюрократии, которые напрямую затронули ВХК, произошли в предвоенное десятилетие. Первая из них случилась в 1929–1931 гг., в эпоху массовой **борьбы с вредительством**[394]. Вторая волна более известна обществу — это состоявшийся в 1937–1938 гг. **поиск врагов народа**[413].

В 1929 г. по результатам активнейшего отлова «вредителей» ОГПУ СССР подготовило «Обвинительное заключение ОГПУ по делу о вредительской организации в военной промышленности». В августе 1929 г. секретный отдел ЦК ВКП(б) разослал этот документ особо доверенным людям для «принятия мер». Начальник ВОХИМУ Я.М. Фишман был тогда в числе доверенных (он получил экземпляр № 410)[394]. Далее последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г., в котором все недостатки в организации военной промышленности, включая промышленность химоружия, уже на государственном уровне списывались на «вредителей».

Теперь поисками вредителей в индустрии и в армии стали заниматься все, кому было доверено, разумеется, в тесной связке с ЭКУ ОГПУ. В армии команду на поиск вредителей дал заместитель наркома НКВМ И.П. Уборевич, сменивший И.С. Уншлихта на посту куратора военно-химического дела (это произошло 18 ноября 1929 г., когда постановлением РВС СССР взамен упраздненного Управления снабжения была учреждена должность начальника вооружений РККА, которую и занял И.П. Уборевич[129]). Сам И.С. Уншлихт занялся поисками врагов на только что занятом им посту заместителя председателя ВСНХ СССР, разумеется, по оборонным вопросам.

Лишь через много десятилетий мы узнали о деталях событий того лихого времени. 11 ноября 1930 г. номер «Известий» почти целиком были занят публикацией «Обвинительного заключения по делу контрреволюционной организации Союза инженерной организации (Промышленной партии)». А 25 ноября в Колонном зале Дома Союзов в Москве начался и сам процесс по делу Промпартии. Процесс тот был показательным. Соответственно, вокруг Дома Союзов дефилировали «трудящиеся», скандировавшие: «Смерть! Смерть! Смерть!». Однако основные события происходили не там. Всего за 1928–1931 гг. бдительное ОГПУ взяло под контроль 1 млн. 250 тыс. «буржуазных спецов». А через судебные «тройки» ОГПУ по всей стране за 1930 г. прошло 179620 человек (за 1929 г. их прошло 5885), из которых 18966 человек были приговорены к расстрелу.

Результаты активного «выявления» вредителей **в армии** были подробно зафиксированы в начале 1931 г. в докладе Я.М. Фишмана[70], которым были, по существу, подведены итоги 20-х гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ:

«Ликвидация последствий вредительства.

1-е вредительство было в старом Химкоме, возглавляемом Ипатьевым. По показаниям профессора Шпитальского, стремились иметь на вооружении сложный противогаз Т-4. Командование провело на вооружение противогаз Т-5 (ныне «БС»), несложный в производстве. Состав НТК обновлен и коммунизирован.

2-е вредительство было по линии МПУ ВСНХ СССР (Поварник) — в затяжке мобзаявки ВОХИМУ. Поварник при содействии ВОХИМУ был разоблачен и ликвидирован...

3-е вредительство: группа Дзержковича затянула конструирование химснарядов, начав значительное количество образцов по каждому калибру... и оттягивая ввод на вооружение. Кроме того, эта же группа сконструировала газомет «В» очень сложный и дорогой в производстве. В настоящее время конструирование химснарядов передано в АУ... Пересматриваются и проверяются все рецептуры... Развивается конструкторская работа по газометам, минометам и ракетам.

4-е вредительство. Группа Баташева развивала тактику химборьбы на основе образцов мировой войны, тормозила ввод новых средств борьбы путем недооценки аэрохимии, ядовитых дымов, механизации, систематически дискредитировала партийное командование...»

Я.М. Фишман[70]

В уточнение не будет лишним напомнить, что полковник царской армии А.А. Дзержкович, арестованный по делу Артиллерийского управления РККА, был в армии советской на хорошем счету — во всяком случае еще в феврале 1928 г. в повестке дня одного из заседаний РВС СССР стоял вопрос «о вознаграждении профессора Дзержковича за разработанные образцы аэрохимбомбы и взрывателей к ней».

В том же докладе[70], наряду с указанием недостатков пятилетней работы ВОХИМУ РККА во главе с Я.М. Фишманом по части создания боеспособных сил химического нападения, указывались «причины», а также «виновники» из числа его предшественников и конкурентов, которым и пришлось за это расплатиться: 1) об артиллерийских снарядах — «достаточно указать, что все состоящие на вооружении снаряды... разработаны инженерами Дзержковичем и Фениным, которые оба в настоящее время арестованы»; 2) о химических минометах — «достаточно указать, что все разработанные конструкции были выполнены инженерами Дзержковичем, Пименовым и Жуковским, из которых первые два в настоящее время арестованы»; 3) «почти до конца 1930 г. вся работа по авиахимбомбам была сосредоточена в руках только одного инженера Захарова, который являлся конструктором бомб и который в настоящее время арестован»...

Нелишним, однако, будет помнить список создателей артиллерийских и авиационных химических боеприпасов, которые были разработаны и поставлены на вооружение Красной Армии в предыдущие годы. В его основе как раз и были упомянутые арестанты-вредители — А.А. Дзержкович и В.В. Фенин, М.Г. Пименов и Н.Н. Захаров. Следует также помнить, что такое принципиальное достижение конструкторской военно-химической мысли, как первая химическая авиационная бомба дистанционного действия, принадлежало двум авторам — Н.Н. Захарову и Я.М. Фишману. После «прополки» силами ОГПУ остался лишь Я.М. Фишман.

Что до самого Я.М. Фишмана, то он стал жертвой системы непрерывного создания и отлова «врагов», которую раскручивал на своем участке с великим тщанием, несколько позже.

Поначалу Я.М. Фишман включился в поиск «врагов народа» как хозяин положения. В письме от 31 января 1937 г., которое было направлено в адрес заместителя наркома обороны Я.Б. Гамарника, он указал, что «Химическая служба РККА на протяжении своего существования засорялась социально чуждыми людьми и контрреволюционным элементом — троцкистами-шпионами и белогвардейцами»[413]. А далее Я.М. Фишман приводит и список лиц, «которым я не могу доверять». Мотивация и подбор жертв отвечали вкусам автора: у военврача Фишера, работавшего в НИХИ РККА, НКВД арестовало четырех братьев жены как активных троцкистов; работавший в НИХИ военинженер Шляфирнер во время предыдущего ареста органами НКВД в ДОПРе сидел вместе с Радеком, а сам ценности как специалист не представлял; военпред ХИМУ Щебланов уже был троцкистом и тоже ценности как специалист не представлял; военинженер и помощник начальника БИХИ [это институт биологической войны. — Л.Ф.] Бузанов был близким личным другом террориста Чернявского; у военпреда ХИМУ Грундмана два брата были арестованы органами НКВД как троцкисты; начальник ЦВХП Гендлер — бывший троцкист...

В дальнейшем по законам жанра настала очередь самого Я.М. Фишмана, и переориентация случилась в конце апреля 1937 г. Для этого, скорее всего, были использованы написанные на него доносы не по политической линии (что было бы непросто — сам он достаточно изощренно «боролся» с троцкистами и про-

чими сторонниками Каменева-Зиновьева), а по «вредительской». Но и на этом уже более профессиональном поле удобнее было инкриминировать не «провалы в строительстве химических вооруженных сил», а «вредительское закапывание химоружия». Во всяком случае расставание с Я.М. Фишманом нарком обороны К.Е. Ворошилов был вынужден сопроводить совершенно нехарактерной для него борьбой за чистоту родной природы, и это продолжалось целых полгода после ареста Я.М. Фишмана. Справедливости ради укажем, что поначалу ему пытались по линии командующего МВО маршала С.М. Буденного (1883–1973) инкриминировать закопанное на военно-химическом полигоне в Кузьминках обыкновенное оружие, будто бы предназначенное для организации мятежа против правительства Страны Советов, и лишь потом эта линия уступила место более естественной — закапывание в Кузьминках химоружия (писатель был все тот же — красный конник маршал С.М. Буденный[617]), что было сущей правдой, только уже не по линии «мятежа», а совсем по иным причинам.

ХИМИЧЕСКИЕ КЛЯТВЫ 1937 Г.:

«Мы, командный, начальствующий и вольнонаемный состав Химического управления РККА горячо приветствуем и одобряем единственно справедливый приговор, вынесенный специальным присутствием Верховного суда СССР подлой и ненавистной кучке шпионов, изменников Родине и Красной Армии: Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Эйдеману, Фельдману, Примакову и Путна.

...Гадина фашистского шпионажа будет раздавлена, этому порукой большевистская бдительность нашего Советского народа, бдительность НКВД и ее славного руководителя т. Ежова.

...Мы обязуемся в кратчайший срок ликвидировать вред, нанесенный подлыми изменниками нашей химической службе и повысить боеспособность нашей славной Красной Армии...

... Да здравствует наша славная партия Ленина-Сталина...

13 июня 1937 г.»[413]

«...Весьма чувствительный удар получил фашизм от славной армии наркомвнудельцев, руководимой славным большевиком ленинцем-сталинцем тов. Ежовым, разгромившей банду шпионов тухачевских, уборевичей и прочих гадов троцкистско-бухаринских-рыковских бандитов, шпионов, диверсантов, вредителей.

Собрание считает, что... мы в ближайшее время должны выполнить следующие задачи:

1. С большевистским упорством и полным напряжением сил развернуть работу по ликвидации последствий вредительства, проводившегося и в нашем Управлении, и в нашей службе презренными шпионами, врагами народа Фишманом и другими, проявляя бдительность, развивая самокритику и проверяя людей по их делам... «

1 августа 1937 г.[413]

«...Мы знаем, что наши победы стали возможны потому, что ты, наш Великий вождь, непоколебимо вел и ведешь партию, рабочий класс и кре-

стьянство на преодоление всех трудностей, что под твоим руководством партия разгромила всех врагов народа — троцкистско-бухаринских агентов фашизма, шпионов, диверсантов и вредителей...

Мы обещаем тебе, тов. Сталин, еще больше крепить оборонную мощь нашего Великого Союза, удесятерить свою большевистскую бдительность и еще теснее сплотиться вокруг великой партии Ленина-Сталина.

Да здравствует великий вождь народов всего мира, дорогой любимый Сталин».

4 ноября 1937 г.[413]

Новый начальник ХИМУ М.И. Степанов продолжил разрушительную активность предшественника. В конце мая 1937 г. он предложил руководству наркомата обороны «освободить от занимаемых должностей» команду своих недругов — начальника НИХИ Ф.Я. Козлова, его заместителя Ю.М. Иваницкого, начальника I отдела НИХИ Р.Ю. Удриса...[413]. Судьба первых двух после их ареста нам не известна, а вот Р.Ю. Удрис пополнил ряды обитателей «шарашки» нового поколения и был вынужден зарабатывать свою свободу важным открытием в области химии[720].

Другим своим письмом комдив М.И.Степанов попытался освободиться от не нравившихся ему начальников химической службы на местах[413]. И на этот раз мотивация была обычная: кто-то в стародавние годы служил у С.В. Петлюры, кто-то — в белой армии адмирала А.В. Колчака (1873–1920), кто-то состоял когда-то в БУНДе, кто-то скрыл свое дворянское происхождение... А вот начальник химических войск САВО, активный военный химик майор П.Г. Вершинин[325], как оказалось, когда-то не только служил в армии генерала А.И. Деникина вольноопределяющимся, но даже одно время был исключен из рядов ВКП(б). Впрочем, новый донос М.И. Степанова, по-видимому, цели своей не достиг. Во всяком случае член ВКП(б) генерал-майор П.Г. Вершинин потом много лет успешно руководил Костромским военно-химическим училищем (по традиции многие называли его Калининским — по месту создания) и даже, как упоминалось, вручал в 1956 г. погоны лейтенанта химических войск автору настоящей книги.

Самим М.И. Степановым пожертвовали в 1939 г.

ИЗ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЗАБЫТОГО:

*«Приветствие тов. И.В. Сталину в день его шестидесятилетия
от начальствующего и вольнонаемного состава
химического управления Красной Армии*

Дорогой Иосиф Виссарионович,

В день Твоего шестидесятилетия мы, коллектив работников химического управления Красной Армии горячо и сердечно приветствуем тебя, желаем долгой жизни и плодотворной работы для дела партии, для дела трудящихся всего мира.

Твоя жизнь, Иосиф Виссарионович, служит лучшим примером для всех, кто стремится к счастью народа... В деле борьбы за торжество учения Маркса-Энгельса-Ленина Твоя жизнь величественна и прекрасна...

Слава тебе, товарищ Сталин.

Живи и веди нас к новым победам.

Да здравствует великое и непобедимое знамя Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

В день Вашего шестидесятилетия примите от нас, товарищ Сталин, скромный подарок: противогаз для Вас БС-НЛ-2 № 0586 и для Вашей дочери БС-НЛ-2 № 0583.

Президиум торжественного собрания,
посвященного дню Вашего шестидесятилетия,
20 декабря 1939 г.»[413]

Переходя от военной к **промышленной составляющей ВХК**, напомним, что импульсы для развития военного дела задавались в те годы весьма простые. И арестом проф. Е.И. Шпитальского по делу о «контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности», обвинительное заключение ОГПУ по которому дало старт упомянутому постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), дело не ограничилось.

Судьба проф. Е.И. Шпитальского — наиболее яркая иллюстрация процесса самопожирания, происходившего в военно-химической номенклатуре. Этот незаурядный химик 29 сентября 1923 г. был назначен армией руководителем работ по выпуску партии иприта в полузаводском масштабе на заводе Москвы[370]. Начал он на абсолютно пустом месте и сделал то, что хотело руководство страны, причем в отсутствие западного знания технологических тонкостей производства иприта[370]. Более того, обеспечив начало выпуска иприта Экспериментальным заводом Анилтреста менее чем через год после назначения[370], он организовал вскоре начало выпуска фосгена на Ольгинском заводе.

Награда Советской Родины не заставила себя ждать.

Избранный 31 января 1929 г. в возрасте 50 лет член-корреспондентом АН СССР, Е.И. Шпитальский был в том же 1929 г. арестован и вскоре осужден по антисоветскому обвинению[12]. С подбором мотивировок тогда сложностей не было, особенно если учесть, что Е.И. Шпитальский родился Ардагане, который на момент обвинения находился на территории Турции.

Смертный приговор заменили на «химию» (не в переносном, а в прямом смысле) — 10 лет с отбытием срока на рабочем месте.

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ «КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА»:

«Арестованный Шпитальский показал:

...Наш подход к работе носил характер использования положения для поддержания наших лабораторий, а также для проведения тех мер и предложений, которые нам лично могли принести материальные выгоды... Потребность Красной Армии была для нас объектом, на котором мы рассчитывали создать для себя блага в смысле обеспечения научной деятельности... В тоже время нами не принимались меры к тому, чтобы хотя бы просто скопировать какой-либо из наиболее целесообразных и дешевых иностранных противогазов.

Такой же подход был у нас, по существу, и к другим вопросам. В частности, по отношению к моим работам и их планам не было проявлено такой твердости, как в организации их так и при рассмотрении программ, которые диктовались бы исключительно практической целью скорейшего разрешения основных производственных вопросов.»

(показания от 30 мая 1929 г.).

В отличие от «химии» Г.Ф. Курагина и М.Н. Леплейского для дальнейшей работы таких людей, как проф. Е.И. Шпитальский, было заготовлено специальное «правовое» обоснование. Оно появилось 15 мая 1930 г. в виде «Циркуляра Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного политического управления» об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». Сей документ был подписан В.В. Куйбышевым и Г.Г. Ягодой и, помимо констатации («за последние 2–3 года органами ОГПУ были раскрыты контрреволюционные вредительские организации в ряде отраслей нашего хозяйства»), содержал необходимую формулу решения: «Использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещениях органов ОГПУ». Так начала работать система «шарашек» в ОГПУ.

Не будем приписывать товарищам Куйбышеву-Ягоде больше, чем они того заслуживают. Незадолго до их решения появилось другое решение — еще более мудрое и директивное, а именно: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля о недостатках в работе военной промышленности. Именно этим документом с самого верха властной пирамиды было указано направление поиска виноватых. Ими оказались «вредители», активный отлов которых был поставлен на поток по представлениям и под руководством ЭКУ ОГПУ по всей промышленности ВПК, в том числе на заводах химоружия Военно-химического треста (в Москве и Чапаевске, Дзержинске и Электростали). Конкретный способ использования «вредителей» был определен СНК СССР, который 30 апреля 1930 г. утвердил положение об исправительно-трудовых лагерях, передававшихся в систему ОГПУ. И чтобы никто не подумал сомневаться, линия эта была однозначно закреплена в политическом отчете товарища И.В. Сталина XVI съезду ВКП(б) в июне 1930 г. («Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления...»).

Кто оказался в лагерях ОГПУ тех лет?

Это была большая команда людей из научно-технической интеллигенции, что искренне встала под знамена советской власти. Они и заполнили только что созданные под их размещение многочисленные «шарашки». Однако «органы» не были очень уж сильны в научно-технических делах, и они «выметали» вредителей слишком широким бреднем[394]. Неудивительно, что наряду с «шарашками» в 1931 г. было затеяно строительство канала Москва-Волга, что позволяло проводить селекцию «вредителей»: специалисты шли в «шарашки», остальные (в том числе раскулаченные и такие бесполезные для народного хозяйства лица, как философ А.Ф. Лосев) — в каналоармейцы (з/к, то есть в заключенные-каналоармейцы). Не лишним будет напомнить, что в 30-х гг. объем выполнявшихся силами заключенных капитальных работ составлял 5,8% ко всему объему капитальных работ в Советском Союзе.

Возвращаясь к конкретной судьбе, укажем, что вновь обретенный страной з/к Е.И. Шпитальский продолжал руководить работами по созданию химоружия, которые велись в Москве на заводе № 1 (в нынешнем ГСНИИОХТе). По-видимому, это была первая «военно-химическая шарашка» (ОКБ ОГПУ № 4, руководитель — М.Д. Кулиш), и ее работа получила высокую оценку Я.М. Фишмана в специальном приказе по ВОХИМУ[173]. Вскоре появились и многие другие. Последний подарок з/к Е.И. Шпитальского своей неласковой Родине — начало работы опытного сектора завода № 1 (№ 51), это случилось в 1931 г. К сожалению, смерть пришла за ним скоро — в том же 1931 г.

Арест Е.И. Шпитальского обернулся для ВХК большой потерей. К тому времени уже был выдавлен за границу наш великий химик и основатель военно-

химического дела академик В.Н.Ипатьев, и там он принес немало пользы более ласковым землям[59]. У нас же в стране он был забыт практически навсегда — в наши дни его уже никто не знает.

Нелишне напомнить, что с 1930 г. за границей оказался также и А.Е. Чичибабин (академик АН СССР с 1928 г.) — бывший член Научного совета ИХО РККА, не сумевший вписаться в систему жизни, в которой создание нового типа ОВ — инкапаситантов — требовалось совершить к очередному кварталу[179]. В 1936 г. он был лишен звания академика АН СССР.

Советский энтузиаст-долгожитель С.В. Михалков вполне точно описал ту людоедскую эпоху в своем стихе с химическим уклоном.

ИЗ ВИРШЕЙ ШИБКО БДИТЕЛЬНОГО ПОЭТА-ДОЛГОЖИТЕЛЯ:

«Мы указали на мосты,
На взрыв азотной кислоты,
На выключенный свет.
И мы спросили «Это ты?»,
А он ответил «нет».

С.В. Михалков, «Шпион», 1939 г.

Разумеется, аресты не могли проходить безболезненно для производств химоружия. В конце того же 1930 г. на заводе № 1 очень спешили с перегонкой партии иприта, которая должна была закончиться заливкой 40 т ОВ в артхимснаряды. Сначала после 15 дней работы разъело непривычный к иприту перегонный куб. Потом — после переброски партии неперегнанного иприта из Москвы в Чапаевск на завод № 2 (своего иприта там под рукой не оказалось) — выяснилось, что дела в Чапаевске просто встали из-за ареста заведующего производством Бушенина. Последующее решение вернуть ту злополучную партию иприта в Москву для заливки на складе № 136 (Очаково) тоже далось непросто — даже в безалаберные 30-е гг. приходилось исполнять хотя бы минимальные правила безопасности перевозок иприта. Кончилось дело печально: разливка перешла с декабря 1930 г. на январь 1931 г., сорвав какие-то планы военных[484].

Уровень вреда, нанесенного экономике ретивым внедрением «шарашек», понял даже лично т. Сталин-Джугашвили. И довольно скоро. Уже в июне 1931 г. он был вынужден заявить: «Мы всегда рассматривали и продолжаем рассматривать «нападки на специалистов» как вредное отвратительное явление». Однако это было заявление на публику. Продолжая тему химических «шарашек», укажем, что в ноябре 1932 г. на военно-химическом складе № 136 приступила к работе еще одна «шарашка» — так называемое «конструкторское бюро ОГПУ». Планы у конструкторов з/к, обитавших в Очакове в «шарашке» (организации п/я 1074), были обширные: конструирование распыляющей аппаратуры для применения фосгена и дифосгена из БХМ-800, химизация танкетки Т-37, конструирование химического трактора, конструирование аппарата по выливанию вязких ОВ с аэроплана и т.д.[173]. А в сентябре 1933 г. Я.М. Фишман был озабочен людским пополнением «шарашки» на ЦВХП в Шиханах[173].

Напомним, что в те годы существовало и так называемое Остехбюро, изначально занимавшееся разработками вооружения для военно-морского флота. В конце 20-х гг. его ориентировали на расширение тематики, в том числе и на военно-химическую. Во всяком случае Б.М. Шапошников как начальник Штаба РККА

в письме от 30 октября 1928 г. рекомендовал этому бюро новую для него тему «изыскание новых ОВ, против которых инертны существующие противогазы», а в дальнейшем военно-химическая проблематика закрепилась в Остехбюро надолго. Потом дошло и до использования труда специалистов-заключенных. Тогда полное наименование этого учреждения было таково — Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения (Ленинград, ул. Госпитальная, 3–8).

Справедливости ради отметим, что многие специалисты — создатели химоружия в предвоенные годы — истово работали на благо Родины, как они его тогда понимали. И, как видно из приводимого отрывка из архивного документа 1935 г., иногда даже поощрялись властью.

ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО ОБЩЕСТВУ:

«ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Инженер-химик завода № 51 НКТП тов. Горский Илья Миронович, работающий в области отравляющих веществ, около 6 лет назад в результате длительных научных исследований открыл принципиально новое сильно действующее отравляющее вещество, которое после всесторонних лабораторных и полевых испытаний в 1934 г. было принято на вооружение Красной Армии.

В текущем году тов. Горским предложено еще одно отравляющее вещество, обладающее еще более высокими боевыми свойствами, чем ранее предложенное.

За особо выдающиеся заслуги тов. Горского в деле укрепления химической обороноспособности Союза ССР ходатайствую о награждении его орденом Ленина.

Народный комиссар обороны Союза ССР К.Е. Ворошилов»[199].

Впрочем, старательность рядовых граждан в те годы мало кого во власти волновала. У нее были свои приоритеты. Неудивительно, что 3 апреля 1936 г. появился циркуляр ГУГБ НКВД о «вскрытых» антисоветских организациях в военно-химической промышленности и о необходимости очистки этой отрасли от враждебных элементов. После «очистки» многие работники отрасли перешли из положения условно свободных людей на положение обыкновенных рабов. Это было связано с тем, что в предвоенные годы **практика использования рабского труда** при решении задачи создания «химического щита Родины» резко расширилась и была отлита в соответствующие формы. Приведем в качестве примера одно из решений тех лет. 10 января 1939 г. нарком Л.П. Берия приказом по НКВД № 0021 организовал при себе («при народном комиссаре внутренних дел») Особое техническое бюро (ОТБ) «для использования заключенных, имеющих специальные технические знания». В утвержденном им положении об ОТБ указывалось 8 самых важных направлений «конструирования и внедрения в производство новых средств вооружения армии и флота», в том числе такое направление, как боевые ОВ[1029]. Впрочем, руководство этой системой вскоре было передано в руки В.А. Кравченко (1906–1956), хотя подчинялся он по-прежнему самому наркому (министру)[1029,1030].

Исполнение решения было стандартным. Чтобы соблюсти правило, что трудиться вредители должны «в помещениях органов ОГПУ», было применено есте-

ственное решение — если по соображениям безопасности «химик» не может работать в ОГПУ, то ОГПУ должно прийти к химику-вредителю. Именно в таком порядке в НИИ-42 (нынешнем ГСНИИОХТе) в предвоенные и послевоенные годы действовала специальная химическая «шарашка» НКВД[173], которая началась еще с «обустройства» проф. Е.И. Шпитальского и которая работала по общим планам работ по химоружию (они исходили от правительственного Комитета обороны). И там были сконцентрированы лучшие химические силы страны. Разумеется, проф. Е.И. Шпитальский не был единственным узником невидимого химического трудового фронта тех лет.

Сразу после начала Отечественной войны все многочисленные «шарашки» ОТБ, включая химические, числились как 4-е спецотделы при прикладных НИИ промышленности (п/я). А организационно руководил ими до смерти И.В. Сталина 4-й спецотдел НКВД (МВД) СССР[1029].

В порядке иллюстрации приведем несколько актуальных по тем временам научных проблем, которые разрабатывались в НИИ-42 в 1940 г.[173]. Велись эти работы, однако, не сотрудниками самого института, а бывшими сотрудниками, а на тот момент «ценными» з/к из ОТБ НКВД:

- получение нового СОВ резорбтивного действия, которое легко бы пробивало одежду, по тактико-техническим требованиям ХИМУ РККА,
- синтез трихлортриэтиламина [то есть азотистого иприта. — Л.Ф.]),
- выработка нового метода получения трихлортриэтиламина на базе более доступных и дешевых видов сырья по более упрощенной технической схеме,
- изыскание веществ, пробивающих противогазы.

Порядок работы «шарашки» строго регламентировался многочисленными документами. Одним из них был приказ наркома НКХП 1942 г. о порядке финансирования отделения НКВД СССР при ГСНИИ-42. Там должны были работать те ученые-химики, чье участие в создании химоружия было сочтено более целесообразным не на феодальной, а на рабской основе, — в качестве з/к. Институту было предписано выделить для НКВД помещения, оборудование, материалы, обслуживающий персонал и, конечно, исправно платить деньги на все про все. Распоряжался средствами сам начальник отделения НКВД[173].

О том, **как работалось производителям химоружия под охраной НКВД**, можно судить по данным упоминавшейся выше статистики бегства с завода химоружия № 102 в Чапаевске (Самарская обл.) в годы войны (в 1942 г. — 308 человек, в 1943 г. — 432, в 1944 г. — 195). Убегая «в никуда», без документов, люди обрекали себя на неприятности Большой Зоны, усиленные варварскими сложностями военного времени. Тем не менее у них было одно преимущество — они могли загреметь за колючку ГУЛАГа, однако у них еще оставались свои жизни. В Чапаевске утрата этого признака существования человека происходила с такой скоростью, что беглецы готовы были на все. Кстати, вряд ли кто-то сумеет найти фамилии тех 62 человек, кто в годы войны был удостоен ордена Ленина за доблестный труд на заводе химоружия в Чапаевске[719]. Помимо нескольких лиц из дирекции, остальные владельцы наград были из производственных цехов — ипритного, люизитного, химбоеприпасов, — и вряд ли они дожили хотя бы до конца 40-х гг.

В послевоенные годы «химические шарашки» практически исчерпали себя, поскольку сформировалось новое племя создателей химоружия — целиком из кухаркиных детей, вполне справлявшихся с делом при феодальной организации

труда и не имевших опасного для жизни происхождения. Однако использование труда заключенных не исчерпало себя в ныне очень даже респектабельном ГСНИИОХТе вплоть до самой «оттепели».

БУДНИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ШАРАШКИ:

«... в химической лаборатории 4-го спецотдела МВД СССР при ГСНИИ-402 МХП СССР...

... 4-й спецотдел МВД СССР еще раз подтверждает, что руководящая творческая работа по разработке нового метода получения фенола и ацетона принадлежит профессору Сергееву П.Г., инженеру Удрису Р.Ю. и Кружалову Б.Д.

Министры товарищи Первухин М.Г. и Круглов С.Н. обратились 27 сентября 1946 г. письмом за № 46121к с ходатайством в Правительство о досрочном освобождении от наказания авторов открытия и химической разработки нового способа производства фенола и ацетона Сергеева П.Г., Удриса Р.Ю., Кружалова Б.Д. и активных участников в этой работе Хаскина Б.С. и Марченкова К.И.

Решением Президиума Верховного Совета Союза ССР 26 октября 1946 г. указанные лица были досрочно освобождены от наказания со снятием судимости...

Зам. начальника 4-го спецотдела МВД СССР подполковник Емышев.»[173]

Что до использования в подполье ВХК менее квалифицированного труда, характерного для практики заводов химоружия, то нужда в нем осталась на долгие годы, вплоть до конца «застоя».

Из послевоенных времен укажем на совместный приказ НКВД СССР и НКХП СССР от 21 сентября 1945 г. о передаче контингента, содержавшегося в проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 283, в постоянные кадры химического комбината им. Сталина[1031]. Завод по производству химоружия в Сталиногорске (Новомосковске, Тульская обл.) как раз очень нуждался в кадрах для восстановления разрушенных в ходе войны цехов иприта и других ОВ.

Значительное использование труда заключенных было характерно и для одной из крупнейших послевоенных строек — возведения комбината химоружия в Чувашии в 60-х гг. — комсомольцев-добровольцев для комбината имени Ленинского комсомола там явно не хватало[1017].

16.3. ИХ ВЫРАСТИЛ СТАЛИН НА ВЕРНОСТЬ...

Как известно, черные дни перемежаются серыми.

Возвращаясь к послесталинским годам, отметим, что отношения властей и создателей химоружия со временем приобрели несколько иные формы. Рабские нравы «шарашек» были несколько смягчены, однако люди так и остались намертво привязанными к колеснице ВХК в рамках Большой Зоны с общей феодальной организацией труда. С одной стороны, это делалось с использованием системы тотальной секретности. С другой — для этого эффективно применялись грошовые льготы и сомнительные поощрения особо «заслуженным».

Одной из форм поощрения «заслуженных» создателей химоружия стали ордена, а также премии — Сталинские, Ленинские, государственные. За получение этих знаков внимания государства в подполье ВХК шла отчаянная борьба.

Среди прочих номенклатурных групп этими знаками были отмечены заслуги ряда лиц, которые были признаны создателями химоружия первого, второго и третьего поколений, в том числе химических боеприпасов для его использования. Не забывало себя и руководство ВХК.

Пожалуй, одним из первых обласканных был молодой доктор химических наук и будущий академик АН СССР М.И. Кабачник, которому Сталинская премия I степени была выдана еще в 1946 г. «за исследования в области элементоорганических соединений». Представление на премию своему любимому ученику академик А.Н. Несмеянов послал 27 февраля 1945 г.[202], сразу же после того, как в начале 1945 г. Советская Армия обнаружила в Дихернфуртена-Одере немецкий завод по производству табуна и зарина[428]. Тогда же были произведены анализы образцов в разных организациях, в том числе в институте А.Н. Несмеянова. На самом деле Сталинская премия была присуждена М.И. Кабачнику за создание новейшего и высокотоксичного ФОВ второго поколения — **зарина**. И это при том, что в действительности зарин **(XXIII)** был впервые открыт в Советском Союзе в Казани группой академика А.Е. Арбузова еще в 1943 г.[202].

Следующая зариново-поощрительная история относилась к более поздним временам, когда после 15-летних хлопот с оборудованием немецкого цеха по выпуску зарина «группа товарищей» сумела, наконец, организовать его промышленный выпуск. Во всяком случае одним из решений Президиума Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при СМ СССР было присуждение Ленинской премии за 1960 г. организаторам разработки метода получения и освоения промышленного выпуска зарина в Волгограде на заводе № 91 (официально — «за работу в области химической технологии»)[726,755]. Одновременно с зарином в решении указывался также его пинаколиловый аналог — зоман. Увенчанные высшей премией страны С.Л. Варшавский, Л.З. Соборовский, С.Н. Косолапов, А.Б. Брукер, Н.Н. Юхтин, С.Н. Потапов, В.Д. Беляев, Б.Я. Либман, В.В. Позднев и Б.П. Кучков представляли все «заинтересованные» организации ВХК Москвы и Сталинграда (Волгограда). Впрочем, не обошлось и без драм — в 1954 г. на Сталинскую премию за ту же работу (еще неоконченную — серийного производства зарина еще не получалось) выдвигались и иные лица. Да и вряд ли было справедливо отсутствие в списке лауреатов 1960 г. Р.И. Френкель, которая не только имела по линии зарина 4 авторских свидетельства, но и имела неосторожность включить в число соавторов своих начальников — Л.З. Соборовского и А.Б. Брукера.

Во времена «застоя», когда подготовка к наступательной химической войне приобрела тотальный характер, ВХК в своем подполье поставил добычу премий и наград, по существу, на поток.

Начать стоит, пожалуй, с постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 5 ноября 1970 г.[801] (к этому времени руководство страны перестало прятаться за Комитет по премиям, а стало подписывать наградные документы лично). Этим документом была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники за разработку комплекса химических боеприпасов и конвейерно-автоматизированных линий для их снаряжения высокотоксичными веществами. Получатели — З.С. Айнбиндер, М.К. Баранаев, З.И. Бродский, И.М. Габов, П.С. Демиденко, Ф.В. Козлов, В.Е. Колесников, Г.А. Талдыкин, В.Д. Третьяков,

В.Н. Фетисов, Б.И. Фомичев, Л.А. Ханин. Это была, по существу, последняя премия, когда были отмечены люди из старой «команды», — те, кто создавал химоружие еще первого поколения и сумел доказать свою нужность следующей властной вертикали. К сожалению, обласканные создатели всего этого имущества несколько припозднились — нужда в автоматизированной заливке ОВ в химические боеприпасы возникла еще в начале войны, когда создатели химоружия вынуждены были доливать недостающий иприт в боеприпасы прямо из чайников. И погибать.

Не пропустили своих наград создатели второго ФОВ — **зомана (XXIV)**. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1971 г. была увенчана наградами большая группа работников ПО «Химпром» (Волгоград), ГСНИИОХТ (Москва) и его филиала в Вольске-17 (Саратовская обл.). Все они отличились при создании технологии, испытании и организации промышленного производства зомана. А потом настала очередь «лучших из лучших», которые постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 19 апреля 1972 г. были удостоены Ленинской премии в области науки и техники 1972 г. за разработку промышленного метода получения и освоение технологии производства зомана на ПО «Химпром» (Волгоград)[800]. Ими оказались главный инженер «Химпрома» и будущий заместитель министра МХП СССР С.В. Голубков, бывший директор «Химпрома» и начальник технического управления МХП СССР В.М. Зимин, директор ГСНИИОХТа И.В. Мартынов, а также трое лиц, имевших к зоману более близкое отношение, — И.М. Мильготин, А.П. Томилов и В.Н. Топников.

Очередь советского **V-газа (XXV)** пришла через долгие 14 лет.

Первая попытка овладения премией за V-газ состоялась еще осенью 1960 г., когда не забылась радость от раздачи наград за зарин. 15 ноября 1960 г. в ГСНИИ-403 (нынешнем ГСНИИОХТе) состоялось заседание узкого состава (только свои, никого лишнего) ученого совета на тему: «Изыскание новых ОВ с высокой ингаляционной и кожно-резорбтивной токсичностью, представленной на соискание Ленинской премии». Участники заседания настойчиво указывали друг другу, что вновь созданный «группой товарищей» советский V-газ является мощнейшим химоружием. Как выяснилось в процессе заседания, V-газ превосходит зоман по внутривенной токсичности в 2 раза, по ингаляционной — в 20 раз, при действии через обнаженную кожу паров и тумана — в 150 раз, при действии в капельно-жидком состоянии через обнаженную кожу — в 350 раз. Поэтому было решено испросить премию за создание нового, еще более серьезного, чем зарин и зоман, химического щита Родины. В утвержденный коллектив получателей Ленинской премии были включены Б.М. Гладштейн, Ю.М. Зиновьев, И.В. Мартынов, К.А. Петров (руководитель), Н.П. Родионова и Л.З. Соборовский (руководитель)[716].

В тот раз премию за V-газ не дали. Злые языки утверждали, что первичная, самая важная информация о новом химоружии была добыта не в своих, а в чужих лабораториях, где она не очень хорошо лежала (речь идет об S-диэтиламиноэтил-O-этилметилфосфонате — веществе VM по классификации V-газов[8]). И лишь через 14 лет, 11 марта 1974 г., состоялось постановление ЦК КПСС и СМ СССР о присуждении Ленинской премии 1974 г. в области науки и техники[717] за создание метода и освоение промышленного производства советского V-газа. Были удостоены 7 человек, причем совсем не тех, кто претендовал на нее в первый раз[716] (за эти годы в ВХК случились некоторые кадровые перемены). Помимо заместителя директора института ГСНИИОХТ К.А. Гуськова, генерала Е.М. Журавского, «простого» химика Ю.В. Привезенцева, главного инженера ЧПО «Химпром» в

Новочебоксарске В.М. Романова и главного инженера ВО «Союзоргсинтез» МХП СССР В.Ф. Ростунова, премию получили также еще два совсем неблизких ей лица — заместитель начальника химических войск генерал А.В. Фокин (которому, впрочем, тоже была выделена «академическая ставка» — в том же 1974 г. он стал действительным членом АН СССР) и академик АН СССР М.И. Кабачник. Последний стал секретным лауреатом за создание двух видов химоружия — Сталинской премии за зарин в 1946 г. и Ленинской премии за V-газ в 1974 г., в обоих случаях, скорее всего, не за свои заслуги. И до дня кончины, случившейся 15 апреля 1997 г., этот дважды лауреат прожил еще много лет, очевидно, довольный хорошо сложившейся советской карьерой.

Кстати, в данном случае нельзя не упомянуть о том, что само объявление о премиях было омрачено пожаром на отличившемся заводе[38,40,49]. Он случился всего через полтора месяца после их присуждения, 28 апреля 1974 г. на складе «Химпрома» в Новочебоксарске, где авиабомбы с советским V-газом должны были лежать «абсолютно безопасно».

Менее близкие к власти участники работы были отмечены ею 8 августа 1977 г. опосредованным образом, когда указом Президиума Верховного Совета СССР (Л.И. Брежнев) ЧПО «Химпром» имени Ленинского комсомола (Чувашия) было награждено орденом Октябрьской Революции за успехи в организации производства новейшего химоружия — советского V-газа.

Кстати, в том же году, а именно 3 февраля 1977 г., та ветвь ВХК, которая готовила страну к химической войне против растительности «вероятного противника», добыла для себя указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы работников, отличившихся в этом малопочтенном деле. В истории, впрочем, он вряд ли останется — для широкой публики тех лет более памятен пожар гостиницы «Россия», случившийся 27 февраля 1977 г.

На рубеже 70–80-х гг. устроили себе серию премий представители ВХК, которые в рамках подготовки к тотальной химической войне занимались созданием новейшего химоружия **по проблеме «Фолиант»**.

5 июня 1978 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР о присуждении Государственной премии 1978 г. в области науки и техники[738] за работу по созданию химоружия по проблеме «Фолиант» — А.М. Грибову, А.Е. Гусакову, И.Б. Евстафьеву, А.С. Иванову, Г.П. Кучеренко, Н.И. Менжуну, В.А. Романчуку, Н.М. Скрибунову, Н.С. Хазаху, Л.С. Шевницыну, Н.Н. Яровенко. Речь идет об инкапаситантах — ОВ, способных выводить «противника» из строя на время, будто бы без серьезных последствий для его здоровья. Разработчик оружия — ГСНИИОХТ (Москва), где была специальная лаборатория по созданию психотропных веществ во главе с Н.Н. Яровенко. Завод, отличившийся в «создании новой техники», очевиден — ЧПО «Химпром» в Новочебоксарске (директор Л.С. Шевницын), где был построен цех № 73 по выпуску «продукта 65» и других несмертельных ОВ. Испытатель и заказчик «техники» тоже ясен — генерал и будущий заместитель начальника химических войск И.Б. Евстафьев. Примерна ясна и роль А.Е. Гусакова — в ту пору одного из руководителей военно-химического института в Шиханах (Саратовская обл.) и будущего директора Московского НИИ «Медстатистика» Третьего главного управления при Минздраве СССР. Организатором премии был, скорее всего, А.С. Иванов — многолетний труженик оборонного отдела ЦК КПСС, работавший по созданию химоружия, и яркий борец последних лет XX века… за химическое разоружение.

А еще через несколько лет, 20 октября 1981 г., постановлением ЦК КПСС и СМ СССР выписала себе секретную Государственную премию СССР в области

науки и техники группа работников ВХК, тоже отличившихся при создании химоружия в рамках проблемы «Фолиант»[806]. Авторский коллектив включал Н.П. Артамонова, Г.Ф. Григоренко, В.И. Добина, К.А. Захарова, А.Ф. Ивлева, Н.Н. Ковалева, В.С. Мочульского, В.К. Пикалова, О.И. Стужука, В.М. Ушакова, В.П. Целыковского, А.Г. Шкуро. Заводы вновь ясны — «Химпромы» Чувашии (заместитель директора А.Г. Шкуро) и Волгограда (О.И. Стужук служил в Волгограде по линии химоружия). Испытатель и заказчик очевиден — начальник химических войск генерал В.К. Пикалов. С организатором общей работы трудностей тоже нет — это многолетний заместитель начальника отдела химии Госплана СССР по «спецхимии» Н.Н. Ковалев (в последние годы XX века ему, впрочем, особенно хорошо даются совместные труды по... химическому разоружению, например, в союзе с пламенными борцами за нераспространение химоружия в мировом масштабе из г. Монтерей, Калифорния, США). Можно даже догадаться, о чем идет речь, — скорее всего, о налаженном на заводе в Чувашии потоке снаряжения V-газа и зомана в головные части ракет и иные химбоеприпасы, в основном кассетного типа. Зоман поступал из Волгограда.

ИЗ ГАЗЕТЫ:

«Помнится, в 1981 г. генерального директора ЧПО «Химпром» Леонида Шевницына удостоили звания Героя Социалистического Труда. Поздравлять его на собрание в заводоуправление приехали три первых лица Чувашии. Многотиражка поспешила осветить событие по горячим следам. Редактору дали втык. Теперь можно догадаться — почему.»

«МК», Чебоксары, 27 мая 1993 г.

НАГРАДЫ РОДИНЫ РАБОТНИКАМ ЧПО «ХИМПРОМ» ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ СПЕЦЗАДАНИЯ (ПРОГРАММА «ФОЛИАНТ», 1981 Г.):

Батенков В.А. — орден «Знак почета»,
Боровков Ю.Н. — орден Дружбы народов,
Бурментьев Ю.Н. — звание Героя Социалистического Труда,
Волков Л.В. — орден Трудового Красного знамени,
Звонарев Г.С. — орден Трудового Красного знамени,
Козлов В.М. — орден Трудового Красного знамени,
Козорез В.С. — орден Трудового Красного знамени,
Кунгурцев Г.И. — орден «Знак почета»,
Михайлов В.М. — орден «Знак почета»,
Москвин В.И. — орден Октябрьской Революции,
Полушкин С.А. — орден Дружбы народов,
Романов В.М. — орден Ленина,
Шевницын Л.С. — звание Героя Социалистического Труда и т.д.

Во избежание недоразумений при анализе приведенных списков полезно отметить должность одного из отличившихся при выполнении программы «Фолиант»: Г.И. Кунгурцев — главный санитарный врач медсанчасти № 29 (ЧПО «Химпром»). Такие вот «врачи» выросли под солнцем сталинской Конституции. Не будет лишним указать и на то, что ряды обладателей звезды Героя труда образца 1981 г. не исчерпывались двумя работниками «Химпрома» — показательным

рабочим Ю.Н. Бурментьевым и директором Л.С.Шевницыным. В том же 1981 г. аналогичной награды и за аналогичные «заслуги» удостоился также химический генерал А.Д. Кунцевич, разумеется, секретно — на всю страну было рассказано лишь о том, что в декабре 1981 г. Л.И. Брежнев был удостоен высшей награды Афганистана — ордена «Солнце Свободы».

Третий коллектив ВХК из «фолиантовой серии» выписал себе Государственную премию СССР за 1982 г. в виде постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 25 августа 1982 г.[807]. Группа товарищей, которые отличились при создании «специальной техники», включала Б.А. Богданова, Н.И. Варнаева, Е.И. Воробьева, В.П. Ленге, А.А. Златорунского, А.М. Миронова, В.В. Мишина, Ю.И. Мусийчука, Г.Д. Розина, В.В. Позднева, В.К. Пелищука и Г.А. Патрушева. Место действия в данном случае понятно — это ВПО «Химпром» (Волгоград). Тема — тоже прозрачна, это на стыке ОВ и объекта их применения. Во всяком случае известно, что Б.А. Богданов и Е.И. Воробьев (Москва), а также Ю.И. Мусийчук и В.К. Пелищук (С.-Петербург) — это представители самой гуманной профессии, Г.А. Патрушев был в 1980–1984 гг. директором ГСНИИОХТа, а В.В. Позднев — директором Волгоградского «Химпрома».

Последний акт эпохи самонаграждений состоялся в апреле 1991 г. Он был, кстати, последним и для ВХК, и для Советского Союза, когда КПСС уже утратила статус правящей партии и когда документы о премиях подписывал лишь премьер-министр. На этот раз ВХК выписал себе сразу четыре новых премии — две Ленинские и две государственные — за создание двух видов химоружия.

4 апреля 1991 г. вышло постановление Кабинета Министров СССР за подписью В. Павлова о присуждении двух премий за создание **бинарного химоружия смертельного типа на основе советского V-газа** — Ленинской и Государственной[764]. Ленинской премии были удостоены неизвестные обществу А.В. Гаев, А.В. Кислецов, а также заместитель начальника химических войск генерал А.Д. Кунцевич и директор ГСНИИОХТа В.А. Петрунин. Государственная премия была присуждена более широкому кругу лиц — Р.К. Бальченко, В.В. Бочарову, генералу химических войск И.Б. Евстафьеву, уже упоминавшемуся деятелю спецхимии из Госплана СССР (а ныне известному борцу за химическое разоружение, разумеется, совместно с США) Н.Н. Ковалеву, Г.С. Леонову, В.А. Путилову, В.И. Ханенко и А.А. Шапетько.

А через четыре дня, 8 апреля 1991 г., новым постановлением Кабинета Министров СССР (В. Павлов) были присуждены еще две премии в области науки и техники за создание **химоружия нового типа (несмертельного)**[739]. Ленинскую премию получили заместитель председателя ВПК при СМ СССР С.А. Аржаков (он, скорее всего, и сколотил весь боевой коллектив), начальник химических войск генерал С.В. Петров и директор «научного» института Е.С. Северин. Менее высокая — Государственная — премия была присуждена более широкой группе товарищей — В.П. Демушкину, А.Г. Ишкову (в дальнейшем активному борцу за благополучие родной природы), М.Ф. Киселеву (заместителю начальника тогдашнего Третьего главного управления при Минздраве СССР), А.Е. Панову, Е.В. Пименову (с 1991 г. этот генерал служил директором военно-биологического института в Кирове), Н.В. Породенко, В.Р. Рембовскому, а также всем известному медицинскому академику Е.И. Чазову. В отношении типа химоружия догадаться несложно. Участие в этой группе товарищей Е.И.Чазова — свидетельство того, что тип химических веществ, которые оказались оружием, связан с анестезиологией, и что оно прошло проверку в хирургической практике при «выключении» (усыплении) пациентов. Боевая проверка при «выключении» вероятного

противника с помощью нового химоружия состоялась, скорее всего, под руководством генерала С.В. Петрова на переднем крае «холодной войны» — в Группе советских войск в Германии, где он служил до того, как переселиться в Москву на самую высокую военно-химическую должность.

Из песни слова не выкинешь, так что нам приходится вспоминать об этой последней премии в связи с печальными событиями конца октября 2002 г. в Москве, когда при штурме захваченного террористами здания использовалось не известное нашему обществу и секретное для всего мира «несмертельное» ОВ[710]. Тогда от ОВ заснули да так и не проснулись 130 человек, и вряд ли наша государственная бюрократия захочет поведать обществу, что за «несмертельное» химоружие стало причиной этих ничем не оправданных смертей.

В заключение подчеркнем, что последней серией награждений ВХК явно продемонстрировал свою готовность к осуществлению тотальной химической войны. Скорее всего, так оно и было, и наш ВХК мог смело глядеть в будущее.

Впрочем, надежды их рассыпались в пыль в течение полугода. Осенью 1991 г. в соответствии с одним из законов Паркинсона рухнуло все: и их страна Советский Союз, и их шеф ЦК КПСС.

Остался лишь ВХК. Он теперь управляет… химическим разоружением. В связи с тем, что процесс этот небыстрый, а социальные и экологические последствия безудержного химического вооружения залечивать никто не собирается, полезно не забывать о тех лицах, что составляли верхушку индустриальной части ВХК. Именно для них стала постепенно сужаться жизненная перспектива — в условиях химического разоружения число рабочих мест стало сокращаться. Итак, назовем некоторых из тех, кто обитал на вершине и на более низких властных уровнях советской индустрии химического нападения, начиная с времен Отечественной войны: Абрамов А.И., Агафеев Н.И., Агафонов В.М., Айнбиндер З.С., Амром Л.А., Андреенков М.В., Антонов В.Н., Антошин В.И., Аржаков С.А., Байбаков Н.К., Баранов Ю.И., Барботин И.Р., Барский Б.М., Беляев В.Д., Беляев П.С., Бибишев В.П., Богатков С.М., Богач Е.В., Болотин О.Г., Бродский З.И., Брудзь В.Г., Брукер А.Б., Буланкин Р.П., Варакин Н.Я., Варшавский С.Л., Васильев И.И., Вершинин П.В., Виноградов А.А., Виханский Н.Н., Ворожеин Л.Н., Габов И.М., Гаврилов Г.И., Гангрский П.А., Гладштейн Б.М., Голубков С.В., Гольдберг Н.А., Гонобоблев М.К., Горегляд А.А., Гром В.А., Грызлов И.Г., Грязнов А.А., Грязнов М.С., Гусенков П.В., Гуськов К.А., Денисов М.Ф., Ермаков В.В., Жаков В.А., Железняков Н.С., Жичкин А.К., Зайков В.С., Захаров К.А., Звездкин А.С., Зверев Б.П., Зимин В.М., Зиновьев Ю.М., Зорин Н.А., Иванов А.М., Каганович Ю.А., Казарцев Н.А., Камарьян Г.В., Каратаев И.И., Касаткин А.Г., Кириллов А.К., Кистерский Л.А., Климахин А.М., Клюев Б.Л., Ковалев Н.Н., Козлов Ф.Р., Колесников Я.П., Кондратьев Ю.А., Коробков Е.И., Коротков Б.А., Корсаков-Богатков С.М., Косолапов С.Н., Костандов Л.А., Кочергин А.И., Крычков М.В., Кудряшов Д.Г., Кулев Э.А., Куликов М.Т., Кутепов Д.Ф., Кутянин Л.И., Кучков Б.П., Лебедев В.Д., Левиссон Д.Ф., Леонов Г.С., Либман Б.Я., Листов В.В., Лозбень И.Н., Лоскутов Л.Г., Мараев А.П., Матвеев И.Г., Матвеев Г.А., Мартынов И.В., Мачулкин М.Н., Мельник Б.Д., Мельников Н.Н., Микоян А.И., Милованов А.П., Милютин М.М., Митрофанов В.А., Михайловский Л.П., Морозов Л.А., Набережных М.Е., Назаров М.П., Небосклонов Б.Л., Нехорошев Г.Ф., Ниженец П.М., Никаноров А.Н., Новиков Д.П., Носков Н.С., Опарин Н.А., Осипенко Л.И., Офицеров В.В., Парыгин В.И., Патрушев К.А., Пеньков Н.И., Первухин М.Г., Петров А.М., Петров К.А., Петрунин В.А., Плевако Б.Д., Позднев В.В., Поликарпов Б.М., Поляков З.Н., Полянский Н.А., Поро-

хов Е.А., Преображенский П.С., Пуликов В.С., Романов В.М., Ростунов В.Ф., Рукавишников А.И., Рябенков А.Я., Рябиков В.М., Савичев И.П., Сарычев К.М., Симонов В.Д., Ситанов В.С., Слепухин В.И., Смирнов П.В., Смольников А.И., Соборовский Л.З., Стародубцев Э.С., Степанов П.К., Стужук О.И., Титов К.П., Тихомиров С.М., Триханов М.Д., Трофимов Н.Н., Уваров Г.В., Удовенко В.А., Устькачинцев А.Н., Уфлянд А.И., Файнштейн С.Я., Федоров В.С., Флейшман В.Г., Фомичев Б.И., Хайлов Б.С., Хамзин Ф.С., Ходос М.А., Холодков А.Т., Хрулев М.В., Хруничев М.В., Чиркин М.Ф., Чопоров Я.П., Шапиро Л.Е., Шевницын Л.С., Шкуро А.Г., Шприц Л.М., Шубников А.П., Шушкин А.Н., Щербак С.К., Эрлих С.И., Юдин С.М., Юрин П.В., Юхтин Н.Н., Якименко Л.М., Якубович А.Я., Яровенко Н.Н.

И очень многие другие.

16.4. ШИРОКАЯ СОВЕТСКАЯ «ОБЩЕСТВЕННОСТЬ»

Как известно, после бурных и тяжелых лет, связанных с революцией 1917 г. и последовавшей Гражданской войной, первые ростки общественной жизни вернулись в Советский Союз не сразу. Во всяком случае Всероссийское общество охраны природы, а также кружок юных биологов Московского зоопарка считают 1924 г. датой своего рождения.

Ясно, что и такое большое и очень секретное спецдело, как химическое вооружение страны, тоже потребовало серьезного общественного прикрытия. И на просторах Большой Зоны благонамеренная часть советской интеллигенции сделала немало, чтобы помочь Красной Армии заполучить химоружие.

Поначалу она даже должна была помогать тому, чтобы население страны собирало деньги на химическое вооружение своей армии.

ИЗ РЕШЕНИЯ РВС СССР ОТ 10 МАРТА 1924 Г.

*«**О Доброхиме** (В.Н. Ипатьев, С.С. Каменев):*

25. Признать необходимым организацию общества оказания содействия развитию в стране химической обороны, как путем создания химических кружков, так и путем сборов среди широких слоев населения. Внести вопрос в Правительство.

26. Поручить т. Бубнову озаботиться о напечатании в прессе нескольких статей, проводящих идею необходимости создания общества Доброхим...

Зам. председателя РВС Союза Э.М. Склянский»[372].

Товарищ А.С. Бубнов (член РВС СССР, начальник политуправления РККА) «озаботился» — провел рекламную кампанию в «свободной» прессе. А правительство, в свою очередь, «согласилось» с предложением армии. И 13 мая на заседании высшего военного совета страны — РВС СССР — под председательством военного министра страны Л.Д. Троцкого был утвержден Совет «общественной организации» «Доброхим» «с привлечением отдельных выдающихся работников по химии...». Само эпохальное событие состоялось 19 мая 1924 г. В тот день РВС СССР под председательством всесильного Л.Д. Троцкого утвердил «Основные по-

ложения «Доброхима» в виде первого чернового проекта, подлежащего дальнейшей обработке» — больше писать, похоже, было некому[372].

Так было положено начало работы «общественной» организации, которая должна была, по мысли создателей, помочь стране подготовиться к химической войне. А вечером в тот же день, 19 мая, в престижном зале Большого театра в Москве «общественность» осуществила предписанное — образовала «Общество друзей химической обороны и промышленности («Доброхим»)». Фундамент заложил академик В.Н. Ипатьев, сделав доклад на тему «Развитие химической промышленности как базы для химической обороны страны». А нарком Л.Д. Троцкий — большой энтузиаст химоружия и химической войны — в своей речи провозгласил зажигательный лозунг: «Мы хотим создать газовую ограду, в которой будет строиться новое общество»[372].

С самого начала «друзей» у военной химии оказалось чрезвычайно много, и это неудивительно, если учесть появление на свет сразу же после майского собрания инструктивного письма, в котором секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев (1895–1971) директивно повелел: «ЦК предлагает всем партийным организациям всячески содействовать организации на местах соответствующих отделений «Доброхима»[372].

ИЗ МЫСЛЕЙ Л.Д. ТРОЦКОГО:

«... мы должны считаться с тем, что весь буржуазный мир и для империалистических войн, и для войн гражданских... сейчас умножает свою военную силу не только на силу динамита, но и на силу яда...

...Мы, военное ведомство, начинаем в ближайшие дни большую кампанию по этому вопросу. 19-го мая в Большом театре будет у нас первое собрание для пропаганды задач военной химии в связи с химической промышленностью...

Мы можем сказать с полной уверенностью господам американским миллиардерам: мы постараемся подделать ваши газы...»

Л.Д. Троцкий, май 1924 г., Московский губернский съезд химиков[372].

Вопрос о власти в те годы решался просто. Руководство в президиуме совета новой «общественной» организации «Доброхим» счел необходимым взять на себя лично военный нарком и председатель РВС СССР Л.Д. Троцкий. Его заместителями стали В.Н. Ипатьев (первый руководитель военно-химического дела СССР, настоящий академик-химик) и М.В. Фрунзе — в ту пору заместитель Л.Д. Троцкого по армии и по РВС СССР. Членами президиума стали такие известные «общественники», как П.А. Богданов (председатель ВСНХ РСФСР), И.С. Уншлихт (до 1923 г. — заместитель председателя ВЧК-ГПУ, а с 1924 г. — заместитель председателя РВС СССР)... Что касается тех, кто не успел войти в первую когорту «общественников», то среди них развернулось соревнование за то, чтобы не опоздать.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ:

«Прошу передать тов. Троцкому мою просьбу известить меня о дне заседания совета «Доброхима», ибо я желал бы принять более близкое участие в работе этого общества».

20 июня 1924 г., наркомздрав Семашко[372].

Впрочем, недолго музыка играла. В 1925 г. в высших сферах было решено провести реорганизацию, после чего две «общественные» организации — «Доброхим» и «Добролет» — стали одной, то есть союзом обществ «Авиахим». Так было удобнее. А еще через несколько лет к ним присоединили «Общество содействия обороне» (ОСО). С тех пор долгие десятилетия новая «общественная» организация под именами ОСОавиахим и ДОСААФ, как умела, обслуживала нужды армии. Общественной она не стала до самого крушения советской власти. Что до смысла реорганизации 1925 г. (химия + авиация = «Авиахим»), то затеяна она была исключительно для того, чтобы в новое руководство не вошел только что снятый с поста председателя РВС СССР Л.Д. Троцкий. Его тогда уже готовили на вылет из властной колоды.

Сервильность в характере «Авиахима» проявилась в первые же годы и не исчезала больше никогда. Начальники разного уровня, возглавлявшие его под видом общественности, занимались прямым обслуживанием интересов армии, а также… подковерной борьбой друг с другом. Одним из первых примеров такого рода был упоминавшийся выше сбор в 1927 г. со всего советского народа крупной суммы денег, срочно потребовавшихся для строительства и передачи армии здания военно-химического института (ИХО им. ОСОавиахима).

Подчеркнем в связи с этим, что на нужды подготовки к химической войне было построено в те годы не одно, а два здания. Второе — для Химического института им. В.Я. Карпова, где под руководством его директора А.Н. Баха разрабатывались технологии производства всех видов ОВ, которые заказывала армия. За заслуги в этом деле в 1929 г. А.Н. Бах был наделен званием полного академика АН СССР. В свою очередь, «молодой» академик исполнил свой «гражданский» долг, провозгласив 8 июля 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), что победу в будущей войне будут определять «не металл, а химическая продукция, не штыки и снаряды, а отравляющие газы»[41].

Попутно следует отметить, что больше такие демарши благонамеренной интеллигенции уже не поручали. Во всяком случае в марте 1939 г. с трибуны последнего предвоенного партсъезда — XVIII съезда ВКП(б) — «предостерегал» международное сообщество уже не академик, а герой. Это был герой Гражданской войны и народный комиссар обороны маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов. Именно ему было поручено сообщить, что Красная Армия готова «ответить на удар врага химсредствами тем же химическим ударом». Сообщил он и о том, что за 5 лет химические войска «численно выросли вдвое».

Упомянем, далее, о послевоенном событии, которое относилось к иным временам (временам борьбы за мир) и в котором химический генерал и член АН СССР были соединены в одном лице. Речь идет об А.Д. Кунцевиче, получившем звание член-корреспондента АН СССР в 1981 г. — в эпоху, когда ВХК уже не доверял свои дела чуждым академикам, которых нужно было приручать, а стал раздавать академические звания только своим — от младых ногтей — химическим генералам. В том самом 1981 г. А.Д. Кунцевич был удостоен звания Героя Социалистического Труда, хотя установить содержание этого самого труда не так-то просто. То было время активных взаимных обвинений. СССР подвергался критике Запада за испытания химоружия в Афганистане. В свою очередь, США стали мишенью советской пропаганды за налаживание производства бинарного химоружия. Числились за Западом и другие прегрешения, В общем, в рамках той пропагандистской дуэли советский ВХК использовал А.Д. Кунцевича в процессе трехходовой комбинации[896,1032,1033].

Сначала секретариат ЦК КПСС (генеральный секретарь — Л.И. Брежнев) постановлением от 12 февраля 1982 г. решил организовать серию мероприятий против развертывания выпуска в США новых видов химоружия бинарного типа[919]. Одно из них состоялось 11 марта, когда группа советских руководящих товарищей устроила пресс-конференцию с выдвижением «химических» обвинений против США, причем, на удивление, они особенно удались заместителю начальника химических войск СССР генералу А.Д. Кунцевичу. Это понравилось где надо, и решением секретариата ЦК КПСС от 22 марта 1982 г. А.Д. Кунцевичу поручили выступить в образе члена АН СССР «на страницах одного из массовых западноевропейских журналов»[896], разумеется, с целью «объективного информирования общественности Запада» по проблемам миролюбия СССР в области химоружия и с рассказом «о масштабах и опасности для человечества развертываемой Соединенными Штатами подготовки к химической войне». В начале мая 1982 г. появилось еще одно постановление, которым секретариат ЦК КПСС утвердил «инициативу «советских ученых» насчет выступления «против американских планов производства новых видов химического оружия»[1033]. Исполнено было по высшему классу. 8 мая советские ученые солгали так, как было велено («СССР никогда и нигде не применял химического оружия и не передавал его другим странам»). А решение КПСС об «объективном информировании… Запада» эффектно исполнил известный западногерманский журнал («Spigel», 12 April 1982), долгие годы не без успеха исполнявший некоторые деликатные поручения КГБ (говорят, со временем в редакции разобрались с тем, кто в «независимом» журнале столь истово реализовывал задания чуждой партии, к тому же несвоей страны). Что до лжи «прикладного» члена академии, то была она высшей пробы («Советскому Союзу нет необходимости обязательно отвечать на эскалацию химического оружия эскалацией в той же области», то есть с использованием химоружия бинарного типа). И не единственной. Чтобы расставить все по местам, напомним о другом событии того же периода — постановлении ЦК КПСС и СМ СССР 1981 г. об утверждении лауреатов Государственной премии СССР как раз за создание и внедрение в производство новейшего вида химоружия[806].

ИЗ ОТКРОВЕНИЙ ГЕНЕРАЛА А.Д. КУНЦЕВИЧА:

*«Какие виды оружия были созданы с моим участием, это история узнает. При этом **вряд ли узнает все**. Не думаю, что в ближайшие годы мы и американцы в полном объеме раскроем друг перед другом все направления работ, которыми занимались.»* [27]

Искусственную «общественность» мобилизовывали многократно и позже. В частности, в 1985 г. на Западе состоялась приватная встреча 30 специалистов из многих стран, посвященная формированию взглядов на будущее химическое разоружение. Озабоченную советскую общественность представлял химический генерал А.В. Фокин, выступивший в образе важного ученого из Академии наук СССР[752]. Даже в 1989 г., в несколько более свободную эпоху, решением ЦК КПСС двум организациям — Советскому комитету защиты мира и Академии наук СССР — было велено поддержать заключение Конвенции о запрещении химоружия и провести в связи с этим нужные партии и правительству мероприятия. Одним — провести международную конференцию антивоенных движений, другим — создать комитет ученых-химиков, выступающих за химическое разоружение[902]. Что и было исполнено с должным тщанием.

В конце XX века в СССР/России пришло, однако, время возникновения элементов реальной общественной жизни. В частности, антихимическое движение родилось в 1989 г. — в дни ныне широко известного Чапаевского протеста[812]. И было оно на самом деле общественным, поскольку не зависело от воли бюрократии — армии, партии и правительства, а также прикормленной ими «общественности». Что до «академика» (химического генерала) А.Д. Кунцевича, то он не выдержал испытания при контактах с реальным общественным движением: и в тот раз, и всякий иной раз он оказывался с другой стороны баррикады — там, где обитают химические и иные генералы. Не с обществом, а с властью.

Разумеется, и в XXI веке власть (политический класс России) имеет и собственную «общественность» — кто-то должен исполнять ее задания.

* * *

Такова картина событий, связанная с созданием в нашей стране и многолетним функционированием одного из наименее известных обществу политико-хозяйственных архипелагов — военно-химического. Как ни прискорбно это признавать, но и на этом архипелаге не обошлось без обычных советских бед — без эгоизма и недомыслия «защитников Отечества». С немалыми последствиями для экологии страны. Как и можно было ожидать, уход ВХК со сцены нашей жизни проходит тяжело. Не хочет он уходить в небытие. Цепляется за любую соломинку. И будет цепляться за свои кресла, привилегии, тайны и остальную бутафорию еще много-много лет.

Так что обществу нашему придется набраться терпения. Чтобы хотя бы к столетию начала первой регулярной химической войны избавиться от своих «борцов за народное счастье» военно-химического пошиба.

Федоров Л.А.
Химическое вооружение — война с собственным народом
(трагический российский опыт)
В трёх томах
Том II
Военно-химический архипелаг

Книга печатается в авторской редакции
Технический редактор: Жерноклетова Н.В.
Художник обложки: Щепоткин Д.В.
Верстка: Щепоткин Д.В

Подписано в печать 20.03.2009.
Формат издания 70x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,6. Тираж 1000. Заказ
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Реклайн»,
424007, г. Йошкар-Ола, ул. Машиностроителей, 117,
e-mail: rekline@mail.nnov.ru